К. В. ОЗОЛСЪ

МЕМУАРЫ ПОСЛАННИКА

ДОМЪ КНИГИ • ПАРИЖЪ

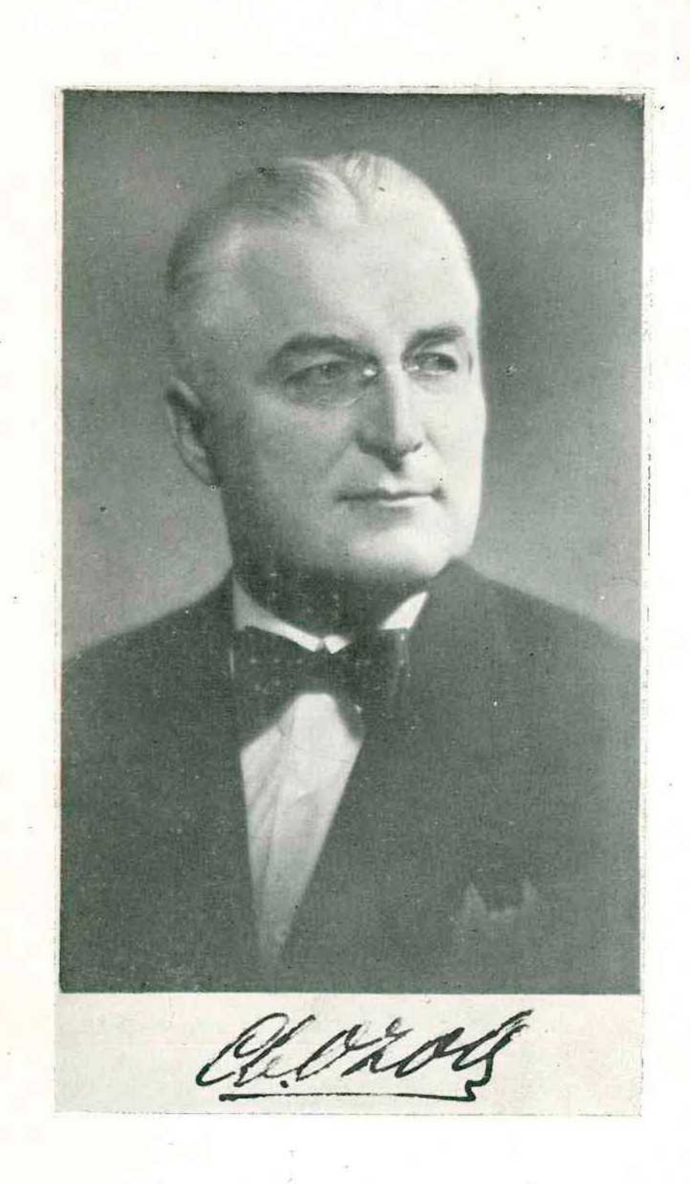
...Такъ могъ писать и критиковать только Тургеневъ, котор. больше всего любилъ родину и стремился къ всемiрнымъ идеаламъ человѣчества.

Охотно предоставляю авторскiй экземпляръ моихъ мемуаровъ „Тургеневской библiотекѣ", и буду весьма удовлетворенъ, если читатели библiотеки именно въ этомъ смыслѣ поймутъ мою скромную работу на мирное сожительство народовъ.

Парижъ,
17/X 1939

Т. Озолсъ

Мемуары Посланника

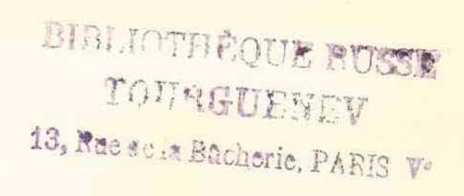


К. В. ОЗОЛСЪ

МЕМУАРЫ ПОСЛАННИКА

ДОМЪ КНИГИ — ПАРИЖЪ

Во имя мира
и международной справедливости



Міровая война окончилась сильнѣйшими протестами лучшихъ людей противъ тайной дипломатіи: въ ней справедливо видятъ источникъ международныхъ осложненій.

Прошло двадцать лѣтъ, и мы снова находимся въ томъ же положеніи, что и передъ войной: тайная дипломатія нашихъ дней губитъ здоровое, открытое сотрудничество народовъ и государствъ.

Идея мира давно занимаетъ человѣчество. Съ каждымъ днемъ я яснѣй и яснѣй вижу ея торжество. Это — моя вѣра.

Руководимый побужденіями способствовать миру, я рѣшилъ подѣлиться своими воспоминаніями и работой в теченіи двадцати лѣтъ на международномъ поприщѣ, сперва въ качествѣ обыкновеннаго гражданина, потомъ — чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра молодой Латвійской республики въ СССР.

Къ опубликованію моихъ мемуаровъ меня толкнула сама Совѣтская Россія, какъ это будетъ дальше видно.

Не закрывать, а открывать, крѣпкими растворами вымывать надо международныя язвы на здоровыхъ народныхъ организмахъ, и тогда онѣ скорѣе заживутъ. Надо также искать болѣе прочныхъ основъ сожительства народовъ.

Въ этомъ смыслѣ и цѣль моихъ мемуаровъ.

К. В. ОЗОЛСЪ.

I

НАЧАЛО ВОЙНЫ 1915 г.

ПЕТРОГРАДЪ И ПУТИЛОВСКІЙ ЗАВОДЪ

Въ 1914 г. Петербургъ сталъ Петроградомъ. Бываютъ знаменательныя мелочи. Казалось бы, что такое переименованіе города? — Перемѣна вывѣски на станціи. Но эта перемѣна въ имени города Петра уже тогда знаменовала переломъ исторіи. Со своимъ устойчивымъ прошлымъ Россія разставалась и вступила на новый извилистый и шаткій путь. Настроеніе у всѣхъ становилось болѣе мрачнымъ: падала вѣра въ побѣду. Низы ворчали, массы смотрѣли исподлобья и косо, въ самомъ воздухѣ уже тогда былп разлиты, недобрые угнетающія предчувствія.

Въ эти годы я былъ представителемъ министерства путей сообщенія на Путиловскомъ заводѣ, и на другихъ заводахъ и фабрикахъ Петрограда. Такимъ образомъ, для меня открылись многія возможности встрѣчаться и знакомиться съ обширными рабочими слоями, съ общественными кругами и ихъ представителями. Помню, какъ проходили эти дни, — ихъ нельзя забыть.

Вотъ Путиловскій заводъ. Въ большомъ залѣ накрытъ громадный обѣденный столъ, уставленный прекрасными кушаньями и напитками. Тутъ же другой закусочный столъ à la fourchette. Даже въ первоклассномъ петербургскомъ ресторанѣ не всегда былъ такой богатый обѣдъ. За столъ садились представители министерствъ, артиллерійскіе генералы, пріѣзжавшіе съ фронта военные специалисты, извѣстные профессора и т. п. Извѣстно, что за обѣдомъ, за стаканомъ вина, люди становятся довѣрчивѣй другъ къ другу, развязываются языки, а тутъ, къ тому же, были «свои люди», и не удивительно, что за обѣденнымъ столомъ Путиловскаго завода велись совершенно откровенные разгово-

ры. Они могли изумлять и пугать. О русской арміи передавались страшные и грозные слухи. Разсказывались удивительныя вещи. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что армія слаба въ организаціонномъ отношеніи, что при такомъ положеніи дѣлъ война не можетъ быть выиграна, что Россію ждутъ самыя горькія военныя неожиданности, и что она стоитъ передъ катастрофой.

Помню, какое удручающее впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ разговоръ.

Это было въ сентябрѣ 1915 г. Рѣчь шла уже не только о проигрышѣ войны, но и о приближающемся политическомъ сотрясеніи, о возможности близкой революціи. Въ бесѣдѣ принималъ участіе и весьма почтенный артиллерійскій генералъ Мясютинъ. Между прочимъ, онъ сказалъ:

«Думается, что и я свою жизнь закончу на телефонномъ столбѣ».

Какъ и многіе тогда, онъ не ошибся: предчувствія его не обманули. Впослѣдствіи, состоя уже латвійскимъ посланникомъ въ Москвѣ, я пріѣхалъ въ Петроградъ и былъ приглашенъ осмотрѣть Путиловскій заводъ, перешедшій, какъ и всѣ другіе заводы, къ совѣтской власти. Случайно я встрѣтился съ рабочимъ, который зналъ и помнилъ меня. Я спросилъ его о генералѣ Мясютинѣ и узналъ, что въ разгарѣ революціи онъ былъ повѣшенъ рабочими завода.

Тяжкія предвидѣнія волновали не одного Мясютина. Въ началѣ войны Россійская Имперія казалась разваливающейся. По существу власти не было. Во всемъ чувствовался моральный упадокъ. Это понимали и ощущали высшіе классы, — интеллигенція, дворянство, чиновничество, — это было ясно и широкимъ народнымъ массамъ, хотя между ними и верхами всегда лежала непроходимая пропасть. Господствующій классъ, особенно аристократія и правящіе круги, былъ совершенно чуждъ народу. Другъ другу они не довѣряли. Свобода, права человѣка, личное достоинство, уваженіе къ личности, — все это были только пустыя слова. Высшіе классы испытывали къ народу плохо скрытое презрѣніе. До войны народъ молчалъ, но то, что оставалось въ скрытомъ видѣ въ годы мира, невольно и неизбѣжно раскрылось въ дни войны. Кто идетъ умирать, кто становится на защиту родины, тотъ безъ всякихъ постороннихъ внушеній начинаетъ требовать къ себѣ уваженія и признанія своихъ правъ. Война уравниваетъ. Массы это поняли.

Ихъ гнѣвъ и протесты, полускрытые и явные, должны были усилиться отъ сознанія общей неразберихи и безнадежности. Одно дѣло-защищать отечество, землю отцовъ, другое дѣло — погибать безсмысленно только потому, что ничего не сдѣлано, ничего не предусмотрѣно, что кругомъ разруха, а наверху взяточничество.

Всѣхъ, сверху до самаго низа, раздражало и приводило въ бѣшенство одно имя Распутина. Съ именемъ Распутина и съ его кликой, неизмѣнно и вполнѣ справедливо связывалось представленіе о предательствѣ. Ходили легенды о его вліяніи, его власти, эти легенды оказывались правдой. Еще вчера великая, Россія обреченно шла къ роковымъ событіямъ, тысячи рукъ толкали ее въ бездну.

ЛАТЫШИ И РОССІЯ

Тревога охватила не только Петроградъ, но и всю остальную Россію. При такихъ обстоятельствахъ, когда туча нависла надъ Россіей, латвійскій народъ, — почти два милліона, — началъ организовываться въ свои національные батальоны. Весь народъ взялся за мечъ, чтобъ начать борьбу со своимъ вѣковымъ врагомъ, нѣмцами, и попытаться спасти Россію въ минуты ея развала. Изъ всѣхъ многочисленныхъ народовъ и народностей, входившихъ въ составъ Россійской Имперіи, латыши оказались въ этомъ отношеніи единственными, если не считать Польшу, формировавшую тогда свои легіоны.

«Латыши спасали Россію»... Сейчасъ это должно звучать ироніей: чего ради было латышамъ браться за это дѣло? Какая въ этомъ логика? Больше 200 лѣтъ, вмѣстѣ съ другими балтійскими народами, латыши страдали подъ властью русскихъ царей, одобрявшихъ дѣйствія балтійскихъ бароновъ. Этотъ нѣмецкій гнетъ латыши переносили съ 13 столѣтія. Безпристрастному историку придется серьезно задуматься надъ этимъ вопросомъ и тщательно разобраться въ этой, съ виду такой странной миссіи, которую взялъ на себя латвійскій народъ. Вдругъ стать на охранѣ и защиту своего угнетателя и проявить при этомъ самоотверженное геройство! Да, это было чудо. Но тутъ-то и сказался и далъ себя знать здоровый народный духъ.

Онъ чувствовался въ маленькой Латвіи повсюду, этотъ духъ говорилъ съ древнихъ могилъ латышей. Объединеніе латвійскаго народа создавалось невидимо, но крѣпко уже съ самаго начала міровой войны.

Исторически обостренный національный инстинктъ велъ его въ тѣ дни по вѣрному пути. Орагаизаторы и руководители латвійскихъ баталіоновъ сами еще не знали ясно, что, спасая Россію, они закладывалютъ фундаментъ новому прекрасному зданію, которое 18 ноября 1918 г. освѣтится и заблеститъ, какъ свободная, независимая Латвія. Въ разрухѣ войны, въ общемъ начавшемся распадѣ Имперіи, подорванности духа, въ угнетающей обстановкѣ общей безнадежности, этотъ латвійскій секторъ казался и былъ тогда чуть ли не единственнымъ здоровымъ и крѣпкимъ.

КОМИССІИ ВЪ АМЕРИКѢ

Война союзниковъ съ Германіей началась большими русскими потерями. Было ясно, что Россія не въ состояніи снабжать свою армію, что ея дѣйствительно неисчерпаемый военный матеріалъ — только люди. Но пушки врага уничтожали и этотъ матеріалъ. Хотя и поздно, союзники начали понимать недостатокъ снаряженія и предоставили Россіи большіе военные заказы и кредиты. Эти кредиты распредѣлялись различными комиссіями и миссіями, и въ ихъ составъ входили соотвѣтствующіе спеціалисты — военные, гражданскіе инженеры: сюда, однако, вошли и совершенно случайные люди, такъ называемые «военные удачники», счастливо не попавшіе благодаря разнымъ протекціямъ на фронтъ и забронировавшіеся въ разныхъ организаціяхъ тыла.

Особенно заманчивой была командировка въ Америку: командируемые члены комиссій получали большое жалованіе и подъемныя, — конечно, въ валютѣ, — этихъ суммъ могло хватить не только на дорогу въ Америку, но и для кругосвѣтнаго путешествія. Въ качествѣ члена одной изъ комиссій въ ноябрѣ 1915 г. я отправился въ Америку.

ПРОЩАНЬЕ СЪ РОДИНОЙ И ПЕТРОГРАДОМЪ.

Жутки были октябрскіе дни, когда я, приготовляясь къ отъѣзду, въ послѣдній разъ посѣтилъ Латвію, — тогда еще входившую въ составъ Россіи. Я простился со своими престарѣлыми родителями и отправился въ далекій путь. Жуть охватила меня, когда, возвращаясь въ Петроградъ, я переѣхалъ границу тогдашней Лифляндской губерніи.

Дѣло въ томъ, что вся Лифляндія (часть теперешней Латвіи) уже находилась въ районѣ военныхъ дѣйствій, и высшіе власти въ краѣ были, конечно, военные. Какъ всегда во время войны, принявъ власть, военные, съ высшихъ чиновъ до низшихъ, пренебрежительно и высокомѣрно относились къ представителямъ гражданской власти. Повсюду была одна и та же картина. На улицахъ, въ ресторанахъ, въ кафэ, всюду сновали и расхаживали военные. Поѣзда между Ригой и Петроградомъ были наполднены преимущественно людьми въ погонахъ. Поѣзда были переполнены, въ вагонахъ не хватало мѣста. Какъ служащій Министерства Путей Сообщенія, я пользовался различними привиллегіями, и въ томъ числѣ имѣлъ право ѣхать безплатно въ любомъ поѣздѣ. Но во всѣхъ поѣздахъ всѣ купэ были заняты, и приходилось устраиваться въ корридорахъ. Даже корридоры были забиты пассажирами, и к уборной можно было пробраться только съ большимъ трудомъ. Когда я пошелъ въ уборную — это было раннимъ утромъ, чтобъ умыться и привести себя къ порядокъ, ко мнѣ подошелъ какой-то молоденькій офицеръ и потребовалъ, чтобъ я пропустилъ его впередъ. Я отказался. Молодой офицеръ, расчитывая на свою физическую силу, толкнулъ меня, очевидно, рѣшивъ занять мое мѣсто. Это меня взорвало. Я бросилъ ему въ лицо вопросъ:

— Кто вы: офицеръ или хулиганъ?

Вмѣсто отвѣта онъ рѣшилъ меня ударить и уже направилъ кулакъ мнѣ въ голову, но тутъ я лѣвой рукой удачно отпарировалъ этотъ ударъ и, въ свою очередь, ударилъ его по шеѣ. Мой противникъ былъ маленькаго роста. Онъ сразу понялъ, что я сильнѣе его. Онъ пригрозилъ:

— Я буду стрѣлять!

И побѣжалъ въ купэ за револьверомъ. Намѣреніе это ему не пришлось, однако, привести въ исполненіе: корридоръ былъ такъ переполненъ, что пока онъ добрался до своего купэ, пылъ его прошелъ. Въ вагонѣ наступила тишина, Я услышалъ чей-то самоувѣренный голосъ:

— Я бы его въ котлетку изрубилъ!

Эта фраза была произнесена какимъ-то другимъ офицеромъ. Я промолчалъ. Потомъ вдругъ ко мнѣ подходитъ казачій полковникъ, старшій офицеръ въ вагонѣ, и объясняетъ, что онъ обязанъ составить протоколъ о дракѣ въ вагонѣ, произошедшей въ полосѣ военныхъ

дѣйствій, что грозило большими непріятностями не только для молодого офицера, но въ особенности для меня. «Лучшій выходъ, — предложилъ онъ, — обоюдное извиненіе». Когда выяснилось, что молодой офицеръ, столь грозно наступавшій на меня, — молодой курляндскій баронъ, и по вагону разнеслось, что «нѣмецъ» хотѣлъ побить «латыша», — всѣ симпатіи оказались на моей сторонѣ, и даже тотъ самый офицеръ, который хотѣлъ изрубить меня въ котлету, теперь ласковыми взглядами выражалъ мнѣ свое сочувствіе. Даже казачій полковникъ подошелъ ко мнѣ на Николаевскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ и, прощаясь, сердечно пожалъ мнѣ руку и шутливо сказалъ:

— А жаль, что вы не поколотили болѣе основательнымъ образомъ этого нѣмецкаго барончика.

Не только русская интеллигенція, но и всѣ, кто отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящихъ событіяхъ, въ настроеніяхъ Россіи и ея народностей, тогда неизмѣнно клонили свои сердца къ латышамъ. Какъ бы ни разсматривали и ни оцѣнивали насъ высшія власти, латыши среди русскихъ пользовались симпатіями. Мнѣ извѣстно, что и въ полкахъ русской арміи при ежегодной разверсткѣ новобранцевъ по ротамъ, старые фельдфебеля, офицеры и ротные командиры всегда настойчиво требовали отъ полковыхъ адъютантовъ, чтобы въ ихъ роты было дано побольше латышей, какъ исключительно надежныхъ солдатъ.

Вспоминаю мои школьные годы. Нѣмцевъ и тогда не любили и намъ, ученикамъ, постоянно говорили, что уже недалеко то время, когда слово «фонъ» будетъ замѣнено другимъ словомъ: «вонъ». И я горячо тогда желалъ, чтобы это пророчество исполнилось какъ можно скорѣй.

Война была въ полномъ разгарѣ. Нѣмецкія подводныя лодки проявляли чудеса. Неуловимыя, онѣ преслѣдовали пароходы не только въ Сѣверномъ морѣ, но и въ Атлантическомъ океанѣ. Никто не могъ считать себя въ безопасности: пароходы тонули, люди погибали тысячами. Поэтому членамъ нашей комиссіи совѣтовали ѣхать не чрезъ Атлантическій океанъ, а черезъ Сибирь и Тихій океанъ. Это особенно было важно для тѣхъ, кто ѣхалъ съ семьями. Я былъ одинъ и выбралъ кратчайшій путь — Атлантическій океанъ.

Уладивъ дѣла, я немедленно выѣхалъ. До Финляндскаго вокзала меня проводили жена и дѣти. Что каждый изъ нихъ думалъ, когда поѣздъ началъ двигатьоя, я не знаю. Но, вѣроятно, и они, какъ и я, вѣрили, что разлука будетъ непродолжительной. Я успокаивалъ себя надеждой, что къ слѣдующей веснѣ буду дома, а если это не удастся, то семья пріѣдетъ ко мнѣ. Я вспомнилъ отца, вспомнилъ его слова благословенія, и это укрѣпило меня и слегка разсѣяло мои тревоги и грусть разставанія съ близкими. Я не зналъ тогда, что событія развернутся такъ быстро, и не могъ предполагать, что ровно чрезъ 3 года послѣ моего отъѣзда Латвія будетъ объявлена независимой. Я также не зналъ, что только черезъ 5 лѣтъ снова встрѣчу мою семью. Да, всего этого я не зналъ, — воздадимъ хвалу Создателю за наше невѣдѣніе! Люди были бы очень несчастны, если бы знали, что ихъ ждетъ впереди. Интересъ жизни, воля къ ней, вся наша сила въ томъ, что мы сегоня не знаемъ того, что будетъ завтра, что наше будущее окутано туманомъ неизвѣстности. Если бы этого не было, многіе не захотѣли бы жить.

II

ПО ДОРОГѢ ВЪ АМЕРИКУ

ФИНЛЯНДІЯ

Стояла зима. Вся Финляндія была покрыта снѣгомъ. Блестѣлъ солнечный, спокойный день. Этотъ покой сѣверной природы воспринимался нами особенно благодатно, — такъ все это было непохоже на оставленный нами Петроградъ. Тамъ все тревожило, будоражило нервы, сама природа неистовствовала: вѣтеръ какъ-то особенно свирѣпствовалъ, бѣшенно крутился снѣгъ, что-то зловѣщее царило въ самомъ воздухѣ. Нашъ поѣздъ шелъ черезъ Финляндію. Мы могли доѣхать до сѣвернаго города Торнео. Это былъ тогда конечный пунктъ. Мы ѣхали вокругъ Ботническаго залива, восхищались прекраснымъ зимнимъ солнцемъ; мимо насъ проносились маленькія, чистыя, желѣзнодорожныя станціи.

Тишина природы, солнце, снѣгъ, любезность финляндцевъ, — все успокаивало и радовало. Мы, взрослые путешественники, невольно и незамѣтно превратились въ какихъ.то безпечныхъ дѣтей: на всѣхъ остановкахъ выбѣгали изъ поѣзда, швырялись мягкимъ снѣгомъ, веселились, какъ дѣти, — нервный Петроградъ былъ забытъ. Кофе съ прекрасными свѣжими сливками, дружелюбныя улыбки финскихъ дѣвушекъ, душевная успокоенность примиряли съ жизнью, вчерашнія тревоги отходили въ даль, въ сердцѣ просыпались самыя искреннія симпатіи къ финнамъ. Впрочемъ, русскій народъ, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, — людей такъ наз. «правыхъ убѣжденій», — никогда не былъ враждебно настроенъ по отношенію къ Финляндіи. Прекрасно отдавая себѣ отчетъ въ недостаткахъ собсвенной жизни, критикуя изъяны политическаго строя, не закрывая глазъ на собственную «обломовщину» и безпечность, русскіе справедливо признавали за финнами много достоинствъ, цѣнили ихъ трудолюбіе, любовь къ чистотѣ и порядку.

Точно такъ же русскіе относились и къ латышамъ. Шовинизма у русской интеллигенціи, у русскихъ культурныхъ людей не было, предубѣжденностью они не страдали. Вспоминаю одну примѣчательную встрѣчу. Въ качествѣ инженера, я былъ командированъ на Коломенскій заводъ. Тамъ мнѣ нужно было принять вагоны для новостроящагося трамвая гор. Самары. Вмѣстѣ со мной былъ командированъ и помощникъ Самарскаго городскаго головы. Узнавъ, что я латышъ, онъ сразу проникся ко мнѣ самой искренней симпатіей и оказывалъ мнѣ всяческія любезности. Себя онъ называлъ націоналистомъ и всю дорогу читалъ мнѣ что-то вродѣ лекціи о томъ, что такое истинный націонализмъ. Этотъ вопросъ онъ поставилъ широко, освѣтилъ его вѣрно и глубоко. Настоящій націоналистъ, — твердилъ онъ, — только тотъ, кто уважаетъ и чужую національность точно такъ же, какъ свою, ибо нельзя считать только свой народъ единственно достойнымъ членомъ общечеловѣческой культурной семьи народовъ. Если между ними и существуетъ вражда, то это явленіе искусственное, и всѣ, дорожащіе счастьемъ людей, должны бороться съ этимъ пагубнымъ явленіемъ. Никакой естественной вражды другъ къ другу въ сердцахъ людей разныхъ національностей нѣтъ и не было. Вражду сѣютъ. Она происходитъ отъ ненормальныхъ условій жизни, при чемъ эти условія всегда оказываются навязанными. Общее несчастье состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить. Между здоровыми и сильными народами не можетъ и не должно быть никакой вражды. Эти отношенія основаны на сознаніи взаимнаго долга. Конечно, такъ могъ говорить только высоко культурный человѣкъ. Среди русскихъ это не было рѣдкимъ случаемъ.

И теперь, любуясь довѣрчивыми улыбками финскихъ дѣвушекъ, я видѣлъ въ нихъ какъ бы пророчество и символъ возможныхъ будущихъ взаимоотношеній народовъ. Въ эти вечерніе сумерки, глядя изъ окна вагона на пролетающія снѣговыя поля, на эту божественно уснувшую природу, я думалъ, что, вотъ, скоро война кончится, на смѣну зимы придетъ весна, и міръ проснется для новой счастливой жизни.

ШВЕЦІЯ.

Поздно вечеромъ мы переѣхали финляндскую границу и очутились въ Гопарандѣ. Шведскія таможенныя власти насъ слегка проэкзаменовали, задали знакомые и шаблонные вопросы о томъ, куда ѣдемъ, по какимъ дѣламъ, откуда. Многіе изъ насъ выслушивали эти вопросы, какъ бы недооцѣнивая ихъ смысла. Весело шутили: «ѣду въ Америку за богатой женой», «отправляюсь за милліоннымъ наслѣдствомъ американскаго дядюшки». Шведы улыбались. Они могли быть довольны: у русскихъ путешественниковъ карманы были набиты деньгами, а такіе гости всегда желанны.

Къ началу войны Швеція заняла нейтральное положеніе. Она не примкнула ни къ той, ни къ другой изъ воюющихъ сторонъ. Все же ея тайныя симпатіи были скорѣй на сторонѣ нѣмцевъ. Свое сырье, свои фабрикаты, продукты сельскаго хозяйства Швеція продавала по высокимъ цѣнамъ. Золото Германіи и союзниковъ переполняло шведскіе банки. Нейтралитетъ Швецію обогащалъ. Къ концу войны она достигла завиднаго матеріальнаго благополучія. На поляхъ сраженій гибли лучшіе сыны Россіи, союзниковъ и Германіи, бѣдствія, горе, лишенія и голодъ захватили весь европейскій континентъ, а въ это время шведскія матери въ довольствѣ, спокойно воспитывали своихъ полнокровныхъ дѣтей. Швеціи можно было позавидовать, она могла считать себя счастливой, — капризы исторіи и судьбы непредвидѣнны и неисповѣдимы, и когда однимъ посылается трагедія, другимъ даруется благословенное счастье.

Въ сѣверной Швеціи, — уже на другой сторонѣ Ботническаго залива, — стояла глубокая зима. Было воскресенье. Въ сѣрыхъ костюмахъ, съ бѣлыми воротниками и шапками, шведы, — юноши и дѣвушки, — гостепріимно встрѣчали и провожали нашъ поѣздъ. На большой станціи были накрыты столы съ холодными и горячими блюдами, и на каждомъ была обозначена цѣна: контролируйте сами себя, — вы сами должны знать, что и на сколько вы съѣли, за вами никто со стороны не слѣдитъ и не наблюдаетъ! На русскихъ станціяхъ этого не было. Такой распорядокъ казался идеальнымъ, внушалъ и намъ, путешественникамъ, полное довѣріе, заставлялъ къ самимъ себѣ относиться до щепетительности строго. Въ этой атмосферѣ культурности и высокой морали люди невольно начинаютъ подтягиваться, еще педантичнѣй сознавать свои обязанности и

свой долгъ передъ другими. Словомъ, всѣ пассажиры здѣсь чувствовали себя прекрасно, настроеніе у всѣхъ было радостное и свѣтлое.

Исключеніе составляли двѣ хорошенькія француженки. Въ Гопарандѣ ихъ подвергли слишкомъ тщательному обыску; онѣ чувствовали себя оскорбленными до глубины души и цѣлый день такъ и не могли успокоиться. Но вотъ солнце зашло. Дневной свѣтъ померкъ. Замерцали таинственныя сумерки, и за ужиномъ, въ вагонѣ-ресторанѣ наши красавицы развеселились въ дружеской компаніи. Засверкало въ бокалахъ шампанское, раздались тосты за русскихъ, французовъ и за всѣхъ союзниковъ.

Какіе большіе патріоты французы! Какъ горячо и просто они любятъ жизнь, какъ глубоко и страстно любятъ они свою родину!

НОРВЕГІЯ

Въ полночь мы пріѣхали въ Христіанію (Осло). Я снялъ номеръ въ гостиницѣ и слегка удивился, что въ этомъ первоклассномъ отелѣ подушки замѣняли одѣяло. Отъ этой тяжести было жарко. Казалось стран нымъ, что такой здоровый спортивный народъ, какъ норвежцы, могутъ кутать себя въ подушки. Когда-то давно, еще ребенкомъ, я видѣлъ цыганскій таборъ. Тогда цѣлыми толпами еще цыганы кочевали по Латвіи, и мнѣ бросилось въ глаза, какъ своихъ дѣтей они клали подъ подушки, садились на нихъ и оставляли снаружи только головы этихъ ребятъ.

Въ этотъ день у меня было достаточно времени, чтобы осмотрѣть городъ, понаблюдать жизнь, ознакомиться съ достопримѣчательностями. Я бродилъ, вдыхалъ воздухъ этого города, этой страны, вспоминалъ литературу этого народа, старался перевоплотиться въ средняго человѣка толпы, почувствовать себя норвежцемъ, и во мнѣ все больше и больше созрѣвало одно убѣжденіе: у всѣхъ малыхъ народовъ въ душѣ живутъ самыя свѣтлыя, миролюбивыя стремленія. Эти народы дали и продолжаютъ давать человѣчеству высокія духовныя цѣнности. Далекіе отъ завоевательскихъ мечтаній, эти народы не взращиваютъ въ своемъ сердцѣ захватническихъ стремленій, не ожесточаются, не отравляютъ свои души высокомѣріемъ и презрѣніемъ внѣшней силы. Я увѣренъ, что въ будущей семьѣ народовъ ихъ идеалы расцвѣтутъ, какъ неувядаемые, роскошные цвѣты міра.

Отъ Христіаніи до Бергена пробѣгаетъ восхитительный путь, пролегаетъ чудесная желѣзная дорога. Она извивается по долинамъ, по ущельямъ, вокругъ горныхъ вершинъ, и, одинъ за другимъ, вдругъ окружая темнотой ночи, проносятся туннели, дневной свѣтъ чередуется съ тьмой каждые пять минутъ, и получается такое впечатлѣніе, будто сама земля вращается вокругъ своей оси скорѣе во стократъ. Быстрота поѣзда, мѣняющіяся и улетающія картины природы, маленькія, прелестныя хижины по горамъ и ихъ скатамъ приносятъ путешественнику сладкое, легкое забвеніе, и невольно начинаешь себя чувствовать, какъ въ сказочномъ краю.

Бергенъ раскинулся на четырехъ горахъ, и видъ на море съ безконечными фіордами — единственный на свѣтѣ по своей чудесной красотѣ.

Путешествіе было пріятно. Мы могли быть спокойны, но совсѣмъ безмятежнымъ этотъ покой нельзя было назвать. Бурная погода, а, главное, слухи, что нѣмецкія подводныя лодки появились у норвежскихъ береговъ, взволновали даже нашего закаленнаго капитана. Но и эти извѣстія не могли испортить хорошаго настроенія нашихъ путешественниковъ. Одинъ изъ участниковъ нашей комиссіи полу-шутя, полу-серьезно, сталъ насъ успокаивать:

— «Тревожиться, собственно, не изъ за чего», — говорилъ онъ, — «нѣмецкія подводныя лодки будутъ не преслѣдовать насъ, а охранять: вѣдь, нѣимцы отлично знаютъ, кого послали въ Америку».

Это сказано было шутливо, но и мѣтко. Комиссія, отправлявшаяся въ дальній путь къ берегамъ Америки, не имѣла основаній гордиться своимъ составомъ: сюда вошли люди, едва ли какъ слѣдуетъ знакомые съ дѣломъ.

Всѣ мы хотѣли продолжать путь, по возможности, скорѣй. Этому желанію суждено было осуществиться только вечеромъ на другой день. Пароходъ «Kristianiafiord», наконецъ, послалъ прощальные сигналы и провожаемый громадной толпой, оставилъ Бергенъ. Вдругъ, пройдя небольшое разстояніе, онъ остановился, потушилъ огни и до самой ночи оставался неподвижнымъ. Только тогда, въ полной тьмѣ, медленно начали двигаться машины, и мы, никѣмъ не замѣченные, поплыли въ Сѣверномъ морѣ. Капитанъ потомъ разсказывалъ, что подъ утро, у горизонта, была замѣчена подводная лодка, преслѣдовавшая пароходъ. Она догоняла насъ, но къ счастью не догнала. Капитанъ поступилъ находчиво, укрывшись между фіордами, и такимъ образомъ обманулъ нѣмецкихъ агентовъ-шпіоновъ. Въ нейтральной странѣ имъ было легко работать, и въ Скандинавіи международный шпіонажъ свилъ себѣ прочное и безопасное гнѣздо.

Оставляя Норвегію, я записалъ въ свой дневникъ: «Бергенъ надоѣлъ. Буря на морѣ прекратилась, но нашъ пароходъ, «Khristianiafiord», какъ преступникъ, прячется между фіордами, и никто не знаетъ, когда выйдетъ въ море. Тяжело душевное состояніе, невольно встаетъ тревожный вопросъ: достигнемъ ли мы американскихъ береговъ? Посылаю послѣдній привѣтъ съ фіордовъ свободной Норвегіи, вспоминаю родину и дорогую семью».

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ

Нѣмецкое море осталось позади. Нашъ капитанъ въ первый разъ послѣ Бергена легъ спать. Держась сѣвернаго направленія, мы уже вышли изъ района возможнаго нападенія нѣмецких подводныхъ лодокъ. Теперь мы могли быть спокойны. Къ сожалѣнію, ненадолго. Начались сильные вѣтры, нашъ пароходъ стало качать, пассажировъ бросало изъ стороны въ сторону и, одинъ за другимъ, они стали исчезать въ каютахъ.

Въ эту минуту мнѣ подумалось, что всѣ описанныя прекрасныя океанскія путешествія являются плодомъ простой фантазіи. Тянутся безконечные дни, кругомъ и вдали видно только безконечное небо, сливающееся съ огромнымъ океаномъ и превращающееся, вмѣстѣ съ нимъ, въ одну безпредѣльную, необъятную массу. Въ такіе часы и минуты человѣка должна осѣнить и прояснить его умъ одна великая, всеозаряющая мысль: какъ ничтожна человѣческая жизнь въ сраненіи съ неумолимой мощью и величіемъ силъ природы и съ законами, упрвляющими этимъ движеніемъ міровыхъ сокрытыхъ и явныхъ силъ! Народныя волненія, міровая война, человѣческія распри, вражда людей, — все это кажется въ эти минуты какъ бы умопомраченіемъ, возстаніемъ безумцевъ противъ дивной гармоніи міра, который стоялъ и будетъ стоять «во вѣки вѣковъ».

Мыслители, философы, мудрецы достойны всякаго поклоненія и признанія ихъ заслугъ, ихъ изслѣдованій и книгъ, созданныхъ въ тиши кабинетовъ, но величайшимъ источникомъ мудрости навсегда останется лицезрѣніе природы и міра, общеніе съ ихъ душой, ихъ величіемъ, ихъ таинственной и всемогущей жизнью.

Мы приближались къ Ньюфаундленду. Буря стихла. Солнечные дни превратили нашъ пароходъ въ

потревоженный муравейникъ. У всѣхъ было одно желаніе: провести пріятно вечеръ на этомъ пароходѣ. Мы устроили маскарадъ. У кого не было собственнаго костюма, тотъ могъ его получить у администраціи корабля: тамъ ихъ было много. Интересны были маскарадные наряды извѣстнаго американскаго журналиста Mr. Mason'а и его жены. Онъ былъ представителемъ журнала «Autlook». Необыкновенно большого роста, облеченный въ костюмъ Мефистофеля, извивающійся въ причудливыхъ изгибахъ американскаго танца, онъ казался настоящимъ дьяволомъ. Какъ быстро преображается человѣкъ! Я наблюдаю за этимъ маскарадомъ, и за Mr. Mason, и думаю о неизмѣнныхъ законахъ природы, приближающихъ насъ къ вѣчности.

Какъ длинно это девятидневное путешествіе! Но и оно подходитъ къ концу. Первый привѣтъ съ земли намъ несутъ морскія птицы-чайки. Вдали, между едва различимыми берегами, будто прямо изъ моря, поднимаются удивительные, потрясающіе нью-іоркскіе небоскребы, какъ сказочный необъятный замокъ американскихъ рыцарей стали и золота. Вотъ уже виденъ и памятникъ Свободы, подарокъ Франціи, и черезъ какой-нибудь часъ нашъ пароходъ, въ сопровожденіи гидроплановъ, входитъ въ ньюіоркскія воды. Это было 5-го декабря.

Да здравствуетъ Америка и янки, способнѣйшіе и смѣлѣйшіе потомки европейскихъ народовъ!

НЬЮ-ІОРКЪ

Какъ много значитъ обстановка! Какъ много значитъ даже пунктъ, съ котораго мы дѣлаемъ наши наблюденія! Вотъ вы стоите на высокой горѣ, смотрите на лежащіе кругомъ поля, долины, лѣса, луга. Раскинулись широкіе просторы, вдали перламутровый горизонтъ и и мысль захватывается этой волшебной безмѣрностью. Совсѣмъ другія чувства наполняютъ насъ у подножія горы.

Покинувъ корабль и отправившись гулять по Бродвею, я чувствовалъ необыкновенную, осязаемую реальность американской жизни и началъ понимать Америку.

Нью-Іоркъ былъ переполненъ иностранцами. Здѣсь встрѣчались друзья и враги, союзники и нѣмцы, бывали столкновенія, происходили неожиданные инциденты, и все больше и больше росла вражда противъ нѣмцевъ. Большими симпатіями пользовались русскіе.

Это тотчасъ же отразилось на поведеніи и настроеніи нѣкоторыхъ моихъ коллегъ, и они стали вести себя все съ большей и большей развязаностью. На другой же день послѣ нашего пріѣзда мы сидѣли въ одномъ изъ лучшихъ ньюіоркскихъ ресторановъ. Компанія была небольшая. Подавалъ намъ очень внимательный молодой лакей. Ужинъ кончился. Одинъ изъ его участниковъ обратился къ лакею за справкой: гдѣ въ Нью-Іоркѣ можно весело провести предстоящую ночь? Въ Россіи, — въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, — вездѣ, въ любомъ ресторанѣ, опытный лакей далъ бы вамъ объ этомъ самую точную справку, указалъ бы адресъ, и даже готовъ былъ бы сообщить всѣ свѣдѣнія по интересующему вас вопросу. Но нью-іоркксій лакей обидѣлся и далъ нѣчто вродѣ наставленія: въ Америкѣ слѣдуетъ, прежде всего, осматривать музеи, библіотеки, научныя учрежденія, а веселыя мѣста отложить и осмотрѣть ихъ послѣ, если это ужъ такъ необхдимо. Говорилъ это молодой лакей мягко, безъ всякой непріязни, безъ грубости; вскорѣ выяснилось, что насъ обслуживалъ студентъ университета, ярый патріотъ чехъ. Мы должны были почувствовать, что моральный перевѣсъ и правота были на его сторонѣ. Долженъ замѣтить, что и нашъ, столь жадный до увеселеній коллега долго еще не могъ забыть этого урока, полученнаго имъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Америку.

Кто хочетъ серьезно и безпристрастно оцѣнить духъ Америки и американца и понять основныя начала ихъ благополучія, тотъ неизбѣжно придетъ къ выводу, что здѣсь все регулируетъ строго и правильно организованная работа. Черезъ нея и отъ нея приходятъ и радости жизни. Если вѣрно то, что работа является первопричиной и источникомъ всякаго счастья, что эта работа есть, кромѣ того, мѣрило уваженія къ человѣку, то нигдѣ больше, какъ въ Америкѣ, эти истины не предстаютъ съ такой наглядностью въ своемъ торежствѣ и безспорности.

Наблюдая, какъ работаетъ американскій государственный аппратъ, я невольно сравнивалъ его съ русскимъ, и долженъ былъ придти къ заключенію, что демократія съ концентрированной, сильною исполнительной властью несравненно лучше монархіи. Слабость европейскихъ демократій сейчасъ въ томъ, что онѣ децентрализованы, и имъ трудно бороться съ централизованными коммунистическими и супернаціональными соціалистическими силами. Если этотъ выводъ,

можетъ быть, и нуждается въ нѣкоторыхъ, вообще говоря, незначительныхъ оговоркахъ, то смыслъ его остается неопровержимымъ. Во всякомъ случаѣ, его никакъ не можетъ поколебать нынѣшнее состояніе Европы. Но всѣ выводы въ области политики не должны бы претендовать на вѣчную истинность. Осторожность политическаго мыслителя обязываетъ говорить не о безграничности, а сосредоточивать вниманіе на сегодняшнемъ днѣ.

III

ОТГОЛОСКИ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ АМЕРИКѢ

РУССКАЯ МИССІЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ ВЪ АМЕРИКѢ

Въ напряженной работѣ потекли дни, — дѣла, заботы, хлопоты. Въ 1916 г. я служилъ въ русской артиллерійской комиссіи. Подъ моимъ наблюденіемъ состояло много фабрикъ и заводовъ. Снаряды для Россіи изготовлялись въ Клевландѣ, Чикаго, Монтреалѣ, Детройтѣ, Филадельфіи и многихъ другихъ городахъ. Разумѣется, эта работа была очень отвѣтственной. Мнѣ часто приходилось путешествовать, — разъѣзжать по этимъ городамъ, слѣдить за исполнительностью подчиненныхъ, провѣрять работу русскихъ инспекторовъ по пріемкѣ снарядовъ. Какъ всегда, это кипучее дѣло меня не только удовлетворяло, но и радовало. Вездѣ работа шла съ напряженной бодрой энергіей. Но неожиданно у меня вышелъ служебный конфликтъ съ однимъ изъ членовъ артиллерійской комиссіи.

Какъ часто люди смѣшиваютъ стремленіе и порывъ къ болѣе успѣшному труду съ нарушеніемъ чисто внѣшней служебной дисциплины! Меня обвинили въ нарушеніи этой дисциплины. Оно состояло въ томъ, что я имѣлъ смѣлость высказать свое мнѣніе. Начальство пригрозило мнѣ непріятными служебными послѣдствіями. По существу, я ни въ чемъ не былъ виноватъ. Но откровенность, хотя бы и очень полезная дѣлу, не всегда приходится по вкусу начальства.

Объ этомъ столкновеніи узналъ начальникъ русской «Миссіи путей сообщенія» въ Америкѣ, графъ Сергѣй Ивановичъ Шуленбургъ. Подъ его начальствомъ я работалъ въ Петроградѣ. Артиллерійской комиссіей онъ былъ недоволенъ. Безъ всякихъ колебаній, онъ

предложилъ мнѣ перейти къ нему, стать членомъ его «миссіи». Сдѣлать это было не трудно. Шуленбургъ послалъ телеграмму въ Петроградъ министру путей сообщенія Рухлову, и черезъ нѣсколько дней было получено разрѣшеніе на этотъ переводъ. Мнѣ поручили общее наблюденіе надъ выполненіемъ заказа Министерства Путей Сообщенія: русскому правительству канадскіе заводы должны были сдать 3000 желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Изготовляли ихъ въ спѣшномъ порядкѣ.

Теперь мнѣ открывалась широкая возможность и обязанность часто бывать въ Канадѣ. Съ жизнью этой страны я познакомился основательно. Для меня это были хорошіе мѣсяцы. Въ памяти незабвенными остались многіе канадцы, — инженеры, директора фабрикъ, члены канадскаго парламента, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Восхищала меня ихъ покорность, лойяльность, искренность, горячее желаніе служить своему отечеству и королю, ихъ всеобъединяющій духъ. Я очень любилъ бывать въ Канадѣ, — не я одинъ. Канада привлекала къ себѣ массы эмигрантовъ изъ Европы, и можетъ-быть, тутъ главнымъ притягательнымъ мотивомъ были не матеріальные разсчеты и перспективы, а любезность канадцевъ, ихъ солидность, прочность ихъ дѣлъ и начинаній.

Я былъ очень занятъ, работы было много. Въ нее я уходилъ весь, цѣликомъ, не оставалось времени даже для воспоминаній, и я сталъ забывать Петроградъ. Такъ, безъ перебоевъ, безъ остановокъ, изо дня въ день, шла наша работа и, казалось, ея конечный успѣхъ обезпеченъ и весь ходъ работъ долженъ пройти безъ остановокъ и перерыва. Такъ казалось... Но вдругъ изъ Россіи стали приходить весьма тревожныя вѣсти о политическомъ переворотѣ. Отъ перваго премьеръ-министра Россіи, выдвинутаго февральской революціей, князя Львова была получена телеграмма съ оффиціальнымъ сообщеніемъ о происшедшемъ перевороте. После этого пришла вторая телеграмма — отъ новаго военнаго министра Гучкова. Онъ просилъ всѣхъ, работающихъ въ Америкѣ на русскую армію, оставаться на своихъ служебныхъ мѣстахъ.

Русскія событія взволновали всю Америку. Конечно, самое большое возбужденіе было въ русскихъ представительствахъ. До сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, которое произвелъ на меня въ тѣ дни мой коллега по службѣ, престарѣлый, 70 лѣтній Максимиліанъ Несторовичъ Гротенъ. Узнавъ о переворотѣ въ Россіи, онъ съ неподдѣльной радостью сталъ обнимать и цѣловать своихъ сослуживцевъ, и особенно гордился тѣмъ, что никто изъ крестьянъ не тронулъ его имѣнія въ Псковской губерніи. Тамъ у него было образцовое хозяйство, имъ очень дорожилъ и радовался, что, судя по письму, все прошло благополучно. Увы, радость его была недолгой. Черезъ двѣ недѣли ему пришлось раскаяться и пожалѣть о своемъ преждевременномъ восторгѣ. Послѣ перваго успокоительнаго письма, онъ получилъ второе и, прочитавъ его, прямо пришелъ въ ужасъ:

— «Негодяи, мерзавцы!» — въ негодованіи воскликцалъ онъ: — «все, все разрушили, погибло все мое хозяйство.»

И тутъ, я вспомнилъ насмѣшливую и циничную русскую поговорку: «Вѣкъ живи, вѣкъ учись, все равно, умрешь дуракомъ». Какъ не смѣшонъ былъ этотъ прекраснодушный старикъ, мнѣ его было отъ души жаль. Въ эти минуты я сердечно вспоминаю этого человѣка, котораго уже нѣтъ въ живыхъ.

Молодая Россія объявила всему міру, что свято выполнитъ свой долгъ передъ союзниками и будетъ воевать съ врагомъ до побѣднаго конца. Союзники повѣрили и предоставили Россіи новые кредиты, американскій конгрессъ утвердилъ товарный заемъ въ 100 милліоновъ долларовъ, миссія путей сообщенія и артиллерійская комиссія пополнились новыми лицами, пріѣхавшими, черезъ Сибирь, вмѣстѣ съ новымъ посломъ Борисомъ Бахметьевымъ и главноуполномоченнымъ министерства путей сообщенія, профессоромъ Юріемъ Владиміровичемъ Ломоносовымъ.

ПРОФЕССОРЪ ЛОМОНОСОВЪ

Новый посолъ долженъ былъ смѣнить стараго посла Бахметьева, а профессоръ Ломоносовъ занялъ мѣсто Шуленбурга. Началась горячая работа. Ломоносовъ былъ интересенъ, какъ психологическій типъ. Несомнѣнно, онъ былъ способнымъ человѣкомъ. У него было много самоувѣренности, самомнѣнія, широты и — легкомыслія. Онъ любилъ, умѣлъ производить впечатлѣніе на другихъ, особенно на тѣхъ, кто мало зналъ его самого и мало понималъ въ русскихъ дѣлахъ и въ Россіи. Тутъ Ломоносовъ могъ импонировать и казаться большимъ, если не дѣятелемъ, то дѣльцомъ.

Онъ зналъ только одинъ русскій языкъ и съ иностранцами велъ переговоры черезъ переводчиковъ. Но и при этомъ недостаткѣ онъ сумѣлъ такъ поставить

себя, что вскорѣ о немъ заговорила вся Америка. Ломоносовъ весьма цѣнилъ рекламу и всячески старался очернить работу посла Бахметьева. Начались интриги. Ломоносовъ любилъ разъѣзжать по Америкѣ, выступать на организованныхъ имъ же русскихъ митингахъ, гдѣ онъ въ самой рѣзкой формѣ безпощадно критиковалъ большевиковъ. Помню, какъ свою митинговую рѣчь, — это было въ Сентъ-Луисѣ, 10 iюня 1918 г., — онъ закончилъ потрясающими, негодующими, патетическими словами, вызвавшими общее единодушное одобренiе:

«Большевики, — кричалъ Ломоносовъ, — вмѣсто хлѣба дадутъ камни, вмѣсто мира принесутъ гражданскую войну. Долой большевиковъ!»

Въ тотъ же самый вечеръ, въ отелѣ Статлеръ онъ устроилъ роскошнѣйшiй ужинъ въ честь сентъ-луисскихъ фабрикантовъ. Столъ былъ сервированъ на 18 персонъ, и за этотъ пиръ уплочено Ломоносовымъ 340 долларовъ. Ломоносовъ любилъ помпезность. На этомъ ужинѣ присутствовалъ и только что прiѣхавшiй изъ Россiи первый министръ путей сообщенiя кабинета Керенскаго, А. Бубликовъ. Такiе же дорогiе ужины Ломоносовъ устраивалъ и въ Чикаго, и въ Монтреалѣ, и въ другихъ городахъ. Деньги текли рѣкой счета имъ Ломоносовъ не зналъ. Казенныя суммы расходовались безотчетно, — ихъ тогда не жалѣли.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Постепенно американцы начали понимать, что всѣ событiя въ Россiи, и, въ частности, большевицкiй переворотъ, имѣютъ гораздо болѣе глубокiй смыслъ, чѣмъ это истолковывали русское посольство и прiѣхавшiе изъ Россiи министры Керенскаго, Бубликовъ и Коноваловъ. Въ работѣ миссiи путей сообщенiя все стало понемногу суживаться, сокращаться и постепенно ликвидироваться. Конечно, профессоръ Ломоносовъ не хотѣлъ, чтобы работы миссiи прекратились совсѣмъ. Нужно было создать хотя бы видимость ея необходимости, и Ломоносовъ организовалъ научныя группы для изученiя разныхъ промышленныхъ отраслей въ Америкѣ.

Мнѣ было поручено холодильное дѣло и рессорное производство. Работа была интересная. Но тутъ опять вышелъ небольшой конфликтъ. Дѣло въ томъ, что инспекцiя 3000 вагоновъ была поручена канадской компанiи, которая вдругъ стала требовать какихъ-то совсѣмъ ей не полагающихся доплатъ въ размѣрѣ 6000 долл. Обратились ко мнѣ, и я разъяснилъ, что это требованiе неосновательно, и канадской компанiи платить не надо. Ломаносовъ былъ противоположнаго мнѣнiя. Видимо,

ему хотѣлось уплатить эту сумму, и мои разъясненiя, естественно, ему не понравились. Произошелъ непрiятный разговоръ. По своимъ привычкамъ, характеру, по своей склонности все дѣлать смаху, вообще нетерпимый къ чужимъ мнѣнiямъ, Ломоносовъ рѣшилъ мнѣ отомстить и черезъ нѣсколько дней отдалъ приказъ: «Инженеръ К. В. Озолсъ откомандировывается въ Россiю».

Всѣ мы знали, что Ломоносовъ не останавливается ни передъ чѣмъ, что онъ готовъ переступить не только черезъ отдѣльныхъ лицъ, черезъ ихъ интересы, судьбу, и права, но и черезъ велѣнiя закона. Все же такого страннаго и неожиданнаго приказа ни я, ни одинъ изъ моихъ сослуживцевъ не могъ предвидѣть. Ломаносову хотѣлось меня унизить, и онъ думалъ заставить меня принести ему извиненiя, но его надежды были напрасны, и въ отвѣтъ на его приказъ, я, черезъ секретарiатъ, послалъ ему слѣдующее письмо:

«События, переживаемыя Россiей, потрясающи. Всѣми ясно сознается, что свободная, счастливая Россiя, о которой такъ мечтали лучшiе русскiе люди, погибаетъ, а русскiй народъ постепенно погружается въ хаосъ, приготовленный его собственными и чужими руками. Но погибающимъ подаютъ корабли, тонущiе хватаются за соломинку, и долгъ каждаго изъ насъ бросить хотя бы эту соломинку, если мы не можемъ подавать корабли.

Когда миссiя существовала, какъ органъ Временнаго Правительства, у всѣхъ насъ было сознанiе, что мы дѣлаемъ работу нужную, работу первой важности. Но, вотъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ эта работа кончилась, и начался перiодъ разныхъ изученiй или, вѣрнѣе говоря, перiодъ нѣкотораго бездѣлья. Когда часто дѣлалось то, что совсѣмъ не нужно было дѣлать. Писались отчеты, которые иногда прерывались неожиданными отчисленiями и сдавались на храненiе съ полной увѣренностью, что никто и никогда ихъ не будетъ читать. Я, какъ и другiе, понималъ и чувствовалъ неловкость такого положенiя и все яснѣе и опредѣленнѣе сознавалъ, что такъ продолжаться не можетъ. Я доказывалъ своимъ сослуживцамъ безполезность нашей работы въ томъ видѣ, какъ она ведется теперь, въ Вашемъ присутствiи я говорилъ, что нужна опредѣленная система, нужны также люди, проникнутые желанiемъ вернуться въ Россiю для настоящихъ дѣлъ, а не только изучать и прочно устраиваться въ Америкѣ. Когда же я убѣдился, что мои доводы напрасны и вызываютъ только не-

довольство, я опредѣленно заявилъ о своемъ желанiи уйти изъ группы.

Во время послѣдней моей бесѣды съ Вами передъ уходомъ со службы Вы мнѣ сказали, что были довольны моей работой, а сегодня случайно, отъ служащихъ конторы, я узналъ, что отчисляюсь отъ миссiи, и лишенъ такимъ образомъ возможности закончить отчетъ о рессорахъ, который, — едва ли я ошибусь, — является пока единственнымъ цѣннымъ, если не считать моего же отчета «О производствѣ винотовыхъ стяжекъ», который сдѣланъ на основанiи дѣйствительныхъ заводскихъ опытовъ и на основанiи продолжительныхъ наблюденiй.

Подводя итогъ сказанному, я не могу не чувствовать себя въ глубокой степени оскорбленнымъ. Вы поступили со мной не какъ начальникъ, который вникаетъ въ суть дѣла, и не какъ джентельменъ, какимъ Вы должны были себ я показать хотя бы потому, что живете въ странѣ джентельменовъ, а какъ дореформенный царскiй чиновникъ.

Мнѣ не хотѣлось бы говорить о моихъ заслугахъ, какъ работника, но, покидая миссiю при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, я невольно вспоминаю слова фабриканта Mr. Ch. Ottis въ Клевеландѣ, которыя онъ мнѣ сказалъ на прощанiе:

— «Mr. Озолсъ, намъ было тяжело исполнять Ваши требованiя, но Вы были справедливы. Желаю Вамъ счастья».

Эти слова для меня будутъ лучшимъ воспоминанiемъ о моей работѣ въ Америкѣ».

Прочтя мое письмо, Ломоносовъ немедленно попросилъ меня къ себѣ. Его первый вопросъ былъ:

— «Почему вы меня выругали»?

Такъ у него было всегда. Не сдержанный, онъ бросался, очертя голову, будто ослѣпнувъ, не считаясь ни съ какими препятствiями, забывая мѣру и границу дозволеннаго, но, получивъ отпоръ, смирялся и притихалъ.

— «Было бы, Юрiй Владимiровичъ, неправильно, — отвѣтилъ ему я, — и даже нечестно съ моей стороны уйти послѣ столь долгой совмѣстной работы съ вами и не сказать вамъ правды».

Это подѣйствовало. Мои слова произвели на него должное впечатлѣнiе, онъ тутъ же высказалъ мнѣ свои сожалѣнiя о происшедшемъ, и просилъ взять письмо обратно, что я и сдѣлалъ. Потомъ, нѣсколько дней спустя, мы обѣдали съ нимъ вдвоемъ. Ломоносовъ весьма

не прочь былъ выпить бутылку-другую вина и въ такiя минуты становился откровеннымъ, а откровенность его была нескрываемо циничной. Философствуя за стаканомъ вина, онъ повѣдалъ мнѣ мораль и мудрость своей жизни:

— «Никогда не надо считаться съ хорошимъ человѣкомъ. Считаться надо съ негодяемъ, ибо хорошiй человѣкъ никогда вамъ не напортитъ.»

Вѣсти изъ Россiи были все грознѣе, хуже и безнадежнѣе. Власть была въ рукахъ большевиковъ, и Ломоносовъ, вѣрный своей морали, становился все задумчивѣй и скрытнѣй. Вдругъ, 11 iюня 1918 г., попросилъ меня къ себѣ и неожиданно началъ такъ:

— «Вы хотѣли меня видѣть?»

— «Радъ всегда васъ видѣть, но, собственно, дѣла къ вамъ у меня никакого нѣтъ.

— «А, вотъ, знаете, скоро мы опять начнемъ строить и вагоны и паровозы. Тутъ вы будете очень и очень нужны».

Поговоривъ еще немного на эту тему, мы разстались Я ушелъ. Хорошо зная Ломоносова и понимая новую политическую обстановку, я почувствовалъ, что моя бесѣда была уже не съ главноуполномоченнымъ, а съ агентомъ большевиковъ, который пробуетъ завербовать меня въ ихъ станъ. Мои предположенiя оправдались скорѣе, чѣмъ я думалъ. Въ тотъ же вечеръ, передъ многолюднымъ собранiемъ въ 10.000 человѣкъ, происходившемъ въ «Madison Square Garden'ѣ, Ломоносовъ выступилъ съ широковѣщательной митинговой рѣчью, говорилъ о новой власти, о ея признанiи, заслугахъ, ея будущемъ, о необходимоети ее поддержать. Толпа — всегда толпа. Встрѣтили его и провожали громкими аплодисментами, но, — тутъ же надо прибавить, — и столь же громкими криками: «Iуда предатель!»» Я вспоминаю объ этомъ и передаю всѣ эти подробности о Ломоносовѣ только потому, что всѣмъ извѣстно, какую важную роль онъ игралъ въ совѣтской Россiи, какъ сталъ въ ней первымъ комиссаромъ путей сообщенiя.

Конечно, на желѣзнодорожную миссiю это выступленiе Ломоносова произвело самое тяжелое, самое удручающее впечатлѣнiе. Члены миссiи А. Липецъ, М. Гротенъ, М. Брониковскiй, Р. Балковъ, Е. Волькенау, Горбуновъ, В. Левинъ, я и другiе собрались и постановили выразить рѣшительный и энергичный протестъ, который и опубликовали въ нью-iоркскихъ газетахъ. Не остался равнодушенъ къ этому выступленiю и посолъ Бахметьевъ. Лицо Ломоносова было выясне-

но. На основанiи письма посла Бахметьева, государственный секретарь Лансингъ сообщилъ всѣмъ учрежденiямъ, что съ этихъ поръ Ломоносовъ больше не глава Русской Миссiи Путей Сообщенiя въ Америкѣ. Здѣсь его каррьера и дѣятельность были кончены. На мѣсто Ломоносова былъ назначенъ инженеръ Альфонсъ Ильичъ Липецъ, мой другъ, занимающiй сейчасъ профессорскую кафедру въ Америкѣ по паровозостроенiю.

Планъ Ломоносова былъ неплохъ. Въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ онъ видѣлъ себя совѣтскимъ посломъ въ Вашингтонѣ или, по крайней мѣрѣ, комиссаромъ путей сообщенiя въ Россiи. Ему важно было добиться признанiя большевиковъ со стороны Америки. Если это случится, все остальное пойдетъ, какъ по маслу. На успѣхъ онъ могъ надѣяться. Умѣлый и ловкiй въ своихъ личныхъ дѣлахъ, карьеристъ, Ломоносовъ успѣлъ установить связи съ Троцкимъ, когда тотъ былъ въ Америкѣ. Въ то время это была надежная опора. Уѣзжая изъ Нью-Iорка, Троцкiй сказалъ провожавшимъ его, что скоро онъ станетъ первымъ лицомъ въ Совѣтской Россiи. Ломоносову оставалось ждать своего счастья. А пока что у него немедленно отобрали всѣ государственныя деньги за исключенiемъ 20.000 долл. Эта сумма, сколько помню, осталась при Ломоносовѣ, и ее больше никто не видѣлъ. Пришлось ему покинуть и миссiю путей сообщенiя, — оттуда его выселили при помощи полицiи.

IV

БОРЬБА ВЪ АМЕРИКѢ ПРОИВЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ И НѢМЦЕВЪ

Для иностранцевъ Россiя всегда была какъ бы окутана туманомъ. За малымъ исключенiемъ, ее представляли себѣ или невѣрно или, неясно. Все было преувеличено и искажено. Меньше всего понимали и совсѣмъ не разгадывали крестьянства, — его душу, его положенiе, склонности и требованiя. Точно такъ же и русская революцiя предстала взору иностранцевъ въ невѣрномъ освѣщенiи, породила разнорѣчивыя мнѣнiя, и этотъ расколъ взглядовъ особенно увеличился, когда власть захватили большевики. Скоро всѣмъ стало ясно одно: положенiе Россiи безнадежно.

Побѣда Ленина враждебно настроила американцевъ не только противъ большевиковъ, но также и противъ всѣхъ, сочувствующихъ имъ въ Америкѣ. Довольно значительная часть прессы съ какой то особенной энергiей взялась за обработку латышей. Эти газеты выставляли ихъ въ очень неприглядномъ видѣ, какъ наемныхъ убiйцъ, вродѣ китайцевъ. Много основанiй было думать, что всѣ эти сообщенiя о латышахъ шли отъ нѣмецкихъ агентовъ. Имъ важно было подготовить американское общественное мнѣнiе, чтобы въ дальнѣйшемъ оправдать свои цѣли и стремленiя, — они съ полной ясностью раскрылись всего черезъ годъ.

Германiя подготовляла путь къ «походу на востокъ». Со своей точки зрѣнiя, нѣмцы совершенно логично разсуждали: чѣмъ больше на этомъ пути будетъ всякой грязи, тѣмъ больше у нихъ права стать расчистителями этого пути. Разъ латыши — наемные убiйцы и сторонники большевиковъ, — мы, нѣмцы, захвативъ прибалтiйскiй край, явимся защитниками культуры, усмирителями, подрывающими большевиковъ и ихъ сторонниковъ.

Въ этомъ смыслѣ пропаганда была такъ сильна, что болѣе малодушные латыши въ Америкѣ начали стыдиться своего же народа. Надо было что-нибудь дѣлать, какими бы то ни было средствами, но немедленно слѣдовало взяться за борьбу съ этой ложью. За мной были безукоризненно проведенные въ работѣ годы въ Америкѣ, обширныя знакомства, хорошія связи, — все это какъ бы само собой подталкивало къ тому, чтобы разрушать злую легенду, и давать отпоръ всѣмъ сознательнымъ и несознательнымъ нападкамъ на латвійскій народъ.

Никогда не забуду одной моей бесѣды.

Тогда изъ Россіи только что пріѣхалъ докторъ философіи, еврей. Какъ-то при встрѣчѣ, я рѣшилъ съ нимъ посовѣтоваться. Онъ высказалъ мнѣ замѣчательную мысль о роли латышей въ большевизмѣ:

— «Несчастье латвійскаго народа въ томъ, что онъ и негодяю служитъ за совѣсть, т. е. вполнѣ порядочно».

Нельзя было терять время. Я началъ новую работу — борьбу за честь моего народа. Съ искреннимъ подъемомъ, вѣря въ каждое свое слово, опираясь на опытъ всей моей жизни, я написалъ статью и послалъ ее въ «New Iork Times». Вотъ выдержки изъ этой статьи, появившейся 30 іюня 1918 г.

«Давно уже Америка знаетъ русскаго эмигранта, давно американцы слышали правду и неправду о Россіи, какъ о странѣ несчастья, произвола и варварства. Но не такъ давно узнали они русскаго интеллигента, представителя стараго и новаго правительства, нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей и русскихъ талантовъ-художниковъ.

Мнѣніе американцевъ значительно измѣнилось, и теперь уже съ большимъ интересомъ Америка слѣдитъ за самой борьбой, которая ведется во имя счастья русскаго народа,—борьбой, исходъ которой не можетъ не отразиться на счастьѣ всѣхъ народовъ, на исторіи всего міра.

Большевики говорятъ, что русская интеллигенція, русскій соціалистъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова — тотъ же буржуй и врагъ русскаго народа, русскаго крестьянина и не способенъ къ созидательной работѣ, а вотъ они — друзья народа и съ ними весь русскій народъ, русскій крестьянинъ. Въ моихъ постоянныхъ путешествіяхъ по Америкѣ меня десятки разъ спрашивали, кто такой русскій крестьянинъ, за кого онъ въ этой борьбѣ — за большевиковъ, какъ послѣдніе это

утверждаютъ, или же за тѣ идеи, которыя были положены въ основу правительства Керенскаго.

Разрѣшите же мнѣ теперь, когда этотъ вопросъ принялъ наиболѣе острую форму, чѣмъ когда либо, сказать правду о русскомъ, и въ частности, о прибалтійскомъ крестьянствѣ, истиннымъ представителемъ котораго я являюсь.

Прибалтійскій крестьянинъ — символъ горя —больше всѣхъ страдалъ отъ гнета самодержавного и нѣмецкихъ бароновъ. Это тотъ, кого русскій баринъ, русскій купецъ, и чиновникъ держали въ кабалѣ, крестьянинъ, тотъ, надъ которымъ соціалистъ большевикъ производилъ разные эксперименты, самъ во время удирая за границу и оставляя крестьянина на расправу царскимъ жандармамъ.

Я родился въ крестьянской семьѣ, дѣтство и юность провелъ въ деревнѣ, вставалъ съ восходомъ солнца и съ заходомъ его ложился спать, проводя день на полѣ. Годами (до 21) я работалъ простымъ рабочимъ, раздѣляя и горе и радости чисто крестьянскія. На заработанныя такимъ образомъ деньги я покупалъ книги и самоучкой сдавалъ экзамены, пока не поступилъ въ институтъ.

Крестьяне были и оставались до сихъ поръ моими друзьями. До конца 1915 года, когда я пріѣхалъ въ Америку, я каждое лѣто недѣли двѣ, мѣсяцъ проводилъ въ деревнѣ у крестьянъ. Каждое Рождество я былъ желаннымъ гостемъ и всегда я состоялъ — и состою теперь — членомъ ихъ просвѣтительныхъ, земледѣльческихъ и общественныхъ организацій. Меня знаютъ широкіе слои крестьянства, тѣсную связь съ которыми, даже будучи въ Америкѣ, я поддерживалъ, пока, наконецъ, нѣмцы не забрали Прибалтійскаго Края.

Я знаю прибалтійскаго крестьянина-латыша, мнѣ дороги его идеалы, такъ же, какъ судьба всей Россіи, вѣрными подданными которой были латыши Прибалтійскаго Края.

— Когда теперь большевики утверждаютъ, что крестьянскія массы съ ними, и на основаніи этого часть 10.000 собранія въ Нью-Іорке требуетъ признанія правительства большевиковъ, въ отвѣтъ имъ я скажу, что это ложь и клевета. Эхо моего голоса раздается по окровavаленнымъ долинамъ Прибалтійскаго Края и проходитъ въ каждую крестьянскую хижину, въ почти 2 милліонное населеніе крестьянъ-латышей этого края, политическая зрѣлость и культурность которыхъ извѣстна всей Европѣ, и ротъ которыхъ зажатъ теперь

нѣмецкимъ кулакомъ, и я слышу, какъ народъ повторяетъ со мной: «ложь, клевета, тысячу разъ клевета!»

Ни въ темные дни реакціи, ни въ свѣтлые дни революціи крестьянскія массы не были большевицкими и не будутъ никогда ими. Въ послѣднемъ письмѣ, которое я получилъ отъ старика крестьянина, онъ говоритъ: «Если ты вернешься, ты найдешь свой народъ несчастнымъ: нѣтъ счастливыхъ лицъ, нѣтъ радости, и я часто думаю и гадаю, что это за страшная болѣзнь, которая сдѣлала насъ такими несчастными».

Еще не такъ давно все прибалтійское крестьянство объединилось въ день торжества, когда былъ поставленъ грандіозный памятникъ крестьянскому борцу за свободу, борцу противъ нѣмецкаго вліянія, съ надписью: «Отечество и свобода — драгоцѣннѣйшія сокровища на свѣтѣ.

За эти идеалы, а не идеалы большевиковъ, которые такъ безстыдно продали латышей ихъ вѣковымъ врагамъ, нѣмцамъ, все прибалтійское крестьянство боролось и будетъ бороться.

Душа моя, душа русскаго крестьянина, изстрадалась, и я не могу больше молчать. Я хочу бросить хотя бы соломинку погибающему народу — авось другіе подадутъ корабли».

Такъ я писалъ.

Признаться, у меня было мало надежды на то, что голосъ мой будетъ услышанъ массами, что статья окажетъ какое-нибудь значительное вліяніе. Но важно было, чтобъ кто-нибудь, — все равно, кто, гдѣ, въ какомъ органѣ, — сказалъ бы правду, попробовалъ бы разсѣять хоть немного эти тяжкія тучи лжи. Результатъ оказался совсѣмъ непредвидѣнный: со всѣхъ концовъ Америки я сталъ получать письма, — больше всего, конечно, отъ латышей. Какая-то латышка, Марголикъ изъ Детройта, писала, какъ она со слезами читаетъ и перечитываетъ мою статью, чуть ли не молится на нее. Дальше она разсказываетъ о себѣ, — о томъ, что она пріѣхала въ Америку послѣ полученнаго ею раненія ноги, что на войнѣ она сражалась простымъ солдатомъ, потому что хотѣла раздѣлить участь своихъ четырехъ братьевъ, изъ которыхъ двое остались безъ рукъ, а двое другихъ пропали безъ вѣсти. Письмо произвело на меня глубокое впечатлѣніе. При всей моей выдержкѣ и крѣпкихъ нервахъ, я заплакалъ. Эти признанія латышки, ея растроганность, сердечный тонъ письма какъ-то невольно и неожиданно даже для меня самого, разбудили воспоминанія о моей собственной семьѣ, а

отъ нея я давно уже не получалъ никакихъ извѣстій.

Я не опускалъ рукъ. Взявшись за борьбу, я долженъ былъ ее продолжать. Послѣ первой статьи я отправилъ вторую, — тоже о большевикахъ, и въ ней между прочимъ, писалъ:

«Государство Россійское дѣлилось на «мы» и «они». Мы — царствующіе, они — подчиненные: мы — барствующіе, они, крестьяне, — рабствующіе. Вотъ, гдѣ былъ источникъ всѣхъ ужасовъ, всѣхъ несчастій. Но разсѣялась вѣковая страшная туча, солнце ярко засіяло, пробудились творческія силы страны, и всѣмъ какъ будто стало тепло и хорошо, — увы! — не надолго.

Снова начали собираться грозныя тучи, снова Россія погрузилась во мракъ, и снова стали «мы» и «они». «Мы» — съ дьявольскимъ наслажденіемъ все лучшее уничтожающіе, созданное вѣками разрушающіе, «они» — ограбленные, истерзанные, изнасилованные. Мы — большевики царствующіе и живущіе во дворцахъ царей, они — лучшія силы народа, — снова въ тюрьмахъ, снова въ изгнаніи.

И тогда нужно было доказывать, что крестьянинъ — царскій вѣрноподданный, и теперь снова повторяется ложь, но не царскими приверженцами, а большевиками: — крестьянинъ ихъ вѣрноподданный.

Всѣхъ крестьянъ Россіи, по ихъ культурному и матеріальному состоянію, можно раздѣлить на двѣ категоріи: крестьяне-хуторяне и крестьяне-общинники.

Кто знакомъ съ Россіей и наблюдалъ за этими видами хозяйства, не могъ не замѣтить рѣзкой разницы между крестьяниномъ хуторяниномъ и крестьяниномъ общинникомъ. Первый — энергичный, зажиточный, болѣе культурный, второй — менѣе энергичный, въ большинствѣ случаевъ бѣдный, часто голодный, — словомъ, несчастное существо. Я знаю вдоль и поперекъ балтійскій край, гдѣ крестьяне только хуторяне, я знаю хутора латышскихъ и малороссійскихъ колонистовъ, — въ разныхъ частяхъ Россіи, — я знаю также хозяйство крестьянина общинника.

Я линевалъ крестьянскія земли на Уралѣ, въ Самарской губерніи и дѣлилъ ихъ общины на хутора. Я наблюдалъ за жизнью крестьянина хуторянина и крестьянина общинника, рядомъ живущихъ, съ одинаковымъ количествомъ земли одного и того же качества и я вынесъ глубокое убѣжденіе, что несчастіе Россіи-страданія русскаго крестьянина въ большей мѣрѣ зависѣли отъ формы хозяйства: община губила Россію.

Крестьяне балтійскаго края, — латыши, какъ и

эсты, — несравненно раньше были освобождены отъ крѣпостничества, нежели крестьяне въ остальной части Россіи. И тѣ, и другіе были общинники. Но крестьяне балтійскаго края скоро убѣдились, что постоянное несогласіе въ общинѣ, вѣчные споры и т. д. губятъ энергію и предпріимчивость, что нищета здѣсь вѣчный спутникъ, и уже около 60-хъ годовъ начали дѣлиться между собой и покупать новые земельные участки у помѣщиковъ не общиной, а отдѣльными единицами. И если балтійскій край достигъ такого высокаго культурнаго уровня, то благодаря хуторскому хозяйству. Старики-крестьяне съ любовью теперь вспоминаютъ тѣхъ мудрыхъ піонеровъ, которые положили основаніе хуторскому хозяйству въ балтійскомъ краѣ. И, дѣйствительно, трудно найти во всей Россіи такія цвѣтущія, хотя и бѣдныя по природѣ, поля, такіе луга, какъ въ балтійскомъ краѣ. Частная иниціатива и предпріимчивость, не связанная съ общиной, сдѣлали чудеса. И во всемъ балтійскомъ краѣ теперь у крестьянина одно желаніе, одна мечта, которая звучитъ, какъ молитва: «Мой уголокъ, мой кусочекъ земли, здѣсь я стою и отсюда я начну строить свое и моего потомка будущее».

Въ остальной Россіи дѣло обстояло по другому. Обширны были дѣвственныя поля Россіи, мало населена страна. Сколько хотѣлъ крестьянинъ земли, столько и бралъ. Границы опредѣлялись по полету птицъ, или «куда соха, коса и топоръ ходили». И воспѣлъ онъ въ своихъ пѣсняхъ землю-кормилицу, какъ мать родную, какъ Божій даръ. Это была религія стараго крестьянина. Община, образовавшаяся хотя и подъ различными видами, уже въ раннюю эпоху исторіи Россіи, образовавшаяся не въ результатѣ экономическаго прогресса, а совершенно по другимъ причинамъ, продолжала свое существованіе, но постепенно поработила крестьянина и отняла у него землю. Земля Божья, народа, общества, но только не его, и въ этомъ весь трагизмъ крестьянина любви къ землѣ. «Сходъ», которымъ часто управляла водка, рѣшалъ всѣ дѣла, уничтожалъ энергію и предпріимчивость крестьянина. Полагаясь на Бога и капризную мать-природу, «мучился» русскій крестьянинъ на землѣ.

Наконецъ, старое правительство сознало, что надо улучшить матеріальное положеніе крестьянъ, и въ результатѣ этого, была произведена большая реформа въ крестьянскомъ землеустройствѣ.

Большевики обрушились на правительство, ибо въ этой реформѣ они видѣли опасность для ихъ безжизненныхъ теорій: они опасались, что крестьянину привьется правильное понятіе о собственности, что крестьянинъ въ состояніи будетъ скорѣе видѣть результаты своей работы и такимъ образомъ, почувствуетъ нѣкоторую самостоятельность и перестанетъ быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ большевиковъ. Устраивались крестьянскія возстанія, чтобы провалить эту реформу, писалось и доказывалось, что правительство сознательно разрушаетъ крестьянъ и т. д.

Во многомъ большевики были правы; во многихъ мѣстахъ руководители землеустроительныхъ работъ были люди съ чисто чиновническими взглядами, безъ знаній, безъ опыта. Не реформа была виновата, а ея бездарные руководители. Но какъ ни старались большевики прививать крестьянину свои голодныя теоріи, съ годами сознательное крестьянство все больше и больше начало понимать, что ему надо стать болѣе неприкосновеннымъ и увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, — крестьяне начали дѣлиться на отдѣльные хутора, и передъ войной цѣлыми деревнями обращались въ правительственныя учрежденія съ просьбой ихъ размежевать.

Настала война, пришли и неурожайные годы, прекратились всѣ землеустроительныя работы, изголодался и усталъ крестьянинъ. Временные вожди народа ограничились обѣщаніями крутыхъ земельныхъ реформъ, а большевики говорили: «Все, что ты видишь вокругъ себя, бери: это — твое». Великъ былъ соблазнъ дьявола, и были преданы огню, и разрушенію организованные хозяйства, дома, и земля подѣлена на правахъ сильнаго между деревнями.

Вотъ земельная реформа большевиковъ, которая дастъ плоды полнаго оскудѣнія, ибо разграбленныя имѣнія находятся въ колоссальномъ неравновѣсіи. Есть уѣзды, гдѣ вся земля находится въ рукахъ общинъ, и тутъ же рядомъ другой уѣздъ изобилуетъ частными владѣніями. Стало быть, первому изъ нихъ не придется воспользоваться раздѣленной землей въ сосѣднемъ уѣздѣ, — этимъ большевики положили начало безконечнымъ насиліямъ и несправедливости среди крестьянъ. Уже получаются сообщенія о воруженныхъ столкновеніяхъ между деренями.

Главари большевизма утѣшаются тѣмъ, что революція не приходитъ въ бальномъ платьѣ, и во всѣхъ ужасахъ видятъ актъ возмездія. Но они забываютъ, что революція возвѣщаетъ зарю новой жизни въ странѣ, пробужденіе ея творческихъ силъ на началахъ равенства и братства свободныхъ гражданъ. Вмѣсто этого,

они стараются насильно привить русскому крестьянину принципъ соціальной коммуны, въ то время, когда обширныя поля уже пустуютъ и страшный призракъ — голодъ и порабощеніе нѣмцамъ, всталъ на горизонтѣ и грозитъ своей тѣнью покрыть молодую свободу Россіи.

Ни одинъ сознательный крестьянинъ не можетъ быть съ большевиками, ибо крестьянинъ хочетъ, чтобы ему дали землю, но такъ, чтобы его сосѣдъ ее не отнималъ, и чтобы онъ зналъ, что земля его навсегда. Только тогда успокоиться русскій крестьянинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Россія»...

СОЮЗЪ РУССКИХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ

Событія шли своимъ чередомъ.

Распадались прежнія русскія учрежденія, созданныя въ Америкѣ, появлялись и исчезали новыя лица. У русскихъ въ душѣ возникали сомнѣнія и ихъ угнетала полная неясность завтрашняго дня. Жить въ атмосферѣ такого распада становилось все труднѣй. Въ такихъ условіяхъ организовался союзъ русскихъ инженеровъ въ Америкѣ, и я былъ избранъ его первымъ предсѣдателемъ. Въ союзѣ состояло около 100 инженеровъ, въ ихъ числѣ министръ А. Бубликовъ, гр. С. Шуленбургъ, Нарушевичъ, впослѣдствіи ставшій литовскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Степановъ, извѣстный инженеръ колчугинскихъ заводовъ, и многіе другіе инженеры съ именемъ и стажемъ. Общество сразу заняло совершенно опредѣленную позицію и стало проводить ясную и прямую линію. Свои задачи оно формулировало точно и кратко: борьба не тоьлко противъ большевиковъ, но и противъ всѣхъ неурядицъ, господствовавшихъ въ русскихъ миссіяхъ, въ посольствѣ и въ другихъ русскихъ организаціяхъ.

За моей подписью было послано оффиціальное письмо чрезвычайному россійскому послу въ Америкѣ: «Общее собраніе Союза Русскихъ Инженеровъ и Техниковъ поручило мнѣ, какъ предсѣдателю, довести до Вашего свѣдѣнія, о томъ ненормальномъ состояніи нашихъ заготовительныхъ учрежденій, которое не можетъ остаться безъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кому еще дорога родина.

Въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года Русское Посольство и Представитель Государственнаго Контроля, учитывая съ одной стороны размѣры текущихъ заготовительныхъ работъ, а съ другой — размѣры кредитовъ, которыми располагало Посольство, поставили на очередь срочное разсмотѣрніе воспроса о сокращеніи штатовъ нашихъ Заготовительныхъ Учрежденій, равно какъ и разсмотрѣніе размѣровъ окладовъ, получаемыхъ отдѣльными лицами. Какъ слѣдствіе этого, кое-что было проведено въ жизнь, и кое-какія сокращенія были сдѣланы. Съ тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ.

За этотъ срокъ положеніе Россіи не только не улучшилось или осталось хотя бы въ прежнемъ состояніи, но приняло оборотъ въ худшую сторону; тѣмъ не менѣе штаты служащихъ Заготовительныхъ Учрежденій и размѣры окладовъ отдѣльныхъ лицъ не только не согласуются съ отвѣтственностью исполняемой ими работы, но и явно ложатся тяжелымъ бременемъ на ограниченные остатки русскихъ народныхъ кредитовъ въ Америкѣ. Находя подобное явленіе ненормальнымъ, Союзъ Русскихъ Инженеровъ и Техниковъ обращается къ Вамъ, г. Посолъ, и проситъ Васъ, на основаніи «Положенія объ Отдѣлѣ по Снабженію при Россійскомъ Посольствѣ», пересмотрѣть вновь упомянутые штаты служащихъ.

Въ началѣ войны, когда Россія была еще могучей страной, когда финансовые вопросы она разрѣшала съ неизмѣримо большей легкостью, чѣмъ они могутъ быть разрѣшены нашимъ Посольствомъ, тогда наши представители довольствовались половиной, порой одной третью того, что они получаютъ теперь, въ періодъ бездѣйствія. Всѣ мы настолько ознакомились съ условіями и требованіями мѣстной жизни, что безъ труда можемъ опредѣлить размѣръ нормальнаго оклада и для Начальника, и для инженера, и для студента, и для низшаго служащаго. Устраивать же свое личное благосостояніе въ такое для Россіи время, т. е. за счетъ разоренной страны, несовмѣстамо съ званіемъ Русскаго гражданина.

Сейчасъ наша страна представляетъ изъ себя сплошное море сраженія, и намъ, находящимся здѣсь, дольше нельзя оставаться безучастными къ напряженной борьбѣ. Нашъ нравственный долгъ спасать то, что можно. Несмотря ни на что, жизнь въ Заготовительныхъ Учрежденіяхъ все еще течетъ по старому: даются отпуска «для отдыха» съ сохраненіемъ содержанія, и даже, несмотря на высокіе оклады, выдаются пособія, доходящія порой до 2-хъ мѣсячнаго содержанія.

Когда Вашъ первый призывъ къ сокращенію штатовъ и кредитовъ на ихъ содержаніе сталъ проводить-

ся въ жизнь, получилось странное, быть можетъ, случайное явленіе: одними изъ первыхъ увольнялись въ Россію командированныя лица и почему-то прочно оставались на своихъ мѣстахъ — нанятыя здѣсь.

Когда въ Россіи назрѣлъ вопросъ о посылкѣ въ Америку пріемочныхъ партій, то общественныя организаціи, въ которыхъ участвовали и Вы, г. Посолъ, поддерживали мнѣніе о желательности посылки въ качествѣ чиновъ этихъ пріемочныхъ комиссій — молодыхъ инженеровъ и студентовъ старшихъ курсовъ, на которыхъ одновременно возлагалась надежда, что они, за время своего пребыванія въ Америкѣ, найдутъ возможность познакомиться съ высоко развитой американской промышленностью. Но, къ сожалѣнію, ихъ работа протекла въ условіяхъ, не позволившихъ имъ оправдать возложенныя на нихъ надежды.

Впослѣдствіи эти лица стали пропагандировать идею образованія отдѣльныхъ группъ по изученію тѣхъ или другихъ вопросовъ техники.

Эта идея была подхвачена бывшимъ Главноуполномоченнымъ Миссіи П. С. и проведена въ жизнь, но, къ глубокому сожалѣнію, на чисто чиновничьихъ началахъ новѣйшей формаціи. Въ образовавшіяся группы брали первыхъ попавшихся людей, безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія: не обращалось достаточно вниманія на то, соотвѣтствуетъ ли данное лицо по своей технической подготовкѣ тому дѣлу, которое ему поручается изучить, будетъ ли заниматься этимъ вопросомъ впослѣдствіи, да и поѣдетъ ли въ ту самую Россію, которая даетъ ему средства для изученія.

Подобное ненормальное явленіе не могло не отразиться на результатахъ, въ которыхъ и сами изучавшіе начинали сомнѣваться. Между тѣмъ, при должномъ отношеніи къ дѣлу со стороны высшихъ руководителей, могли бы быть несравненно большіе результаты при меньшей затратѣ, такъ какъ трудъ лица изучающаго, понятно, не можетъ быть оплачиваемъ въ томъ же размѣрѣ, что и трудъ лица, дающаго свои знанія, опытъ и отвѣтственнаго за свои дѣйствія передъ закономъ.

Когда догораютъ послѣдніе остатки нашей родины, когда дикая, необузданная, грубая сила разрушаетъ плоды вѣковой работы культуры, тогда пировать нельзя. Только больной умъ можетъ находить себѣ оправданіе и превращать въ эти кровавые дни Русской Исторіи дѣйствительность въ праздникъ.

Заканчивая свое обращеніе, Союзъ Русскихъ Инженеровъ и Техниковъ глубоко вѣритъ и надѣется на

то, что и Вы, г. Посолъ, слѣдуя демократическимъ стремленіямъ Русскаго Народа, и чувству справедливости, вмѣстѣ съ Представителемъ Государственнаго Контроля, — не откажете въ благосклонномъ вниманіи и примете всѣ зависящія отъ Васъ мѣры по вышеизложеннымъ вопросамъ».

Какъ видитъ читатель, это письмо не могло понравиться послу, хотя по существу, оно не заключало въ себѣ никакихъ рѣзкостей. Его тонъ былъ только рѣшительнымъ. Это письмо хотѣло открыть глаза послу на дѣйствительное положеніе вещей, а это положеніе было совершенно ненормально. Посолъ не возмутился письмомъ, но все же сдѣлалъ мнѣ упрекъ. Это меня мало огорчило, такъ какъ я былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что правда, наконецъ, достигла и ушей посла.

Когда я покинулъ Союзъ Инженеровъ, его предсѣдателемъ былъ избранъ гр. Шуленбургъ. Всѣ русскія организаціи кончались, ихъ жизнь обрывалась. Лучшую участь имѣлъ нашъ союзъ. Онъ вошелъ въ контактъ съ союзомъ американскихъ инженеровъ, и тотъ его принялъ подъ свое покровительство. Такъ образовался при всемірно извѣстномъ союзѣ инженеровъ, въ знаменитомъ Корнеги доме русскій отдѣлъ.

Президенту Вильсону союзъ русскихъ инженеровъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Союзъ Русскихъ Инженеровъ, — состоящій изъ людей съ установившимися взглядами, не преслѣдующихъ политическихъ цѣлей и посланныхъ въ Соединенные Штаты русскими учрежденіями и обществами съ цѣлью пріобрѣтенія знаній на пользу Россіи, единогласно постановилъ, по обсужденіи ужасныхъ условій, царящихъ въ Россіи, обратиться къ Вамъ не только какъ къ главѣ этой великой и свободной страны, принявшей насъ, какъ друзей, но также какъ къ вождю истинной демократіи, стороннику мира и международнаго правосудія.

Мы чувствуемъ, что русскій народъ, истощенный голодомъ, лишеніями и непосильной борьбой съ врагами истинной свободы, пришелъ въ отчаяніе, и что Россія находится на пути бѣдствій, которыя могутъ отразиться на поколѣніяхъ, если для спасенія ея не явится быстрая помощь.

Мы убѣждены, что Русскій народъ, обманываемый въ теченіе долгаго времени теоріями, обѣщаніями и неудачами безсильныхъ преобразователей, нуждается въ матеріальной помощи для спасенія отъ гибельнаго нѣмецкаго засилья.

Поэтому мы просимъ Васъ, г. Президентъ, исполь-

зовать Ваше вліяніе на пользу Россіи въ дѣлѣ организаціи Американскимъ Правительствомъ гражданской экспедиціи въ Россію для подачи русскому народу помощи, необходимой ему для успѣшной борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ.

Мы увѣрены, что члены нашего союза могутъ многимъ помочь при осуществленіи этой задачи, освѣщая русскому народу американскіе нравы и обычаи, американскіе идеалы и американскую безкорыстность и искренность.

Мы увѣрены, что въ совмѣстной работѣ съ такой экспедиціей явится возможность измѣнить чувство недовѣрія по отношенію къ союзникамъ, внушенное, безъ сомнѣнія, значительной части русскаго народа нѣмецкими пропагандистами, и что организація такой экспедиціи отмѣтитъ начало новой эры для Россіи, положитъ основаніе взаимной дружбы между Россіей и Соединенными Штатами и явится базисомъ объединенія русскаго народа въ его борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ.

Не личныя выгоды, но долгъ и сознаніе угрожающей гибели понуждаютъ насъ къ этому выступленію, и мы надѣемся, что Вы не оставите его безъ вниманія».

Такимъ образомъ, поле борьбы съ большевиками, въ которой я рѣшилъ принять самое дѣятельное участіе, — все расширялось и расширялось. Но самое большое удовлетвореніе мнѣ, все-таки, доставляли результаты моихъ статей. Скажу безъ преувеличенія: онѣ возстановили противъ большевиковъ почти всѣхъ американскихъ латышей. Въ самый короткій срокъ была основана Латышская Національная Лига съ отдѣлами въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Чикаго, Филадельфіи, Клевеландѣ. Разумѣется, цѣль всѣхъ этихъ организацій была одна и та же: борьба съ большевиками и нѣмцами. Въ своемъ первомъ воззваніи Латышская Національная Лига говорила:

«Ужасная борьба на полѣ брани во имя демократіи и свободы народовъ отняла у нашей родины лучшихъ сыновей и имущество всего народа. Ни одинъ изъ населяющихъ Россію народовъ такъ мужественно и самоотверженно не боролся противъ нѣмцевъ, какъ латыши, и ни одинъ изъ этихъ народовъ теперь такъ не «обрабатывается» при помощи враждебной пропаганды, какъ латыши.

Не далеко то время, когда германская военная сила будетъ сломлена и, подобно вешнему снѣгу, исчезнетъ. Вмѣсто кроваваго свѣта, который уже годами

освѣщаетъ нашу родину, «серебристое солнышко взойдетъ», какъ поется въ нашей народной пѣснѣ».

«РУССКІЙ ДЕНЬ» ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ

Наша пропаганда не осталась безслѣдной. Зовы враговъ большевизма были услышаны. Въ единодушномъ протестѣ об'единились многія русскія организаціи. Это уже былъ не союзъ тѣхъ или иныхъ профессіоналовъ, — всякій, кто понималъ характеръ, планы и будущее большевицкой власти, присоединилъ свой голосъ къ общему протесту. Апофеозомъ этого единенія, символомъ и знаменемъ общаго русскаго протеста противъ большевиковъ сталъ «Русскій День», въ Нью-Іоркѣ. 16-го октября 1918 г. состоялось грандіозное шествіе по пятому авеню до Центральнаго парка, гдѣ долженъ былъ произойти большой митингъ протеста. Первымъ съ рѣчью выступилъ представитель американскаго правительства, г. Фогель, помощникъ государственнаго контролера:

«Мы привѣтствуемъ Россію, — сказалъ онъ, — какъ нашу союзницу. Брестъ-Литовскій миръ никѣмъ не признанъ и никого не обязываетъ. Россія, русскій народъ не хотѣли этого мира и не хотятъ его. У насъ имѣется безчисленное количество доказательствъ, что ни одна группа, ни одинъ классъ въ Россіи не желалъ и не желаетъ подобнаго мира. Мы никогда не забываемъ и не забудемъ того, что сдѣлала Россія для обезпеченія побѣды союзниками. Весь міръ — въ долгу у Россіи, ибо не брось она своихъ войскъ съ самаго начала войны на сторону союзниковъ, Германія прошлась бы побѣдоносно по лицу всей Франціи». Затѣмъ г. Фогель указалъ на огромныя жертвы Россіи въ этой войнѣ и отмѣтилъ, что въ тотъ день, когда представители всѣхъ народовъ соберутся на мирную конференцію, — тогда и Россія приметъ участіе въ плодахъ всеобщей побѣды наравнѣ со всѣми союзными націями.

Долгіе апплодисменты были лучшими показателями того, что русскіе граждане поняли смыслъ рѣчи оффиціальнаго представителя Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ произнесъ рѣчь Россійскій Посолъ Б. А. Бахметьевъ.

«Доблестныя арміи союзниковъ, сказалъ онъ, сокрушаютъ германскія укрѣпленія во Франціи и Бельгіи. Передъ безпримѣрнымъ героизмомъ нашихъ молодцовъ рушатся не только твердыни Гинденбурга, но и

гнусныя мечты автократіи, ея стремленіе поработить міръ и подчинить его военнымъ властелинамъ Германіи

Теперь мы уже видимъ зарю конечнаго тріумфа въ величайшей изъ всѣхъ войнъ, въ которую, 51 мѣсяцъ тому назадъ, Россія вступила, чтобы защитить свою сестру — Сербію. Эта война — народная; она ведется въ защиту высочайшихъ правъ человѣчества: правъ свободы и справедливости. И если эти идеалы требуютъ жертвъ, то Россія была первой, принесшей въ жертву величайшее изъ своихъ сокровищъ — жизнь многихъ своихъ сыновъ.

Это усиліе Россіи въ первые дни войны дало возможность нашимъ союзникамъ собраться съ силами и продолжать борьбу съ безпримѣрной отвагой и упорствомъ. Это самопожертвованіе Россіи, съ плохимъ оружіемъ оказывавшей сопротивленіе большей военной мощи, черезъ неслыханныя страданія и нужды, довело страну до истощенія, а затѣмъ и до полнаго изнеможенія.

Но это изнеможеніе временное. Великая страна, великій народъ не могутъ пасть. Къ намъ доносятся изъ Россіи голоса, свидѣтельствующіе о томъ, что наступаетъ оздоровленіе страны, и русскіе собираются вокругъ знаменъ дѣйствительной свободы, снова стремясь къ объединенію своихъ усилій съ усиліями союзниковъ.

Вся надежда Россіи — на торжество союзныхъ цѣлей. Мы прибыли сюда, чтобы поднять наше національное знамя, какъ эмблему жертвъ въ прошломъ и какъ символъ надежды въ будущемъ.

Нашъ долгъ, какъ русскихъ, сегодня увеличить вдвое суммы, подписанныя другими націями на Заемъ Свободы: это нашъ долгъ передъ изнасилованнымъ народомъ Россіи».

Послѣ рѣчи Россійскаго Посла былъ поднятъ русскій національный флагъ полковникомъ Николаевымъ. Этотъ моментъ былъ особенно трогательнымъ. Всѣ обнажили головы; американскія войска отдали честь русскому національному знамени, американскій военный оркестръ исполнилъ русскій гимнъ при долго несмолкавшемъ «Ура» многотысячной толпы.

Затѣмъ говорилъ я. Конечно, моя рѣчь, какъ и всѣ мои помыслы, въ эти минуты была о моей родинѣ.

— Граждане свободной Америки, — обратился я къ присутствующимъ, — я радъ, что могу говорить вамъ отъ имени того малаго народа, латышей, который такъ самоотверженно боролся, жертвуя всѣмъ лучшимъ,

что онъ имѣлъ. Я счастливъ, что временно подавленный нѣмцами духъ моего народа въ Латвіи начинаетъ возрождаться между американскими латышами, и что я имѣю честь говорить отъ ихъ имени. Латвія, какъ и другія балтійскія страны, всегда была яблокомъ раздора. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя могилы русскихъ и нѣмцевъ, разобрасанныя по полямъ и пригоркамъ моей родины. Но никогда еще желаніе побѣдить насъ не было такъ велико, какъ теперь. Германія дѣлаетъ все, чтобъ недоброжелательно настроить союзниковъ противъ латышей и, такимъ образомъ, воспрепятствовать нашему самоопредѣленію и нашей независимости. Но нашъ народъ геройски сражался всегда за свои права, за справедливость, и мы увѣрены въ побѣдѣ. Символъ нашего народа — дубовый вѣнокъ. Знамя наше — зеленые луга, желтѣющія нивы и голубое небо, — спутники и благословеніе нашей работы. Нашъ гимнъ начинается словами: «Боже, благослови Латвію, нашу дорогую родину». Сегодня эта молитва должна зазвучать иначе, внушительнѣй и благодатнѣй: «Боже, благослови свободную Латвію, и дай народу свободу».

Такъ въ тѣ дни я, и со мной всѣ единомыслящіе латыши въ Америкѣ, боролись мыслью, словомъ и дѣломъ за честь, славу и свободу Латвіи, пламенно протестовали и возставали, въ мѣру нашихъ силъ, противъ клеветниковъ, противъ нашихъ враговъ и поработителей. И мы вѣримъ, что эти усилія, эти протесты оказали свое дѣйствіе, ибо въ ходѣ историческихъ дѣлъ не пропадаетъ даромъ ни одинъ вкладъ, не умираетъ безслѣдно ни одинъ призывъ, ни одинъ голосъ и ни одна мольба, обращенная къ Богу правды и справедливости.

V

РАБОТА СРЕДИ АМЕРИКАНСКИХЪ ЛАТЫШЕЙ

НѢМЕЦКІЙ АГЕНТЪ-ШПІОНЪ.

Разъ поставивъ себѣ ясную цѣль, я никогда не считалъ возможнымъ забыть о ней, охладѣть или опустить руки. Начавъ газетную кампанію въ защиту чести моихъ соотечественниковъ, я продолжалъ печатать статьи о большевикахъ и латышахъ, и американская пресса въ этомъ отношеніи мнѣ шла навстрѣчу. Въ газетахъ появлялись мои статьи.

7-го октября 1918 г. было опубликовано письмо латышей г. Нью-Іорка къ президенту Вильсону. Въ немъ говорилось о незаслуженныхъ нападкахъ на латышей, какъ націю, — этотъ протестующій голосъ былъ услышанъ въ Бѣломъ Домѣ, и изъ Вашингтона пришелъ вполнѣ удовлетворяющій насъ отвѣтъ. Только съ этого момента я могъ считать свою работу успѣшно законченной. Президента Вильсона балтійскій вопросъ заинтересовалъ. По его порученію, ко мнѣ явился профессоръ Бостонскаго университета, м-ръ Sidney Fai, которому и было поручено заняться изученіемъ этой новой проблемы. Въ то же время среди американскихъ латышей началась организаціонная работа по устройству перваго латышскаго конгресса въ Соединенныхъ Штатахъ. Этотъ конгрессъ выбралъ меня представителемъ на мирную конференцію, гдѣ я долженъ былъ защищать интересы моего народа, территорія котораго была въ это время оккупирована нѣмцами.

Моя работа не особенно нравилась послу Бахметьеву. Въ ней онъ видѣлъ начало раздробленія Россіи. Мнѣ же она представлялась совершенно иной: въ этой работѣ я видѣлъ не гибель, а спасеніе Россіи. Я усиленно совѣтовалъ оставить шаблонные и отпугивающіе лозунги, съ которыми шли Колчакъ въ Сибири, Деникинъ на югѣ, Юденичъ на сѣверо-западѣ. Вмѣсто клича о «единой недѣлимой» Россіи, слѣдовало, по моему глубокому убѣжденію, объявить автономію народовъ, населявшихъ русскія окраины. Только такимъ путемъ можно было поднять ихъ противъ большевиковъ. Этого не было сдѣлано, и этого не хотѣлъ понять и посолъ Бахметьевъ. Болѣе подробно этотъ вопросъ я обсуждалъ съ совѣтникомъ посольства, барономъ Корфомъ, профессоромъ юридическихъ наукъ и бывшимъ финляндскимъ вице-губернаторомъ. Къ сожалѣнію, и онъ былъ оптимистически настроенъ: по его мнѣнію, все должно было наладиться какъ бы само собой. Напрасно я его предупреждалъ, доказывалъ, что и посолъ, и онъ самъ, и всѣ русскіе анти-большевицкіе дѣятели совершаютъ непоправимую, роковую ошибку, что отъ нея больше всего пострадаютъ они же сами, — иллюзія «единой недѣлимой» плѣняла тогда умы, затмила здравый смыслъ и, наконецъ, привело Россію къ самымъ мрачнымъ днямъ.

Кто занимается практической политикой, тотъ долженъ всегда ждать открытыхъ или потаенныхъ нападеній, подвоховъ и соглядайства. Такъ случилось и въ нашемъ дѣлѣ. Какъ только мои статьи начали появляться въ американской прессѣ, ко мнѣ явился очень приличный съ виду господинъ, м-ръ A. Savine и представился, какъ латышъ, который тоже хотѣлъ бы принять участіе въ нашей общей работѣ. Довольно быстро онъ сумѣлъ втереться въ латышскія организаціи Нью-Іорка и даже былъ выбранъ предсѣдателемъ мѣстнаго латышскаго комитета, на обязанности котораго была пропаганда Займа Свободы. Прошло немного времени, и этотъ господинъ былъ «разъясненъ». Нѣсколько дамъ энергичныхъ и самоотверженныхъ участницъ этого комитета, явились ко мнѣ и съ понятной осторожностью, даже какъ бы боязнью, стали разсказывать о работѣ Savine. Имъ она казалась загадочной и непонятной. По ихъ наблюденіямъ, Savine все дѣлаетъ какъ будто для того, чтобы подкосить и даже провалить кампанію 4 Займа Свободы. Естественно, это меня очень взволновало.

Я всегда считалъ долгомъ лично провѣрять чужія наблюденія и выводы, и сталъ внимательнѣй приглядываться къ работѣ Savine. Дамы не ошиблись. Я пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ, что и онѣ. Но одновременно съ этимъ меня информировалъ о Savine еще и представитель американскаго правительства. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сдѣлать объ этомъ

докладъ центральному комитету Займа Свободы, и Savine былъ отстраненъ отъ нашей работы. Вскорѣ мы о немъ забыли, и, вѣроятно, никогда бы не вспомнили, если бы черезъ нѣсколько недѣль ко мнѣ не пришли два секретныхъ агента американской полиціи и не разсказали, что Savine арестованъ. Они точно установили, что онъ, приблизительно годъ тому назадъ, пріѣхалъ въ Америку серкретнымъ образомъ изъ Германіи и учредилъ небольшую контору, которая совсѣмъ не имѣла дѣлъ; его жена открыла, тоже для виду, дамскую мастерскую. Агенты прибавили, что у четы Savine въ банкахъ нѣтъ вкладовъ, денегъ они ни откуда не получаютъ, по крайней мѣрѣ, оффиціально, но живутъ вмѣстѣ съ тѣмъ широко. По мнѣнію этихъ полицейскихъ агентовъ, Savine былъ просто германскимъ шпіономъ, и его задачей было компреметировать работу лойяльныхъ американскихъ латышей въ глазахъ правительства. Мнѣ они предложили дать еще какія-нибудь дополнительныя свѣдѣнія, проливающія свѣтъ на дѣятельность Savine: если у меня окажутся какіе-нибудь факты, то Savine будетъ немедленно разстрѣлянъ. Меня это взволновало и обезпокоило. Конечно, я отказался отъ этого предложенія, потому что никогда не хотѣлъ быть причастнымъ къ гибели другого, хотя бы и злѣйшаго врага.

МАЛЫЕ НАРОДЫ

Война взволновала не только латышей, — она разбудила и другіе народы. Въ Вашингтонѣ былъ основанъ «Mid European Democratie Union», въ Нью-Іоркѣ «League of small nations». Руководитель вашингтонскаго объединенія былъ маститый чехословацкій профессоръ Массарикъ, впослѣдствіи Президентъ Республики. Славянинъ, большой другъ Россіи, не склонный къ пессимистическимъ обобщеніямъ, Массарикъ не хотѣлъ вѣрить въ окончательную гибель старой Россіи и потому не сочувствовалъ освободительнымъ стремленіямъ ея отдѣльныхъ народовъ. Конечно, въ душѣ онъ былъ противъ ихъ отдѣленія отъ Россіи.

Мы работали совершенно самостоятельно. Это сообщало всей дѣятельности нашего комитета полную независимость. Не могли мы примкнуть и къ «Лигѣ малыхъ народовъ», ибо туда входили, напримѣръ, представители Индіи, мечтавшіе объ ея отдѣленіи отъ Британской имперіи. Общая работа съ ними могла намъ

многое испортить. Особенно ясно это стало, когда на одномъ собраніи-митингѣ выступилъ индусъ Laipat Rai, высланный Англіей изъ Индіи за вредную антиправительственную работу. Но когда этотъ Laipat Rai, вмѣстѣ съ другими своими соотечественниками, пригласилъ меня провести у нихъ вечеръ, я былъ очарованъ гостепріимствомъ этихъ людей. Все же мнѣ казалось, что Индія можетъ быть довольна своимъ положеніемъ. Она, свободная страна, можетъ процвѣтать, жить въ полномъ мирѣ подъ защитой величайшаго союза государствъ, — Британской Имперіи.

Тогда же было получено черезъ Японію воззваніе къ народамъ Европы о Международномъ положеніи Латвіи. Его составили латышскіе бѣженцы, видные политическіе дѣятели. Интересно и знаменательно: въ этомъ воззваніи нѣтъ ни одного слова объ окончательномъ отдѣленіи отъ Россіи. Наоборотъ, — проглядывало желаніе быть съ Россіей въ союзѣ. Эта частность очень характерна для того времени, для политическихъ настроеній тѣхъ лѣтъ.

Зато въ очень рѣзкой формѣ это воззваніе обрушивалось на Германію. Это былъ, дѣйствительно, протестъ, обращенный къ народамъ міра:

... «Аннексируя балтійскія провинціи, — Латвію, Литву и Эстонію, — Германія становится единственной владычицей Балтійскаго моря, что не можетъ не препятствовать международнымъ мирнымъ сношеніямъ, въ чемъ заинтересованъ весь міръ, и это грозитъ новыми международными осложненіями уже въ близкомъ будущемъ... Долгъ всѣхъ европейскихъ націй, ради ихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ, прервать дѣйствія Германіи въ Балтійскомъ краѣ».

Уже тогда латыши смотрѣли на этотъ вопросъ серьезно и дальнозорко и совершенно правильно понимали замыслы Германіи. Къ сожалѣнію, и сейчасъ Германія не отказалась отъ своихъ прежнихъ плановъ, и въ области міровой политики этотъ вопросъ остается по сей день чрезвычайно актуальнымъ. Волей исторіи и политической судьбы захватническая рука была отведена, — сейчасъ она вновь тянется сюда же, къ балтійскимъ землямъ.

VI

ИНТРИГИ ПРОТИВЪ БАЛТИКИ

ДИФФЕРЕНЦІАЦІЯ И ИНТЕГРАЦІЯ.

Я уже говорилъ, что Прибалтійскія государства, т. е. Эстонія, Латвія и Литва, съ незапамятныхъ временъ являлись источникомъ раздора сосѣдей. За эти земли боролись Россія, Скандинавія, Польша, Германія; объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія; объ этомъ говорятъ разбросанныя по всему краю могилы чужестранцевъ. Но, можетъ быть, именно поэтому латыши, эстонцы и литовцы, наученные жизненнымъ опытомъ цѣлыхъ поколѣній, всегда стремились и продолжаютъ стремиться къ тому, чтобы занимать нейтральное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, спросите любого гражданина Балтики, какою должна быть политика этихъ странъ, и вы услышите одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Жить дружно со всѣми сосѣдями и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла». Принципъ — прекрасенъ, возразить противъ него нечего. Но практика всегда далека отъ идеала, и политику нейтралитета осуществить трудно. Тутъ же я долженъ сказать, что этотъ «нейтралитетъ» я понимаю въ чисто мѣстномъ значеніи. Съ широкой точки зрѣнія Лиги Націй, ни одно государство, входящее въ ея составъ, какъ членъ, не можетъ и не смѣетъ огораживать себя нейтралитетомъ. Здѣсь всѣ одинаковы и всѣ отвѣтственны: только въ томъ и сила Лига Націй. Если одно изъ колесъ механизма остановится и тѣмъ самымъ остановитъ сосѣднее колесо, что станетъ со всѣмъ механизмомъ? Какъ бы высоко ни цѣнили наши страны нейтралитетъ, онѣ не могутъ устранить разсѣянныхъ и разбросанныхъ вокругъ нихъ интригъ. А цѣль этихъ интригъ всегда одна и та же: нарушить какъ разъ этотъ нейтралитетъ, ради своихъ собственныхъ, личныхъ,

хотя бы и воображаемыхъ выгодъ. Примѣры были, примѣры будутъ.

Не успѣла еще закончиться міровая война, какъ въ Америкѣ стали появляться книги, изданныя литовцами. Въ нихъ они упорно и откровенно распространяли мысль о томъ, что граница литовскаго государства должна пройти до самой Риги. Къ книгамъ были приложены и соотвѣтствующія карты. Мало того. Профессоръ Фриборскаго университета, литовецъ Jusaitis въ «N. J. Times» помѣстилъ статью, доказывающую, что литовскому государству должна принадлежать не только вся Курляндія, но и половина Лифляндіи и часть Витебской губерніи. Другими словами, литовская пропаганда объявляла своей всю Латвію, за исключеніемъ ея сѣверной, пограничной съ Эстоніей части. Это возмутило многихъ, въ томъ числѣ и меня. Я выступилъ съ отвѣтной статьей въ «N. Y. Times» и въ «N. Y. Evening Sun». Статьи мои были рѣзкимъ протестомъ. Ни для кого не составляло тайны, говорилъ я, что всѣ эти тенденціи литовцевъ подготовлялись и подогрѣвались другими народами.

Къ моему протесту всецѣло присоединилась газета «Evening Sun». Ссылаясь на мое письмо-протестъ, газета помѣстила передовую статью подъ заглавіемъ «Латвія». Въ этой статьѣ «Evening Sun» осудила ни на чемъ не основанныя литовскія домогательства. Это подѣйствовало, ибо въ то время литовцы весьма внимательно прислушивались къ голосу американской печати. Ко мнѣ явилась литовская делегація. Велико было мое изумленіе, но и удовлетвореніе: она — весьма странно! — выразила мнѣ свою благодарность за вмѣшательство въ этотъ вопросъ. Совершенно откровенно делегація разсказала мнѣ, что агитація ведется не настоящими литовцами, — въ этой пропагандѣ заинтересованы литовцы-поляки, вѣрнѣе, ополячившіеся литовцы. Доказывая права Литвы на латвійскія земли, они имѣютъ въ виду свои, совсѣмъ особые интересы въ будущемъ.

Были тутъ и другія соображенія. Мечтая о владычествѣ на востокѣ, нѣмцы хотѣли создать литовское государство во главѣ съ германскимъ принцемъ Іоахимомъ. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ больше была бы Литва, тѣмъ лучше было бы для будущаго завоевателя. Чтобы успѣшно осуществить эту цѣль, нужно было провести пропаганду о латышахъ, какъ о большевикахъ. Все это, разумѣется, оказывало извѣстное вліяніе на болѣе близорукихъ сосѣдей. Они не особенно

дружелюбно относились къ стремленіямъ латышей, хотя, казалось бы, простой здравый смыслъ долженъ былъ подсказать неоспаримую истину: «Будетъ Латвія, будетъ Эстонія и Литва. Не станетъ одной, не будетъ и другой». (*) Латыши, эстонцы и литовцы, какъ націи, всѣ такъ думали и думаютъ и теперь исключая разныхъ политическихъ интригановъ.

Такъ обстоялъ балтійскій вопросъ въ послѣвоенные дни, такъ его освѣщали въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ, и опять можно повторить старую истину: исторія повторяется. По прежнему Германія дѣлаетъ огромныя усилія въ экономическомъ и въ политическомъ направленіяхъ, чтобы получить господствующее положеніе въ Балтикѣ и одновременно стать лицомъ къ лицу съ совѣтской Россіей. Бермонтъ былъ, почему не явиться новому «Бермонту», подъ тѣмъ или инымъ именемъ? (Бермонтъ — германскій завоеватель Прибалтики сейчасъ же послѣ окончанія войны.).

Не слѣдуетъ думать, что и совѣтская Россія заснула, махнула рукой на Балтику и успокоилась въ сознаніи своей полной лойяльности и высокой вѣрности договорамъ. Въ 1920 году она заключила мирный договоръ съ Латвіей, но и послѣ этого большевики не перестали мечтать о присоединеніи Балтики, какъ они присоединили Кавказъ. Теперь они временно отказались отъ этой мысли, но только потому, что возникла германская опасность. То же самое произошло и съ Польшей. Всѣ эти годы она находилась въ неизмѣнно враждебныхъ отношеніяхъ съ Литвой изъ за города Вильно. Вопросъ этотъ какъ будто нарочно поддерживался.

Для поверхностнаго наблюдателя вся эта картина можетъ казаться загадочной, и, дѣйствительно, многіе занимаются гаданіями. Они особенно увеличились послѣ неожиданнаго, заключеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, польско-германскаго договора. Гадаютъ о польскомъ корридорѣ, который можетъ быть отданъ Германіи съ компенсаціей Польши за счетъ Литвы и Латвіи. (*) Эти комбинаціи существуютъ пока еще въ скрытомъ видѣ, но они давно уже не составляютъ секрета для балтійскихъ политиковъ. И на какой гибельный пародоксъ толкаютъ ее интриганы : Эстонія, являясь составной частью Балтики должна делать видъ, будто все это ея не касается и не трогаетъ.

О, конечно, если бы народы и государства въ своихъ

*) Написано до Польско-Литовскаго конфликта въ мартѣ 1938 г.

взаимоотношеніяхъ руководились только правомъ и прислушивались къ голосу чести и справедливости, то тремъ балтійскимъ государствамъ можно было бы не задумываться надъ вопросомъ о своей самостоятельности въ будущемъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. «Право», «справедливость», «честь» стали лишенными содержанія словами. Для многихъ они теперь не имѣютъ никакого жизненнаго, практическаго значенія. Это просто красивыя формулы, и вотъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чего существуютъ двѣ политики: одна — открытая, другая — тайная, въ которой самую ничтожную роль играютъ великія понятія о чести и правѣ.

Войны ожесточаютъ, растаптываютъ самые высокіе лозунги; но окончаніе войнъ неизмѣнно поднимаетъ лучшія чувства народовъ, пробуждаетъ жажду мира и справедливости, и эти прекрасныя горѣнія вызываютъ голоса возмущенія противъ всякой тайной политики государствъ. На этомъ фундаментѣ только и могла основаться Лига Націй.

Тутъ же надо сказать, что открытую политику обыкновенно ведутъ малые народы, у которыхъ не можетъ быть сокровенныхъ и затаенныхъ плановъ по отношенію къ сосѣду. Если же малыя государства, все-таки, иногда идутъ не по этому пути, рѣшаются на политику тайнъ, недоговоренностей, то всегда въ такихъ случаяхъ надо искать за ихъ спиной кого-нибудь другого, суфлера или подстрекателя, которому безразлично, что въ результатѣ такой тактики эти государства неизбѣжно теряютъ свою дѣйствительную самостоятельность.

Только поэтому, искренно желая независимости балтійскихъ странъ, я такъ открыто говорю о всѣхъ этихъ вопросахъ, которые должны одинаково волновать всѣхъ насъ. Тайная политика для балтійскихъ странъ вредна и гибельна. Чѣмъ больше и дольше въ своей политической практикѣ онѣ будутъ скрытными, тѣмъ хуже станутъ всѣ наши международные взаимоотношенія. Балтійскія государства должны понять, что ихъ собсвенные жизненные интересы ясно подсказываютъ совершенно открытую, искреннюю и лойяльную политику въ отношеніи со всѣми сосѣдями. Эта политика должна быть совершенно открытой и враждебной по отношенію къ разнымъ интриганамъ, не должна давать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ и никому не дарить никакихъ особенныхъ преимуществъ. По всѣмъ вопросамъ, вездѣ и всюду, наши государства должны занимать опредѣленныя позиціи. Всегда они

должны держаться вмѣстѣ, дѣйствовать единодушно, составлять единое цѣлое.

Мало того. Надо помнить, что будущее балтійскихъ народовъ не можетъ базироваться на политическихъ конъюнктурахъ большихъ государствъ, на обманчивыхъ и ненадежныхъ временныхъ притяженіяхъ и пристрастіяхъ. Основой политики малыхъ государствъ должна быть крѣпкая приверженность праву, сознательное подчиненіе велѣніямъ чести и справедливости. Это большая моральная сила, и равной ей силы нѣтъ. Она одна можетъ быть нашимъ компасомъ, она одна приведетъ насъ къ желанной цѣли. Это должны понять и всѣ наши сосѣди, — и они это неизбѣжно поймутъ.

Если большія государства дѣйствительно хотятъ всеобщаго мира, они тоже, въ свою очередь, должны будутъ оцѣнить всю силу и значеніе этихъ великихъ принциповъ. Обо всемъ этомъ мы обязаны говорить откровенно и во всеуслышаніе. Балтійскіе народы изъ простого чувства самосохраненія должны запомнить неопровержимую истину: если пропадетъ одно изъ ихъ государствъ, наступит ъ смерть и для остальныхъ. Для болѣе дальновидныхъ людей это всегда было ясно, и противъ этого могутъ возражать только люди, совсѣмъ не разбирающіеся въ международныхъ отношеніяхъ или преслѣдующіе свои особые интересы, ничего общаго не имѣющіе съ интересами прибалтійскихъ государствъ.

Балтика находится въ неспокойномъ окруженіи. Она не можетъ и не смѣетъ предаться мирному и спокойному забытью. Интригъ много. Онѣ ведутся разными путями и разными средствами.

И среди насъ, и за-границей находятся люди, готовые не считаться съ тѣмъ, кого еще недавно считали своими надежными друзьями и вѣрной опорой. Говорятъ: «Англія не можетъ, да и не хочетъ оказать помощь балтійскимъ странамъ. Англія, если еще не разлагается, то переживаетъ сама критическій моментъ. Ей не до насъ.» На тѣхъ, кто плохо разбирается въ современной политикѣ, такіе голоса естественно и неизбѣжно оказываютъ свое дѣйствіе.

Но такъ ли это? Неужели такъ легко произнести такой приговоръ надъ Англіей?

Въ природѣ, во всей вселенной, мы можем наблюдать два процесса: разложеніе и соединеніе. Часто они идутъ параллельно другъ съ другомъ. Въ математикѣ, въ химіи, во всѣхъ точныхъ наукахъ мы раскрываемъ сложнѣйія формулы, сначала дифференцируя ихъ,

потомъ интегрируя. Такъ надо поступать и съ оцѣнками жизни народовъ. И жизнь народовъ, какъ и все въ мірѣ, регулируется этими двумя процессами. Дѣйствительно, міровая война закончилась дифференціацiей всей средней Европы съ образованіемъ шести новыхъ государствъ — Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвы, Польши и Чехословакіи. Но не успѣлъ этотъ процессъ закончиться, какъ уже энергично заработалъ обратный процессъ — интеграціи. Всѣ эти государства стали объединяться, вошли, наряду съ другими, въ универсальный союзъ — въ Лигу Націй. Это было естественно и логично. Надо было почувствовать себя сильнѣй, строить свою жизнь надежнѣй.

Стремленіе и порывъ къ такому единенію, болѣе увѣренная жизнь въ большомъ и прочномъ союзѣ извѣстны были задолго до возникновенія Лиги Націй: Канада, Южная Африка, Австралія, — всѣ они самостоятельны, всѣ они чувствуютъ себя и пребываютъ въ сферѣ большого равновѣсія мирно живущихъ доминіоновъ Британіи, во главѣ которыхъ, одинъ для всѣхъ стоитъ англійскій король, какъ символъ объединенія и общей дружной силы. Никто изъ этихъ доминіоновъ не мечтаетъ объ отдѣленіи отъ Британской имперіи. То же самое нужно сказать и объ Индіи. И тамъ всѣ, обладающіе здравымъ смысломъ и спокойнымъ пониманіемъ политическихъ выгодъ, считаютъ, что порядокъ, преуспѣяніе и будущее страны ограждены вхожденіемъ ея въ составъ Британіи. Фантасты, интриганы, политиканы не идутъ въ счетъ, и весь народъ понимаетъ, что если бы Индія когда-нибудь захотѣла отдѣлиться, то для нея наступили бы всѣ ужасы страшнаго хаоса. Вотъ почему, пока Англія остается имперіей, пока она объединяетъ народы и государства на основѣ права, чести и справедливости, ея мощь непоколебима. Вотъ почему и я, и многіе вмѣстѣ со мной, были бы удовлетворены, если бы, разъ въ силу интригъ Средняя Европа не способна къ объединенію въ надежномъ союзѣ, эти государства объединились бы болѣе прочно съ Британіей и Франціей. Это ни у кого не отняло бы самостоятельности, всѣ остались бы независимы, но этимъ была бы создана нѣкая политическая прочность, и не надо было бы тревожно загадываться о невѣрномъ завтрашнемъ днѣ. Увѣренность въ себѣ — великое дѣло, ощущать подъ собой твердую землю, считать себя живущими за крѣпкой оградой и не тревожиться, — это великое достояніе и необходимое условіе для труда и строительства.

VII.

ОБРАТНО ВЪ ЕВРОПУ

Въ Америкѣ всѣ работы закончены. Собираюсь въ Европу, но мои соотечественники не такъ легко готовы со мной разстаться и устраиваютъ мнѣ проводы. Навсегда въ моей памяти останется прощальный вечеръ, устроенный латышами-баптистами. Пѣсни, патріотическія рѣчи, даже слезы, какъ жемчужины человѣческой души, придали этому вечеру особенную задушевность и перенесли въ далекую, многострадальную мою родину. Я получилъ много писемъ, и въ нихъ были благословенія и выраженія признательности за мою работу. Профессоръ библейскаго института J. Bokmelder, между прочимъ, писалъ мнѣ: «Да поможетъ Вамъ Богъ работать, дабы нашъ народъ пріобрѣлъ потерянную свободу». Тѣ же слова прозвучали и въ напутствіи священника J. Kvietin: «Да будетъ Богомъ увѣнчана Ваша работа». Представитель рабочей организаціи и національной Лиги E. Pilsum свои чувства выразилъ стихами. Не могу привести ихъ въ подлинникѣ, но смыслъ таковъ: «Не бойся, если земля бы разверзлась и захотѣла тебя поглотить, если бы на тебя надвигалась гора и хотѣла бы тебя похоронить, если бы моря вышли изъ береговъ и поднялись всѣ камни, на тебя, — всегда оставайся вѣрнымъ своему народу».

Наконецъ, 25 января 1919 г. мой пароходъ Lapland оставляетъ Нью-Іоркъ. Послѣдней со мной на пароходѣ простилась Mrs. Nevman, самоотверженная общественная работница. Она подарила мнѣ розы, и всю дорогу эти розы украшали мою пароходную каюту. Велико было мое огорченіе, когда я получилъ письмо, въ которомъ сообщалось, что ровно черезъ недѣлю, — часъ въ часъ, минута въ минуту, — послѣ моего отъѣзда, она умерла. Какъ понять, какъ разгадать и извѣдать законы природы и тайну человѣческой жизни? Въ эти минуты я испытываю горячее желаніе послать или лично отвезти на могилу этой женщинѣ не цвѣты, а горсточку родной земли. Это совсѣмъ не сентиментальность: родная земля — источникъ жизни и вѣчности, она, какъ ничто больше въ мірѣ, рождаетъ въ людяхъ единый человѣческій духъ, — духъ Добра, духъ Мира.

Пароходъ Lapland переполненъ пассажирами. Среди нихъ — бывшій американскій посолъ Oscar Strauss, неоффиціальный совѣтникъ президента Вильсона, извѣстный финансистъ Vanderlip, австралійскій министръ труда Bibi, представитель американскихъ литовцевъ Narusevic и представительница американскихъ поляковъ, графиня Turkevic; со всѣми этими людьми я познакомился. На пароходѣ все время царило оживленіе, переѣздъ могъ быть безпечальнымъ, и былъ бы таковымъ, если бы со мною путешествовали мои три прекрасныхъ малыша, а не однѣ фотографическія карточки ихъ. О моихъ дѣтяхъ я уже давно не получалъ никакихъ извѣстій, ничего не зналъ и о женѣ, и это меня удручало. Mr и Mrs Vanderlip мнѣ искренно сочувствовали; они разсказали, что у нихъ пятеро дѣтей, приглашали меня посѣтить созданную ими школу въ 120 километрахъ отъ Нью-Іорка, гдѣ 100 учениковъ обучаютъ 20 учителей. «Лучшее, что я могу дать своимъ дѣтямъ, — говорилъ мнѣ Mr Vanderlip, — это воспитаніе и образованіе». Эти слова я занесъ въ свой дневникъ, — такъ они показались мнѣ характерными для американцевъ съ ихъ большой любовью къ дѣтямъ.

Пассажиры 1-го класса устроили небольшое собраніе. Mr. Vanderlip прочелъ лекцію о будущихъ экономическихъ отношеніяхъ между Америкой и Европой, — точнѣе, о помощи разоренной Европѣ. Эта помощь, по его убѣжденію, могла бы быть троякаго рода: торговля на базѣ золота, товарообмѣнъ и торговля въ кредитъ. Но торговля при помощи золота, котораго въ Европѣ нѣтъ, невозможна, даже нежелательна, ибо 2.300.000.000 долл. т. е. одна треть золота, находятся въ американскихъ банкахъ. Невозможенъ и товарообмѣнъ изъ-за отсутствія товаровъ въ Европѣ. Такимъ образомъ, остается только послѣдній видъ помощи: это — торговля въ кредитъ.

Вторымъ ораторомъ выступилъ австралійскій министръ Mr Bibi. Онъ говорилъ о регулированіи взаимоотношеній между рабочими и работодателями, стоялъ за договорныя начала и привелъ въ примѣръ Австралію, гдѣ господствуетъ этотъ принципъ. Хорошее впечатлѣніе произвела на всѣхъ насъ графиня Turkevic, укра-

шенная польскимъ орденомъ, образцовая польская патріотка, интересная женщина.

Стояла прекрасная погода, и 2 февраля я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Какое ясное небо! Столько ярко блистающихъ, мерцающихъ звѣздъ я еще никогда не видѣлъ. Какая удивительная красота! Какъ много ея подарено міру». Я и сейчасъ вижу эти звѣзды и задумчивыхъ пассажировъ на палубѣ парохода, которые часами любуются звѣзднымъ небомъ, вѣчнымъ символомъ мира и единенія земли, моря и человѣческаго духа.

VIII.

ПО ЕВРОПѢ ВЪ 1919 г.

ЛОНДОНЪ.

Медленно приближаемся къ берегамъ Англіи. Во время сильной бури нашъ пароходъ «Lapland» получилъ пробоину, частично наполнился водой, немного накренился и потому не можетъ идти съ нормальной скоростью. Наконецъ, 4-го февраля съ большимъ опозданіемъ мы достигли Ливерпуля. Немедленно я уѣхалъ въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ я въ первый разъ. Погода сырая, туманная, идетъ дождь. Это какъ разъ тотъ Лондонъ, какимъ я его знаю по описаніямъ. Неудивительно, что при такомъ климатѣ англичане много путешествуютъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра, и это худо способствовало тому, что англичане стали народомъ міровового значенія. Англичанинъ странствуетъ, ищетъ солнца, и, путешествуя, учится управлять такимъ пространствомъ, гдѣ солнце никогда не заходитъ. «Путешествія и образованіе управляютъ міромъ», — говорятъ сами англичане.

Лондонъ переполненъ, трудно найти свободную комнату въ отелѣ. День заканчиваю въ холодномъ номерѣ, сидя у камина, и сержусь за это на англичанъ. Настоящая египетская казнь, — особенно послѣ теплыхъ американскихъ отелей, — начинается тогда, когда ложишься спать: печи не топятся, и въ комнатѣ всего 3-5 градусовъ тепла. Почему это? — Экономія или нищета въ топливѣ? Война все истощила.

БѢЖЕНЦЫ-ЛАТЫШИ.

Мой пріѣздъ отмѣтила англійская печать. «Daily Telegraph» меня интервьюировалъ и напечаталъ дек-

ларацію конгресса американскихъ латышей. Прежде всего я познакомился со своими сородичами-бѣженцами. Они покинули городъ Ригу, гонимые большевиками. Въ Лондонъ ихъ доставилъ англійскій военный корабль. Среди бѣженцевъ-латышей были извѣстные общественные дѣятели, — Бергъ, Замуель, Зебергъ, оберъ-пасторъ Бергъ съ семьей и др. Они меня подробно информировали объ ужасномъ положеніи нашей родины, о большевицкихъ ужасахъ, я немедленно взялся за работу и отправилъ президенту Вильсону длинное обстоятельное письмо. Составить это письмо мнѣ помогъ Бергъ. Въ яркихъ краскахъ мы нарисовали положеніе въ Латвіи и просили немедленной помощи.

Путешествуя по дѣламъ, я почти цѣлый годъ провелъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Такъ какъ эта работа была интересна и важна только для Латвіи, я буду приводить въ хронологическомъ порядкѣ только тѣ записи дневника, которыя могутъ имѣть общій интересъ.

24 февраля. Въ Лондонѣ уже много сдѣлано. Пора бы поѣхать въ Парижъ. Французское посольство задерживаетъ съ выдачей визы. Франціи какъ будто не нравится наша работа. Она все еще надѣется на спасеніе Россіи и ко всѣмъ сепаратнымъ стремленіямъ балтійскихъ народовъ относится выжидательно. Въ такомъ же положеніи находится и представитель Литвы. Къ счастью, американское посольство оказываетъ мнѣ всяческое содѣйствіе.

26 февраля. Изъ Парижа пріѣхалъ представитель временнаго латвійскаго правительства З. Мейеровицъ, первый латвійскій министръ иностранныхъ дѣлъ (*). По своимъ способностямъ онъ выдающійся дипломатъ и умѣетъ очаровывать людей. Ему удалось добиться отъ Бальфура признанія независимости Латвіи.

5 марта.

Похороны жены оберъ-пастора Берга.

Похоронили жену оберъ-пастора Берга, сожгли въ «Golden Green» — крематоріи. Какое большое горе! Надгробное слово говорилъ самъ пасторъ. Будто забальзамированная мумія, онъ неподвижно стоялъ, произносилъ слова, которыя трогали до слезъ другихъ, но самъ онъ не плакалъ. «Розы я протянулъ тебѣ, когда ты отдала мнѣ свою руку и подарила свою любовь. Розами хотѣлъ я осыпать твой жизненный путь,

*) Впослѣдствіи погибшій при автомобильной катастрофѣ.

розы я кладу теперь у твоихъ ногъ. Воля Божья... Благодарю Тебя, Господи, за временное счастье, которое Ты мнѣ далъ. Я прошу силы себѣ, дѣтямъ, друзьямъ; молю ниспослать мнѣ вѣру, которая дается Твоимъ Промысломъ вездѣ, на неизъяснимыхъ и непонятныхъ путяхъ жизни; прошу о мирѣ, о душевной тишинѣ, которая возноситъ насъ надъ заботами и печалями міра, и хочу стать ближе къ Тебѣ, моему Богу». Меня глубоко троoула эта рѣчь своей рѣдкой искренностью; она задѣвала еще и струны моей души, находила откликъ въ моихъ печальныхъ настроеніяхъ.

9 марта. Воскресенье. День прошелъ не безъ приключеній. Американскіе солдаты, отправляющіеся обратно на родину, устроили основательную драку съ лондонской полиціей. Есть убитые, много раненыхъ. Моральная сила способствовала побѣдѣ, — теперь побѣда деморализуетъ.

16-20 марта. Mrs. Кларкъ — очень симпатичная, интересная англичанка. Она хочетъ мнѣ помочь во всемъ и сама стала какъ бы патріоткой Латвіи. Отправляюсь съ ней въ театръ Колизеумъ смотрѣть русскій балетъ Дягилева. Весь театръ въ восторгѣ отъ русскихъ танцевъ. Въ этомъ искусствѣ у русскихъ нѣтъ соперниковъ. «Красота спасетъ міръ», — сказалъ Достоевскій. Ничто не сближаетъ народы такъ, какъ искусство, оно несетъ ему миръ.

Послѣдній вечеръ въ Лондонѣ. Mr. и Mrs. Кларкъ устроили ужинъ. Насталъ часъ моего отъѣзда. Чувствую что для нихъ я желанный гость, пріятный собесѣдникъ, и радуюсь, что пріобрѣлъ новыхъ друзей. Англичане своеобразны. Подъ внѣшнимъ покровомъ равнодушія и безразличія въ нихъ живетъ искренняя сердечность. Я уважаю англичанъ. Ихъ чувство собственнаго достоинства, ихъ воспитанность могутъ служить примѣромъ для многихъ.

По дорогѣ въ Парижъ. 21 марта. Выѣхалъ въ Парижъ. Погода чудесная. Для Англіи это — рѣдкость. В Лондонѣ я пробылъ полтора мѣсяца. Свѣтитъ солнце. Въ вагонѣ удобно. Каждое сидѣнье имѣетъ приставной столъ. Пью чай и черезъ окно наблюдаю поля, сады, дома. Обыкновенно думаютъ, что много чаю пьютъ только въ Россіи, не меньше его пьетъ и въ Англіи. Англійскій чай вкусенъ: онъ получается съ острововъ, изъ Китая, эти сорта комбинируютъ, и мѣсь пріобрѣтаетъ особый пріятный вкусъ и ароматъ.

Какъ мало времени мы удѣляемъ размышленіямъ!

Современная жизнь не даетъ намъ для этого досуга, — жаль! Въ дорогѣ я не люблю читать. Мнѣ хочется наблюдать и думать. Это гораздо цѣннѣй. Путешествуя, находишься какъ бы въ другомъ мірѣ: все, что было осталось позади, а впереди — неизвѣстное будущее. Дорога — нашъ наставникъ. Кажется, она не имѣетъ ни начала, ни конца, — есть только остановки, и, погружаясь все больше въ неторопливыя дорожныя раздумья, начинаешь лишній разъ понимать, что и вся наша жизнь — только одинъ остановочный пунктъ. Поэтому будемъ жить для народа, для человѣчества, которое живетъ вѣчно.

Ѣдемъ по каналу «La Manche». Непріятный каналъ! Вѣтеръ, буря, трудно стоять. Всѣмъ хочется прилечь. Пароходъ, какъ больница. Но это испытаніе недолгое. Вотъ уже видны берега Франціи. Родину больше не отдѣляетъ море-океанъ, и при желаніи можно и пѣшкомъ пройти. Сколько разъ произносились во время военныхъ лѣтъ слова: «Vive la France». Они произносятся и сейчасъ.

Снова сижу въ вагонѣ, но уже во французскомъ. Проносятся печальныя картины: пустынныя поля сѣверной Франціи, торчатъ башни и стѣны разрушенныхъ фабрикъ, въ кучу свалены каркасы, крыши, сгорѣвшія машины, и то тамъ, то тутъ возвышаются безчисленные бѣлые кресты, безмолвные свидѣтели міровой трагедіи. Никогда, никогда не должно быть больше войны, долой этотъ ужасъ, и да сгинетъ это чудовище! 11 ноября побѣда человѣчества и цивилизаціи.

Парижъ. — Весь міръ смотритъ на Парижъ, какъ на міровой центръ, куда съѣхались изъ всѣхъ странъ, со всѣхъ концовъ свѣта правительственныя делегаціи, спеціальныя миссіи, выдающіеся генералы, прославленные фельдмаршалы, президенты, политики-дипломаты, ученые, художники, — вершители судебъ міра. Военныя части разныхъ народовъ маршируютъ по улицамъ Парижа. Здѣсь онѣ въ послѣдній разъ, — завтра уйдутъ по домамъ, отправятся на родину, — въ Англію, Канаду, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ Африку и Азію. И воины-латыши тоже стремятся къ себѣ домой.

Блестящіе мундиры, фраки, смокинги, элегантные туалеты дамъ смѣшиваются съ экзотическими костюмами Востока и Юга, и переполненные рестораны, отели и ночныя заведенія кажутся волшебнымъ маскарадомъ. Радость побѣды, манящее будущее, свобода

народовъ, какъ бы общій легкій вздохъ послѣ пережитыхъ страданій, — все это придало Парижу торжественный видъ. (*)

23 марта. Версаль. Воскресенье. Предсѣдатель нашей делегаціи Чаксте, теперь покойный, первый президентъ Латвійской республики, устроилъ поѣздку въ Версаль. Участвовали въ ней Мейеровицъ, теперешній латвійскій посланникъ въ Парижѣ Гросвальдъ, посланникъ въ Лондонѣ Заринъ, нынѣшній помощникъ министра президента, Скуенѣкъ, я и другіе. Чаксте разсказывалъ о французской придворной жизни временъ Людовиковъ и Наполеона. Передаетъ онъ картины и нравы той эпохи такъ, будто самъ жилъ въ ту пору, близко видѣлъ всѣхъ этихъ людей, обстановку ихъ жизни, говорилъ съ ними, наблюдалъ ихъ непосредственно, вблизи. Я восхищался разсказами Чаксте и восхищался Версалемъ. Какая красота, какое величіе! М-мъ Помпадуръ, м-мъ Дюбарри, вѣроятно, были крупными личностями, своеобразными геніями, если

*) А теперь, черезъ 15 лѣтъ, — опять пустынныя улицы, пустые рестораны и отели, выбитыя на rue de la Paix окна, поврежденные памятники, притихшая, замершая торговля, коррупціи, внутренніе партійные раздоры. Нѣтъ мира, и какъ будто не было побѣды. Что пріобрѣтено въ міровой войнѣ, то потеряно сейчасъ въ нескончаемыхъ внутреннихъ распряхъ. Значитъ побѣда въ физическомъ смыслѣ не есть еще побѣда. Побѣду надо понимать въ болѣе широкомъ ея значеніи. Дѣйствительное торжество тамъ, гдѣ побѣждаетъ духъ. Все остальное только перемѣна положенія.

Мнѣ вспоминается разсказъ предсѣдателя эстонской делегаціи, г. Поска, о 15 большевицкихъ агентахъ, взятыхъ въ плѣнъ на озерѣ Пейпусъ. Всѣмъ имъ въ разгарѣ сраженія, было предложено открыть свои планы или умереть отъ эстонскихъ пуль. «Когда всѣ они были разстрѣляны, физически уничтожены, — вспоминалъ Поска, — я чувствовалъ, что не мы ихъ побѣдили, а они насъ».

Такова сила духа, самая мощная въ мірѣ и самая внушительная. Да будутъ же вдохновлены духомъ мира всѣ руководители народныхъ судебъ!

Какимъ будетъ Парижъ, когда пройдетъ еще 15 лѣтъ, т. е. спустя 30 лѣтъ послѣ войны? Этого никто не знаетъ. Но ясно одно: пока народы не будутъ считать другъ друга равными себѣ, не будутъ строить свои взаимоотношенія на понятіяхъ и принципахъ «права и чести», мира не будетъ и не можетъ быть. Эти вѣчныя слова сказала Лига Націй, — они и должны лечь въ основу всесвѣтнаго мира. (Писано въ 1933 году).

могли внушить такія сооруженія, такіе памятники, которыми теперь восхищается міръ. Они создаютъ Франціи ореолъ, дѣлаютъ ее навсегда исторически славной. Что взбудораженныя массы народа когда-то осудили, то сейчасъ, въ исторической перспективѣ, въ отдаленіи вѣковъ, выдвигается, какъ что-то неподражаемое, недостижимое, предстаетъ гордымъ символомъ человѣческаго творчества, возвышается, какъ созданіе не только одной Франціи, но и цѣлаго міра.

26 марта. Латвійская делегація устроила обѣдъ. Среди гостей американскіе профессора Lord и Morison и англійскій профессоръ Симсонъ. Всѣ они спеціалисты по международнымъ вопросамъ (*).

2 апрѣля. Грузинская делегація во главѣ съ Чхеидзе и Церетелли (оба извѣстные ораторы и члены русской Государственной Думы), устраиваютъ собраніе изъ представителей народовъ бывшей Россіи. Чхеидзе обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Чѣмъ и какъ объяснить, что латышскіе стрѣлки поддерживаютъ большевиковъ и дерутся на ихъ сторонѣ?

Вопросъ былъ заданъ не безъ укора.

— Это все сдѣлали ваши рѣчи въ Государственной Думѣ, — отвѣтилъ я. Въ самомъ дѣлѣ всѣ возвращались на родину, всѣ могли какъ-нибудь устроиться, но только латышскимъ стрѣлкамъ некуда было дѣться: ихъ родина была оккупирована нѣмцами. Другого исхода не было, пришлось остаться тамъ, гдѣ застигла злая судьба, остаться у большевиковъ. Но ужъ такъ повелось издавна, что латышъ, — что бы онъ ни дѣлалъ, — дѣлаетъ не только за страхъ, но и за совѣсть, какъ сказалъ мнѣ въ Нью-Іоркѣ еврей философъ: «Даже негодяю честно служите».

4-22 апрѣля. Представитель американскаго Краснаго Креста, полковникъ Olds проситъ къ себѣ

*) Профессоръ Симсонъ впослѣдствіи сталъ главнымъ судьей-экспертомъ при установленіи границъ Балтійскихъ странъ. Проефссора Lord и Morison серьезно и детально изучали балтійскій вопросъ въ качествѣ экспертовъ президента Вильсона. Любопытно, что профессоръ Морисонъ многимъ остался недоволенъ, демонстративно покинулъ Парижъ и выступилъ въ печати въ защиту латышей. Онъ обратился къ рабочимъ Англіи съ призывомъ придти на помощь Латвіи. Красиво и мужественно прозвучали его справедливыя слова о томъ, что латыши, какъ нація, — не красные и не бѣлые, а настоящіе демократы, которые борются за свое право и за свою свободу.

и сообщаетъ, что его организація рѣшила оказать помощь латвійской арміи, сражающейся съ большевиками. На другой день, 5 апрѣля, Mr Таффтъ по порученію Хувера, сообщаетъ, что мое посланіе къ президенту Вильсону оказало хорошую услугу: пароходу, шедшему въ Финляндію съ грузомъ муки, данъ приказъ измѣнить свой рейсъ, пройти въ Либаву и сдать грузъ латвійскому правительству, — населеніе, бѣжавшее отъ большевиковъ, уже начинало голодать. Это было началомъ американской и союзнической помощи. Я былъ чрезвычайно радъ, а предсѣдатель делегаціи Чаксте даже прослезился, — такъ все это важно и отрадно. Полковникъ Carlson, Peden, cap. Paine, col. Atwood и многіе другіе американскіе и англійскіе представители «АРА» и высшаго экономическаго совѣта начали оказывать намъ всяческое содѣйствіе. Работа кипитъ.

Латвійская делегація рѣшила послать меня въ Либаву для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ. Я долженъ былъ объединить въ экономическій союзъ оставшіяся еще хозяйственныя организаціи, получить отъ нихъ и отъ правительства общую довѣренность и съ ней вернуться въ Парижъ.

Черезъ Лондонъ и Гуль выѣзжаю въ Либаву.

На вокзалѣ меня провожаютъ двѣ дамы, — жены латвійскихъ генераловъ Дамбита и Рушкевица. Пенелопа оставалась дома и ждала возвращенія своего мужа, — жены латвійскихъ генераловъ покинули домъ, чтобъ ихъ мужья могли свободно защищать родину. Такова современная легенда.

Въ Сѣверномъ морѣ. Море туманно. Опасно ѣхать: минъ еще много . На одну изъ нихъ пароходъ едва не наскочилъ. Это вызвало большое волненіе. На пароходѣ большая компанія молодыхъ дѣвушекъ-танцовщицъ. Онѣ ѣдутъ въ Копенгагенъ и Стокгольмъ. Скандинавскія страны наполнены золотомъ, и его надо выкачивать. Сама жизнь требуетъ, чтобы оно не застаивалось и не лежало втунѣ. Сотрудничество людей и народовъ не можетъ и не смѣетъ останавливаться. Движеніе общій законъ, — оно управляетъ міромъ.

Приходитъ вечеръ. Темно. Ѣхать еще опаснѣй. Сколько людей погибло въ этомъ Сѣверномъ морѣ во время войны! Свою жизнь здѣсь закончилъ и лордъ Китченеръ. Нѣмцы ему словно отомстили за неожиданный результатъ потопленія Лузитаніи. Послѣ этой катастрофы Китченеръ якобы сказалъ: «Нѣмцы знаютъ все, но не понимаютъ ничего». Да, они не предвидѣли, что гибель

Лузитаніи вызоветъ цѣлую бурю негодованія въ Америкѣ и ускоритъ ея выступленіе противъ Германіи. Много матерей-англичанокъ ѣдетъ по Сѣверному морю, будто разыскивая своихъ погибшихъ сыновей, и, мысленно съ ними общаясь, посылаютъ свои молитвы о томъ, чтобы никогда больше не повторилась эта ужасающая война.

Копенгагенъ. Сюда мы пріѣхали послѣ полночи, но стали покидать пароходъ только утромъ. Это было въ первый день Пасхи. Городъ въ праздничномъ настроеніи. Обычная для всѣхъ скандинавскихъ городовъ воскресная тишина. Торжественный звонъ церковныхъ колоколовъ, но и онъ переноситъ меня на многострадальную родину, въ Россію, въ московскій Кремль, гдѣ вѣками тысячи колоколовъ благовѣстили: «Христосъ Воскресъ». Сегодня тамъ кладбищенское молчаніе. Какой ужасъ! Отъ латвійскихъ представителей Дуцмана (позднѣе посланника въ Скандинавіи и Чехословакіи, представителя при Лиги Націй и международнаго судьи въ Саарѣ) и Лѣпа узнаю, что латвійское правительство, бѣжавшее отъ большевиковъ изъ Риги въ Либаву, во главѣ съ президентомъ Ульманисомъ, находится въ опасности, такъ какъ нѣмцы совершили политическій переворотъ, заняли всѣ учрежденія Либавы и захватили власть въ свои руки. Тѣмъ не менѣе мнѣ надо добраться до Либавы, хотя въ виду происшедшаго переворота мнѣ не совѣтуютъ рисковать. Этотъ переворотъ взволновалъ и союзниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмцы побѣждены, но на востокѣ Балтики они снова начинаютъ орудовать. Узнаю, что въ Либаву срочно отправляется на англійскомъ военномъ кораблѣ «See point» полковникъ H. Wade и американскій военный атташе въ Лондонѣ, полковникъ O, Solberg. Они любезно принимаютъ меня на корабль. Съ большой скоростью мы проѣзжаемъ Балтійское море и входимъ въ либавскую торговую гавань.

ЛИБАВА

Что происходитъ въ Либавѣ, никто изъ насъ не знаетъ. У входа стоитъ англійскій крейсеръ, мы представляемся адмиралу Sir Walter Cowan'у, и потомъ по каналу въѣзжаемъ въ либавскую торговую гавань, Какъ выразить словами мои чувства, какъ передать мое волненіе: прошло три съ половиной года, какъ я не видѣлъ родины, такъ безжалостно измученной за это время! Ее терзали всѣ эти годы и теперь снова начинаютъ терзать! Тяжкое душевное состояніе. Сколько силъ было потрачено, сколько работы было посвящено во имя этой родины, и, вотъ, никто меня не встрѣчаетъ, я не слышу ни единаго привѣта. Улицы Либавы тихи, безмолствуютъ мертвыя фабричныя трубы. Весенній день сѣръ, будто сама природа сочувствуетъ общему горю. Городъ, какъ кладбище, и только нѣмецкіе офицеры гуляютъ съ поднятыми головами. Обращаюсь на улицѣ къ первому попавшемуся прохожему, спрашиваю, не знаетъ ли онъ мѣстопребываніе извѣстнаго латвійскаго писателя Скальбе, члена Учредительнаго Собранія. Незнакомецъ на меня смотритъ странно, но адресъ все-таки даетъ. Когда я прихожу, Скальбе уже нѣтъ. Оказалось, что незнакомецъ, сообщивъ мнѣ адресъ, побѣжалъ предупредить Скальбе, что сейчасъ его арестуютъ. Иронія судьбы: незнакомецъ принялъ меня за германскаго агента!

Таково было настроеніе массъ: всѣ были настороженны, всѣ напуганы, всюду видѣли шпіоновъ и нѣмецкихъ агентовъ. Дѣйствительно, ими была переполнена вся Латвія. Англійскій полковникъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ и ночевать на военномъ суднѣ. Я все-же рѣшилъ остановиться въ гостинницѣ и снялъ номеръ въ «Римѣ»: не вѣрилось, чтобы нѣмецкія власти меня, представителя американсклхъ латышей, рѣшились арестовать. Впрочемъ, такой шагъ могъ бы сослужить хорошую службу дѣлу латышей въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами. Въ своихъ предположеніяхъ я не ошибся: нѣмцы меня не трогали. Вечеромъ, войдя въ ресторанъ гостинницы, гдѣ было много нѣмцевъ, я громко сказалъ по латышски: «Здравствуйте»! Потомъ объ этомъ говорили, какъ о моей какой-то особой смѣлости, объ особомъ рискѣ. Правда, въ накаленной атмосферѣ тѣхъ дней мое привѣтствіе на латышскомъ языкѣ могло легко вызвать со стороны нѣмцевъ соотвѣтствующія репрессіи.

Въ Англіи латыши-моряки принесли мнѣ довольно много денегъ съ просьбой передать эти суммы въ Либавѣ ихъ семьямъ. Тогда моряки зарабатывали много, хотя и съ опасностью для жизни. Чрезвычайно трогательна была сцена, когда я передалъ деньги нѣкоей г-жѣ Эглитъ: она ничего не знала о своемъ мужѣ и давно считала его погибшимъ въ морѣ. Отъ неожиданнаго извѣстія она сперва разрыдалась до истерики, потомъ успокоилась и предалась такой радости, что въ эту минуту и я, растроганный, былъ счастливъ чужимъ счастьемъ. Такъ оно и есть: высшее счастье дѣлать счастливыми другихъ. «Гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слы-

шится, тамъ первымъ будь». — говоритъ русскій поэтъ Некрасовъ.

2 мая. Начальникъ американской миссіи, полковникъ Grun — энергичный и симпатичный человѣкъ, но ему трудно понять мѣстныя дѣла и условія нашей жизни. Онъ готовъ все видѣнное сравнивать непремѣнно съ Филиппинскими осторовами. Тамъ ему пришлось пробыть въ качествѣ американскаго представителя и урегулировать немало сложныхъ вопросовъ. Но намъ ссылки на Филиппинскія острова, разумѣется, казались не основательными. Онъ усиленно совѣтовалъ правительству Ульманиса войти въ контактъ съ нѣмцами и совмѣстно составить правительство. Конечно, ни Ульманисъ, ни одинъ изъ членовъ кабинета, какъ и всѣ члены Учредительнаго Собранія, на это не соглашались: война продолджается

Ульманисъ былъ въ полной увѣренности, что все уладится, все кончится благополучно, хотя временно онъ и укрылся въ домѣ англійской миссіи и нигдѣ не появлялся. Другіе члены правительства на пароходѣ «Саратовъ» уѣхали въ открытое море. Ульманисъ все же дѣйствовалъ весьма ловко. Уже при первой встрѣчѣ съ нимъ каждый чувствовалъ его большую внутреннюю силу, — силу, не признающую никакихъ компромиссовъ, силу, благодаря которой онъ сдѣлался теперь единственнымъ вождемъ всего народа.

Пріѣхалъ майоръ Brooking, представитель АРА и личный другъ Hoover'а. Онъ остановился въ той же гостинницѣ, гдѣ жилъ и я. Онъ занятъ организаціей питанія дѣтей, и я ему помогъ образовать соотвѣтствующій комитетъ. Майоръ совѣтуетъ мнѣ какъ можно скорѣй ѣхать обратно въ Парижъ съ полномочіями правительства и кооперативовъ, чтобы воспользоваться ликвидируемыми во Франціи американскими военными матеріалами, продуктами питанія и т. д. Правительство дало мнѣ полную довѣренность заключать договоры на сумму до 15 милліоновъ долларовъ, а майоръ Brooking вручилъ мнѣ личное письмо къ Hoover'у весьма лестно рекомендовавшее меня. Собираюсь къ немедленому отъѣзду.

20 мая. Французское военное судно «Rivoli» отвозитъ меня до Копенгагена. Французы весьма любезны, латыши имъ платятъ тою же монетою. Объ этомъ говоритъ все, — даже названіе только что открытой въ Либавѣ кофейни: «Pour moi». Изъ Копенгагена — въ Лондонъ, тамъ задерживаюсь нѣсколько дней и, наконецъ, уѣзжаю въ Парижъ.

30 мая. Hoower меня любезно принимаетъ, знакомитъ со своими помощниками, — полковникомъ Logan и проефссоромъ Scherman и объясняетъ, что я стою на правильномъ пути въ смыслѣ полученія американскихъ товаровъ и кредитовъ. Конечно, это меня очень радуетъ.

Hoover — выдающаяся личность. Это человѣкъ опредѣленнаго, строго выдержаннаго характера. Репутація его, какъ и всѣхъ его помощниковъ, безупречна. Всякое дѣло у него идетъ по заранѣе продуманному, точному плану, по строго выработанной системѣ. У него отличное чутье людей, онъ какъ-то быстро умѣетъ находить себѣ уважаемыхъ и способныхъ сотрудниковъ, и это дѣлаетъ его еще болѣе авторитетнымъ, еще больше вселяетъ къ нему довѣріе: послѣвоенное время не можетъ гордиться слишкомъ высокимъ моральнымъ уровнемъ. По профессіи инженеръ-администраторъ, Hoover всюду умѣетъ внести гармонію, соблюсти и поддержать ритмъ. Этимъ большимъ человѣкомъ восхищаются даже его враги.

5 іюня. Неожиданно ко мнѣ явился нѣкій Максъ Рабиновъ. Это — типъ послѣвоеннаго дѣльца, — тотчасъ по окончаніи войны въ Парижѣ такихъ людей было много. Онъ — бывшій дирижеръ бостонской оперы. Рабиновъ попробовалъ нарисовать мнѣ положеніе дѣлъ въ Парижѣ, указалъ на всѣ предстоящія трудности и довольно откровенно далъ понять, что я ничего не добьюсь, если буду работать самостоятельно, т. е. безъ его участія. За свои труды онъ просилъ 3 % съ общей суммы договора, который будетъ заключенъ съ американскимъ правительствомъ. Чтобы доказать всю солидность своего предложенія, онъ показалъ договоры, заключенные имъ съ литовской и эстонской делегаціями. Кромѣ того, онъ считалъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ долженъ быть заинтересованъ и я, и предложилъ мнѣ 1 % изъ 3 %, которые получитъ онъ самъ. Это, по его словамъ, было простымъ вознагражденіемъ за мой трудъ.

У меня же была одна мысль, одна забота: не сдѣлать какого-нибудь промаха. Моя задача заключалась въ одномъ: всѣми силами, любой цѣной, во что бы то ни стало, получить то, что нужно, и потому я попросилъ Рабинова подождать моего отвѣта до слѣдующаго дня. Конечно, я зналъ, что моральный уровень всякихъ

ликвидаторовъ, вродѣ этого Робинова, — невысокъ. И онъ, и всѣ тѣ, съ кѣмъ онъ работаетъ, одного поля ягоды. Я рѣшилъ положиться во всемъ на Hoover'а, вѣря, что онъ мнѣ поможетъ больше, шире, искреннѣе и совершенно безкорыстно. И я не ошибся. Три раза мое дѣло останавливалось и казалось безнадежнымъ, но всегда Hoover, лично или черезъ своихъ помощниковъ, давалъ мнѣ нужныя указанія и импульсы, и дѣйствовалъ такъ авторитетно и открыто, что Рабиновъ рѣшилъ отступить и больше ужъ не ставилъ мнѣ препятствій черезъ своихъ людей. Все дѣло стало на вѣрный и прямой путь.

22 іюня. Сегодня провожали члена балтійскаго комитета, американца, д-ра Морисона. Онъ уѣзжаетъ въ Америку, недовольный работами мирной конференціи по вопросамъ балтійскихъ странъ и отношеніемъ конференціи къ адмиралу Колчаку. Въ его честь латышская и эстонская делегаціи устроили прощальный обѣдъ въ ресторанѣ «Pre-Catelan» (въ Булонскомъ лѣсу). На этомъ обѣдѣ присутствовалъ и только что пріѣхавшій съ докладомъ въ Парижъ полковникъ Гринъ, глава американской военной миссіи въ Прибалтикѣ. Теперь онъ уже успѣлъ болѣе основательно ознакомиться съ положеніемъ дѣла въ Балтикѣ и не сравниваетъ ее съ Филиппинами. Онъ всячески содѣйствуетъ работѣ балтійскихъ делегатовъ (1). На этомъ обѣдѣ со стороны эстонцевъ, присутствовали Поска, Пуста, Пійпъ и латыши Мейеровицъ, Гросвальдъ и я. Рѣчи всѣхъ были полны бодрости и надежды.

МИРЪ ПОДПИСАНЪ

23 іюня. Миръ подписанъ. Удивительный день! Какими священно-блаженными чувствами наполненъ весь Парижъ! Сегодня, кстати, канунъ Иванова дня. Наши предки въ этотъ день покидали свои дома, оставляли двери незапертыми, а столы были накрыты для всѣхъ путниковъ. Всѣ шли на Синюю гору, — символъ мира въ эти дни объединялъ всѣхъ. Приносились жертвы богамъ, забывалась вражда, начиналась общая трапеза, потомъ танцы. Первыми въ нихъ выступали старики и старухи, затѣмъ взрослые, и, наконецъ,

1) Черезъ нескалько летъ, когда пришлавестъ о его смерти, чуть ли не на техъ же Филиппинах, все Прибалтика была искренно огорчена.

молодежь. Такъ разсказываетъ древняя легенда о жизни древнихъ латышей. Сегодня звонятъ колокола мира по всему міру. Дѣйствительно, нѣтъ болѣе прекраснаго слова, чѣмъ это слово «миръ». Ежегодно, въ рождественскіе праздники, его повторяютъ милліоны людей. Пожелаемъ, чтобы больше никогда колокола не звонили о торжественномъ наступленіи мира, провозглашая конецъ войны и кровопролитія. Конечно, именно такъ понимаютъ этотъ звонъ Парижъ, Лондонъ, Нью-Іоркъ и весь цивилизованный міръ.

24 іюня. Договоръ подписанъ. Я получаю разныхъ товаровъ, приблизительно, на 5 милліоновъ долл. — продукты, автомобили, военныя снаряженія и т. п. Работа — въ полномъ разгарѣ. Едва ли не самый важный вопросъ теперь: какъ отправить все это въ Латвію, куда ихъ собрать и въ какую гавань направить? Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ мнѣ помогаютъ полковникъ Atwood, полковникъ Coleman, майоръ Noble, капитанъ Boven и лейтенантъ Berle. Много денегъ уже истрачено, еще больше ихъ нужно, чтобы все это доставить на мѣсто. Рѣшаю ѣхать въ Ливерпуль. Тамъ много латышей, — капитановъ и владѣльцевъ пароходовъ, у которыхъ накопилось во время войны много денегъ. Изъ нихъ не мало погибло, но кто уцѣлѣлъ, тотъ богатъ

27-30 іюня. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ я уже четвертый разъ ѣду по сѣверной Франціи, и картина все та же: голыя поля, общее разрушеніе. Это дѣйствуетъ на меня крайне удручающе, — временами кажется, что души погибшихъ окружаютъ нашъ поѣздъ и говорятъ: «Здѣсь лилась наша кровь, здѣсь разрывали наше тѣло, ломали наши кости. Послушайте, какіе вопли страданій проносятся по этимъ пустыннымъ полямъ! Ради чего же принесены эти жертвы, пролито такъ много вашихъ слезъ, посѣяно такъ много горя? Отвѣтье намъ, ушедшимъ въ вѣчность, скажите, — чего достигли вы, прервавъ нашу кратковременную жизнь, чудесное мгновеніе вѣчности?»...

И вдругъ — неожиданный ударъ дверью по большому пальцу руки. Ноготь оторванъ. Это я забылся и падаю въ легкое обморочное состояніе. Сосѣдъ — англичанинъ, при помощи эфира, приводитъ меня въ чувство, помогаетъ перевязать разбитый палецъ: Ощущаю сильную боль и какое-то внутреннее удовлетвореніе: вотъ и я раненъ на этихъ поляхъ. Пріѣзжаю въ Лондонъ, оперирую палецъ, хожу съ подвѣшанной на перевязкѣ рукой. Это доставляетъ немалыя затрудненія.

Выѣзжаю въ Ливерпуль.

Президентъ Вильсонъ. По той же дорогѣ, 6 мѣсяцевъ тому назадъ, ѣхалъ президентъ Вильсонъ. Онъ отправлялся въ Манчестеръ, гдѣ произнесъ блестящую, убѣдительную рѣчь. Онъ хотѣлъ найти поддержку у англійскаго народа, у рабочихъ, — американцы его не поняли или можетъ быть не хотѣли понять. Его рѣчь — въ моемъ портфелѣ. Вынимаю ее и читаю:

«... Человѣкъ, который не хочетъ вамъ услужить, не вашъ другъ, и вы ему тоже не другъ, если не хотите ему услужить. Только отъ сознанія общихъ интересовъ, отъ этихъ импульсовъ, отъ желанія служить другимъ рождается то высшее самоудовлетвореніе и та увѣренность въ себѣ и другихъ, которыя называются дружбой... »

Наконецъ, въ Ливерпулѣ, я достигъ своей цѣли, — досталъ деньги. Теперь ѣду обратно и вновь перечитываю рѣчь президента Вильсона. Должно быть, очень нелегко было ему, если онъ принужденъ былъ искать поддержку въ Манчестерѣ, чтобы противодѣйствовать оппозиціи въ его собственной странѣ. Болѣе дальновидные и мыслящіе американцы справедливо говорятъ: «Президенту Вильсону надо было родиться на 100 лѣтъ позже». Но тогда онъ не былъ бы пророкомъ, какимъ сталъ сегодня, пророкомъ, подарившимъ міру великія мысли о новыхъ основаніяхъ для мирнаго сотрудничества народовъ. «Съ самаго начала исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ люди произнесли это слово «свобода», всѣ говорили и говорятъ о своихъ правахъ. Но нужно было пройти столѣтіямъ, чтобы были поняты и оцѣнены основные принципы права и значеніе нашихъ обязанностей, чтобы люди сознали, что пока не исполняются обязанности, не можетъ быть и правъ...» Такъ говорилъ представитель великой демократической страны 20 лѣтъ тому назадъ, когда онъ искалъ новыхъ способовъ сотрудничества народовъ и закладывалъ фундаментъ Лиги Націй.

3 іюля. Латвійская делегація снова выпустила воззваніе.

ДЕНЬ ПОБѢДЫ

14 іюля. Сегодня день побѣды. Парижъ и вся Франція въ ликующемъ праздничномъ настроеніи. Гордо идутъ эскадроны... Медленно двигаются танки, орудія, военныя повозки. Надо всѣмъ развѣваются лѣса знаменъ, а выше, надъ Парижемъ, рѣютъ аэропланы... Слышны ликующіе возгласы: «Да здравствуетъ Франція», «Да здравствуютъ союзники, вожди ихъ армій, короли и президенты»... Пѣнится шампанское, звучатъ пѣсни, люди обнимаются, льются слезы... Каждый привѣтствуетъ другъ друга съ побѣдой». (*)

2 сентября. Уже больше мѣсяца я въ Бордо. Всѣ товары сконцентрированы здѣсь. Первый пароходъ «Euphemia» уходитъ въ Латвію. Съ большимъ трудомъ удалось найти капитана, рѣшившагося ѣхать. Всѣ боятся нѣмцевъ и, еще больше, большевиковъ. Боится большевиковъ и команда парохода. Ея предчувствія оказались справедливыми: какъ только пароходъ «Euphemia» прибылъ въ Ригу, его сталъ обстрѣливать извѣстный авантюристъ Бермонтъ, поддерживаемый нѣмцами. Не разгружаясь, пароходъ ушелъ въ Ревель, — тамъ онъ долженъ былъ оставаться до изгнанія Бермонта.

Неожиданно въ Бордо встрѣчаю американскаго капитана Devereux. Это членъ военной миссіи въ балтійскихъ странахъ, возглавлявшейся полковникомъ Гриномъ. Капитанъ возвращается въ Америку, гдѣ его ждетъ семья, и счастливъ, что можетъ покинуть Европу. Но переживанія въ Европѣ были такъ глубоки и необычайны, что на душѣ у него, помимо радости, еще большая грусть и жалость. Особенно памятными ему остались мѣсяцы, проведенные въ Прибалтикѣ. Тамъ ему пришлось хорошо познакомиться съ хозяе-

*) Да, такимъ былъ Парижъ тогда. Теперь но҄ъ совсѣмъ иной. Жизнь мѣняется сказочно быстро. Всѣ эти годы видна новая подготовка къ будущей войнѣ — къ войнѣ, которая будетъ несравненно болѣе ужасной, чѣмъ послѣдняя міровая война. Вознакаетъ жуткій вопросъ: «Не конецъ ли это человѣчества?» Къ счастью, человѣеческій духъ и техника развиваютъ сильнѣйшее соперничество. Духъ даетъ новыя идеи, техника вдохновляется ими и находитъ имъ приложеніе къ жизни. Духъ не имѣетъ границъ, не имѣетъ границъ и техника. И это безпрерывное развитіе техники исключитъ возможность будущей войны и поведетъ человѣчество по новымъ путямъ побѣды духа. Духъ, дающій техникѣ неограниченныя возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдитъ технику, и она будетъ отброшена, какъ средство уничтоженія людей въ случаѣ конфликтовъ между народами и государствами. Поэтому всѣ народы слѣдуйте призыву быть сильными духомъ въ своихъ стремленіяхъ къ справедливости и чести — и вы будете непобѣдимы» (Написано въ 1935 году).

и съ литовцами и нѣмецкими баронами, особо привелигированной кастой этого края. Только съ человѣческой точки зрѣнія, онъ сожалѣлъ и о разореніи бароновъ. Но тутъ же капитанъ передавалъ и о своихъ непріятныхъ впечатлѣніяхъ: американцамъ не могло понравиться, что нѣмецкіе бароны настойчиво и упорно старались представить всѣхъ латышей и эстонцевъ большевиками. Удивительно, что бароны не могли или не хотѣли въ своемъ эгоистическомъ затменіи понять, что жизнь и факты говорили совсѣмъ о другомъ: исключительное трудолюбіе балтійскихъ крестьянъ, борьба этихъ народовъ съ большевиками, — все свидѣтельствовало противъ бароновъ и только компрометировало ихъ въ глазахъ американцевъ. Этотъ безпристрастный разсказъ капитана Devereux показался мнѣ весьма поучительнымъ: нельзя добиваться правды неправедными средствами, нельзя ложь укутать и спрятать въ одежды полуправды. Рано или поздно, всякая неправда должна уступить мѣсто истинѣ, это справедливо и для отдѣльнаго человѣка и для цѣлыхъ народовъ, какія бы цѣли они себѣ не ставили. Только это убѣжденіе даетъ надежду, право и радость жить и работать даже въ самые мрачные дни и въ самыя тяжкія времена. Къ сожалѣнію, «правда» и «неправда» иногда понимаются совершенно различно, — тѣмъ энергичнѣй надо трудиться надъ разработкой самой великой, самой важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, — «наукой мирнаго сожительства народовъ и государствъ». Да, это цѣлая наука. Ею не занимались, ея еще нѣтъ, но она одна можетъ приблизить человѣчество къ тому идеалу, когда слова «миръ на землѣ» станутъ живой и счастливой реальностью.

13 ноября.

Всѣ дѣла закончены. Могу оставить Парижъ и уѣхать въ Ригу. Пріятный сюрпризъ: получилъ письмо отъ американскаго сенатора Henry Hollis. Онъ благодаритъ за совмѣстную образцовую работу и шлетъ наилучшія свои пожеланія въ дальнѣйшемъ. Но особенно мнѣ была дорога благодарственная телеграмма отъ латвійскаго министра президента Ульманиса за пароходъ «Euphemia», — результатъ моей работы.

Я ѣду черезъ Лондонъ, Стокгольмъ и Гельсингфорсъ. Въ Лондонѣ случайно знакомлюсь съ англичанкой, пріѣхавшей изъ Петрограда, гдѣ она прожила много лѣтъ въ качествѣ хозяйки-экономки. Эта женщина разсказывала мнѣ чудеснѣйшія и неожиданныя вещи: о томъ, какъ она получила разрѣшеніе на отъѣздъ благодаря Петерсу, извѣстному чекисту-латышу, впавшему теперь въ немилость и, быть можетъ, разстрѣлянному. За разрѣшеніе уѣхать чекистъ Петерсъ взялъ съ нея слово, что въ Лондонѣ она навѣститъ его гражданскую жену, тоже англичанку, и моя новая знакомая свое обѣщаніе исполнила. Гражданская жена Петерса оказалась въ Лондонѣ: Петерсъ, такъ она разсказывала, будучи морякомъ, познакомился съ ней въ Лондонѣ и тамъ же сошелся.

вами этихъ земель, латышами, эстонцами, а частично

Пароходъ отъ Копенгагена переполненъ. Меня поражаютъ ожирѣвшіе за годы войны датчане и шведы. Въ самомъ дѣлѣ, война принесла имъ только прибыли. Все время они, оставаясь нейтральными, помогали обѣимъ сторонамъ. Вникнемъ глубже въ этотъ абсурдъ. Какая нелѣпость: двумъ обезумѣвшимъ въ дракѣ подаютъ орудія уничтоженія вмѣсто того, чтобъ ихъ отнимать! Что можно сказать въ защиту такого нейтралитета? Вотъ, почему разрѣшеніе международныхъ вопросовъ должно быть коллективнымъ.

Послѣ Стокгольма осталось совсѣмъ немного пассажировъ. Между ними новоназначенный въ Финляндію англійскій посланникъ. Онъ держался обособленно. Зато представитель американской «АРА», какой-то дипломатическій курьеръ, ѣхавшій въ Ригу, и я, откровенно разговаривали обо всемъ. «Дипломатическій курьеръ», бывшій владѣлецъ мыловареннаго завода въ Петроградѣ, теперь все потерявшій, почему-то оправдывалъ большевиковъ, ихъ «соціализацію имущества» съ чѣмъ ни я, ни американецъ, конечно, не соглашались. Недѣли черезъ двѣ я его встрѣтилъ въ Ригѣ, и онъ разсказалъ интересную исторію, какъ его, тотчасъ по прибытіи въ Гельсингфорсъ, немедленно задержали. Онъ былъ заподозрѣнъ финляндскими властями въ сочувствіи большевикамъ, онъ же, въ свою очередь, заподозрилъ въ доносѣ англійскаго дипломата, который слышалъ наши разговоры и потому обратилъ на этого «дипломатическаго курьера» вниманіе финляндскихъ властей.

Почему-то ѣдемъ очень медленно. Приближаемся къ берегамъ. Ботническій заливъ, какъ зеркало. Удивительны шхеры, какія причудливыя формы! Не полюбоваться этой картиной, этими красками, перспективами, божественной мудростью природы. Рукой Создателя написаны самые интересные, захватывающіе романы. Эти волшебныя произведенія разсыпаны по всему міру, по всей вселенной, ихъ можно найти и въ Бот-

ническомъ заливѣ и у насъ, и вездѣ, — нужно только умѣть читать, черпать эту высочайшую мудрость, проникаться этой красотой, родниться съ блаженной и безконечной вѣчностью.

Въ гельсингфорскомъ отелѣ встрѣчаю двухъ американскихъ военныхъ представителей. Они только что пріѣхали изъ Латвіи, гдѣ все время наблюдали за прекратившимися теперь военными дѣйствіями и за борьбой латышей съ нѣмцами. Съ восторгомъ они описысываютъ военный и организаiонный талантъ главнокомандующаго латвійской арміей, полковника Балодиса, и безпримѣрную выдержку генерала Радзина и полковника Беркиса, которые непрерывно, днями и ночами, безъ сна, успѣшно руководили военными операціями.

Они разсказали мнѣ и о желѣзномъ характерѣ и выдержкѣ президента Ульманиса. Въ первый разъ я почувствовалъ какую то особенную гордость за мой народъ. У этихъ американцевъ не было никакой цѣли, никакого основанія быть неискренними. Ихъ объективный разсказъ освѣтилъ и подчеркнулъ особое значеніе борьбы латышей. Именно здѣсь разрѣшался тогда вопросъ быть или не быть Латвіи, — но разрѣшался вопросъ и объ исторіи и бытіи всей Европы. Если бы нѣмцы тогда укрѣпились въ Прибалтикѣ, они начали бы походъ на Россію, и она, ослабленная, могла легко превратиться въ нѣмецкую колонію. Объ этомъ мечтали многіе. Этой услуги латышей въ 19 году дѣлу всеобщаго мира Европа не должна забыть.

IX

ПОСЛѢ БЕРМОНТА

ШПІОНКА Л. — РАЗРУШЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ ПѢБАЛГѢ. — КОМАНДИРЪ УЛАНСКАГО ПОЛКА ОРЛОВЪ.

Послѣ 5 лѣтъ я снова въ Ригѣ. Какая разница! Теперешнюю Ригу, столицу новой республики Латвіи, нельзя сравнить съ Ригой въ самомъ началѣ войны. Тогда это былъ фронтъ военныхъ операцій, шла міровая война; тогда начиналось бѣгство латышей отъ своихъ вѣковыхъ враговъ, нѣмцевъ, — и Рига представляла картину страданій и народнаго горя. Теперь, послѣ побѣды надъ Бермонтомъ, послѣ его пораженія, и Рига, и вся наша земля наполнились и задышали радостью, священнымъ блаженствомъ, надеждами. Сердце наполняла гордость, — кто боролся съ Бермонтомъ и большевиками, тотъ — герой, кто палъ въ этой борьбѣ, тотъ — святъ. Народъ вѣчно будетъ поминать ихъ, молиться надъ ихъ могилами, черпая здѣсь силу, какъ у жизненнаго, неизсякаемаго источника. Что же это была за сила, которая могла побѣдить нѣмцевъ, такъ самоувѣренно и неожиданно предпринявшихъ новый походъ на Востокъ? Это была сила духа латышскаго народа, сознаніе своихъ правъ, побѣда справедливости. Такъ впослѣдствіи отвѣтилъ главнокомандующій латвійской молодой арміей, генералъ Балодисъ. Онъ былъ безусловно правъ. Пусть же ни одинъ изъ начинающихъ войну не забываетъ этихъ словъ, не пренебрегаетъ этими великими истинами!

Но, побѣдивъ нѣмцевъ, надо было немедленно готовиться къ тяжкой своебразной и серьезной борьбѣ съ большевиками, мобилизовавшими свои силы противъ Запада. Огромнымъ числомъ аген-

товъ и шпіоновъ была переполнена тогда вся Латвія только что получившая возможность свободно дышать. Наивнымъ и довѣрчивымъ людямъ очень трудно разобраться въ сложной сѣти, въ явленіяхъ и фактахъ политической жизни, особенно въ дни и мѣсяцы готовящихся или происходящихъ катастрофъ. Въ такія минуты необходима особенная зоркость, большая настороженность, обостроенное недовѣріе. Надо критически относиться ко всѣмъ и каждому, ибо возможность ошибки и пагубной довѣрчивости подстерегаетъ чуть ли не на каждомъ шагу. Справедливость этой тактики я могъ провѣрить на собственномъ опытѣ. Извѣстная въ Ригѣ дама случайно познакомила меня съ очень интересной молодой женщиной Л. Эту Л. рекомендовали мнѣ, какъ сестру милосердія, гонимую судьбой, преслѣдуемую большевиками; она — страдалица, одинокая, на нее одинъ за другимъ падаютъ безжалостные удары судьбы, и т. д. Однако уже при первой встрѣчѣ у меня родились сомнѣнія. Ужиная съ обѣими дамами въ извѣстномъ ресторанѣ «Отто Шварцъ», я вынесъ опредѣленное впечатлѣніе, что эта молодая интересная Л. — не больше и не меньше, какъ большевицкій агентъ. Нѣтъ такой загадки, которая бы не была разгадана, и нѣтъ такого замка, который бы не отпирался. Какъ ни покажется страннымъ, Л. провалила себя въ моихъ глазахъ, казалось бы, пустячной мелочью. Въ ея ушахъ я увидѣлъ удивительной красоты брилліантовыя серьги. Такая роскошь была по карману только очень богатымъ людямъ, такія серьги могли носить только богачки, и ужъ никакъ не простая сестра милосердія. И, глядя на эти брилліанты, я безъ всякаго труда, будто въ открытой книгѣ, сталъ читать въ ея душѣ, и легко представилъ себѣ похожденія этой дамы. Затѣмъ у насъ произошла еще одна встрѣча, и Л. исчезла. Я забылъ о ней, но прошло 8 лѣтъ, и судьба снова насъ столкнула. Я былъ уже латвійскимъ посланникомъ въ Москвѣ, когда брилліантовая сестра милосердія явилась ко мнѣ съ просьбой дать ей разрѣшеніе на проѣздъ въ Латвію, съ остановкой въ Ригѣ на самый короткій срокъ.

— «Но вы можете дать мнѣ честное слово, что ничего тамъ творить не будете?»— задалъ я ей вопросъ.

Дама нисколько не обидѣлась, — вопросъ, повидимому, показался ей вполнѣ естественнымъ. Несомнѣнно, она сама понимала, что я ее раскусилъ уже давно, съ первыхъ же дней нашего знакомства. Она отвѣтила мнѣ твердо, безъ всякаго смущенія:

— «Даю честное слово».

Въ тотъ же день она получила транзитную визу съ правомъ остановиться въ Ригѣ на 3 дня. Тѣмъ не менѣе я не повѣрилъ ея честному слову и, на всякій случай, далъ соотвѣтствующія распоряженія латвійской полиціи. Прошло нѣсколько дней, и мнѣ сообщили, что моя «знакомая», въ первый же вечеръ по пріѣздѣ въ Ригу, выступила на какомъ-то митингѣ и была арестована.

Сколько такихъ агентовъ было разослано и разбросано большевиками по Европѣ, по всему міру! Они путешествовали и работали подъ самыми различными именами и масками, клялись и давали «честное слово», увѣряли и убѣждали, мѣняли паспортъ, готовы были на все, лишь бы исполнить полученныя заданія...

Приближалось Рождество. Быстрѣе и нервнѣе начиналъ бить пульсъ жизни. Столичный городъ устремлялся въ поля, на праздники, въ крестьянскія усадьбы. И меня тамъ тоже ждутъ мои старики, которыхъ я такъ долго не видѣлъ. Ѣду мимо школы въ Пѣбалгѣ, гдѣ я учился еще юношей. Во всей Латвіи не было болѣе образцовой школы, чѣмъ эта, не было ни въ одномъ училищѣ болѣе выдающихся педагоговъ. Теперь всѣмъ имъ поставленъ памятникъ, — но школы уже нѣтъ, — осталась только громадная куча развалинъ. Кто же разрушилъ этотъ прекрасный разсадникъ культуры, очагъ здороваго національзма Латвіи?

Для отвѣта надо перенестись къ 1905 г., къ эпохѣ карательныхъ отрядовъ. Тогда болѣе лѣвые элементы, наиболѣе смѣлые латыши возстали противъ господства баронской власти. Это движеніе разлилось по всей Балтикѣ. Возставшихъ стали преслѣдовать и разстрѣливать. Этой казни подвергались одинаково какъ виновные, такъ и невинные люди, какъ бы по принципу, повелѣвающему при разгромѣ дома не считать разбитыхъ стеколъ. Тогда-то было взорвано и Пѣбалгское училище. Такая судьба его постигла за то, что незадолго до пріѣзда карательнаго отряда, во главѣ съ полковникомъ Орловымъ, въ школу забѣжали три революціонера. Въ училищѣ усмирители ничего не нашли, оно стояло совершенно пустымъ, но «преступленіе» школы показалось достаточнымъ и его предали разрушенію. Для бароновъ было важно истребить самую образцовую школу именно за то, что она давала отличное образованіе латышамъ: эти бароны и были фактическими руководителями карательнаго отряда Уланскаго полка подъ командой Орлова. Самъ петербуржецъ, онъ, естественно, не зналъ ни мѣстныхъ условій, ни очаговъ возстаній,

ни его дѣйствительныхъ виновниковъ и главарей, — и долженъ былъ въ этомъ отношенiи всецѣло полагаться на мѣстныхъ помѣщиковъ, т. е. на все тѣхъ же нѣмецкихъ бароновъ. И полковникъ Орловъ, и всѣ другiе не обладавшiе знанiемъ края и духа народа являлись только исполнителями чужой воли. Они обречены были идти вслѣпую, рубить съ плеча, имъ не дано было понять, что, разрушая образцовую, ни въ чемъ неповинную школу, они тѣмъ самымъ подрубаютъ и разваливаютъ основу своей собственной жизни. Да, именно они и привели великую Россiю къ такому же развалу, какой постигъ несчастную Пѣбалгскую школу. Въ этомъ таилась трагедiя всѣхъ Орловыхъ, всѣхъ усмирителей, — горе въ томъ, что это была трагедiя не только ихъ однихъ. Недавно мнѣ удалось узнать отъ совершенно достовѣрныхъ людей о судьбѣ блестящаго командира Уланскаго полка, этого усмирителя Орлова.

Печальный разсказъ.

«Послѣ 1905 г. вся Россiя была взбудоражена, взвихрена, потрясена, — разсказывалъ мой собесѣдникъ, — власть не могла довѣриться самымъ надежнымъ полкамъ, въ томъ числѣ даже Преображенскому. Руководить карательнымъ отрядомъ рѣшили поручить любимцу императрицы, полковнику Орлову и его Уланскому полку. Свою миссiю онъ выполнилъ, и послѣ усмиренiя балтiйскаго края императрица стала оказывать ему особое вниманiе. Это не особенно понравилось другимъ придворнымъ людямъ. Государыня секретно стала встрѣчаться съ Орловымъ на квартирѣ у фрейлины Вырубовой, ставшей впослѣдствiи знаменитой сообщницей и подругой Распутина. Эти свиданiя государыни съ Орловымъ держали въ секретѣ отъ лейтенанта Вырубова, и когда онъ однажды неожиданно вернулся къ себѣ домой и встрѣтилъ въ своей квартирѣ Орлова, то, потерявъ самообладанiе, поколотилъ командира Уланскаго полка, заподозривъ его въ интимныхъ отношенiяхъ со своей женой. Разумѣется, придворный скандалъ сталъ извѣстенъ всему Петербургу. Поползли всякiе слухи и сплетни, и Орловъ былъ принужденъ покинуть столицу. Онъ уѣхалъ въ Египетъ, будто бы для леченiя. Прошло немного времени, и оффицiально было сообщено, что Орловъ умеръ въ Египтѣ отъ скоротечной чахотки. На самомъ дѣлѣ, онъ, тоскуя въ изгнанiи и зная, что его карьера подорвана навсегда, застрѣлился. Послѣ него остался сынъ, котораго государь милостиво взялъ подъ свою опеку и назначилъ на его воспитанiе 600 рублей въ мѣсяцъ. Несомнѣнно, что и его ждала прекрасная карьера, обезпеченное и беззаботное существованiе, царская протекцiя, — все , о чемъ только могъ мечтать сынъ заслуженнаго, выдвинувшагося гвардейца. Но не все кончается такъ хорошо, какъ предполагается и начинается. Теперь этотъ юноша Орловъ, уже совсѣмъ пожилой человѣкъ, испытавшiй гоненiя большевиковъ, перенесшiй много жизненныхъ бѣдъ и лишенiй, служитъ швейцаромъ въ парижскомъ отелѣ «Ritz». Судьба бываетъ безжалостна: отецъ былъ любимцемъ послѣдней русской государыни, сынъ сталъ слугой въ гостинницѣ.

Государыня Александра Федоровна имѣла на императора Николая II-го огромное влiянiе. Она отдавала свои симпатiи прибалтiйскимъ нѣмцамъ, а тѣ, — конечно, ради собственныхъ выгодъ, — информировали ее черезъ своихъ представителей при русскомъ Дворѣ неправильно, односторонне и просто лживо. Односторонность и неправильность здѣсь были въ томъ, что информаторы царицы, тоже балтiйскiе бароны, рисовали ей латышей, какъ недовольную нацiю, готовую всячески защищать и отвоевывать свои права на землю.

Конечно латыши были «недовольной» нацiей, но какъ же эта нацiя, культура которой была выше всѣхъ народовъ, населявшихъ огромную Россiю, могла быть счастливой и довольной тѣмъ, что больше половины земли всего края находилось въ рукахъ сотни нѣмецкихъ бароновъ? Кромѣ того, эти бароны имѣли особыя и завидныя привиллегiи, никогда и нигдѣ не существовавшiя во всей Европѣ, а эти преимущества, и привиллегiи шли въ ущербъ не только латышескому народу, но и всему русскому государству.

Только уже впослѣдствiи у Николая II-го открылись глаза. Хотя и съ опозданiемъ, но свою ошибку онъ понялъ. Это случилось тогда, когда на рижскомъ фронтѣ латыши остановили нѣмецкое продвиженiе и геройски участвовали въ бояхъ; тутъ Николай II сталъ искренно сожалѣть о дѣйствiяхъ его карательныхъ отрядовъ. Посѣтивъ во время войны нашъ фронтъ, онъ сказалъ легендарному герою боевъ за самостоятельность, латышу, полковнику Брѣдису, впослѣдствiи убитому большевиками, буквально слѣдующiя слова: «Я жалѣю, что въ 1905 году имѣлъ неправильное представленiе о латышахъ». Запоздалое признанiе: ничего поправить уже было нельзя, и не всѣ вины и ошибки искупаются раскаянiемъ.

Грустно проходило Рождество. И меня и родителей чрезвычайно угнетала мысль о моей семьѣ, — же-

нѣ и трехъ маленькихъ дѣтяхъ. Мы о нихъ ничего не знали. Нѣтъ ничего выше долга и любви, связывающихъ меня съ ними , никто и ничто не могли замѣнить ихъ въ родномъ домѣ, гдѣ было столько радости и счастья. Я поспѣшилъ назадъ въ Ригу, — тамъ легче. Почему -то мнѣ особенно пріятно было слушать тогда меланхолическій вальсъ извѣстнаго латышскаго композитора Дарзиня, трагически погибшаго подъ колесами паровоза. Изъ-за этого вальса я сталъ бывать въ ресторанѣ «Отто Шварцъ».

Неожиданно я получилъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ Мейеровица предложеніе отправиться въ Москву съ делегаціей для мирныхъ переговоровъ съ большевиками.

X

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1920 г. ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ

ПО ДОРОГѢ ВЪ МОСКВУ

2-го января 1920 г. латвійская делегація для веденія мирныхъ переговоровъ съ большевиками выѣхала въ Москву; съ нею и я отправился. Главной моей цѣлью было найти семью. Это было мое личное дѣло, делегація же, ѣхавшая подъ флагомъ Краснаго Креста, должна была заключить перемиріе съ большевиками. Они уже изъявили готовность признать независимость Латвіи, и, значитъ, война съ ними была закончена. Надо было проѣхать почти 1000 километровъ, а въ ту пору это было длинное путешествіе, ибо обслуживаніе полуразрушенныхъ дорогъ было ужасно.

Подъѣхали къ полосе военныхъ дѣйствій, гдѣ, съ обоюднаго согласія, стрѣльба была прекращена: если ѣдетъ делегація мира, военныя дѣйствія должны быть прерваны. Садимся на приготовленныя крестьянскія подводы и, въ сопровожденіи красноармейцевъ, переѣзжаемъ военную полосу, но съ принятыми большевиками предосторожностями, чтобы никто изъ насъ ничего не могъ увидѣть. Невольно охватываетъ какой-то непонятный страхъ; а что, если въ этой странѣ вдругъ, по чьей-то капризной и невѣдомой волѣ, придется остаться намъ? Одна мысль объ этомъ кажется страшнѣе страшнаго.

Насъ привѣтствуетъ красноармеецъ комиссаръ, одѣтый въ черную кожаную куртку. Нашимъ помѣщеніемъ теперь служитъ товарный вагонъ-теплушка, украшенный всевозможными красными надписями, общеизвѣстными революціонными лозунгами. Въ этой теплушкѣ мы должны будемъ ѣхать довольно долго,

пока насъ не пересадятъ въ пассажирскій вагонъ 2 класса. Но до самой Москвы мы путешествуемъ уже безъ пересадки.

День пасмурный. Вся земля покрыта глубокимъ слоемъ снѣга. Все, — и кровли домовъ, и крыши желѣзнодорожныхъ станцій, — стало бѣлымъ. Но люди, ихъ внѣшность, шапки, одежды грязны, черны, оборваны, — полное несоотвѣтствіе съ божественной обстановкой природы, — съ ея дѣвственной бѣлизной. А мысли этихъ людей — еще чернѣй, у многихъ — красныя, мечтающія о крови, смерти, уничтоженіи. Повсюду красныя, тоже грязныя, слинявшія тряпки, — красныя знамена, висящія повсюду и вездѣ, — какъ бы символизирующія союзъ грязи и крови, которою тогда была залита обширная Россія. «Да здравствуетъ міровая революція», «Смерть буржуямъ», «Смерть врагамъ рабочихъ» и т. д. Подобные лозунги дополняли эту скорбную картину и какъ-то подчеркивали безконечную, унылую пустоту, бѣдность и нищету. Сразу почувствовалось, что мы пріѣхали не въ обновленную страну, не къ возрожденному народу, а попали въ стадо голодныхъ, страшныхъ, звѣрски настроенныхъ людей, и они, вотъ-вотъ, набросятся на насъ и растерзаютъ.

Конечно, наши чемоданы полны всевозможныхъ продуктовъ. Но я избѣгаю ѣсть передъ этими несчастными, полуголодными людьми, которые насъ или жадно и недобро осматриваютъ, или же совсѣмъ не замѣчаютъ.

ОСОБНЯКЪ ТЕРЕЩЕНКО

Съ вокзала насъ отвезли на Софіевскую набережную и помѣстили въ правомъ флигелѣ особняка бывшаго извѣстнаго въ Россіи сахарозаводчика Терещенки. Въ главномъ корпусѣ этого особняка жили Литвиновъ и Караханъ, а въ лѣвомъ флигелѣ помѣщались дипломатическіе курьеры и какіе-то, повидимому, чекисты. За нами они зорко слѣдили, а Литвинова, Карахана и всѣхъ, живущихъ съ ними, охраняли. Тогдашній комиссаръ иностранныхъ дѣлъ Чичеринъ жилъ въ самомъ комиссаріатѣ. Его онъ покидалъ, — такъ разсказывали, — въ исключительныхъ случаяхъ, когда надо было идти на какое-нибудь кремлевское засѣданіе. Этотъ особнякъ Терещенки впослѣдствіи сталъ центромъ всѣхъ совѣтскихъ дипломатическихъ пріемовъ. Тамъ по-царски сервировались столы, и всѣ дипломатическіе представители разныхъ странъ, — въ томъ числѣ

и я, — ѣли серебряными, золотыми и позолоченными царскими ложками, вилками, ножами, — царская роскошь продолжала обитать и у комиссаровъ рабоче-крестьянской власти.

Наша делегація успѣшно исполняла данныя ей правительствомъ порученія. Требованія и права латышей были неоспоримы, да большевики и не упрямились, — для нихъ въ эту пору важнѣе всего было собрать свои силы противъ Деникина, надвигающагося съ юга. Конечно, не будь этой угрозы, не будь Деникина и другихъ антибольшевицкихъ силъ, совѣтская власть едва ли согласилась бы признать независимость балтійскихъ странъ. Военное положеніе на разныхъ фронтахъ гражданской войны сложилось такъ напряженно и угрожающе, что у большевиковъ не было другого выхода. Они искренно были увѣрены, что признаніе независимости балтійскихъ народовъ является только временнымъ, и очень скоро все обернется въ ихъ пользу. Тогда большевики возлагали еще свои надежды на торжество міровой революціи. Но даже при этихъ условіяхъ и въ этомъ затрудненномъ положеніи большевики не сразу пошли на уступки. Пришлось долго и упорно торговаться не только о границахъ, но и объ основныхъ принципахъ договора. Все-таки, въ концѣ концовъ, пункты договора. были приняты почти полностью. Согласіе было достигнуто. Делегація уѣхала. Ея оффиціальная миссія была закончена. Я остался одинъ. Мнѣ не хотелось уѣзжать, — я долженъ былъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы найти, наконецъ, жену съ дѣтьми.

ЛЕНИНЪ, ЛОМОНОСОВЪ, ЦЮРУПА.

Я отправился къ Ломоносову. Въ это время онъ уже состоялъ комиссаромъ путей сообщенія. Узнавъ его адресъ, я поѣхалъ къ нему безъ всякаго предупрежденія. Ломоносовъ жилъ въ комиссаріатѣ путей сообщенія. На мой звонокъ вышла женщина, впустила меня, я попросилъ ее доложить Ломоносову, что инженеръ Озолсъ изъ Америки хочетъ съ нимъ бесѣдовать по важному дѣлу. Ломоносовъ вышелъ. Мы поздоровались. Прежде всего я попросилъ его принять отъ меня небольшой пакетъ, въ которомъ были шоколадъ, масло, консервы, и еще многое другое.

— Стыдно брать, — сказалъ Ломоносовъ, — но пакетъ, все-таки, взялъ.

— «Нечего стыдиться, Юрій Владиміровичъ, вѣдь у васъ сейчасъ почти ничего нѣтъ и съ продовольствіемъ очень туго...

Я ему сталъ говорить, что онъ меня знаетъ и можетъ вѣрить, что сейчасъ я пріѣхалъ не какъ врагъ или политическій противникъ, а какъ несчастный человѣкъ, который хочетъ найти свою семью. Я просилъ его содѣйствія, и Ломоносовъ на этотъ разъ трогательно отвѣтилъ:

— «Можете и мнѣ вѣрить, что я для вас сдѣлаю все, что могу».

Потомъ я позвонилъ комиссару Цюрупѣ и просилъ меня принять. Немедленно моя просьба была удовлетворена: Его я зналъ еще до войны и зналъ хорошо. Въ течніе 25 лѣтъ подрядъ онъ былъ главнымъ управляющимъ въ уфимскомъ имѣніи князя В. А. Кугушева, члена Государственнаго Совѣта по выборамъ, родного дяди моей жены. За свой либерализмъ князь Кугушевъ былъ сосланъ на сѣверъ, но оттуда бѣжалъ заграницу— и жилъ тамъ до 1905 г., когда получилъ разрѣшеніе вернуться обратно въ Россію. Вернувшись, онъ былъ немедленно избранъ въ Государственный Совѣтъ, какъ представитель нѣсколькихъ приуральскихъ губерній. Въ ссылкѣ онъ и познакомился съ Цюрупой, тоже отбывавшимъ наказаніе. Ссылка Цюрупы продолжалась недолго и по освобожденію онъ сталъ управлять имѣніями князя Кугушева, и управлялъ такъ образцово, что составилъ себѣ репутацію честнѣйшаго и порядочнѣйшаго человѣка. Имѣніе князя Кугушева, члена Государственнаго Совѣта, считалось какъ бы неприкосновеннымъ, и поэтому лѣтомъ тамъ часто гостили, а иногда и скрывались неблагонадежные, съ правительственной точки зрѣнія, лица. Между другими, живали тамъ и личная секретарша Ленина, Фотіева, бывшій полпредъ въ Швейцаріи Берзинъ, полпредъ Юреневъ и, если не ошибаюсь, — и самъ Ленинъ.

Вотъ почему и послѣ совѣтскаго переворота Цюрупѣ былъ предложенъ постъ комиссара снабженія, государственнаго контролера, — впослѣдствіи онъ сталъ замѣстителемъ предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ,

Я отправился къ Цюрупѣ, жившему въ Кремлѣ. Стража была уже предупреждена. Когда я подошелъ къ кремлевскимъ воротамъ и предъявилъ свой паспортъ, караульный красноармеецъ взялъ подъ козырекъ: то же самое повторилось и у вторыхъ, внутреннихъ воротъ. Наконецъ, попадаю въ комендантскую, — здѣсь

я долженъ былъ еще разъ предъявить свои документы. Было странно слышать, какъ въ этой цитадели русскихъ царей комиссаръ отдавалъ свои распоряженія на латышскомъ языкѣ. Взглянувъ на мой паспортъ, онъ почувствовалъ явное смущеніе. Его должно было удивить и показаться весьма страннымъ то обстоятельство, что какой-то другой латышъ, явно не ихъ лагеря, имѣетъ свободный пропускъ къ комиссару Цюрупѣ, а, можетъ быть, и къ другимъ власть имущимъ лицамъ, которыхъ они, совѣтскіе латыши, такъ тщательно охраняютъ съ винтовками и револьверами въ рукахъ.

Принялъ меня Цюрупа очень сердечно и чрезвычайно огорчился, узнавъ, что я потерялъ семью. Въ тотъ моментъ я въ немъ увидѣлъ и почувствовалъ, дѣйствительно, хорошаго человѣка, — челвѣка большой души, способнаго понимать и принимать близко къ сердцу чужое горе и страданіе. Я тогда рѣшилъ ѣхать въ Сибирь, куда моя семья скрылась у Колчака.

Семья Колчака частенько лѣтомъ пріѣзжала въ гости къ матери моей жены, въ Уфимскую губернію. Узнавъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Сибирь, Цюрупа удивленно взглянулъ на меня:

— «Люди тысячами погибаютъ по дорогѣ въ Сибирь отъ тифа, отъ разныхъ болѣзней, на станціяхъ не успѣваютъ убрать ихъ трупы. Куда вы поѣдете? — » говорилъ онъ.

Наконецъ, онъ спросилъ:

— «А есть ли у васъ деньги заграницей?

— «Всѣ мои деньги въ Америкѣ».

— «Ну въ такомъ случаѣ я вамъ совѣтую уѣхать скорѣй и изъ Латвіи, — тогда вы скорѣе найдете свою семью.

Въ этомъ совѣтѣ, данномъ мнѣ въ минуту откровенности Цюрупой, этимъ большимъ человѣкомъ, въ его намекѣ я разслышалъ еще болѣе серьезное предупрежденіе. Его можно было формулировать такъ:

— «Латвія снова можетъ быть оккупирована совѣтскими войсками, и вы скорѣй найдете семью, если уѣдете изъ Латвіи».

Комиссаръ путей сообщенія Ломоносовъ прислалъ мнѣ бумагу съ разрѣшеніемъ на свободный проѣздъ по всей Россіи и Сибири. На этомъ документѣ стояла подпись самого Ленина. Поручились за меня Ломоносовъ и Цюрупа. Я заколебался. Все-таки здравый смыслъ поборолъ чувство: я рѣшилъ, что ѣхать въ Сибирь не только безсмысленно, но и опасно. По моей просьбѣ, Караханъ и Цюрупа, каждый въ отдѣльности,

послали телеграммы своимъ вѣдомственнымъ подчиненнымъ, относительно моей семьи, — мнѣ оставалось только ждать результатовъ.

ЛЕВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАХАНЪ И ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА.

Мнѣ прислуживала молодая женщина, которую звали Татьяной. Я ее подкармливалъ своими продуктами, вывезенными изъ Латвіи, и мало-помалу она стала разговорчивѣй. Заговорили мы какъ-то о Караханѣ, который производилъ впечатлѣніе интеллигентнаго человѣка и былъ молодымъ и красивымъ.

— «А вы развѣ не видите, какъ передъ обѣдомъ каждый день подъѣзжаетъ къ особняку шикарный лимузинъ и увозитъ молодую красавицу, артистку, одѣтую въ прекрасные мѣха? Вечеромъ ее привозятъ обратно. Это возлюбленная Карахана. Семью онъ бросилъ гдѣ-то въ другой странѣ, забылъ и про дѣтей.»»

Черезъ пять лѣтъ Караханъ опять былъ женатъ, у него была прекрасная жена и дѣти. Моя собесѣдница, эта Татьяна Семеновна, была очень толковымъ человѣкомъ, спокойной женщиной, происходила изъ вполнѣ порядочной крестьянской семьи, изъ той же мѣстности, что и Чичеринъ. Поэтому она и была принята на службу. Вотъ ея разсказъ;

— «Въ деревнѣ мы хорошо жили. Отецъ не пьянствовалъ, какъ многіе другіе крестьяне, и кое-что скопилъ, сдѣлалъ сбереженія былъ у насъ хорошій домъ, необходимый живой и мертвый инвентарь. Но что подѣлаешь: большевики объявили отца кулакомъ и стали его преслѣдовать. Какъ то въ воскресенье пришли къ намъ изъ сосѣдней деревни полупьяные парни, ворвались, стали издѣваться надъ отцомъ, избили его, потомъ раздѣли до гола и при лютомъ морозѣ стали гонять по всей деревнѣ. Когда отецъ уже совершенно изнемогъ, парни заперли его въ какой-то сарай и сами ушли. Черезъ нѣсколько дней отецъ скончался. Съ отчаянія я бѣжала, попала въ Москву и обо всемъ разсказала Чичерину. Онъ принялъ меня на службу и потребовалъ, чтобы дѣло о разгромѣ нашего дома было разсмотрѣно и виновники наказаны.»

Разсказала она и о другихъ такихъ же нападеніяхъ; она всей душой, горячо ненавидѣла большевиковъ.

Все время за мною слѣдили двое приставленныхъ агентовъ. Одинъ изъ нихъ теперь занимаетъ должность

консула въ пограничномъ съ совѣтской Россіей государствѣ. Но тогда онъ былъ только небольшимъ агентомъ-чекистомъ. По національности онъ латышъ. Почему-то ему было очень непріятно признаться, что онъ служилъ въ чека, и увѣрялъ поэтому, что состоитъ при комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ.

Съ этимъ лицомъ я ближе познакомился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Жилъ онъ подо мной. Какъ-то прихожу къ нему, стучу въ дверь, никто не подходитъ и не отворяетъ. Стучу снова, — также безрезультатно. Тогда уже я самъ отворяю дверь и вижу, какъ на кровати, будто въ предсмертныхъ судорогахъ, мучается, весь скорчившись, мой «охранитель». Это былъ Клявинъ, теперешній совѣтскій консулъ въ Эстоніи. Мнѣ стало его жалко, я началъ разсапрашивать, что съ нимъ, и онъ мнѣ разсказалъ, какъ ему приходится страдать отъ свирѣпаго, острѣйшаго катарра желудка.

— «Отъ недоѣданія, — объяснилъ онъ, — нѣтъ жировъ».

Я сейчасъ же поднялся къ себѣ наверхъ, принесъ ему сала и ветчины и просилъ принять это. Онъ рѣшился, взялъ, но какъ-то неохотно, будто внутренно преодолѣвая себя, — ему, должно быть, неловко было брать это приношеніе отъ меня. Мы стали встрѣчаться чаще. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ трудно получать отъ крестьянъ продукты, повѣдалъ многое изъ своей жизни, разсказалъ и о своихъ переживаніяхъ и обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ его революціонеромъ. Долженъ сказать, что этотъ человѣкъ, — пусть и озлобленный, — произвелъ на меня довольно хорошее впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что у него есть благіе задатки, отзывчивое сердце, не плохая душевная настроенность. Узналъ я и его коллегу Б. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого типа, — злой, проклинавшій все и всѣхъ, — капиталистовъ, буржуевъ: особенно горячо ненавидѣлъ онъ одного члена нашей уѣхавшей делегаціи, присяжнаго повѣреннаго Фриденберга.

Въ своихъ наблюденіяхъ я никогда не хотѣлъ допустить односторонности или предвзятости и старался найти объективную оцѣнку человѣка, хотя бы онъ состоялъ на службѣ даже въ самомъ страшномъ застѣнкѣ. Въ свои темные и мрачные углы жизнь загоняетъ людей иногда слѣпо и несправедливо, но никогда не слѣдуетъ выносить огульныхъ приговоровъ, судить людей скопомъ, окрашивать ихъ душу и лица какой-нибудь одной краской.

АНГЛІЙСКІЙ РАБОЧІЙ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЛЕНДСБЕРИ И ЛОШАДИНОЕ БЛЮДО.

Для иностранцевъ Россія всегда была загадкой. Настоящимъ образомъ никто въ западной Европѣ ее не зналъ. Въ пониманіи европейцевъ, она была смѣсью всякихъ противорѣчій, особеннымъ феноменомъ, готовымъ чуть ли не каждую минуту поразить ошеломляющею неожиданностью, и казалась то рабски покорной, то грозно бурлящей, то олицетвореніемъ какой-то загадочной славянской души. Революція въ Россіи, а затѣмъ октябрьскій переворотъ поразили всѣхъ своими размѣрами, формами, неистовствомъ. Теперь, за эти годы гражданской войны въ Испаніи, міръ кое-чему научился, обрѣлъ нѣкій опытъ; но тогда ужасы и сотрясенія гражданской войны освѣщали Россію зловѣщимъ свѣтомъ. Загадочной была она прежде, теперь стала не только загадочной, но и страшной.

И въ самой Россіи все было тоже страшно; война шла на всѣхъ фронтахъ, по всей странѣ шагалъ истребительный смертоносный голодъ; перестали дымиться печи, замерли фабричныя трубы. Замерзая въ погребномъ холодѣ, люди сидѣли и работали въ давно неотопленныхъ комнатахъ, гдѣ замерзали чернила; чиновники и чиновницы не снимали перчатокъ. Дико и приговоренно голодали цѣлыя области, и ослабѣвшіе организмы поѣдала повсемѣстная всероссійская вошь, людей — въ необычайномъ количествѣ, — косилъ сыпнякъ.

Всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ были прерваны. Особенно страстно хотѣли возобновить эти связи рускіе бѣженцы, покинувшіе свою родину и проживавшіе въ изгнаніи. Поэтому и ко мнѣ обращались съ горячими мольбами бросить по пріѣздѣ въ Москву письмо въ почтовый ящикъ, навести ту или другую справку, узнать, живъ ли тотъ или другой изъ родственниковъ. Конечно, такія обращенія дѣлались очень секретно, — время было тяжелое, угрозы сторожили на каждомъ шагу.

Изъ терещенскаго особняка, гдѣ я тогда жилъ, хорошо были видны Москва--рѣка и обѣ набережныя.На улицѣ лежала только что издохшая лошадь. Я рѣшилъ посмотрѣть, что съ нею будетъ. Черезъ самое короткое время шкура съ лошади была снята, и вороны цѣлыми стаями слетѣли вокругъ падали. Потомъ, въ наступившихъ потемкахъ, я увидѣлъ человѣка въ лохмотьяхъ, старавшагося отдѣлить кусокъ мяса отъ этой туши, и мнѣ стало невыносимо жутко. Еще долго лежала эта падаль на томъ же мѣстѣ, пока отъ нея не остались однѣ кости.

Тогда же въ Москву пріѣхалъ нѣкій знаменитый англичанинъ. Его помѣстили въ томъ же особнякѣ, гдѣ жилъ и я. Дня черезъ два онъ исчезъ. Трудно сказать, по какимъ соображеніямъ, но со мной онъ былъ чрезвычайно скупъ на слова, и намъ почти совсѣмъ не приходилось разговаривать, даже за обѣдомъ, когда ему и мнѣ подавали супъ съ лошадинымъ мясомъ. Сейчасъ не помню, ѣлъ ли этотъ обѣдъ англичанинъ, но я не могъ даже смотрѣть на это блюдо. Англичанину было лѣтъ 50, онъ былъ высокъ и молчаливъ. Вѣроятно, ему показалось весьма подозрительно мое пребываніе въ томъ же особнякѣ, ибо онъ не могъ не знать, что за каждымъ иностранцемъ установлено наблюденіе. Можетъ быть, онъ и меня принималъ тоже за совѣтскаго агента.

Тогда въ Россіи я дневника не велъ и сейчасъ не рѣшаюсь вполнѣ категорически утверждать, что этотъ англичанинъ былъ представителемъ англійскихъ рабочихъ Mr. Lensdberi. Думаю, однако, что я не ошибаюсь: въ январѣ 1920 г. въ московскомъ особнякѣ мы вмѣстѣ съ нимъ получали на обѣдъ это незабываемое лошадиное меню.

Пріѣзжали въ Москву и журналисты. По крайней мѣрѣ, эти люди такъ рекомендовались. Троихъ такихъ журналистовъ я встрѣчалъ и при томъ случайно, и такъ же случайно узналъ отъ одного изъ нихъ, что большевики уже подарили ему шубу-доху изъ прекраснаго мѣха, кажется, енотовую, которую онъ и увезъ изъ Москвы. Онъ разсказалъ, какъ его подвели въ какомъ-то складѣ къ громадной кучѣ сложенныхъ шубъ и предложили выбрать любую. Конечно, это были шубы несчастныхъ русскихъ «буржуевъ», отобранныя отъ нихъ и конфискованныя, т. е. «національзированныя» въ пользу государства. Возможно, что журналистъ этого и не зналъ, но такіе подарки были довольно вѣрнымъ способомъ задобрить журналистовъ и настроить ихъ благожелательно къ совѣтской власти. Могу съ полной увѣренностью утверждать, что многіе на эту удочку попадались, — такъ просто иногда вербовались сторонники большевицкой власти. Но люди бываютъ близорукими отъ природы иногда они сами хотятъ бытъ близорукими. Не всегда подкупъ долженъ облекаться въ грубую форму денежной взятки, — есть много другихъ методовъ задобрить, склонить, пріобрѣсти симпатіи къ себѣ, и многіе готовы были отказаться отъ своего отрицательнаго отношенія къ большевикамъ, закрыть гла-

за на многое, изъ простого и естественнаго чувства благодарности за предупредительность и любезность. Стойкость — не частая добродѣтель у людей. Среди такихъ стойкихъ журналистовъ, помню, былъ Mr. Arthur Copping (отъ «The Daily Chronicle»).

IОФФЕ, ДОГОВОРЪ СЪ ЭСТОНIЕЙ И «КУЛАКИ»

Изъ Уфы прiѣхала сестра комиссара Цюрупы. Она остановилась въ Кремлѣ. Мы съ ней побесѣдовали по телефону, — къ сожалѣнiю, она о моей семьѣ ничего не знала. Все-таки мнѣ удалось найти человѣка, которому я оставилъ нѣсколько тысячъ франковъ и доллары для моей жены въ случаѣ ея обнаруженiя.

Еще разъ я былъ въ Кремлѣ у Цюрупы. Прохожу по корридору и вижу двери, ведущiя въ квартиры другихъ комиссаровъ. Частная жизнь въ Кремлѣ текла совсѣмъ спокойно. Сестра Цюрупы разсказывала, что ея братъ, комиссаръ снабженiя, ничѣмъ не пользовался, недоѣдалъ, какъ и другiе, и физически настолько ослабѣлъ, что съ нимъ бывали припадки.

Цюрупа былъ, дѣйствительно, идейный человѣкъ, меньше всего думалъ о себѣ, о своихъ личныхъ благахъ.

Помню, какъ тогда во время нашей бесѣды Цюрупа всталъ и просилъ извинить его: онъ долженъ былъ идти на важное засѣданiе Совнаркома, — предстоялъ докладъ товарища Iоффе о совѣтско-эстонскомъ, только что заключенномъ договорѣ. Безъ всякой надежды на утвердительный отвѣтъ, я спросилъ:

— «А мнѣ нельзя?»

Спросилъ я объ этомъ полушутя.

— «Что-жъ, идите со мной, — говоритъ Цюрупа, я проведу васъ безъ всякихъ пропусковъ».

Какъ просто! Это меня удивило. Вмѣстѣ съ Цюрупой отправляюсь въ колонный залъ Кремля, гдѣ было назначено засѣданiе. Мы только что подошли къ подъѣзду, какъ сюда же подъѣхалъ прекрасный лимузинъ. Изъ него вышелъ довольно толстый мужчина средняго роста, отлично одѣтый, — тогда въ Москвѣ это было большой рѣдкостью.

— А это кто такой? — спросилъ я Цюрупу.

— А это Зиновьевъ, — отвѣтилъ онъ и прибавилъ: — Замѣчательный человѣкъ!

Совсѣмъ недавно этого «замѣчательнаго человѣка» разстрѣляли.

Колонный залъ весь былъ испещренъ лозунгами, надписями на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на языкахъ всѣхъ народностей совѣтской Россiи. Тогда власть не скупилась на лозунги, ихъ сочиняли во всѣхъ отдѣлахъ агитацiи и пропаганды, и въ столицахъ, и въ губернскихъ городахъ, и въ уѣздныхъ захолустьяхъ, — грозные лозунги, предупреждавшiе, что противъ россiйской совѣтской республики плетется мiровой заговоръ, что царство пролетарiата окружено блокадой; «Смерть буржуямъ», «Пролетарiи всѣхъ странъ соединяйтесь», «Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ» и т. п.

Никому невѣдомый, не обращая на себя ничьего вниманiя, я просидѣлъ около часу въ этой исключительной обстановкѣ, наблюдая новыхъ вершителей судебъ Россiи и слушая, что говорилось на этомъ важномъ засѣданiи.

Iоффе какъ бы оправдывался, что не было никакой другой возможности заключить договоръ съ эстонцами, что пришлось удовлетворить ихъ требованiя и дать, сверхъ всего, еще 15 миллiоновъ золотыхъ рублей.

— Вы должны понять, товарищи, что это — народъ кулацкiй. Эстонское правительство тоже кулацкое, — заключилъ Iоффе свой докладъ.

Слово «кулацкiй» было магическимъ словомъ: докладъ Iоффе былъ принятъ безъ всякихъ возраженiй, и ему была выражена благодарность.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и этотъ Iоффе покончилъ съ собой. Онъ былъ интеллигентнымъ, культурнымъ человѣкомъ, не могъ примириться съ укоренившейся общей грубостью, съ произволомъ чеки, а, главное, былъ близокъ съ Троцкимъ. Межъ тѣмъ Iоффе считался настоящимъ спецiалистомъ по заключенiю мирныхъ договоровъ съ отдѣлившимися отъ Россiи новыми самостоятельными республиками, былъ предсѣдателемъ совѣтской делегацiи и при заключенiи совѣтско-латвiйскаго договора.

Предсѣдатель этой латвiйской делегацiи и первый латвiйскiй посланникъ въ Москвѣ, Янъ Весманъ, работавшiй съ Iоффе довольно долгое время, сказалъ про него слѣдующее: «Iоффе былъ интеллигентный и культурный большевикъ, уже отъ природы одаренный большими дипломатическими и дiалектическими способностями.

Каждое неосторожно произнесенное слово, каждую неточность онъ чрезвычайно ловко умѣлъ использо-

вать, чтобы опутать своего противника. Онъ былъ болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ тогдашнихъ большевиковъ какъ бы созданъ для заключенія мирныхъ договоровъ съ отдѣлившимися отъ Россіи новыми республиками. Іоффе былъ одухотворенъ идеями Маркса.

Когда впослѣдствіи онъ увидѣлъ практическіе результаты имъ воображаемаго «новаго» міра, жизнь для него должна была показаться страшнѣйшимъ кошмаромъ.

Если это такъ, то, естественно, самоубійство было логическимъ результатомъ для прекращенія этого кошмара, что онъ и сдѣлалъ».

Въ Москвѣ Іоффе жилъ въ особнякѣ, принадлежавшемъ прежде обрусѣвшему французу Готье, въ Машковомъ переулкѣ, № 3. Впослѣдствіи этотъ особнякъ заняло латвійское посольство. Это помѣщеніе ни за что не хотѣла покинуть жена Іоффе и продолжала жить въ немъ, даже тогда, когда туда переѣхало латвійское посольство. Дѣйствительно, особнякъ хорошъ. Между прочимъ, онъ извѣстенъ тѣмъ, что Готье его ломалъ три раза и переустраивалъ, пока, наконецъ, не остался доволенъ постройкой. Уже посланникомъ въ Москвѣ я узналъ отъ оставшагося слуги Готье, какъ шла эта ломка и какъ вновь воздвигались стѣны по капризу богача Готье.

Уже выстроенъ былъ почти весь первый этажъ какъ пріѣхалъ самъ баринъ, осмотрѣлъ и грозно сказалъ: «Сломать!» Инженеръ началъ было протестовать, но Готье еще грознѣй повторилъ слово «сломать», и его воля была исполнена. Такъ ломали этотъ особнякъ три раза подрядъ.

Въ Москвѣ такіе капризы были неудивительны: богатые купцы и обрусѣвшіе иностранцы, заразившіеся московскими причудами, привыкли показывать свой характеръ. Кто не читалъ Островскаго, кто не помнитъ его типовъ замоскворѣцкаго купечества! Какъ часто такія взбалмошныя приказанія слышались въ первоклассныхъ московскихъ ресторанахъ: «Иванъ Ивановичъ, пополамъ?» — «Пополамъ». Это означало, что сейчасъ начнется битье посуды, стекла, зеркалъ, и всего, что попадалось подъ пьяную руку. На слѣдующій день безъ всякихъ возраженій счета за разбитыя вещи оплачивались полностью, при чемъ суммы достигали иногда внушительныхъ размѣровъ.

ЯНТАРЬ ИЗЪ КОЛЛЕКЦІИ РЯБУШИНСКАГО — ПОДАРОКЪ ПРЕЗИДЕНТУ СѢВ.-АМЕРИКАНСК. СОЕД. ШТАТОВЪ.

По просьбѣ нашей делегаціи извѣстный віолончелистъ Фогельманъ и одна молодая женщина получили разрѣшеніе на выѣздъ въ Латвію. Что-то ихъ задержало, они не успѣли собраться къ отъѣзду делегаціи и остались въ Москвѣ, чтобы потомъ отправиться вмѣстѣ со мной, подъ моимъ, такъ сказать, покровительствомъ. Фогельманъ хорошо зналъ богатую Москву, въ томъ числѣ и богачей Рябушинскихъ. Меня онъ просилъ купить у нихъ цѣнную коллекцію янтаря: Рябушинскіе тогда нуждались въ деньгахъ. Къ сожалѣнію, это меня мало интересовало. Все же я рѣшилъ исполнить его просьбу, пошелъ и купилъ изъ всей коллекціи только одну вещь, — сигарный мундштукъ, сработанный изъ янтаря замѣчательной красоты. До сихъ поръ жалѣю, что не купилъ всей коллекціи.

Мнѣ пришла мысль подарить этотъ мундштукъ Hoover'у: мнѣ хотѣлось хоть какъ-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить его за оказанную имъ мнѣ въ Парижѣ помощь. Такъ я и сдѣлалъ. Черезъ три мѣсяца я снова былъ въ Нью-Іоркѣ и, украсивъ этотъ мундштукъ золотымъ кольцомъ съ надписью, поднесъ его, какъ подарокъ, будущему американскому президенту. Въ моемъ сопроводительномъ письмѣ говорилось, что этотъ малый кусокъ янтаря ему подносится отъ янтарной земли Латвіи, которой онъ оказалъ столько услугъ въ дни ея страданій. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ часто поется о Латвіи, какъ о землѣ янтарей: на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря искони вѣковъ находили этотъ янтарь, — онъ встрѣчается и въ Латвіи. Я былъ радъ, что мой подарокъ пришелся по сердцу Hoover'у; принимая отъ меня этотъ янтарный мундштукъ, онъ сказалъ, что никогда не забудетъ объ этомъ подаркѣ.

Hoover исполнилъ свое обѣщаніе. Когда снова, въ 1921 г., я пріѣхалъ въ Америку, Hoover былъ министромъ коммерціи; онъ принялъ меня немедленно и сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Потомъ, когда я покинулъ постъ посланника въ Москвѣ, и на меня съ особеннымъ остервенѣніемъ набросилась совѣтская печать (объ этомъ я еще буду говорить), Hoover, уже будучи президентомъ Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ, присылалъ мнѣ дважды свой привѣтъ: разъ черезъ Дубина, депутата латвійскаго Сейма, (парламента)

когда тотъ былъ у Hoover'а, какъ представитель еврейской организаціи, а другой разъ — черезъ доктора Бильмана, представителя латвійскихъ журналистовъ. Кстати сказать, д-ръ Бильманъ теперь состоитъ латвійскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ. Тогда, въ 1929 г., наши журналисты отправились въ Америку вмѣстѣ съ представителями всей европейской прессы и были приняты Hoover'омъ. Не скрою, я былъ тронутъ и гордъ такимъ отношеніемъ ко мнѣ президента. Еще раньше въ Москвѣ я получилъ отъ Hoover'а письмо, — въ отвѣтъ на мое поздравленіе съ избраніемъ его въ президенты, а объ этомъ въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ тотчасъ узнали, — письмо было въ именномъ конвертѣ, — и шефъ протокола, извѣстный Флоринскій (теперь сосланный въ Сибирь) задалъ мнѣ недоумѣнный вопросъ: что же мнѣ пишетъ президентъ Америки Hoover? Полушутливо я отвѣтилъ:

— Президентъ Hoover мнѣ пишетъ, что это его первое и послѣднее письмо, котоое онъ послалъ въ Москву.

ЦАРСКІЙ ПОДАРОКЪ И ПОЛПРЕДЪ ГУКОВСКІЙ

Ни Караханъ, ни Цюрупа, ни другіе ничѣмъ не могли мнѣ помочь въ моемъ личномъ дѣлѣ. Я рѣшилъ послушаться ихъ добраго совѣта и уѣхать. Но легко сказать: «уѣхать»: сообщенія между Москвой и Ригой не было; слѣдовало ждать оказіи. Неожиданно я узналъ, что снаряжается цѣлый поѣздъ для Гуковскаго, перваго совѣтскаго чрезвычайнаго посланника-полпреда въ Эстоніи, съ которой Іоффе только что заключилъ мирный договоръ. Мнѣ предложили поѣхать съ его миссіей черезъ Петроградъ. Конечно, я согласился, и мы отправились въ путь.

Гуковскій — бывшій маклеръ петербургской биржи. У большевиковъ онъ сумѣлъ устроиться на отвѣтственнѣйшемъ посту; Въ Эстоніи, однако, онъ и его многочисленная свита возобновили операціи петербургской биржи и натворили такихъ дѣлъ, что вызванный въ Москву, Гуковскій исчезъ съ горизонта. Такъ печально закончилась жизнь перваго чрезвычайнаго посланника РСФСР.

Меня помѣстили въ отдѣльномъ купэ. Не любитель сидѣть въ одиночествѣ, я сталъ прохаживаться по вагонамъ, чтобы увидѣть, каковы вновь испеченные совѣтскія дипломаты. Не хочу скрывать, — они произвели на меня плохое впечатлѣніе. Это было совсѣмъ не то, что въ Москвѣ. Тамъ Караханъ, Чичеринъ, Флоринскій держали себя прекрасно, — этого я не могъ бы сказать о моихъ спутникахъ. Случайно я встрѣтилъ въ вагонѣ знакомаго инженера Е. О. Онъ зашелъ ко мнѣ въ купэ. Я его сталъ угощать оставшимися у меня запасами продуктовъ, и онъ охотно и жадно ѣлъ. Увѣренный въ томъ, что я уже на другой день буду въ Эстоніи, гдѣ можно достать все, я предложилъ Е. О. принять отъ меня въ подарокъ всю остальную снѣдь, — ея оставалось уже немного. Мой инженеръ воскликнулъ въ полномъ восторгѣ: «Да, вѣдь, это царскій подарокъ!». Дѣйствительно, онъ казался счастливымъ, какъ ребенокъ, отъ такого неожиданнаго сюрприза.

Какъ иногда помогаютъ мелочи! Моей любезности Е. О. не забылъ. Спустя годъ я снова былъ въ Москвѣ, уже какъ предсѣдатель латвійской реэвакуаціонной комиссіи, и Е. О. оказалъ мнѣ большую услугу. Онъ, — разумѣется, совершенно секретно, — повѣдалъ мнѣ, что въ одномъ важномъ совѣтскомъ учрежденіи случайно увидѣлъ бумагу, документъ о лицѣ, которому я и мои сотрудники всецѣло довѣрялись, — этотъ человѣкъ былъ агентомъ ГПУ. Разсказъ Е. О. оказался справедливымъ: наведенныя справки и наблюденія это подтвердили. Самъ Е. О. не былъ большевикомъ. Онъ считался спецомъ, работалъ съ совѣтской властью, но ненавидѣлъ большевицкіе порядки всей душой, какъ, впрочемъ, и большинство тѣхъ, кто, служа у нихъ, должны были голодать и холодать. Даже извозчики, — и тѣ были озлоблены. Какъ-то я спросилъ лихача, — очень ли ему нравится совѣтская власть, лихачъ-извозчикъ сердито отвѣтилъ: «Не только я, но и лошадь моя — и та противъ большевиковъ». Да, съ голоду помирали и лошади.

Поѣздъ Гуковскаго сдѣлалъ въ Петроградѣ остановку на 3 часа. Я тотчасъ же рѣшилъ узнать, что стало съ родственницей моей жены, — съ ея теткой и крестной матерью, Марьей Николаевной Рёмеръ, старой придворной фрейлиной Маріи Федоровны, которая, какъ всѣмъ извѣстно, въ молодости имѣла личное вліяніе на императора Александра II. Я поѣхалъ на Фонтанку, гдѣ она раньше жила, но тамъ ея не нашелъ; вызвалъ дворника и узналъ горькую вѣсть: отъ недоѣданія, отъ голода Марья Николаевна заболѣла и умерла.

Въ тотъ же вечеръ, уже въ темнотѣ, мы добрались

до эстонской границы. Отъ желѣзнодорожной пограничной станціи Ямбургъ насъ повезли на лошадяхъ. Эстонцы тщательно провѣряли всѣ паспорта. Дошла очередь до меня и двухъ моихъ спутниковъ. Эстонцы заявили, что пропустить насъ не могутъ, потому что относительно насъ нѣтъ никакого распоряженія отъ эстонскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы остались ночью на открытомъ воздухѣ въ полѣ, — въ 4 верстахъ отъ ближайшей деревни. Положеніе было ужасное. Все же намъ удалось добраться до деревни и на полу на соломѣ переночевать въ крестьянской избѣ.

На другой день прошу соотвѣтствующія власти послать отъ моего имени телеграмму эстонскому министру иностранныхъ дѣлъ. Телеграмму посылаютъ, отвѣта нѣтъ. Пришлось вернуться назадъ, въ Царское Село, и уже оттуда ѣхать къ латвійской границѣ черезъ Псковъ, черезъ полосу военныхъ дѣйствій. Правда, послѣ заключенія перемирія они прекратились. Но и при этихъ условіяхъ катанія впередъ и назадъ не доставляли удовольствія и отнимали время.

ОБѢДЪ У КОММУНИСТОВЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Къ вечеру мы оказались въ Царскомъ Селѣ. Насъ помѣстили въ общежитии для пріѣзжающихъ коммунистовъ. Это было большое зданіе съ совершенно запущенными помѣщеніями и нелѣпыми порядками. Стояли желѣзныя, полусломанныя кровати, на нихъ лежали загрязненные матрацы, не было ни одѣялъ, ни бѣлья. Стало голодно: не съеденные продукты, этотъ «царскій подарокъ», остались въ Петроградѣ. Но, вотъ, сообщаютъ, что обѣдъ уже приготовленъ въ другомъ зданіи, и предупреждаютъ, что суповыя ложки, ножи, вилки надо взять съ собой. Собственной ложки у меня не было. Я хотѣлъ взять ложку, лежавшую на моемъ столѣ въ этомъ помѣщеніи. Однако, завѣдующая испуганно закричала, что этого никакъ нельзя сдѣлать, и нельзя потому, что ложка, мягко выражаясь, взята кѣмъ-то изъ столовой, и если тамъ меня увидятъ съ этой добычей, ей, какъ завѣдующей, могутъ быть большія непріятности. Я понялъ такъ, что вначалѣ ложки были и въ общей столовой, но ихъ просто растащили «товарищи», такъ же, какъ и все остальное. Все-таки, — спасибо ей, — она мнѣ дала деревянную ложку, и я отправился въ коммунистическую столовую. Какъ и всѣ остальные, я былъ голоденъ. Рядомъ со мной сидѣлъ пожилой человѣкъ съ большой бородой и жадно глоталъ супъ. Со стороны должно было показаться, что онъ ѣстъ какое-то очень вкусное блюдо, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, когда подадутъ и мнѣ. Увы, — какъ только я сдѣлалъ первый глотокъ, пришлось бросить ложку, и съ негодованіемъ отодвинуть тарелку, — такой супъ ѣсть было совсѣмъ невозможно. Это была просто сваренная мерзлая картошка. Сосѣдъ, увидѣвъ мою отодвинутую тарелку, обратился ко мнѣ съ просьбой: «А, можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ взять этотъ супъ?» — «Пожалуйста». — Я подвигаю ему свою тарелку и, не безъ брезгливости, смотрю, какъ мой сосѣдъ жадно набрасывается на эту отвратительную ѣду. Потомъ подаютъ съ виду какъ будто приличныя котлеты. Пробую — и снова съ отвращеніемъ и негодованіемъ отодвигаю и это блюдо: опять мерзлая картошка, только съ мукой, и опять слышу голосъ моего сосѣда: «Можно взять вашу котлету?» — «Берите», — отвѣчаю я и съ досадой встаю. Мелькомъ бросаю взглядъ на человѣка съ большой бородой и вижу, какъ онъ съ аппетитомъ пожираетъ мою котлету. «Голодъ не тетка», и натерпѣвшіеся люди готовы были ѣсть все, что даютъ, мириться и съ этимъ отвратительнымъ обѣдомъ.

Недовольный, голодный, я возвращаюсь изъ коммунистической столовой. Ко мнѣ подходитъ какой-то комиссаришко и довольно ехидно спрашиваетъ: «Ну, что же, пообѣдали?» — «Какъ вы смѣете подобную гадость называть обѣдомъ? — воскликнулъ я. — Вы надо нами издѣваетесь и морите нас голодомъ. Въ Москвѣ со мной обращались иначе. Я протестую противъ такого обращенія и такого питанія»... Комиссаришко опѣшилъ, растерялся, началъ извиняться, и черезъ 2 часа я получилъ прекрасно приготовленную мясную селянку; потомъ дали чай, къ нему сахаръ, и я успокоился. Невольно съ улыбкой вспомнилъ я одинъ изъ революціонныхъ лозунговъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

На другой день, послѣ полудня, поѣздъ уже отходилъ на Псковъ. Времени было много, и я рѣшилъ осмотрѣть находящійся по близости великолѣпный дворецъ. Часть помѣщенія была закрыта, а, можетъ быть, туда не хотѣли пустить меня, и я ограничилися только частичнымъ осмотромъ. Ничего особенно интереснаго я тамъ не нашелъ. Было ясно, что все цѣнное оттуда уже забрано, и остались только громоздкіе предметы. На первый взглядъ они могли представлять интересъ, но на самомъ дѣлѣ все эти вещи были попросту, хламомъ.

Я отправился на вокзалъ. Тамъ уже ждали меня съ вещами два моихъ спутника, товарищи по несчастью. Мы помѣстились въ вагонѣ, — и, о ужасъ! — попали въ вагонъ съ тифозными солдатами. Вши ползали по ихъ шинелямъ, и вселяли въ насъ ужасъ: мы хорошо знали, что значитъ укусъ тифозныхъ вшей; черезъ 14 дней послѣ него неизбѣжно должно было обнаружиться тифозное заболѣваніе. Я вышелъ на платформу, снялъ шубу, подробно ее осмотрѣлъ, — искалъ этихъ ужасныхъ звѣрей и такъ на холодной платформѣ простоялъ до самаго Пскова. Здѣсь, у военныхъ властей, надо было получить разрѣшеніе на проходъ черезъ пограничную линію: только поздно вечеромъ я попалъ въ латвійское село. Тамъ были военные, они меня радушно приняли, угостили хорошимъ ужиномъ, появилась даже музыка: игралъ какой-то оркестръ. Наконецъ, мы дома, какое это было счастье!

XI.

СНОВА ВЪ АМЕРИКЕ

Въ Ригѣ меня ждало новое горе. Братъ сообщилъ, что пока я находился въ Россіи, умеръ мой отецъ. Многое хотѣлъ бы сказать я объ этой потерѣ, но пусть это горе останется со мной. Впрочемъ, можно и не разсказывать о такихъ потрясеніяхъ, — ихъ смыслъ, ихъ боль понятны каждому безъ словъ и объясненій.

Два мѣсяца я провожу въ Латвіи, потомъ снова уѣзжаю въ Америку, теперь уже какъ представитель латвійскаго правительства. Оффиціально Америка еще не признала новыхъ балтійскихъ республикъ, но неоффиціально оказывала имъ всяческое содѣйствіе.

АМЕРИКАНСКІЕ ПОСЛѢВОЕННЫЕ ДѢЛЬЦЫ

Коммерція, этотъ обмѣнъ продуктами, результатами и плодами человѣческихъ трудовъ, — величайшій двигатель народовъ и государствъ. Молодая Латвія должна была, прежде всего, наладить свои взаимоотношенія съ другими государствами, и, конечно, съ Америкой, оказавшей всѣмъ намъ столько помощи. Къ сожалѣнію, это быстро и ловко учли самые различные «дѣльцы» и много напортили. Все то, что они продѣлали, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать нормальными экономическими сношеніями. Объ этомъ полезно вспомнить и въ наши дни, потому что и сейчасъ такіе ловкачи намъ не мало портятъ и такъ же, какъ прежде, продолжаютъ свою разрушительную работу.

Передъ самимъ моимъ отъѣздомъ въ Латвіи появились представители американской «Internationale Corporation». Какимъ то чудеснымъ образомъ они вошли въ контактъ съ правительствомъ, и оно, вопреки моимъ указаніямъ и предупрежденіямъ, заключило съ этими «представителями» договоръ о поставкѣ Латвіи 10.000

тоннъ желѣзнодорожныхъ рельсъ, нѣсколькихъ тысячъ товарныхъ вагоновъ и нѣсколькихъ сотъ паровозовъ. Велико было мое изумленіе, когда, по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ я узналъ, въ «National City Bank»ѣ, что «Internationale Corporation» успѣло получить авансомъ отъ этого банка въ счетъ латвійскаго правительства 450.000 долл. По наведеннымъ мной справкамъ, оказалось, что эти дѣльцы сумѣли ловко обставить все дѣло. Прежде всего, они хитро назвали свое учрежденіе «U. S. A. Internationale Corporation». Эта вывѣска была внушительна. Всякій долженъ былъ понимать, что это учрежденіе работаетъ, какъ солидная фирма Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Всѣмъ была извѣстна богатѣйшая «American Internationale Corporation» съ основнымъ капиталомъ въ 50 милліоновъ долл., между тѣмъ, какъ основной капиталъ «U. S. A. Internationale Corporation» составлялъ только 20.000 долл. На первый взглядъ особенно для неопытнаго человѣка, эти вывѣски должны были казаться совершенно одинаковыми: «U. S. A.» и «American» казались равнозначащими, потому что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты то же самое, что и Америка. Но эта буквенная мистификація стоила молодому правительству Латвіи, новичку въ международныхъ дѣлахъ, ровнымъ счетомъ 450.000 долл. Эти деньги такъ и пропали, и за нихъ не было получено ни одного вагона, ни одного паровоза и даже ни одного рельса. Исторія вышла весьма непріятной и скандальной, она же стала отчасти и причиной, почему я спустя 4 мѣсяца сложилъ свои полномочія въ Америкѣ и уѣхалъ назадъ въ Латвію.

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА.

Около 20-го мая я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ и сразу же энергично принялся за работу, и, между прочимъ, сталъ помѣщать статьи въ американскихъ журналахъ. Въ «American Industries» появилась моя статья «Reconstruction in Republic of Latvia», а журналъ «The Annalist» напечаталъ статью «Latvia plans wholesale water power developpement». Были и другіе статьи.

Америка очень интересовалась русскимъ вопросомъ, тогда онъ былъ наиблѣе актуальнымъ. На пріемѣ у государственнаго секретаря Colby я разсказалъ ему о Россіи и старался нарисовать общую картину добросовѣстно, объективно, — такъ, какъ она представлялась моимъ глазамъ, такъ, какъ я зналъ Россію и

понималъ происходящія въ ней событія. Министръ Colby былъ заинтересованъ и просилъ меня написать все болѣе подробно. Такъ появилась «The russian problem», какъ я назвалъ свое посланіе министру иностранныхъ дѣлъ Colby.

Копію этой докладной записки я далъ прочесть моему другу, американцу, и онъ, познакомившись съ ней, огорчился. Онъ сказалъ мнѣ, что не надо было писать такъ откровенно. Ему казалось, что министръ можетъ истолковать мой докладъ въ пользу большевиковъ. Это меня разсердило. «Если надо писать, поддѣлываясь и примѣняясь, — отвѣтилъ я, — то мнѣ безразлично, что станутъ думать обо мнѣ и какъ истолкуютъ мои мнѣнія». Конечно, это былъ отвѣтъ только моему другу, — самому министерству иностранныхъ дѣлъ я не сталъ ничего писать, не сдѣлалъ къ моему докладу никакихъ поясненій и комментаріевъ, предоставивъ толковать мой искренній и объективный докладъ, какъ будетъ угодно. Въ своей правотѣ, въ своемъ безпристрастіи я былъ убѣжденъ и потому вѣрилъ, что и министерство никакъ не можетъ и не должно измѣнить своего мнѣнія обо мнѣ. Если каждое наше показаніе, каждое наше разъясненіе станетъ диктоваться какими нибудь посторонними, хитроумными или политическими соображеніями, то истина и правда окажутся закрытыми отъ всѣхъ глазъ, и придется потратить много труда, времени и доказательствъ, чтобы развѣять ложь и устранить односторонній, хотя бы и выгодный для того или иного автора взглядъ. Вообще, нужно признать незыблемымъ правиломъ одно: во всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ говорить правду, не прислуживаться, не давать волю общимъ словамъ, не смазывать и не подкрашивать. Такъ я поступилъ и въ данномъ случаѣ и въ этомъ не раскаиваюсь. Вотъ краткое содержаніе моего доклада и моихъ соображеній. Я старался быть краткимъ и яснымъ, ставилъ вопросы и тутъ же давалъ на нихъ отвѣты.

В о п р о с ъ : «Возможно ли возобновленіе русской монархіи?»

О т в ѣ т ъ: «Несмотря на страданія русскаго народа, къ которымъ онъ привыкъ; несмотря на то, что въ Россіи сейчасъ ничего нѣтъ и всего не хватаетъ; несмотря на страшнѣйшія болѣзни (согласно оффиціальнымъ совѣтскимъ органамъ, — во многихъ районахъ, на Волгѣ, въ Сибири, люди массами погибаютъ); несмотря ни на что, — говорить сейчасъ о возобновленіи монархіи совершенно невозможно. Правда, вся русская аристократія видитъ свое спасеніе только въ реставраціи монар-

хіи; правда и то, что русскій крестьянинъ любилъ царя, царицу, царскую семью, но эта любовь была продиктована почтительностью и страхомъ: прошелъ страхъ прошла и любовь. При помощи пропаганды, усиленной и настойчивой агитаціи, путемъ всякаго рода внушеній, большевики стали внѣдрять въ душу крестьянъ, — а ихъ въ Россіи 80%, — что цари жили не такъ, какъ имъ слѣдовало жить, и никогда не пылали любовью къ крестьянству. Теперь русскій мужикъ къ монархіи и когда-то обожествлявшемуся образу царя сталъ совершенно безразличенъ».

Вопросъ: «Возможно ли объединить прежнія русскія территоріи, т. е. ея отдѣлившіяся части, — возможно ли объединить съ Россіей новыя краевыя республики».

Отвѣтъ: «Безуспѣшныя войны и лозунги Деникина, Колчака, Юденича показываютъ, что Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша и Кавказъ не хотятъ оставаться россійскими краями и ихъ нельзя заставить объединиться съ Россіей.

Связи Финляндіи съ Россіей никогда не были прочными ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи и для Россіи потеря Финляндіи не имѣетъ большого значенія. Эту потерю можно считать почти безболѣзненной. Что же касается Латвіи, Эстоніи и Литвы, то онѣ никакъ не должны тревожить Россію, потому что согласны были бы остаться съ ней въ наилучшихъ взаимоотношеніяхъ и полной гармоніи, но только тогда, когда Россія будетъ къ этому готова.

Польша, разсматриваемая сейчасъ, какъ главный барьеръ противъ большевизма, можетъ стать дружески настроеннымъ сосѣдомъ Россіи, конечно, при условіи существенной эволюціи послѣдней.

Кавказъ — конгломератъ самыхъ различныхъ національностей и стремленій. Россія тамъ въ первую голову заинтересована нефтяными богатствами Баку, и соотвѣтствующія концессіи русскіе тамъ могутъ получить. Затѣмъ — Сибирь. Вслѣдствіе дѣйствій Колчака, происходившихъ съ полнаго благословенія союзниковъ и Японіи, она останется вѣрной Россіи».

Вопросъ: «Что способствовало образованію совѣтскаго правительства въ Россіи?»

Отвѣтъ: «Съ отмѣной крѣпостнаго права въ Россіи частично установилась коммунистическая система пользованія землей: образовалась община. Въ сущности, рабочія артели, возникшія и укрѣпившіяся на мѣстахъ, какъ и кочующія по Россіи, могутъ быть признаны типичными ячейками коммуны. Были и другіе, свойственные только русскому народу, коммунистическіе симптомы. Съ другой стороны, русская интеллигенція и средній классъ были освобождены отъ упряжной, широкой работы, и потому неспособны къ прочному объединенію, не въ силахъ противостоять радикальнымъ элементамъ и стремленіямъ массъ. Знаю, — мнѣ могутъ задать вопросъ: почему же эти массы не возстаютъ теперь, когда ихъ лидеры, ихъ «вожди» не могутъ улучшить ихъ прежняго положенія? Но тутъ надо вспомнить, что русскія народныя массы привыкли къ страданію, что онѣ — не только пассивны, но и полны вѣры въ спасительность мученичества и страданія, и какъ бы общей формулой этой психологіи, символомъ этого страдальческаго міровоспріятія, является толстовство съ его проповѣдью «непротивленія злу».

Вопросъ: «На чемъ держится совѣтская власть?

Отвѣтъ: «1) на ея способности быстро формулировать и осуществлять опредѣленную программу, 2) Опорой совѣтской власти явилась ловко сорганизованная и дисциплинированная красная армія, которую большевики умѣютъ держать въ бодро приподнятомъ настроеніи, чего они достигаютъ, опять-таки, хорошой, обдуманной, планомѣрной пропагандой. 3) Много помогаетъ совѣтской власти хорошо созданный планъ идеальнаго жизненнаго стандарта, который пока неосуществимъ будто бы только потому, что вокругъ совѣтскаго союза стоятъ враги, т. е. иностранныя капиталистическія силы. Если бы не это, идеальная жизнь на совѣтской землѣ, говорятъ они, была бы давно осуществлена. Въ этой иллюзіи они держатъ народъ, а такъ какъ всѣ несчастья людямъ кажутся временными, и всѣ хотятъ вѣрить въ лучшій завтрашній день, то и русскія покорныя массы ждутъ, что вотъ-вотъ все установится, прояснится и откуда то слетитъ общее удовлетвореніе и счастье. 4) Правительственная машина совѣтской власти держится еще и на спеціальныхъ, опытныхъ работникахъ стараго режима. 5) Несомнѣнной поддержкой совѣтскаго правительства является еще и его быстрая, хотя бы и неискренняя и только временная готовность признать независимость отдѣлившихся народовъ, т. е. новыхъ республикъ, — признаніе автономными всѣхъ областей Россіи. (Тутъ же надо прибавить, что эта самостоятельность отдѣльныхъ народовъ стала послѣднее время очень безпокоить Сталина). 6) Поддерживаетъ совѣтскую власть и широкая, настойчивая, хотя и безсистемная пропаганда заграницей. 7) Внутри

страны эта пропаганда обрушилась съ особенной силой на Деникина, Колчака, бѣлую армію, и совѣтскіе пропагандисты рисовали ихъ, какъ отъявленныхъ враговъ народа, какъ самый страшный ужасъ Россіи.

Вопросъ: «Упала ли религіозность русскихъ и мораль?

Отвѣтъ: «Я видѣлъ много церквей, совершенно переполненныхъ молящимися по субботамъ и воскресеньямъ. Я также не слышалъ и обычныхъ прежнихъ ругательствъ: русскій человѣкъ какъ бы притихъ, ушелъ въ себя и если, покорный приказамъ и декретамъ, формально сталъ безбожникомъ, то внутри души остался вѣрнымъ завѣту отцовъ, церкви и своей религіозной настроенности.

Вопросъ: «Какая лучшая помощь, которую могутъ оказать союзники человѣчеству въ разрѣшеніи русской проблемы?»

Отвѣтъ: «Прежде всего, 1) исполнить свои обѣщанія, осуществить самоопредѣленіе народовъ, признать независимость отдѣлившихся республикъ, — все равно, почему, т. е. въ силу ли историческихъ традицій, или же невозможности сожительствовать въ одномъ государственномъ строѣ съ большевиками. 2) Затѣмъ, при помощи организованнаго международнаго капитала, поддержать экономическую жизнь этихъ отдѣлившихся государствъ, реорганизовать ихъ промышленность, т. е. дать имъ оправиться, твердо стать на ноги, укрѣпиться въ экономическомъ и политическомъ отношеніи. 3) Воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ совѣтскаго правительства, поскольку большевизмъ пропагандируетъ себя и раскрывается въ предѣлахъ Россіи. 4) Не поддерживать дѣйствій тѣхъ русскихъ заграницей (или ихъ агентовъ), которые работаютъ противъ вновь отдѣлившихся отъ россійской имперіи національныхъ республикъ. Надо понять, что изъ этой пропаганды, изъ этихъ призывовъ многіе заграницей создали себѣ какъ бы новое дѣло, новый предлогъ, чтобы тратить тамъ оставшіеся государственные фонды.

СОВѢТСКІЕ ДИПЛОМАТЫ.

Какъ будто послѣ какого-то страшнаго урагана, вездѣ наступила туманная и путанная неразбериха. Одни знали слишкомъ много, другіе не понимали ничего, и здѣсь, вообще говоря, плюсъ былъ на сторонѣ большевиковъ. Ихъ дѣйствія были стремительны,

производили впечатлѣніе большой опредѣленности и увѣренности, совѣтская властьсразу взяла рѣшительный тонъ, большевики повсюду назначили своихъ представителей, въ томъ числѣ и въ Америкѣ. Ихъ было, конечно, много, но, собственно, «оффиціальныхъ» насчитывалось только два. Въ Америкѣ это были: мой однофамилецъ Озолсъ и нѣкій Мартенсъ. Первый — натурализовавшійся въ Америкѣ латышъ, почтенный гражданинъ, жена котораго работала въ библіотекѣ конгресса. Озолсъ — бывшій членъ I Государственной Думы, бѣжавшій въ Америку отъ преслѣдованій русскаго правительства. Другой, Мартенсъ, былъ полуобрусѣвшимъ нѣмцемъ. Оба уже давно не видѣли Россіи, плохо разбирались въ ея дѣлахъ и событіяхъ, и неудивительно, что эти два совѣтскихъ «дипломата», — коммерческій и политическій представители, — вошли въ контактъ со мной, чтобы получить информацію о Россіи. Мартенсъ былъ чрезвычайно остороженъ. Открыто встрѣчаться со мной онъ боялся, да и я самъ этого не хотѣлъ, и потому наши свиданія происходили на частной квартирѣ моего знакомаго русскаго Багаева. Мартенсъ, кстати сказать, работалъ въ Америкѣ еще нелегально, а при такихъ условіяхъ наши встрѣчи были весьма неудобны.

И ему, и Озолсу я рисовалъ положеніе русскаго народа въ мрачныхъ краскахъ, а они оба когда-то, въ пору I Государственной Думы, идейно и «платонически» распинались за счастье этого народа. Но воспроизводить здѣсь все то, что я имъ говорилъ, на что открывалъ имъ глаза просто невозможно.

НѢМЕЦКІЙ АГЕНТЪ ВЪ РОЛИ ЛАТВІЙСКАГО СЕКРЕТАРЯ

Произошелъ курьезный и непріятный случай.

Изъ Риги въ Нью-Іоркъ въ качествѣ секретаря будущаго латвійскаго посольства долженъ былъ отправиться нѣкій господинъ Нагель. Онъ-то и подвелъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, Мейеровица.

Исторія такова.

Въ Латвіи уже успѣло образоваться нѣсколько политическихъ партій. Каждая изъ нихъ претендовала на руководящую роль въ государственной жизни молодой страны. Это обстоятельство легко могли использовать ея враги и компрометировать ее, гдѣ и какъ возможно. Къ министру Мейеровицу приставали съ раз-

ныхъ сторонъ, убѣждая, что въ Америкѣ надо какъ можно скорѣе создать настоящее посольство, а недостаточно имѣть только одного представителя — меня. Я, съ своей стороны, убѣждалъ, что все это пока излишне; тѣмъ не менѣе, до моего свѣдѣнія довели, что въ ближайшемъ будущемъ, какъ только будетъ получена американская виза, ко мнѣ выѣдетъ секретарь будущаго посольства въ Вашингтонѣ,совершенно неизвѣстный мнѣ г. Нагель. Представитель амер. правительства въ Ригѣ Mr. Joung запросилъ у Вашингтона разрѣшеніе дать Нагелю американскую визу. Отвѣта не было. Joung сдѣлалъ новый запросъ, опять ничего не получилъ. Тогда онъ рѣшилъ самостоятельно дать Нагелю визу и довести объ этомъ до свѣдѣнія своего правительства.

Вотъ тутъ-то и началось. Мнѣ позвонили изъ Вашингтона въ мое нью-іоркское бюро и просили немедленно пріѣхать по важному дѣлу. На другой день я уже былъ въ Вашингтонѣ, и, — о времена! — узнаю, что, по свѣдѣніямъ американскаго правительства, Нагель былъ, — а, можетъ быть, состоитъ и теперь, — германскимъ секретнымъ агентомъ. Во время войны онъ жилъ въ Скандинавіи и являлся «посредникомъ» между Россіей и Германіей. Изъ этого Вашингтонъ дѣлалъ совершенно правильный выводъ: Нагеля въ Америку пускать нельзя. Немедленно я обо всемъ этомъ протелеграфировалъ своему правительству въ Ригу, но получилъ отвѣтъ, что Нагель уже выѣхалъ и находится по пути въ Америку. Мнѣ поручалось довести до свѣдѣнія Нагеля по прибытіи парохода въ нью-іоркскую гавань, чтобы онъ немедленно возвращался обратно.

Наконецъ пароходъ приходитъ. Американскія власти Нагеля задерживаютъ, — его препровождаютъ на островъ «Elis Island»—и сообщаютъ ему, что на материкъ его не пустятъ и что онъ долженъ немедленно уѣхать. Въ свою очередь и я пріѣзжаю, знакомлюсь съ Нагелемъ и его женой, красноволосой нѣмкой, и передаю распоряженіе моего правительства. Но Нагель оказался стрѣлянной птицей неожиданныхъ полетовъ. Ѣхать обратно онъ отказался.Тотчасъ же поднялась скандальная газетная шумиха, — и что же? Запрещеніе американскихъ властей, приказаніе латвійскаго правительства, — все оказалось безсильнымъ и напраснымъ. У Нагеля нашлись въ Нью-Іоркѣ «свои люди», американскіе граждане, которые, — вѣрнѣе всего, по слѣпотѣ, — повѣрили въ совершенную невинность молодого дипломата и взяли его на поруки. Нагель былъ выпущенъ съ острова и остался въ Америкѣ.

Прошло 4 года. Я былъ уже латвійскимъ посланникомъ въ Москвѣ. Однажды ко мнѣ пришелъ съ докладом мой секретарь и сообщилъ, что нѣкто Нагель, по его словамъ, латвійскій гражданинъ, служившій въ русскомъ Аркосѣ, сперва въ Лондонѣ, а потомъ въ Америкѣ, пріѣхалъ въ Москву и хочетъ получить новый паспортъ. Секретарь просилъ его подождать, сказавъ ему: «Нашъ, посланникъ былъ въ Америкѣ нашимъ представителемъ, можетъ быть, онъ васъ и знаетъ». Я сказалъ секретарю: «Приведите ко мнѣ г. Нагеля». Увы, — на сей разъ г. Нагеля такъ и не удалось увидѣть, — г. Нагель видя, что паспорта нельзя получить безъ меня, сбѣжалъ и уже никогда больше не являлся въ наше посольство. Тутъ уже не только я могъ убѣдиться въ томъ, кто такой Нагель и каковы его цѣли, дѣятельность и моральная цѣнность. Иная загадка раскрываетъ себя даже безъ всякаго нашего участія

КНЯГИНЯ КАНТАКУЗЕНЪ И ЕЯ КАМЕРИСТКА

Были агенты и другого рода,— какъ бы невольные «шпіоны», — дѣлавшіе свое дѣло не изъ корысти, а изъ любви къ отечеству.

Первымъ американскимъ комиссіонеромъ въ балтійскихъ странахъ былъ Mr. John Gade, бывшій членъ миссіи полковника Grun'a, весьма культурный и интеллигентный человѣкъ. Онъ искренно жалѣлъ русскихъ и прибалтійскихъ аристократовъ, которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, судьба карала безъ милости, будто наказывая за ихъ собственные грѣхи и за преступленія ихъ предковъ. Въ рижской конторѣ John Gade были служащіе изъ бывшихъ бароновъ, у него служила и свѣтлѣйшая княгиня Ливенъ, правда, всегда относившаяся къ Латвіи вполнѣ лойяльно, какъ и вся ея семья. Все-таки такимъ составомъ конторы латыши были не особенно довольны. Тѣ же чувства были и у эстонцевъ и у литовцевъ. И вотъ, когда Gade неожиданно пріѣхалъ въ Америку, ко мнѣ явилась молодая женщина, латышка-американка, и разсказала интересныя вещи:

— Я компаньонка-камеристка русской княгини Кантакузенъ, внучки бывшаго американскаго президента. Княгиня играетъ большую роль въ политикѣ, особенно въ вопросахъ касающихся Россіи. У нея — политическій салонъ. Mr. Gade, передъ самымъ своим отъѣздомъ въ Балтику, былъ у нея, и она ему очень внуши-

тельно говорила, что онъ, прежде всего, долженъ понять положенiе несчастной Россiи и во всякомъ случаѣ поменьше думать о балтiйскихъ интересахъ. То же самое произошло и по прiѣздѣ Gade изъ Риги. Тотчасъ же онъ сдѣлалъ визитъ княгинѣ, и она снова говорила ему о томъ же: что не надо поддерживать балтiйскiя страны, что это второстепенный и совсѣмъ не важный вопросъ, по сравненiю съ судьбой, завтрашней исторiей и интересами потрясенной Россiи.

Моя собесѣдница, камеристка княгини Кантакузенъ, считала долгомъ предупредить меня, освѣтить это дѣло, роль княгини, ея влiянiе на Mr. Gade.

— Мнѣ, — говорила она, — какъ природной латышкѣ, все это больно, и я рѣшила разсказать вамъ обо всемъ этомъ по секрету.

Никогда больше этой женщины я не видѣлъ, — разумѣется, я никакъ не могу поручиться за правду ея словъ. Все же при встрѣчахъ съ Gade я осторожно намекалъ ему на нѣкоторыя излишнiя симпатiи, на его довѣрчивость, на его недостаточную объективность. Но скоро Gade былъ отозванъ, и на его мѣсто назначили Mr. Joung'a. Свою контору онъ поставилъ на другихъ началахъ. Онъ стоялъ внѣ всякихъ постороннихъ влiянiй, и это должно было вселять къ нему довѣрiе латышей.

Было бы преувеличенiемъ сказать, что значенiе и влiянiе салона княгини Кантакузенъ были особенно значительны. Не всѣ склонялись къ ея мнѣнiямъ, не всѣ и молчали объ этомъ, — княгинѣ Кантакузенъ приходилось встрѣчать открытыхъ оппонентокъ. Такъ однажды въ обществѣ, на какомъ-то чаѣ, гдѣ меня, какъ представителя молодой республики Латвiи, познакомили съ кружкомъ дамъ, я не могъ не понять, что большинство присутствовавшихъ вполнѣ раздѣляли точку зрѣнiя княгини, сочувствовали Россiи, а нѣкоторыя изъ дамъ даже стали меня слегка задѣвать и обвинять латышей, какъ пособниковъ гибели Россiи. Тогда одна, можетъ быть, немного экспансивная, но очень симпатичная дама вдругъ спросила:

— А какъ велико населенiе Латвiи?

— Не полныхъ 2 миллiона.

— А какъ велико населенiе Россiи?

— Больше 150 миллiоновъ.

— Ну, тогда я крѣпко жму вашу руку, какъ представителя такой молодой нацiи, которая побѣдила большую Россiю.

Конечно, этотъ голосъ прозвучалъ въ маленькомъ

обществѣ, но въ немъ мнѣ почудились отголоски многихъ мнѣнiй, и мнѣ показалось, что такъ же неожиданно и просто можетъ быть разрѣшенъ даже самый сложный вопросъ. Еще разъ я подумалъ, что въ жизни, въ системѣ нашихъ воззрѣнiй, въ нашей практикѣ, какъ и въ большихъ государственныхъ дѣлахъ и рѣшенiяхъ, можетъ быть все просто, если найдена правильная основа, вѣрный принципъ.

***

Въ моей работѣ большую помощь оказалъ извѣстный нью-iоркскiй адвокатъ Chandler, членъ американскаго конгресса. Настоящiй политическiй дѣлецъ, онъ сумѣлъ заключить соотвѣтствующiе договоры съ правительствами балтiйскихъ странъ, выговорилъ себѣ опредѣленный доходъ въ случаѣ признанiя ихъ независимости Сѣверо-Американскими Штатами. Онъ разъѣзжалъ по Америкѣ, занимался пропагандой въ пользу Балтики, писалъ въ газетахъ, агитировалъ въ политическихъ кругахъ, считался агентомъ Балтики и сдѣлалъ для себя хорошее дѣло. Для себя, — потому что для нашихъ странъ всѣ эти старанiя, разъѣзды, рѣчи и статьи были едва ли нужны.

Моими ближайшими помощниками были мой братъ, жившiй тогда тоже въ Америкѣ, и еще латышъ Newman, американскiй гражданинъ, очень способный, разностороннiй человѣкъ. Студентъ московскаго университета, онъ, заподозрѣнный въ политической неблагонадежности, долженъ былъ бѣжать въ Америку, а, попавъ въ Санъ-Франциско, пережилъ тамъ землетрясенiе и остался почти голымъ, счастливый хоть тѣмъ, что спасъ свою жизнь. Потомъ онъ исколесилъ всю Америку вдоль и поперекъ, сталъ исключительно свѣдущимъ, а для меня и незамѣнимымъ человѣкомъ. Я принялъ его сначала на службу въ русскую миссiю Путей Сообщенiя, онъ понравился Ломоносову и былъ назначенъ представителемъ въ Siattl'е, гдѣ были у насъ тогда громадные склады товаровъ, отправлявшихся въ Сибирь, черезъ Тихiй океанъ.

Вдругъ стало извѣстно, что разыскивается какой-то германскiй шпiонъ, по фамилiи тоже Newman. Нашъ Newman зналъ много языковъ, — англiйскiй, нѣмецкiй, французскiй, латышскiй и польскiй. Это сослужило ему плохую службу. Дѣло въ томъ, что начальникъ почты въ Siattle тогда по должности провѣрялъ содержанiе нѣкоторыхъ писемъ, адресованныхъ въ Европу,

и ему оказывалъ въ этомъ отношенiи дружескiя услуги нашъ Newman. Когда, по совпаденiю въ фамилiи, на него пали подозрѣнiя, именно потому, что Newman зналъ много языковъ, Newman'у пришлось много переволноваться и пережить, пока ему не удалось доказать, что онъ не заяцъ, а верблюдъ, Newman, но не тотъ. Впослѣдствiи онъ былъ принятъ на пороховой заводъ, и, всѣ подозрѣнiя съ него были сняты.

АМЕРИКАНСКIЙ КРАСНЫЙ КРЕСТЪ

Большую и неоцѣнимую услугу и помощь латвiйскому правительству оказывалъ американскiй Красный Крестъ. И для меня лично онъ сдѣлалъ все, что только было въ его силахъ: охотно и даже по собственной инициативѣ разсылалъ телеграммы и письма въ Сибирь, въ Японiю, чтобы только найти мою семью. Я поэтому вѣчно буду благодаренъ Mss. Alice Fitzgerald, тогдашней американской представительницѣ при лигѣ Краснаго Креста въ Женевѣ, полковнику Robert Olds'у, представителю американскаго Краснаго Креста въ Европѣ, Dr. Livingston Farrand'у предсѣдателю центральнаго комитета американскаго Краснаго Креста, его помощнику Walling'у, какъ и многимъ, многимъ другимъ. Всѣ они съ исключительной заботливостью отнеслись ко мнѣ, искренно сочувствовали моему горю, энергично и горячо принялись за розыски моей семьи. Наконецъ, я получилъ счастливую телеграмму изъ Риги: «Marie et les enfants en Siberie. Atchinsk». Это былъ незабываемый часъ въ моей жизни. Жена и дѣти мои были найдены. Я собрался обратно въ Европу.

НА ПАРОХОДѢ «AQUITANIA»

21-го сентября 1920 г. покидаю Нью-Iоркъ. Ѣду на «Aquitania». Море прекрасно. Это путешествiе настоящее наслажденiе. Со мной ѣдетъ James Converse, заинтересованный въ образованiи Балтiйско-Американской пароходной линiи. Этотъ проэктъ былъ вполнѣ своевременнымъ: прежняя Русско-Американская линiя кончила свое существованiе. Въ Парижѣ къ намъ долженъ былъ еще присоединиться O. Richards, владѣлецъ банкирскаго дома «S. B. Richards, New-York», который въ свое время основалъ и Русско-Американскую линiю. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ мы должны были поѣхать въ Латвiю. Планъ поѣздки былъ осуществленъ совершенно точно, но никакой пароходной линiи все же и по сегодняшнiй день еще нѣтъ.

На пароходѣ образовалась дружеская компанiя, — Mr. и Mrs. Benet, извѣстный нью-iоркскiй адвокатъ и мы все время играли въ карты. Случайно на письменномъ столѣ я забылъ только что купленное въ Нью-Iоркѣ прекрасное самопишущее перо, — ихъ называютъ также невѣрнымъ словомъ «вѣчное», — забылъ, потомъ искалъ, но такъ и не нашелъ, — очевидно, мое не вѣчное перо кто-то забралъ, и, значитъ, такiя неожиданности могутъ случаться даже среди пассажировъ 1-го класса. Видя мое огорченiе, Mr. Gray Miller, вице-президентъ «Tobaco produit Export Corporation» подарилъ мнѣ свое перо, — будемъ вѣрить, что хоть оно станетъ вѣчнымъ, — и я былъ тронутъ этимъ подаркомъ, а еще больше вниманiемъ Gray Miller'a.

Въ Парижѣ мы провели нѣсколько дней и затѣмъ, черезъ Берлинъ, поѣхали въ Ригу. Сколько разъ на этомъ пути по Германiи намъ приходилось убѣждаться въ томъ, насколько отчужденно и озлобленно настроены были нѣмцы, особенно женщины, ко всѣмъ иностранцамъ, независимо отъ ихъ нацiональности, — результатъ войны, блокадъ, взвинченной ненависти, понесенныхъ жертвъ. Германiя была истощена до послѣдней степени, страданiя народа были явны и во всемъ чувствовались.

XII

СНОВА ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ

Какъ только я пріѣхалъ въ Ригу, кабинетъ министровъ утвердилъ меня въ должности предсѣдателя латвійской реэвакуаціонной комиссіи въ Москвѣ. Всѣ заводы, банки, торговыя фирмы, склады, — все было во время войны увезено въ Россію. Это громадное имущество надо было спасать отъ наступавшихъ нѣмцевъ. Эта эвакуація происходила во всей Прибалтикѣ, но больше всего въ этомъ отношеніи пострадала Латвія. Теперь, послѣ заключенія русско-латвійскаго мирнаго договора, все это громадное имущество подлежало возвращенію. Предстояла очень важная, отвѣтственная, кропотливая и настойчивая работа. Я торопился съ отъѣздомъ и 2-го ноября 1920 г., вмѣстѣ съ первымъ посланникомъ Весманомъ, подписавшимъ въ качествѣ предсѣдателя латвійской делегаціи мирный договоръ, выѣхалъ въ Москву. Ѣхало насъ человѣкъ 40, и съ нами шелъ цѣлый вагонъ всевозможныхъ продуктовъ. Къ тому времени сообщеніе между Ригой и Москвой было налажено, ѣхали мы безъ пересадки; это путешествіе было совсѣмъ непохоже на то, которое мы продѣлали 10 мѣсяцевъ тому назадъ, когда томились въ товарномъ вагонѣ и когда насъ пересаживали на подводы.

Д. Т. ФЛОРИНСКІЙ и А. Б. САБАНИНЪ.

На Виндавскомъ вокзалѣ въ Москвѣ насъ встрѣтили представители комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Къ моему великому удивленію, среди нихъ былъ и Д. Т. Флоринскій. Удивило это меня потому, что Флоринскаго я зналъ, какъ русскаго вице-консула въ Нью-Іоркѣ. Это было совсѣмъ недавно. Тогда онъ былъ мнѣ извѣстенъ, какъ типичный и привилегированный царскій чиновникъ. Всегда щегольски одѣтый, съ моноклемъ въ

глазу, верхъ аккуратности, весьма предупредительный, — особенно къ лицамъ, стоящимъ выше его, — такимъ былъ и остался Флоринскій. Изысканный спортъ, верховая ѣзда, поскольку она придавала извѣстный лоскъ, такъ необходимый этому типу людей, прекрасныя, мягкія, вкрадчивыя манеры дополняли этотъ образъ тщательно выработаннаго дипломатическаго чиновника. Онъ катался верхомъ въ нью-іоркскомъ Центро-паркѣ, всегда сопровождая какую-нибудь интересную даму. Любилъ онъ и покутить. Тогда его политическая физіономія опредѣлялась ненавистью къ большевикамъ, разстрѣлявшимъ его отца, извѣстнаго русскаго пофессора Флоринскаго. И вдругъ этотъ человѣкъ у большевиковъ! Здороваясь съ нимъ, я невольно воскликнулъ:

—Вы-то какими судьбами здѣсь?

— Потомъ разскажу.

Вскорѣ онъ меня пригласилъ къ себѣ и повѣдалъ о своихъ дѣлахъ.

— Когда въ Нью-Іоркѣ все кончилось, надо было искать работу. Сперва я направился къ Деникину, но, убѣдившись, что тамъ положеніе безнадежно, поѣхалъ въ Швецію. Но и тутъ все было шатко и ничего не обѣщало въ будущемъ. Какъ вездѣ, гдѣ были русскіе эмигранты, здѣсь безразсудно тратились оставшіяся деньги, распродавались драгоцѣнности, а кажущійся внѣшній патріотизмъ выражался только въ пѣніи гимна «Боже , царя храни». Я понялъ, что и въ Швеціи для меня нѣтъ спасенія и надеждъ и поѣхалъ въ Копенгагенъ. Всѣ деньги были уже истрачены, оставалась только драгоцѣнная булавка къ галустуку. Продалъ я и эту послѣднюю вещь, съ удовольствіемъ проѣлъ деньги и, что называется, сѣлъ. Но вдругъ въ Копенгагенъ пріѣхалъ Литвиновъ. Я отправился къ нему, все исркенно разсказалъ и просилъ принять меня на службу. Такимъ образомъ я и очутился здѣсь.».

Въ Москвѣ онъ женился, успѣлъ развестись и познакомилъ меня, такимъ образомъ, со своей разведенной женой. Тогда такіе разводы совершались весьма быстро.

Какъ шефъ протокола, Флоринскій для большевиковъ былъ хорошей находкой. Въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ его цѣнили, онъ блестяще справлялся въ продолженіе многихъ лѣтъ со своими многосторонними и далеко не легкими обязанностями, но кончилъ тѣмъ, чѣмъ теперь завершаются многія карьеры: Флоринскаго сослали въ Сибирь, и сейчасъ онъ находится

въ ссылкѣ. Потомъ мнѣ приходилось слышать, что Флоринскому ставили въ вину то, что онъ мало сталъ обращать вниманія на женщинъ, и это обстоятельство ему и повредило, несмотря на то, что большевики имъ были очень довольны, какъ спецомъ.

Дѣйствительно, Флоринскій былъ первый шефъ протокола, который рѣшился проводить въ Наркоминдѣлѣ европейскіе порядки. По своимъ прямымъ обязанностямъ онъ долженъ былъ встрѣчать пріѣзжающихъ въ совѣтскую Россію «знатныхъ иностранцевъ», ухаживать за ними, развлекать ихъ, снабжать билетами въ театры, выдавать разрѣшенія на присутствіе на тѣхъ или другихъ собраніяхъ большевиковъ, — словомъ, быть всегда гостепріимнымъ хозяиномъ. И я въ ложѣ Флоринскаго познакомился на одномъ балетномъ спектаклѣ съ женой популярнаго американскаго писателя-журналиста Джона Рида, съ Mrs. Brayant, которая тогда жила въ Москвѣ. Судя по бесѣдамъ съ нею, можно было думать, что она въ восторгѣ отъ многаго, что порядки совѣтской Россіи ей очень нравятся; но когда черезъ полгода, проѣздомъ, она была въ Ригѣ и навѣстила меня, то отъ ея прежнихъ восторговъ не оставалось уже и слѣда. Съ большой горечью она разсказывала о своемъ умершемъ мужѣ Ридѣ, какъ о неисправимомъ идеалистѣ, слѣпо повѣрившемъ въ коммунизмъ: эта довѣрчивость его и погубила. Ей было особенно горько сознавать, что любимый ею человѣкъ такъ наивно попался, такъ искренно повѣрилъ въ идеализмъ большевиковъ. На память она подарила мнѣ свою фотографію. Больше я ее уже никогда не видѣлъ; если не ошибаюсь, она потомъ вышла замужъ за американскаго посла W. Bullitta; если это такъ, то этотъ союзъ оказался недолгимъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я прочелъ въ газетахъ, что она умерла въ Парижѣ въ большой нуждѣ, мнѣ стало ее жаль. Разочароваться въ жизни — значитъ потерять ее, — она разочаровалась. Косвенно въ этомъ были виноваты и большевики.

Но я уклонился отъ моей темы.

Моя работа состояла, главнымъ образомъ, въ предсѣдательствованіи въ смѣшанной русско-латвійской комиссіи по реэвакуаціи. Было много спорныхъ вопросовъ. Разбираться въ нихъ совѣтская Россія поручила, со своей стороны, экономически-правовому отдѣлу при комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ, и поневолѣ мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ А. Сабанинымъ, начальникомъ этого отдѣла, и его помощниками, Лашкевичемъ и Колчановскимъ. Всѣ они были людьми старой дипломатической школы, питомцами Императорскаго Лицея и раньше служили въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; несмотря на это, они пользовались совершеннымъ довѣріемъ большевиковъ. Сабанинъ разсказывалъ, какъ ему во время войны въ 1917 г. было поручено отвезти въ Лондонъ исключительно важную, секретную переписку. Эти три лицеиста работали у большевиковъ, дѣйствительно, не за страхъ, а за совѣсть: они отлично понимали, что каждое неосторожное слово можетъ ихъ погубить, и потому были чрезвычайно скрытны въ разговорахъ.

Они были способными чиновниками, знатоками международнаго права, и не разъ на совмѣстныхъ, смѣшанныхъ засѣданіяхъ я видѣлъ и чувствовалъ, какъ спорныя дѣла рѣшаются въ пользу совѣтской Россіи только благодаря опытности этихъ бывшихъ лицеистовъ, ихъ превосходству надъ моими юрисконсультами. Если кто-нибудь изъ нихъ даже ошибался, или нарочно съ умысломъ говорилъ нѣчто несуразное, все равно, они всѣ, какъ одинъ, доказывали правильность и неоспоримость точки зрѣнія своего коллеги. Это еще разъ подтверждало мое давнее и провѣренное убѣжденіе, — то, что я говорилъ въ моей докладной запискѣ для американскаго государственнаго серкретаря Colby. Въ своихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ во время моей первой поѣздки, я не допустилъ большихъ погрѣшностей: «Да, у большевиковъ было все сорганизовано хитро, вездѣ былъ виденъ опредѣленный планъ, опредѣленная система, а это — самое главное. И Сабанинъ и Лашкевичъ выполняли свои обязанности въ высшей степени добросовѣстно и удачно. Только гораздо позднѣе они попали въ немилость.

Въ Петроградъ я назначилъ своего представителя. Уладивъ все необхдимое въ Москвѣ, я проѣхалъ туда, чтобы провѣрить на мѣстѣ его работу. Въ Петроградѣ я жилъ съ семьей въ началѣ войны, тамъ была моя постоянная квартира; мнѣ хотѣлось поѣхать туда еще и потому, что я хотѣлъ убѣдиться въ пропажѣ, въ полномъ исчезновеніи нашего добра, т. е. мебели, обстановки, утвари, всѣхъ вещей.

Сейчасъ я скажу то, что можетъ вызвать у моего читателя улыбку — въ Петроградѣ я хотѣлъ найти моего слона.

Когда-то я выигралъ его въ лотерею Александринскаго театра и этого слона назвалъ: «Мое счастье». Дѣйствительно, оказалось, что почти все было раста-

щено, но слонъ остался. Выигралъ я его такъ: Въ антрактѣ публика Александринскаго театра забавлялась стрѣльбой въ круглый вращающійся дискъ, раздѣленный на 100 частей. Каждая часть носила свой номеръ. Эти номера чередовались — красный, бѣлый, красный, бѣлый, отъ №1—№100. Кто попадалъ въ красный секторъ диска, получалъ соотвѣтствующій этому номеру выигрышъ, кто попадалъ въ бѣлый, не получалъ ничего. Тогда я пріѣхалъ въ Петроградъ молодымъ инженеромъ, послѣ окончанія Политехникума. Я хотѣлъ получить мѣсто или службу, былъ въ хорошемъ настроеніи и, шутя, началъ стрѣлять. Дѣлаю первый выстрѣлъ и попадаю въ красный номеръ. Дѣлаю второй — снова въ красный. Послѣ третьяго, такого же счастливаго выстрѣла, около меня стала собираться публика. Наконецъ, стрѣляю въ четвертый разъ и попадаю въ заманчивый №1. Этотъ номеръ давалъ право выбрать по вкусу любую вещь. Нѣсколько секундъ я былъ въ недоумѣніи: что выбрать? Но стоявшая рядомъ со мной дама вдругъ закричала: «Ну, конечно, слона, конечно, слона!» Я послушался. Иногда приходится вѣрить примѣтамъ, — очень скоро я былъ принятъ на службу инженеромъ въ Министерство Путей Сообщенія. Слона стали считать моимъ талисманомъ, и когда мнѣ въ чемъ-нибудь не везло, — что бываетъ со всякимъ, — я вопросительно смотрѣлъ на моего слона, какъ бы спрашивая: «Въ чемъ дѣло?» И мнѣ казалось иногда, что слонъ бывалъ сконфуженъ.

ЗАГОВОРЪ В. Я. ЛИНДЕКВИСТА.

Въ Петербургѣ меня интересовала еще и кузина моей жены, — она была замужемъ за гвардейскимъ артиллерійскимъ полковникомъ, В. Я. Линдеквистомъ. Впослѣдствіи онъ трагически погибъ, выпрыгнувъ изъ окна Дома Предварительнаго Заключенія: онъ не хотѣлъ отдаться въ руки чекистовъ, быть разстрѣляннымъ и предпочелъ принять смерть по собственному рѣшенію. Извѣстно, что В. Я. Линдеквистъ, когда Юденичъ приближался къ Петрограду, организовалъ довольно серьезный и опасный для власти заговоръ. Дѣло возстанія было предано и вмѣстѣ съ Линдеквистомъ погибло около 40 гвардейскихъ офицеровъ. Большевики уже тогда имѣли повсюду своихъ надежныхъ людей, чека работала успѣшно, не покладая рукъ. Въ совѣтскомъ штабѣ петроградской обороны Линдеквистъ занималъ видное и отвѣтственное мѣсто и находился въ связи со штабомъ Юденича. Его жену, Марію Линдеквистъ я разыскалъ въ московской тюрьмѣ; тамъ же находилась ея подруга. Нина Авенаріусъ, жена тоже разстрѣляннаго полковника. Имъ обѣимъ были предъявлены обвиненія въ соучастіи въ заговорѣ. Сначала обѣ молодыя интересныя женщины сидѣли въ петроградской тюрьмѣ потомъ были переведены въ московскую. Я хлопоталъ з а нихъ, дѣлалъ все, что могъ для облегченія ихъ участи, а послѣ ихъ освобожденія латвійскій уполномоченный по эвакуаціи бѣженцевъ устроилъ по моей просьбѣ имъ обѣимъ выѣздъ въ Латвію, какъ гражданкамъ нашего государства. Но пріѣхала только одна Авенаріусъ и, отдохнувъ отъ пережитыхъ потрясеній, перебралась въ Эстонію къ своимъ роднымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи. Линдеквистъ вышла снова замужъ за инженера путей сообщенія Т. У него тоже было свое большое горе, — при трагическихъ обстоятельствахъ онъ потерялъ жену, какъ она потеряла мужа.

Конечно, всѣ детали заговора Линдеквиста знаетъ только чека, потому что всѣ заговорщики были разстрѣляны. Только впослѣдствіи, и то по разсказамъ, можно было нарисовать такую картину. Юденичъ приближался къ Петрограду съ эстонской границы. У оставшихся гвардейскихъ офицеровъ родилась мысль идти навстрѣчу Юденичу, произвести въ Петроградѣ возстаніе и, такимъ образомъ, облегчить наступленіе бѣлой арміи. Въ его серьезность они вѣрили. Съ этой цѣлью гвардейскіе офицеры открыли кофейню, которую обслуживали ихъ жены, зарабатывая въ то же время себѣ и на жизнь. Вотъ это кафе и было сборнымъ мѣстомъ, гдѣ создавался планъ возстанія въ Петроградѣ. Нечего пояснять, что и тутъ оказались предатели, и тутъ былъ глазъ чека: всѣ конспиративные кружки проваливались одинъ за другимъ. Все же можно сдѣлать и другой значительный выводъ. Не будь Юденича, не было бы и заговора Линдеквиста, не было бы разстрѣловъ, не пролилась бы напрасно такъ много крови. Это особенно поучительно для нашего времени. Конечно, Юденичъ, Деникинъ, Колчакъ не могли ни думать, ни поступать иначе, чѣмъ имъ подсказывало патріотическое чувство. Положеніе Россіи было критическимъ. Совѣтская власть, по совершенно понятному убѣжденію генераловъ, влекла Россію къ гибели. Надо было вооружаться, ополчаться противъ «захватчиковъ власти», какъ называли тогда большевиковъ. И все-таки, когда

вопросъ идетъ о жизняхъ, о крови, о судьбахъ людей, надо прежде всего убѣдиться въ надежности и основательности плановъ борьбы, разстаться съ вѣрой въ то, что цѣль оправдываетъ всякія средства и всякія жертвы. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка.

ЛАТВІЙСКІЙ ПРАЗДНИКЪ 18 НОЯБРЯ И РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА ВЪ МОСКВѢ.

Наше посольство поселилось въ особнякѣ Готье въ въ Машковомъ переулкѣ, а реэвакуаціонная комиссія на Старо-Конюшенной. Всѣ особняки уже были отобраны и находились въ распоряженіи совѣтской власти. Впослѣдствіи и датское посольство переѣхало въ особнякъ реэвакуаціонной комиссіи. Особняки богатыхъ владѣльцевъ строились на широкую ногу: въ нихъ находились громадные подвалы, обширныя кладовыя, гдѣ хранилось всякое добро; въ это время всѣ они были уже опустошены, загрязнены, неузнаваемы и привести ихъ въ порядокъ было совсѣмъ не легко.

По случаю двухлѣтней головщины латвійской независимости наше посольство устроило 18-го ноября большой праздникъ, на который были приглашены нѣкоторые большевицкіе сановники, — Чичеринъ, Караханъ, служащіе Наркоминдѣла и другихъ учрежденій, съ которыми мы такъ или иначе сталкивались и имѣли дѣловыя сношенія. Посольствъ въ Москвѣ почти не было тогда, и наше латвійское было однимъ изъ первыхъ, прибывшихъ въ Россію. На наше приглашеніе откликнулись охотно, и на нашемъ вечерѣ всѣ съ удовольствіемъ насыщались различными закусками, ужиномъ, напитками, — тогда въ Россіи всего этого не было, всѣ недоѣдали, — нашъ вечеръ былъ для приглашенныхъ пріятнымъ и рѣдкимъ пиромъ. На этотъ первый латвійскій праздникъ явился также представитель Литвы, поэтъ Ю. Балтрушайтисъ, который сейчасъ еще занимаетъ въ Москвѣ все тотъ же постъ литовскаго посланника, т. е. находится тамъ уже 18 лѣтъ, и это является, дѣйствительно, исключительнымъ случаемъ. Былъ также на нашемъ вечерѣ и представитель молодой, независимой Грузіи, — къ сожалѣнію, я не помню его имени. Было много и другихъ гостей, занимавшихъ тогда видное положеніе. Произносились рѣчи. Чичеринъ говорилъ о свободѣ народовъ, о совѣтской Россіи, которая сама, безъ всякаго принужденія, первая признала независимость Латвіи и другихъ республикъ, но,

онъ ничего не сказалъ о томъ, что совѣтская Россія, при первомъ удобномъ случаѣ, какъ только будетъ все подготовлено, уничтожитъ независимость Грузіи, что и случилось очень и очень скоро. Не зналъ и грузинскій представитель, что дни его были сочтены, ибо и онъ говорилъ увѣренно, ораторски декларировалъ независимость своей страны и радовался этому, оказавшемуся такимъ недолгимъ, счастью. Какъ всегда на такихъ собраніяхъ, гости поважнѣе ушли раньше, многіе, помельче, остались чуть не до самаго утра. Хорошее угощеніе всегда кстати, всегда полезно, но въ ту пору недоѣданія и голоданія нашъ вечеръ представлялся чѣмъ-то исключительнымъ. Поэтому наши подарки въ видѣ продуктовъ, хорошихъ винъ, сыграли не послѣднюю роль въ дѣлѣ сближенія съ низшими служащими совѣтскихъ учрежденій, — кому неизвѣстно, что — «не подмажешь, не поѣдешь», — какъ говоритъ русская пословица. Что же, — пришлось «мазать», чтобы какъ-нибудь, при томъ поскорѣй, реализовать постановленіе смѣшанной русско-латвійской комиссіи о реэвакуаціи тѣхъ или иныхъ нашихъ богатствъ, нашего достоянія.

Конечно, этимъ дѣломъ больше всего были заинтересованы бывшіе владѣльцы эвакуированныхъ предпріятій, и, естественно, они съ особенной энергіей были заняты всякими переговорами. Эвакуировались не только фабрики, заводы, машины, эвакуировался и скотъ. Напримѣръ, свѣтлѣйшей княгинѣ Ливенъ удалось получить всѣхъ своихъ лошадей можетъ быть потому, что ея сестра была замужемъ за лондонскимъ мэромъ, а ея имѣніе находилось въ Латвіи. Впрочемъ, такую уступчивость совѣтскихъ служащихъ я объяснялъ полною лойяльностью княгини Ливенъ. Мнѣ лично она говорила:

— Я не обвиняю однихъ большевиковъ, мы тоже виноваты.

Къ тому же она была баптисткой, и ея религіозная настроенность склонна была видѣть во всемъ волю Божію и въ этомъ находить оправданіе.

Приближалось Рождество. Въ сочельникъ члены реэвакуаціонной комиссіи рѣшили устроить елку и пригласили на нее служащихъ разныхъ совѣтскихъ учрежденій. Все было сдѣлано «по буржуазному». Я надѣлъ даже фракъ и сдѣлалъ это нарочно, чтобы подчеркнуть рѣзкую грань между ними и нами, показать, какъ различны мы даже съ внѣшней стороны. Когда вся эта публика, — и перваго и третьяго класса, — достаточно разгорѣлась и начала держать себя все раз-

вязнѣй, я почувствовалъ, что мой фракъ начинаетъ серьезно волновать умы. Однимъ онъ напомнилъ объ ихъ фракѣ, потерянномъ и не возвращенномъ, другимъ о никогда недостижимой формѣ одежды.

— Обожаю фракъ... Какъ онъ хорошо сидитъ на васъ, — говорилъ одинъ. Другой, извѣстный артистъ, пѣвецъ, началъ, по общей просьбѣ, старый романсъ Беранже: «Мой старый фракъ, товарищъ мой безцѣнный, не покидай меня!» Рождественская горящая елка, тепло, уютъ, праздничныя блюда, вино, невольно перенесли этихъ полуистощенныхъ людей съ ихъ открытыми, незалѣченными ранами въ другой міръ, а фракъ и романсъ разбудили воспоминанія о потерянномъ прошломъ. Прозвучали и самобичующія рѣчи и восклицанія, — русскому человѣку такъ свойственна самокритика , такъ утѣшительны укоры и покаянія, и въ этихъ словахъ, вздохахъ и раскаяніяхъ открылись страдающія души этихъ людей. Чуть ли не со слезами на глазахъ, подвыпившій, видный безпартійный спецъ мнѣ разсказывалъ шопотомъ:

— Ей Богу, былъ порядочнымъ человѣкомъ, а вотъ сталъ воромъ. Ничего не подѣлаешь. Заставили меня товарищи воровать. Такъ и говорятъ: «Не будешь молчать, сразу потеряешь мѣсто». Вотъ и молчу объ ихъ дѣлахъ; всѣ молчимъ и всѣ воруемъ.

Да, такихъ воровъ было много.

* * *

Русскій человѣкъ, можетъ быть, больше, чѣмъ всякій другой, любитъ юморъ и пищу для него находитъ вездѣ. Юморъ не покидаетъ его даже въ самые мрачные дни. Поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ столько анекдотовъ, — приличныхъ и неприличныхъ, — разныхъ загадокъ, особенно объ армянахъ, какъ русскіе. Пожалуй, только евреи въ этомъ отношеніи могутъ идти впереди ихъ. Нѣсколько такихъ анекдотовъ я запомнилъ. Всѣ они направлены противъ большевицкой власти. Трое, — докторъ, инженеръ и юристъ, спорятъ, чья профессія старше.

Докторъ говоритъ: «Я былъ нужнымъ еще тогда, когда Богъ сотворилъ человѣка-женщину, — вѣдь, для этого нужно было вынуть ребро».

Инженеръ говоритъ: «А я былъ нуженъ еще раньше, — когда только составлялся планъ сотворенія міра».

Адвокатъ: «Я былъ нуженъ раньше всѣхъ, — еще тогда, когда обсуждался планъ сотворенія міра».

Но большевикъ, подслушавъ этотъ споръ, побѣдилъ всѣхъ: — «Но до всего этого былъ хаосъ, и былъ я».

Еще анекдотъ.

Два совѣтскихъ гражданина читаютъ надпись, — совѣтскую эмблему: «Молотъ-серпъ». Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: «А чѣмъ все это кончится?» — «Читай наоборотъ», — говоритъ другой. И тотъ читаетъ: «Престоломъ». — Народъ подбадривалъ себя анекдотами. Особенно забавляли нововведенныя сокращенія въ названіяхъ разныхъ учрежденій. Получился какой-то таинственный кодъ. Эти загадочныя съ виду сокращенія расшифровывали по своему, находя въ этомъ удовлетвореніе своему отрицательному отношенію къ власти. Такъ напримѣръ, РСФСР (Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика) расшифровывалась: «Рѣдкій случай феноменальнаго сумасшествія расы». Сокращенія такъ были распространены, что многіе, видя надпись на дверяхъ «входъ» спрашивали, — что это за учрежденіе: В-Х-О-Д».

* * *

Въ концѣ 1920 г., изъ далекой Сибири, наконецъ, пріѣхала моя семья. Ее привезъ спеціально посланный туда человѣкъ. Семья моя пріѣхала измученная, изболѣвшаяся, усталая. Жена, ея мать и дѣти пользовались покровительствомъ колчаковцевъ, но въ разгарѣ нападенія большевиковъ, въ этой всеобщей неразберихѣ потеряли другъ друга. Много было тяжелаго въ этой драмѣ, о которой еще и теперь я не могу говорить безъ волненія и горечи. То же самое, что о Юденицѣ, я могу сказать и о Колчакѣ: не рѣшись онъ безразсчетно начать свое наступательное дѣло, не было бы и этой трагедіи, не было бы и тысячи другихъ, ей подобныхъ. Въ эти дни ужасовъ несчастной Испаніи я невольно вспоминаю мои личныя переживанія 18 лѣтъ тому назадъ, вспоминаю и великаго русскаго писателя-философа, гр. Л. Н. Толстого, его завѣтъ: «Не противься злу.» Въ моемъ міровосприятии эти слова получаютъ теперь еще болѣе глубокое значеніе, чѣмъ прежде. Конечно, я понимаю, что дипломаты, воины, адвокаты обязаны, во что бы то ни стало, противиться злу, бороться съ нимъ, побѣждать его, но всякая политическая игра должна быть продумана отъ начала до конца, иначе это не политика, а взбалмошность, не планъ, а легкомысліе.

* * *

Недовольный результатами своей работы, которую всячески тормозили совѣтскія учрежденія, я рѣшилъ въ апрѣлѣ 1921 г. подать въ отставку. Дѣла нашей реэвакуаціонной комиссіи шли медленно, въ атмосферѣ препирательствъ. Мы хотѣли получить назадъ все, что составляло наше достояніе, и, разумѣется, не хотѣли довольствоваться тѣмъ, что намъ давали Совѣты. Черезъ 2 мѣсяца моя отставка была принята, и я позволилъ себѣ отдохнуть вмѣстѣ съ семьей, находившейся въ Латвіи.

XIII

МОЙ ПРІѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ ЛАТВІЙСКИМЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМЪ ПОСЛАННИКОМЪ И ПОЛНОМОЧНЫМЪ МИНИСТРОМЪ

Время между лѣтомъ 1921 г. и 1923 г. я хочу условно назвать промежуточнымъ. Я отошелъ тогда отъ активной политической работы, но частнымъ образомъ не переставалъ пропагандировать мысль, въ которую я всегда вѣрилъ и продолжаю вѣрить: необходимо оздоровлять, углублять, расширять экономическія народныя взаимоотношенія. Въ наиболѣе распространенныхъ органахъ я предсказывалъ, что экономическая начавшаяся международная война будетъ очень длительной, потребуетъ много жертвъ, правда, менѣе кровопролитныхъ, но не менѣе многочисленныхъ, чѣмъ на войнѣ оружіемъ. Усиленно я совѣтовалъ не забывать, что экономика является важнѣйшей составной частью всеобщей политики.

Дѣйствительно, можетъ ли государство называться независимымъ, если его экономическая жизнь находится въ чужихъ, ненадежныхъ, а, можетъ быть, и враждебныхъ рукахъ? Экономически мы были отставшей націей. Наша земля была опустошена. Все слѣдовало начинать сначала. Я выдвигалъ общеизвѣстный экономическій законъ, точнѣе, законъ коммерческій: если какая-нибудь экономически отсталая страна съ успѣхомъ производитъ ту или другую продукцію, то ни на минуту она не должна забывать, что сила ея соперничанья, сопротивленія, конкуренціи на международныхъ рынкахъ чрезвычайно ограничена, ея возможности въ этомъ отношеніи весьма ничтожны. Продавать товары, производящіеся въ такой странѣ, международный коммерсантъ считаетъ труднымъ дѣломъ. Выводъ ясенъ: прежде всего надо взяться за собственный рынокъ, — надо оздоровить собственную экономическую жизнь.

Уже тогда я неразлучно носился съ мыслью, что каждая страна должна производить только то, что является ея естественной продукціей, основаніемъ ея экономическаго бытія. Наоборотъ: желаніе производить рѣшительно все — гибельно для всѣхъ. Какъ диллетантизмъ вреденъ въ духовной жизни, такъ диллетантизмъ въ производствѣ губителенъ для самого производителя. Всегда это приводитъ къ тому, что тамъ и тутъ возводятся высокія ограды запретительныхъ пошлинъ, и безсильная конкуренція раздѣляетъ людей, народы, государства, а въ конечномъ результатѣ приводитъ къ международнымъ конфликтамъ и войнамъ. Тогда я началъ понимать, что сожительства народовъ надо строить на другихъ, новыхъ принципахъ общаго сотрудничества, т. е. совсѣмъ забыть прежнія, отжившія стремленія эксплоатировать и рвать при первой возможности. Постепенно, шагъ за шагомъ, все расширяя мои наблюденія, я убѣждался, что корень міровового зла, именно здѣсь, въ этомъ пунктѣ, въ этомъ вопросѣ.

Между тѣмъ сожительство народовъ должно быть построено чрезвычайно просто, какъ все въ жизни, — для этого нужно только найти вѣрную основу, правильную предпосылку. Правда, пути къ этимъ основамъ сложны, надъ ними надо серьезно задуматься и ихъ прочно установить. Поэтому меня сейчасъ, еще больше, чѣмъ раньше, удивляетъ, почему при Лигѣ Націй существуютъ самыя разнообразныя комиссіи, — о бѣлыхъ рабыняхъ, опіумѣ и т. д., — но нѣтъ комиссіи, которая занялась бы изученіемъ основныхъ принциповъ экономическаго сожительства народовъ.

Если Ленинъ и его ближайшіе единомышленники такъ легко могли потрясти весь міръ, то это произошло потому, что этотъ міръ слишкомъ мало занимался поисками этихъ принциповъ и этихъ основъ. Это и дало Ленину право увѣренно сказать: «Сожительство народовъ это — учетъ». Въ этомъ онъ безусловно правъ. Къ его формулѣ мы могли бы прибавить только одно слово: «и разсчетъ». Но и для того и для другого необходимы ясные и надежные принципы. Безъ твердыхъ основъ нельзя строить зданіе мірового сожительства. До тѣхъ поръ, пока эти основы не найдены, зданіе будетъ шататься, и каждая отдѣльныя комната въ немъ будетъ жить отгороженной, запертой, настороженной жизнью. Сейчасъ въ мірѣ происходитъ нѣчто странное и безсмысленное. Чуть ли не всѣ страны рѣшили навѣсить на своихъ дверяхъ замки и все для себя производить собственными руками. Уединившись, отрѣзавъ себя отъ остального міра, эти страны сами себя посадили подъ арестъ. Какая печальная жизнь въ комнатѣ, гдѣ забиты всѣ окна, всѣ двери, всѣ отдушины: чѣмъ и какъ дышать?

* * *

Въ Латвіи громадныя имѣнія владѣльцевъ-бароновъ были отобраны. Прежнимъ владѣльцамъ изъ ихъ угодій былъ оставленъ только центръ съ 50 гектарами земли, при томъ лишь въ какомъ-нибудь одномъ имѣніи, а не въ нѣсколькихъ, составлявшихъ прежде ихъ собственность. Отобранныя земли, перешедшія, такимъ образомъ, въ государственный фондъ, стали дѣлить между безземельными крестьянами.

Многіе, въ томъ числѣ и я, какъ впрочемъ и само правительство, скоро поняли, что раздроблять эти имѣнія нецѣлесообразно, — логичнѣй было оставить часть изъ нихъ нераздѣленными на хутора. Это соображеніе побудило меня и моихъ единомышленниковъ обратиться къ правительству съ предложеніемъ отдать намъ въ долгосрочную аренду нѣсколько большихъ имѣній. Съ этой цѣлью образована была цѣлая акціонерная компанія. Ея цѣль состояла въ томъ, чтобы эти имѣнія эксплоатировать хозяйственнымъ образомъ, поднять въ нихъ сельскую культуру, развить торговлю продуктами производства, снабдить хозяйства нужными машинами и т. п. Словомъ, мы хотѣли работать въ этой области, считаясь только съ естественными, природными богатствами Латвіи, т. е. исходя изъ единственно правильнаго въ данномъ случаѣ принципа. Весь нашъ планъ былъ продиктованъ принципіальными соображеніями. Я сталъ главнымъ руководителемъ новаго дѣла, и оно начало успѣшно развиваться.

* * *

Годы, проведенные мной въ Америкѣ, не прошли для меня даромъ и оставили глубокіе слѣды. Я любилъ и люблю Америку, какъ свободную страну, гдѣ я такъ горячо впервые началъ бороться за величайшія сокровища народовъ, за ихъ «права, честь и справедливость». Я снова отправился въ Америку на короткое время, но теперь со мною была и моя жена. Наша поѣздка носила совершенно частный характеръ.

КОМИССАРЪ А. ЦЮРУПА ВЪ РИГѢ.

Однажды, въ темный осеннiй вечеръ, къ намъ въ Ригѣ пришла неожиданно жена Цюрупы, Марья Петровна, и, извинившись за безпокойство, прямо и откровенно спросила:

— Если вы не боитесь, то мой мужъ тоже придетъ къ вамъ.

— Конечно, нѣтъ, — буду очень радъ его встрѣтить.

Она тутъ же позвонила въ совѣтское посольство, гдѣ остановился Цюрупа, и вскорѣ онъ пришелъ къ намъ. Такое предупрежденiе со стороны Марьи Петровны было въ то время далеко не лишнимъ. Дѣйствительно, прошло нѣкоторое время, и когда центральныя, политическiя либеральныя партiи стали формировать новый кабинетъ, предназначая меня на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, сразу же другiя партiи вспомнили визитъ ко мнѣ комиссара Цюрупы и поставили откровенные вопросы: «Извѣстно ли, что»... и т. д. Я немедленно самъ отвѣтилъ на всѣ эти вопросы.

Въ тотъ разъ комиссаръ Цюрупа возвращался изъ поѣздки по Германiи, гдѣ онъ лѣчился и попутно ревизовалъ дѣла совѣтскаго представительства. Онъ просидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, и мы вели съ нимъ чрезвычайно интересныя бесѣды. Я былъ въ роли нападающаго на совѣтскiй строй, онъ его защищалъ. На мою критику заграничныхъ совѣтскихъ учрежденiй онъ мнѣ отвѣтилъ такой фразой:

— Если, даже все, что вы говорите правильно, то все же, сравнивая то, что было годъ тому назадъ, съ тѣмъ, что сейчасъ, я могу быть доволенъ: прогрессъ несомнѣненъ, а это — самое главное.

Заговорили мы о земельномъ вопросѣ, въ которомъ Цюрупа отлично разбирался. Разговоръ на эту тему онъ закончилъ такъ:

— Да, все можетъ измѣниться, можетъ измѣниться и совѣтскiй строй, какъ все мѣняется въ жизни, но одно мнѣ совершенно ясно: помѣщики свои земли обратно никогда не получатъ.

Къ сожалѣнiю, Деникинъ, Колчакъ, Юденичъ этого не понимали, — межъ тѣмъ аграрная реформа, точнѣе, аграрная революцiя стояла тогда на первомъ планѣ, была наиважнѣйшимъ и наитревожнѣйшимъ вопросомъ.

ВРУЧЕНIЕ ВѢРИТЕЛЬНЫХЪ ГРАМОТЪ.

Дѣла латвiйскаго посольства въ Москвѣ шли плохо. Первый посланникъ Весманъ вынужденъ былъ покинуть Москву, какъ и его замѣститель Фельдманъ, пробывшiй на этомъ посту очень короткое время. Выполнять свои обязанности въ Москвѣ посланникамъ было трудно; весь окружавшiй ихъ воздухъ казался душнымъ, большевики интриговали, агенты чека работали во всю.

Они ухитрились обслуживать и нѣкоторыя политическiя партiи Латвiи, снабжая ихъ соотвѣтствующими информацiями. На служащихъ посольствъ возводились странныя, неожиданныя и, конечно, ни на чемъ не основанныя обвиненiя въ контръ-революцiонныхъ дѣйствiяхъ. Люди арестовывались. Все это дѣлалось съ опредѣленной и единственной цѣлью: во что бы то ни стало дискредитировать Латвiю. Вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ была выдвинута моя кандидатура на постъ посланника въ Москву.

7-го сентября 1923 г. я отправился въ СССР, какъ латвiйскiй посланникъ и полномочный министръ. Мое назначенiе было отмѣчено въ газетахъ рядомъ каррикатуръ, не щадившихъ даже мою жену. Газеты изощрялись въ этомъ направленiи, но за ихъ старанiя я имъ былъ только благодаренъ. Каррикатуры выставляли меня другомъ большевиковъ, а это мнѣ только и нужно было.

Прежде всего, я основательно познакомился съ вопросами внутренняго характера самой Латвiи. Я считалъ своимъ долгомъ прiѣхать въ Москву во всеоружiи знанiя и пониманiя интересовъ моей страны, — всего того, что могло играть роль въ моей дальнѣйшей работѣ посланника. Надо было торопиться.

Я спѣшилъ уѣхать, потому что наше посольство давно уже было безъ главы, а всевозможныхъ дѣлъ, больше всего непрiятныхъ, накопилось много. Въ Москвѣ меня встрѣтили хорошо. Среди встрѣчавшихъ оффицiальныхъ представителей былъ опять тотъ же Флоринскiй. Черезъ недѣлю послѣ моего отъѣзда, 14-го сентября состоялось торжественное врученiе моихъ ввѣрительныхъ грамотъ предсѣдателю ЦИК'а товарищу Калинину, или «господину» Калинину, какъ я его называлъ.

Церемонiя происходила въ большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, куда я прибылъ въ 3 часа дня, въ сопровожденiи завѣдующаго протокольной частью Нарко-

миндѣла, знакомаго намъ Флоринскаго и чиновъ моего посольства. На лѣстницѣ, по которой я поднимался въ дворцовый залъ, былъ выстроенъ почетный караулъ изъ отрядовъ ГПУ. При врученіи грамотъ присутствовали секретарь ЦИК'а, теперь уже убитый Енукидзе, членъ президіума ЦИК'а Теръ - Габріэльянъ, теперь обрѣтающійся въ неизвѣстности, наркомъ Чичеринъ, умершій въ забвеніи, членъ коллегіи НКИД, Коппъ, оппозиціонеръ, теперь уже покойникъ, завѣдующій экономически-правовымъ отдѣломъ НКИД Сабанинъ, по свѣдѣніямъ газетъ теперь испытывающій гоненія, полномочный представитель СССР въ Латвіи, С. Араловъ, по слухамъ погибшій, и завѣдующій отдѣломъ Прибалтики, Рубининъ, — впослѣдствіи совѣтскій посланникъ въ Даніи. Присутствовали и другіе. Да, выходитъ такъ, что изъ всѣхъ главныхъ участниковъ этого торжественнаго акта остались въ живыхъ только Калининъ и я. Какъ странно: это было только 14 лѣтъ тому назадъ!

Вручая грамоты, я произнесъ слѣдующую рѣчь: «Г. Предсѣдатель. Президенту Латвійской республики угодно было избрать меня своимъ полномочнымъ представителемъ при Союзѣ Совѣтскихъ Социалистичтическихъ Республикъ. Это почетное и отвѣтственное назначеніе я принялъ съ особымъ удовлетевореніемъ.

Послѣ міровыхъ потрясеній, въ результатѣ коихъ явилось освобожденіе отъ вѣкового рабства народовъ, — разстроились взаимоотношенія между государствами, какъ въ политичскомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Нѣтъ, поэтому, теперь болѣе благороднаго труда, какъ работать на мирное сожительство и взаимное сотрудничество этихъ народовъ. Латвійскій народъ, принесшій не одну жертву на алтарь свободы и пославшій меня къ вамъ, господинъ Предсѣдатель, хочетъ жить въ искренней дружбѣ и широко развивать свои экономическія взаимоотношенія со своимъ великимъ сосѣдомъ — народами Союза Совѣтскихъ Социалистическихъ Республикъ.

Вручая вамъ, г. Предсѣдатель, мои ввѣрительныя грамоты, и выражая наилучшія пожеланія латвійскаго народа народамъ СССР, прошу васъ, г. Предсѣдатель, вашего любезнаго содѣйствія въ моей предстоящей чрезвычайно важной работѣ.

Да здравствуютъ народы Союза Совѣтскихъ Соц. Республикъ и взаимное ихъ дружеское сожительство съ народомъ Латвіи!»

На это Калининъ отвѣтилъ слѣдующее:

«Господинъ Посланникъ, я имѣю честь принять отъ васъ грамоты Г. Президента Латвійской республики, которыми вы аккредитуетесь въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Латвіи при правительствѣ Союза Совѣтскихъ Социалистическихъ Республикъ,

Латвійскій народъ и народы Союза Сов. Соц. Республикъ связаны общностью важнѣйшихъ хозяйственныхъ интересовъ, создающей благодарную почву для широкаго и активнаго экономическаго сотрудничества. Уже въ настоящее время мы съ глубокимъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ рядъ достиженій на этомъ пути, и это даетъ намъ увѣренность въ томъ, что взаимоотношенія между Латвійской республикой и Союзомъ Соц. Совѣтск. Республикъ будутъ всегда развиваться подъ знакомъ тѣсной экономической связи и совмѣстной творческой работы для блага обоихъ народовъ.

Прошу васъ, г. Посланникъ, принять увѣреніе, что во всѣхъ вашихъ стремленіяхъ, направленныхъ къ упроченію и развитію добрососѣдскихъ отношеній между нашими государствами, вы встрѣтите должное вниманіе и содѣйствіе со стороны всѣхъ органовъ СССР.

На томъ отвѣтственномъ посту, на который угодно было назначить васъ президенту Латвійской республики, и при исполненіи возложенныхъ на васъ высокихъ обязанностей вы можете всегда расчитывать на мое полное довѣріе, а равно и на довѣріе правительства СССР».

Всѣ такія церемоніи Калинину были явно не по духу. Этотъ простой человѣкъ, очевидно, никогда не мечталъ о томъ, что ему придется фигурировать на торжественныхъ актахъ, принимать пословъ, произносить оффиціальныя рѣчи, играть въ президента. Изъ первой же моей бесѣды съ Калининымъ я узналъ, что онъ былъ простымъ рабочимъ, между прочимъ, и въ Эстоніи, служилъ на заводѣ «Двигатель» и потому немного знакомъ съ Прибалтикой. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе очень симпатичнаго, прямого человѣка, котораго судьба захотѣла вывести изъ толпы и посадить какъ бы на тронъ, на совсѣмъ чуждое и несоотвѣтствующее ему мѣсто. Такіе люди, какъ Калининъ, тяготятся всякой помпой, пышностью, внѣшними аксессуарами власти и представительства. Онъ чувствуетъ себя хорошо въ знакомой обстановкѣ и дѣйствительнымъ авторитетомъ тогда, когда бесѣдуетъ съ «делегатами» отъ крестьянъ. Прежде ихъ называли проще: «ходоками».

КОМИССАРЪ КРАСИНЪ.

Послѣ этого оффиціальная часть моего пріѣзда въ Москву была закончена. Вспоминаю, какъ комиссаръ торговли Красинъ, когда я сдѣлалъ ему визитъ въ сопровожденіи совѣтскаго полпреда въ Ригѣ Аралова, интеллигентнаго, симпатичнаго человѣка, велъ себя совершенно независимо и свободно. Въ разговорѣ съ нимъ я указалъ на трудности въ экономическихъ взаимоотношеніяхъ, вслѣдствіе различія государственнаго устройства СССР и Латвіи, т. е. различія соціалистическаго и буржуазнаго строя нашихъ государствъ. Прекрасно одѣтый, играя золотымъ или позолоченнымъ карандашомъ, Красинъ отвѣтилъ:

— Да, меня самаго здѣсь начинаютъ обвинять въ буржуазныхъ наклонностяхъ. Конечно, я прошелъ хорошую буржуазную школу торговли, финансовъ...

Признаюсь, эта откровенность меня удивила: это было совсѣмъ непохоже на осторожность другихъ. Было ясно, что уже тогда началась оппозиція противъ болѣе культурныхъ коммиссаровъ ленинскагро набора, возникло и ширилось недовольство этими коммиссарами «аристократами», какъ ихъ тогда называли.

ЗНАКОМСТВО СЪ ГПУ

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Москву, произошелъ непріятный случай: былъ временно задержанъ нашъ дипломатическій курьеръ. Надо сказать, что торговля между Латвіей и СССР кое-какъ наладилась, но она была, главнымъ образомъ, мѣновой. Латвійскіе купцы, какъ и другіе, привозили въ СССР разные товары, обмѣнивали ихъ на золото, платину, на разныя драгоцѣнности, даже на предметы искусства и т. п. Вывозить все это изъ Россіи они не имѣли оффиціальнаго права и пользовались представлявшимися оказіями. Совѣтскія учрежденія все это хорошо знали и не только не ставили препятствій, но поощряли эту практику. Черезъ своихъ агентовъ они продавали иностранцамъ платину, золото и взамѣнъ получали фунты и доллары.

Съ виду все шло какъ будто гладко. Но все же видимое попустительство властей давало имъ въ руки право, предлогъ и возможности арестовывать всякаго, кто, съ ихъ безмолвнаго разрѣшенія, занимался такой торговлей. Когда большевики хотѣли устроить скандалъ, имъ ничего не стоило арестовывать того или другого иностранца за «спекуляцію», за неразрѣшенную торговлю. Разумѣется, такіе аресты происходили съ обдуманной, заранѣе опредѣленной цѣлью. Важно было не поймать и не уличить, а скомпрометировать. Напр., пріѣзжаетъ изъ Риги дипломатическій курьеръ Дулбе, подъ вечеръ куда-то уходитъ и больше не возвращается. Къ ночи узнаемъ, что онъ задержанъ агентами ГПУ. Объ этомъ намъ сообщаютъ изъ коммиссаріата иностранныхъ дѣлъ и любезно при этомъ объясняютъ, что курьеръ задержанъ при покупкѣ платины у какого-то совѣтскаго гражданина. Я потребовалъ его немедленнаго освобожденія и обѣщалъ разслѣдовать дѣло. Понятно было мое раздраженіе. Я былъ золъ на курьера, золъ на большевиковъ. Курьера я заставилъ разсказать совершенно откровенно обо всемъ, что произошло. Онъ былъ извѣстенъ мнѣ, какъ солидный и надежный человѣкъ. Вотъ его разсказъ:

«Въ Ригѣ мнѣ передали англійскіе фунты съ просьбой получить за нихъ платину. Но въ самый моментъ передачи фунтовъ я, и совѣтскій гражданинъ съ платиной (онъ оказался провокаторомъ) были задержаны, и у насъ все отобрали. Потомъ арестовавшіе меня два чекиста предложили мнѣ пойти въ какой-то тихій ресторанъ. Тамъ они заказали вино, пили сами, угощали меня и въ дружелюбной бесѣдѣ стали убѣждать, что легко избѣгнуть предстоящихъ непріятностей, если только смотрѣть на вещи безъ иллюзій и стать реальнымъ человѣкомъ безъ предразсудковъ; въ такомъ случаѣ печальное происшествіе будетъ замято и въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и въ латвійскомъ посольствѣ. «Реальность» же безъ предразсудковъ заключалась въ томъ, что курьеръ, по дорогѣ изъ Москвы въ Ригу и обратно, долженъ былъ передать, когда ночью всѣ заснутъ, — на полчаса небольшой чемоданчикъ съ запечатанной тамъ дипломатической почтой агентамъ чека.

Соблазнители изъ ГПУ давали со своей стороны твердое обѣщаніе, что ничего изъ дипломатической почты никогда не пропадаетъ, и всѣ печати неизмѣнно будутъ въ полномъ порядкѣ.

Чекисты ошиблись. Выслушавъ и узнавъ все, курьеръ не побоялся предстоящихъ непріятностей и — чего агенты никакъ не ожидали, — отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Получился скандалъ: началось дѣло о дипломатическомъ курьерѣ.

Такъ же откровенно, какъ разсказалъ мнѣ все это курьеръ, я въ свою очередь оповѣстилъ объ этомъ

завѣдующаго отдѣломъ Прибалтики въ НКИД, Рубинина. Я перенесъ вопросъ въ другую плоскость, совершенно логично обвинивъ не курьера, а совѣтскихъ агентовъ; Рубининъ, какъ толковый работникъ, сразу сообразилъ, что попалось ГПУ, а не латвійское посольство. На этомъ все и кончилось, и безъ всякой огласки дѣло было ликвидировано. Уже этотъ ничтожный случай меня убѣдилъ, что НКИД напрасно открещивается, когда къ нему обращаются съ протестомъ, жалобами и просьбами, напрасно лукаво сваливаетъ все на ГПУ и объявляетъ себя безвластнымъ или, по крайней мѣрѣ, безпомощнымъ. Нѣтъ, НКИД имѣетъ большую власть, почти всегда можетъ диктовать свою волю ГПУ, и для этого нужно только его доброе желаніе. Я никогда не вѣрилъ баснямъ работниковъ НКИД, увѣрявшихъ, что они ничего не могутъ сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ потому, что встрѣчаютъ непреодолимыя сопротивленія ГПУ. Пора понять и сказать прямо: НКИД и ГПУ всегда работали вмѣстѣ, рука объ руку, и разногласій между ними не бываетъ. Это свои люди.

Но случай съ моимъ курьеромъ далъ мнѣ важный козырь и для дальнѣйшей игры. Курьеръ этотъ въ Москву никогда больше не возвратился и получилъ оффиціальный выговоръ, но ему я былъ очень и очень благодаренъ за умѣлое и откровенное расшифрованіе намѣреній ГПУ. Впослѣдствіи дипломатическая почта перевозилась двумя курьерами. То же самое стали дѣлать и большевики, — они свою почту уже не довѣряли какому-нибудь одному курьеру, и ее сопровождали всегда двое. Западня, которую они хотѣли поставить намъ, стала урокомъ и для нихъ самихъ.

XIV

ВОЖДИ И КОМИССАРЫ СССР

Начавшаяся работа моя въ Москвѣ продолжалась 6 лѣтъ. Она была чрезвычайно интересна и разнообразна. Конечно, сказать все объ этой работѣ невозможно. Я и не собираюсь этого дѣлать. Я буду вполнѣ удовлетворенъ, если мнѣ удастся освѣтить эти годы, въ главныхъ чертахъ, съ общей точки зрѣнія, — вспомнить здѣсь о наиболѣе важныхъ моментахъ, при томъ такихъ, которые даютъ болѣе или менѣе знаменательные выводы.

Ставя передъ собой эту задачу, я не собираюсь приводить факты въ хронологическомъ порядкѣ. Вообще я здѣсь веду не лѣтопись встрѣчъ: дороже всего мнѣ объективныя заключенія. Это и понятно. Всѣ эти годы я былъ не только наблюдателемъ и информаторомъ моего правительства, — мнѣ самому хотѣлось вникнуть въ самую суть вопросовъ, изъ теоретическихъ предпосылокъ сдѣлать практическіе выводы. Я и тутъ исходилъ изъ моего постояннаго убѣжденія, что въ каждомъ сложномъ дѣлѣ нужно, прежде всего, найти основу. Рѣшать задачи международнаго значенія, какъ я ихъ понималъ, нужно строго и точно, — когда-то я такъ рѣшалъ математическія задачи. Это меня особенно занимало. Мнѣ хотѣлось разгадать, опредѣлить, нарисовать психологическіе портреты основателей большевицкаго строя, коммунистическихъ вождей и дѣятелей. Естественно, мой интересъ и вниманіе особенно приковали двѣ фигуры:

ЛЕНИНЪ И СТАЛИНЪ

Никогда и нигдѣ еще не проявлялось, не показало себя съ такой силой значеніе личности. Ея важнѣйшую роль въ жизни не только какого-нибудь одного государ-

ства, но и всего человѣчества, выдвинуло и вознесло наше время. Если бы не было Ленина, Троцкаго, Сталина, этихъ основоположниковъ россійскаго большевизма, не могло быть ни Муссолини, ни Гитлера, провозвѣстниковъ и осуществителей идей ультра націоналъ-соціализма. Всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Это законъ не только природы, но и политики, и сожительства народовъ. Чѣмъ глубже мы вникаемъ въ этотъ вопросъ, тѣмъ больше и крѣпче убѣждаемся, что такъ называемая «масса» никакой рѣшающей или руководящей роли не играетъ. Человѣкъ — рычагъ, масса— только опора.

О Ленинѣ и Сталинѣ написаны цѣлыя бибілотеки.

Ленинъ и Сталинъ — антиподы. У нихъ — ничего общаго. Психологически они противоположны и враждебны другъ другу. Ленина его современники называли исключительнымъ человѣкомъ, историческимъ дѣятелемъ, но самому ему нравилось, когда его величали просто, по деревенски, именовали, какъ бы за панибрата, по родственному «Ильичемъ». Сталина уже теперь называютъ великимъ, мудрымъ, геніальнымъ, отцомъ народа, — даже «божественнымъ». И это ему нравится. Разница и тутъ между Ленинымъ и Сталинымъ — огромна. Ленинъ былъ простъ, я бы сказалъ — нагляденъ. Онъ не терпѣлъ мудроствованій, теоретическихъ разглагольствованій, пышной фразеологіи, театральныхъ позъ, ораторскихъ пріемовъ, наигранной величавости, велерѣчивыхъ прорицаній. Сталина эти черты должны были удивлять. Ленину онъ поклонялся. Въ его представленіи великій человѣкъ долженъ былъ обладать совсѣмъ другими качествами. Вотъ, что говоритъ Сталинъ о Ленинѣ:

«Впервые я встрѣтился съ Ленинымъ въ декабрѣ 1905 г. на конференціи большевиковъ въ Таммерфорсѣ (въ Финляндіи). Я надѣялся увидѣть горнаго орла нашей партіи, великаго человѣка, великаго не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленинъ рисовался въ моемъ воображеніи въ видѣ великана, статнаго и представительнаго. Каково же было мое разочарованіе, когда я увидѣлъ самаго обыкновеннаго человѣка, ниже средняго роста, ничѣмъ, буквально ничѣмъ, не отличающагося отъ обыкновенныхъ смертныхъ...

Принято, что «великій человѣкъ» обычно долженъ запаздывать на собранія, съ тѣмъ, чтобы члены собранія съ замираніемъ сердца ждали его появленія, причемъ передъ появленіемъ великаго человѣка члены

собранія предупреждаютъ: «Тс... Тише... онъ идетъ». Эта обрядность казалась мнѣ не лишней, ибо она импонируетъ, внушаетъ уваженіе. Каково же было мое разочарованіе, когда я узналъ, что Ленинъ явился на собраніе раньше делегатовъ и, забившись гдѣ-то въ уголъ, по-простецки велъ бесѣду съ самыми обыкновенными делегатами конференціи. Не скрою, что это показалось мнѣ тогда нарушеніемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ правилъ. Только впослѣдствіи я понялъ, что эта черта одна изъ самыхъ сильныхъ сторонъ Ленина, какъ вождя новыхъ массъ, простыхъ и обыкновенныхъ массъ глубочайшихъ «низовъ» человѣчества».

Читая между строками, проникая въ полускрытый смыслъ этого признанія, мы безъ труда можемъ установить, какимъ воображалъ Сталинъ Ленина, какимъ рисовался ему «вождь». Эти воображаемыя и обязательныя для большого человѣка черты Сталинъ воспитывалъ въ себѣ. Интересный вопросъ: какимъ онъ былъ самъ въ ту пору? Для отвѣта у меня есть благодарнѣйшій матеріалъ, — характеристика Сталина, которую мнѣ далъ директоръ латвійскаго государственнаго банка Э. Озолинь.

СТАЛИНЪ ВЪ ССЫЛКѢ

«Въ 1911 г. я былъ членомъ нелегальной латвійской соціалъ-демократической партіи. Въ 1912 г. меня арестовали и, вмѣстѣ съ другими, выслали по этапу черезъ Вологду и Пермь въ Челябинскъ. Съ нами был и Сталинъ-Джугашвили средняго роста, худощавый, съ черными, курчавыми волосами и темными, выразительными глазами, онъ, поздоровавшись съ нами, бросилъ всего нѣсколько словъ. Его русскій выговоръ отличался твердымъ акцентомъ.

До Челябинска мы ѣхали безпрерывно. Но тамъ комплектовались «сибирскіе эшелоны», которыхъ потомъ препроводили дальше, въ глубь Сибири. За Челябинскомъ дорога была ужасна, и вагоны были переполнены до послѣдней степени. Всѣ арестованные чувствовали себя крайне удрученно, почти совсѣмъ не говорили другъ съ другомъ и, вдобавокъ, другъ друга побаивались. Сталинъ принадлежалъ къ административно высланнымъ. Онъ былъ сравнительно молодъ, на видъ ему было лѣтъ 30. Онъ открыто говорилъ о томъ, какъ выращивается и какъ долженъ воспитываться въ жизни революціонеръ. — «Мое счастье, что всѣ силы

я могъ жертвовать только на революціонную партію. Если бы мнѣ пришлось гдѣ-нибудь служить или работать въ конторѣ, я неизбѣжно бы оказался подъ тѣмъ или другимъ мѣщанскимъ вліяніемъ. Я потерялъ бы ясность мысли и революціонную энергію, какъ это и случилось со всей революціонной интеллигенціей, которая такой службой зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, —все равно, какой службой, хотя бы даже въ конторѣ либеральной буржуазіи».

Внѣшне Сталинъ похожъ, какъ всѣ кавказцы, на еврея. Иногда и происходили такія ошибки, — случалось, что Сталина ругали и называли «жидомъ», и надо было видѣть, какъ тогда загорались его глаза. Конечно, такія ругательства ему приходилось слышать отъ охраны, но какъ бы ни былъ пылокъ его темпераментъ и великъ его скрытый гнѣвъ, онъ никогда не доходилъ до открытой стычки съ властями, даже и самыми маленькими. Несмотря на свой бурный характеръ, Сталинъ умѣлъ владѣть собой. Онъ не размѣнивался на мелочи. Вспоминаю пустой, но характерный случай. Намъ выдавалось ежедневно 10 копѣекъ, и на нихъ мы покупали въ дорогѣ кое-какіе продукты. На одной изъ станцій, когда мы всѣ особенно торопились, Сталинъ заплатилъ за какого-то медлительнаго товарища, — разумѣется, это были копѣйки. Но когда тотъ хотѣлъ потомъ вернуть деньги, Сталинъ пренебрежительно и наотрѣзъ отказался взять. Товарищъ, однако, настаивалъ на своемъ, хотѣлъ, во что бы то ни стало, отдать свой долгъ. Сталинъ взялъ деньги и сейчасъ же выбросилъ ихъ за окно вагона: «Ну, теперь вы мнѣ больше не должны и ваше самолюбіе удовлетворено».

Въ своихъ оцѣнкахъ Сталинъ былъ грубъ и крутъ и безпощадно отзывался о людяхъ. Онъ откровенно признавался, что рѣдко могъ найти человѣка, который бы ему нравился и сталъ близкимъ. Онъ былъ хорошимъ разсказчикомъ кавказскихъ анекдотовъ. Передавалъ ихъ остроумно и даже талантливо, во всякомъ случаѣ, не банально. Актерскій талантъ въ немъ примѣчался и тогда.

Изъ Томска мы ѣхали по рѣкѣ до Нарыма, — города съ 500 жителей, изъ которыхъ 80-100 были политическими ссыльными. Встрѣчать насъ собралось на берегу много народа. Былъ тамъ и Александръ Петровичъ Смирновъ, впослѣдствіи комиссаръ земледѣлія СССР. При помощи Смирнова мы нашли небольшую квартирку изъ двухъ комнатъ. Я взялъ маленькую, Сталинъ — побольше. Днями и ночами мы просиживали за книгами. Сталинъ интересовался философскими вопросами, которые тогда были очень актуальны въ нашей партійной жизни. Но неотвязно точила его все-таки одна мысль: получить фальшивый паспортъ и устроить себѣ побѣгъ. Вопросами нашей повседневной жизни онъ совсѣмъ не интересовался. Долженъ прибавить, что онъ никогда не отличался особой практичностью. Въ началѣ мы вели совмѣстное «хозяйство», ежедневно, по очереди, исполняя должность «хозяина», что очень и очень не нравилось Сталину. Онъ сталъ обѣдать у Смирнова, поступилъ къ нему какъ бы полу-пансіонеромъ, но завтракать и ужинать мы продолжали вмѣстѣ. Тутъ произошли нѣкія осложненія, на сей разъ съ самоваромъ.

У нашего хозяина были двѣ дочери, — онѣ и ставили намъ ежедневно самоваръ, но, какъ кавалеры, мы не могли допустить, чтобы эти женщины носили тяжелый самоваръ по крутой лѣстницѣ, и, чередуясь, дѣлали это сами. Сталину надоѣло и это, и носить самоваръ сталъ одинъ я. Нетерпѣливаго Сталина это раздражало: онъ не хотѣлъ принимать моихъ услугъ. Неизмѣнно Сталинъ встрѣчалъ и провожалъ каждый пароходъ, толкался въ гущѣ людей, все обдумывая обстоятельства возможнаго побѣга.

Конечно, мы съ нимъ спорили. Темъ и предлоговъ для этого было много, и тутъ сказывалась подлинная натура Сталина. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ глубокой и страстной увѣренностью въ своей правотѣ, и къ взглядамъ противника относился пренебрежительно. Разумѣется, онъ много думалъ о партійной организаціи, ея членахъ, ихъ пригодности, о той пользѣ, которую могъ принести каждый изъ нихъ. Сталинъ не любилъ женщинъ-революціонерокъ и говорилъ о нихъ съ ироніей. По его убѣжденію, женщина не можетъ отдаться вполнѣ дѣлу революціи, не жертвуетъ для него душой, а только флиртуетъ. Ея интересъ захваченъ не революціей, а революціонерами.

— Разъ я говорилъ на собраніи, — вспоминалъ Сталинъ, — гдѣ молодая женщина, казалось, съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдила за моей рѣчью. Мы познакомились съ ней, разговорились, и оказалось, что она слѣдила за моими... губами.

Глава большевизма, Ленинъ, тогда переѣхалъ изъ Парижа въ Краковъ. Онъ считалъ нужнымъ быть какъ можно ближе къ Россіи. Въ Краковѣ (1912 г.) долженъ былъ произойти съѣздъ, на который ждали и Сталина. Единственной дорогой изъ Нарыма во внѣшній міръ

была рѣка Обь. Двѣ попытки бѣгства провалились. Но Сталинъ все-таки, въ концѣ концовъ, достигъ своей цѣли, — убѣжалъ изъ Сибири въ Европейскую Россію».

КЛЯТВА СТАЛИНА

На кафедрѣ въ роли оратора я видѣлъ Ленина только одинъ разъ. Это было въ 1921 г. на съѣздѣ Совѣтовъ. Онъ говорилъ почти два часа. Основной мыслью его рѣчи было требованіе: «Поменьше политики, побольше инженеровъ и агрономовъ»! Я сидѣлъ въ ложѣ НКИД. Завѣдующій экономически-правовымъ отдѣломъ этого коммиссаріата, Сабанинъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Геніальная рѣчь!

Я отвѣтилъ: — Да.

Но про себя подумалъ: «А, можетъ быть, и сумасшедшая», — до того эта рѣчь меня ошеломила. Тутъ было все: и опрощеніе сложнѣйшихъ вопросовъ, и заостренная, упрямая односторонность требованій, и нежеланіе охватить передъ слушателями всю широту запутаннаго настоящаго и совсѣмъ не яснаго будущаго. Живымъ Ленина я уже больше не увидѣлъ, но я его хоронилъ.

Когда, послѣ смерти Ленина, въ 1924 г. Сталинъ на съѣздѣ Совѣтовъ произнесъ въ Большомъ театрѣ надгробную рѣчь-клятву, я его слышалъ впервые. Эта клятва произвела на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. ...«Уходя отъ насъ, товарищъ Ленинъ завѣщалъ намъ держать высоко и хранить въ чистотѣ великое званіе члена партіи». Сталинъ поднимаетъ правую руку и продолжаетъ: «Клянемся тебѣ, товарищъ Ленинъ, что мы съ честью выполнимъ твою заповѣдь»...

Рѣчь продолжается и потомъ снова: «Уходя отъ насъ товарищъ Ленинъ завѣщалъ намъ хранить единство нашей партіи, какъ зѣницу ока». Рука поднимается: «Клянемся тебѣ, товарищъ Ленинъ, что мы съ честью выполнимъ и эту твою заповѣдь».

И, наконецъ, заключительная, послѣдняя клятва: «Уходя отъ насъ, товарищъ Ленинъ завѣщалъ намъ вѣрность принципамъ Коммунистическаго Интернаціонала.» Рука поднимается: «Клянемся тебѣ, товарищъ Ленинъ, что мы не пощадимъ своей жизни для того, чтобы укрѣплять и расширять союзъ трудящихся всего міра, — Коммунистическій Интернаціоналъ!»

Въ своихъ воспоминаніяхъ Сталинъ говоритъ, что

Ленинъ училъ «добивать противника», — «бѣда, если люди, желающіе быть революціонерами, забываютъ, что наиболѣе нормальнымъ порядкомъ въ исторіи является порядокъ революціи»... Вѣра въ силу массъ — это та особенность дѣятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихію и направлять ея движеніе въ русло пролетарской революціи». Сталинъ всѣ свои политическія надежды вождя возлагаетъ на средняго человѣка. Тутъ между нимъ и Ленинымъ — огромная разница, непроходимая пропасть. Сталинъ не ищетъ, какъ Ленинъ, сильныхъ въ томъ или другомъ отношеніи личностей. Онъ довольствуется самыми обыкновенными людьми, ничѣмъ не замѣчательными, ничего изъ себя не представляющими. Его окруженіе — сѣрая толпа. Какъ луна освѣщается солнцемъ, они должны свѣтиться только свѣтомъ Сталина, подобно тому, какъ H. Knickerbocker говоритъ о Геббельсѣ и другихъ помошникахъ Гитлера. Онъ — центръ, онъ — факелъ, горящій въ ночи, фонарь въ темной комнатѣ, путеводная звѣзда. Свѣтло только потому, что въ его свѣтильникѣ не потухъ огонь. Герой даннаго историческаго момента — онъ. Все остальное ничто, нули. Но Ленина какъ, революціонера, Сталинъ уважалъ, ставилъ его очень высоко и писалъ: «Въ дни революціонныхъ поворотовъ онъ, буквально, расцвѣталъ, становился ясновидцемъ, предугадывалъ движеніе классовъ и вѣроятные зигзаги революціи, видя ихъ, какъ на ладони». Эти слова о восторженномъ отношеніи «нашихъ партійныхъ круговъ» къ «Ильичу» невольно должны были вспомниться всѣми, читавшими отчеты о недавнемъ московскомъ процессѣ, раскрывшемъ таинственный заговоръ противъ Ленина, заговоръ, созданный его ближайшими партійными единомышленниками. Сталинъ правъ, говоря, что Ленинъ плавалъ въ революціи, «какъ рыба въ водѣ», — онъ только не прибавилъ что вода бываетъ весьма различной по своей чистотѣ и прозрачности.

ДВА РОДА ДИКТАТОРОВЪ.

Если ко всему, что я сейчасъ сказалъ, прибавить общеизвѣстныя свѣдѣнія о Ленинѣ, Сталинѣ и европейскихъ диктаторахъ, — изъ послѣднихъ самый характерный Гитлеръ, — то естественно и невольно мы должны придти къ слѣдующему выводу.

Есть и могутъ быть два рода диктаторовъ. Одни

идутъ за массами, другіе сами ведутъ эти массы. Есть спутники и есть вожаки. Безусловно и неоспоримо, — Ленинъ принадлежалъ къ первому ряду, т. е. къ самымъ опаснымъ диктаторамъ. Онъ шелъ за массами, плылъ съ ними въ одной волнѣ, несся по теченію, очертя голову. «Грабь награбленное, разрушай еще не разрушенное!» — вотъ стимулъ движенія темныхъ революціонныхъ толпъ: этотъ стимулъ былъ единственнымъ источникомъ успѣха Ленина. Онъ угадывалъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, психику разъяренной массы, подхватывалъ ея крики, дѣлалъ изъ нихъ призывные лозунги и потому шелъ побѣдоносно. Это былъ геній разрушенія. Пусть гибнутъ десятки милліоновъ людей, лишь бы цѣль была достигнута! Это была вѣра революціоннаго фанатика, — таковъ былъ Ленинъ, первый вождь въ революціонные дни СССР.

Ни Гитлеръ, ни Муссолини, ни другіе европейскіе диктаторы никогда не были подобнаго рода вождями.

Сталинъ занимаетъ среднее положеніе, постоянно медленно, но вѣрно, приближаясь къ типу европейскихъ диктаторовъ. Теперь ему импонируетъ «помпезность», «ореолъ», и онъ самъ не скрываетъ этого. Всѣ должны произносить подобострастнымъ и какъ бы испуганнымъ шопотомъ: «Тс... Тише... онъ идетъ...»» Любовь, пристрастіе къ помпезности и эффекту доходятъ у Сталина до того, что онъ не хочетъ сказать просто: «Ленинъ, умирая»... Это было бы слишкомъ обыденно: нѣтъ, не «умирая», а «уходя»...

Сталинъ понялъ, что диктаторскій типъ Ленина — типъ только временный, да и самъ Ленинъ началъ понимать, что съ одной вѣрой въ «творческія силы массъ» далеко не уйдешь. Но ему не суждено было на опытѣ самой жизни убѣдиться въ этой открывшейся ему истинѣ. Какъ стихійно онъ пришелъ, такъ неожиданно и ушелъ. Онъ умеръ, и въ день его похоронъ, — это почувствовали всѣ сопровождавшія его гробъ массы, — былъ совершенно необычный холодъ, небывалый даже въ Москвѣ, вызвавшій громадное количество жертвъ, — отмороженныхъ было безъ числа въ Москвѣ, ихъ невозможно было счесть во всей странѣ Совѣтовъ. Это, конечно, не мистика, но это поучительный и знаменательный символъ. Ленинъ, обрекавшій другихъ на смерть при своей жизни, обрекъ ихъ гибели и въ день своей смерти.

ПОХОРОНЫ ЛЕНИНА

Въ моемъ дневникѣ этотъ день отмѣченъ слѣдующей записью:

«За подписью Феликса Дзержинскаго я получилъ пропускъ № 23 для прохода въ Домъ Союзовъ (бывшее московское Дворянское Собраніе), въ ложу для иностранныхъ дипломатовъ, чтобы участвовать въ процессіи на похоронахъ предсѣдателя Совнаркома Союза СССР и РСФСР. День выдался исключительно холодный, но ясный. Отъ мороза трещали стѣны домовъ, хрустѣлъ подъ ногами снѣгъ, казалось, разламывалась сама земля подъ тяжестью тысячи, десятка и сотни тысячей закутанныхъ съ головой людей, — совѣтскихъ гражданъ, двигающихся по намѣченнымъ улицамъ къ останкамъ Ленина. Топотъ лошадей, трескотня, скрипъ, тихій людской говоръ, костры на улицахъ, высоко, столбомъ, поднимающійся отъ нихъ дымъ, согрѣвающіеся маханіемъ рукъ и топочущіе въ шагѣ на мѣстѣ красноармейцы, — все это производило исключительное, незабываемое навѣки впечатлѣніе. Вспоминалась далекая картина Бородинской битвы съ кострами, солдатами, [redacted].

А въ Домѣ Совѣтовъ на возвышеніи красный гробъ съ Ленинымъ, и около него неподвижно стоящіе комиссары и представители, прибывшіе съ разныхъ концовъ обширной Россіи. Тутъ же и дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ. Никакихъ рѣчей. Только звуки траурнаго марша Шопена, исполняемаго усиленнымъ для этого случая оркестромъ Большого театра, подъ мастерскимъ руководствомъ главнаго дирижера, чеха Сука, торжественно разносятся по огромному залу. Вотъ ближайшіе товарищи Ленина поднимаютъ гробъ на плечи и — «онъ уходитъ», какъ помпезно выразился Сталинъ. Потомъ еще ревъ фабричныхъ сиренъ, пронзительные гудки паровозовъ и — Ленина больше нѣтъ.

Дипломатическій корпусъ участвовалъ въ траурномъ шествіи только въ началѣ, всего нѣсколько минутъ. Но и этого было достаточно. Когда я возвратился домой, швейцаръ испуганно указалъ мнѣ на мои щеки. Онъ былъ правъ; я ихъ отморозилъ, и мнѣ пришлось долго оттирать ихъ снѣгомъ. Такъ и въ моей судьбѣ, въ этомъ нестрашномъ случаѣ, Ленинъ запечатлѣлъ свой уходъ.

Въ тотъ же вечеръ у насъ въ посольствѣ появился неожиданный гость, извѣстный американскій кинооператоръ, участникъ экспедиціи на Сѣверный полюсъ, по фамиліи Dored и по національности латышъ, мой зна-

комый. Онъ умолялъ принять отъ него небольшую жестяную коробку съ только что заснятыми похоронами Ленина и отправить ее въ Ригу. Мнѣ онъ не сказалъ, что иностранцамъ было запрещено снимать похороны. Объ этомъ я узналъ только черезъ нѣсколько дней, когда была получена вѣсть, что Dored арестованъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ нарушилъ запрещеніе. Дѣйствительно, не взирая на всѣ трудности, онъ снялъ, похороны, и его фильмъ уже появился въ Европѣ и въ Америкѣ. Оказалось, что запрещеніе снимать похороны было продиктовано только желаніемъ монополизировать совѣтскую кино-фильму и крупно заработать на этомъ. Въ томъ, что совкино меньше заработало, былъ виноватъ и я — частично, хотя и неумышленно. Думаю, что эта случайность был а логичной. Едва ли добродѣтельно продавать мертваго Ленина, вождя Коммунистическаго Иинтернаціонала, тѣмъ же рабочимъ Запада и Америки. Это какъ будто не вязалось съ личностью и ореоломъ покойника. Впослѣдствіи Dored былъ освобожденъ и получилъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ совѣтской Россіи.

Ленина, который довѣрялъ Сталину, больше не было, и на его мѣсто сталъ Сталинъ, который не довѣрялъ никому.

ТРОЦКІЙ

Сталинъ не только не довѣрялъ Троцкому, но и презиралъ и ненавидѣлъ его и преслѣдовалъ всѣхъ троцкистовъ. А такъ какъ Троцкій былъ евреемъ, то впослѣдствіи и всѣ евреи подверглись значительнымъ преслѣдованіямъ. Со стороны Сталина это не былъ походъ собственно противъ евреевъ, какъ націи, хотя его политика въ этомъ отношеніи такъ и истолковывалась въ Россіи.

По этому поводу мнѣ вспоминается моя поѣздка въ вагонѣ отъ Москвы до Витебска. Я оказался въ одномъ вагонѣ съ краснымъ генераломъ Фабриціусомъ. Меня экстренно вызывали въ Ригу. Тогда какъ разъ закончился съѣздъ Совѣтовъ, делегаты возвращались на мѣста, вагоны были переполнены. Мнѣ пришлось удовелетвориться въ купэ верхнимъ спальнымъ мѣстомъ. Купэ было двухмѣстное. Вхожу и вижу тамъ высокаго совѣтскаго офицера съ тремя орденами Краснаго Знамени на груди. Съ нимъ я до этого не былъ знакомъ, но сразу узналъ въ немъ командующаго западнымъ фронтомъ красной арміи, — Фабриціуса, теперь уже давно покойника. Представляюсь, какъ латвійскій посланникъ,и получаю отвѣтъ: «Я тоже латышъ, — Фабриціусъ».

У насъ завязалась интересная бесѣда. Мы такъ и не заснули, проговоривъ всю дорогу. Онъ былъ прямъ, простъ, безусловно порядоченъ, — это угадывалось сразу. Фабриціусъ разсказалъ мнѣ много интереснаго, сообщилъ о нѣмецкихъ офицерахъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, о торжественныхъ обѣдахъ, устраивавшихся по этому поводу и обо многомъ другомъ. Потомъ мы перешли на тему о тѣхъ ужасахъ, которые творили красноармейцы и большевицкія власти, когда занимали Ригу. Я ему задалъ вопросъ, почему, нарп., въ Латвіи были разстрѣляны совершенно аполитичные пасторы, о чемъ теперь даже сочувствовавшіе прежде большевикамъ съ ужасомъ вспоминаютъ. Какой смыслъ имѣли эти расправы, кому и для чего онѣ были нужны? Фабриціусъ, молча, выслушалъ меня и сказалъ буквально, слѣдующее:

— А я вамъ разскажу еще болѣе безобразный случай. Когда я, въ 1919 г. въ разгарѣ революціи взялъ г. Псковъ, комендантомъ его былъ назначенъ нѣкій Зильберманъ. Вскорѣ до меня стали доходить слухи, что онъ разстрѣливаетъ людей съ единственной цѣлью отобрать у нихъ драгоцѣнности въ собственную пользу. Я назначилъ комиссію для разслѣованія его дѣятельности, и та подтвердила всѣ обвиненія противъ Зильбермана. Тогда я приказалъ его разстрѣлять. Вы думаете, что дѣло этимъ и закочилось? Ничего подобнаго. Нашлись другіе Зильберманы, которые поѣхали къ Троцкому, съ жалобой уже на меня, и Троцкій вызвалъ меня и сталъ донимать, допрашивать, допытываться, — какъ я смѣлъ разстрѣлять своего человѣка, на какомъ основаніи рѣшился на такую мѣру. Обвиняемымъ оказался теперь я. Разговоръ съ Троцкимъ закончился бурно. Я ему отвѣтилъ: «Товарищъ Троцкій! За такія слова я обычно выбрасываю въ окно; но къ сожалѣнію съ Вами я такъ поступить не могу». Тотчасъ же я отправился въ Москву и обо всемъ доложилъ генеральному секретарю партіи Сталину. Ему я сказалъ прямо: «Товарищъ Сталинъ, припомните мои слова, будутъ намъ бѣды отъ евреевъ троцкистовъ». И, вотъ, — дѣло происходило въ 26-мъ году, — Сталинъ на съѣздѣ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Товарищъ Фабриціусъ, вы были тогда правы. Съ троцкистами у насъ большая бѣда».

Троцкаго Сталинъ ненавидѣлъ еще и потому, что

у него было больше «помпезности», онъ больше походилъ на революціоннаго вождя, чѣмъ кто-бы ни было другой въ тогдашней Россіи: орлиный взглядъ, орлиный носъ, мефистофельская бородка и совсѣмъ не «дѣтская» улыбка, какъ ее совершенно ошибочно называетъ John Gunther въ своей книгѣ «Inside Europe»: улыбка Троцкаго была дьявольской. Вдобавокъ онъ обладалъ большимъ остроуміемъ, находчивостью, былъ талантливымъ ораторомъ, — все это данныя для очень опаснаго соперника, конкурента Сталину. Но Сталинъ былъ хитрѣй и — надо это сказать — коммунистически честнѣе, прямолинейнѣе. Внѣшне онъ ничѣмъ не кичился и зналъ одну неумолимую тактику: добивать противника до конца, до его послѣдняго издыханія. И Троцкаго преслѣдовали, какъ затравленнаго звѣря, а онъ отбивался, противился, кусался и въ свою защиту хватался за всякое орудие, — лишь бы удержаться и спастись.

Во время торжественнаго открытія Шатурстройской грандіозной электрической станціи, куда былъ приглашенъ и дипломатическій корпусъ, Троцкій не могъ произнести свою рѣчь на открытомъ воздухѣ: у него была болѣзнь горла. Тогда его упросили говорить въ помѣщеніи новооткрытой электрической станціи. Тамъ было устроено угощеніе для избранныхъ гостей, въ томъ числѣ и для иностранныхъ дипломатовъ. Троцкій говорилъ выразительно, ярко, образно, молодежь нѣсколько разъ прерывала его рѣчь апплодисментами, бѣгала за нимъ, востороженно смотрѣла ему въ глаза. Троцкій заговорилъ объ Америкѣ, Канадѣ, о томъ, сколько приходится тамъ киловатъ на каждаго гражданина и сожалѣлъ , что въ совѣтской Россіи нѣтъ ничего подобнаго. Два большевика, слушавшіе Троцкаго, все время дѣлали недовольныя гримасы, и одинъ, наконецъ, Троцкаго оборвалъ: «Но зато въ Америкѣ нѣтъ ни одного киловата соціализма». Троцкій остановился, посмотрѣлъ презрительно на своего нежданнаго оппонента и отвѣтилъ: «Да, совершенно вѣрно, но не забудьте, товарищъ, что соціализмъ мыслимъ только на кило, ваты.» Это вызвало опять апплодисменты. Троцкій хотѣлъ сказать, что торжество соціализма обусловливается опредѣленной степенью цивилизаціи и культуры, уровнемъ промышленности въ странѣ. Собственно это было и убѣжденіемъ Ленина, вѣрнаго послѣдователя Маркса. Недаромъ среди ленинскихъ, всеопрощающихъ афоризмовъ, есть и такой: «Соціализмъ это — электрофикація». Но то, что у Ленина выражалось краткой разжеванной формулой просторѣчья, то у Троцкаго

становилось пышнымъ, раскрашеннымъ во всѣ цвѣта радуги, расфранченнымъ и обостреннымъ орнаментами полемики и остроумія.

ЦЮРУПА.

Троцкаго не любили и другіе комиссары. Онъ и мнѣ не нравился. Спокойному наблюдателю, не склонному восторгаться внѣшней формой, онъ долженъ былъ представляться коммунистомъ-авантюристомъ, готовымъ къ самымъ неожиданнымъ зигзагамъ мысли и фразъ, ловкимъ, но не стойкимъ, напыщеннымъ, но не очень надежнымъ революціоннымъ франтомъ, рисующимся передъ своей аудиторіей. Для балтійскихъ странъ онъ былъ съ моей точки зрѣнія, наиопаснѣйшимъ человѣкомъ: И поэтому тогда за него, естественно, были всѣ коммунисты-латыши.

Вспоминаю домашній концертъ Цюрупы. Онъ жилъ въ Кремлѣ, гдѣ и устраивалъ концерты. На одномъ изъ такихъ концертовъ, въ которомъ игралъ профессоръ Романовскій, за столикомъ сидѣли Цюрупа, теперь разстрѣлянный Пятаковъ, тоже разстрѣлянный Енукидзе, Крыжановскій, я и другіе. Кто-то произнесъ имя Троцкаго. Желая точнѣе опредѣлить отношенія этихъ видныхъ коммунистовъ къ Троцкому, я бросилъ фразу:

— «Троцкій у васъ будетъ первымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, такъ говорилъ онъ самъ, покидая въ началѣ революціи Америку». Устранивъ насмешливый вворъ на сидящихъ, Цюрупа съ явной ирониcй отвѣтилъ:

— «Да, какъ же, будетъ онъ.»

Цюрупа былъ совсѣмъ исключительной личностью. Онъ представлялъ собою рѣдкій типъ соціалиста-идеалиста. В ъ его рукахъ находилось все, самъ онъ — не имѣлъ ничего. Вотъ его характерное письмо ко мнѣ въ отвѣтъ на мое приглашеніе 18-го ноября 1923 г., въ день нашего праздннованія независимости Латвіи. Цюрупа не могъ въ немъ принять участіе и откровенно объяснилъ мнѣ, почему, написавъ слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый Карлъ Вильюмовичъ.

Ваше приглашеніе застало меня врасплохъ и повергло въ уныніе: я никакъ не могу быть у васъ. Такъ какъ это письмо совершенно ч а с т н о е и л и ч н о е, то я могу попросту и указать на причину: у меня нѣтъ ни костюма сколько-нибудь подходящаго, ни воротника, ни манжетъ...

Я очень сконфуженъ такимъ пассажемъ и искренно прошу извинить меня. Въ Вашемъ лицѣ приношу Вашей странѣ наилучшія пожеланія.

Искренно уважающій Васъ
А. Цюрупа».

Цюрупу я зналъ очень хорошо и могъ бы привести много свидѣтельствъ, рисующихъ его порядочнымъ человѣкомъ, идеалистомъ, безсеребренникомъ. Всякая насильственная мѣра ему была противна. Казни, войны онъ считалъ самымъ ужаснымъ зломъ человѣчества. Какъ замѣститель предсѣдателя Совнаркома, онъ долженъ былъ подписывать и смертные приговоры. Этого онъ всячески избѣгалъ. Для него такія функціи были не только тяжелы, но и мучительны. Онѣ терзали его, волновали, вызывали въ немъ чувство брезгливости и негодованія. Но однажды ему все-таки пришлось подписать смертный приговоръ. Не прошло и часу, какъ на квартиру Цюрупы принесли трупъ его сына, Димы, убитаго трамваемъ. Цюрупу это потрясло. Чуждый всякаго суевѣрія, этотъ спокойный, положительный человѣкъ, совершенно несклонный къ мистикѣ, на этотъ разъ невольно связалъ эти два случая, — подписаніе смертнаго приговора и смерть сына, и ощутилъ въ этомъ совпаденіи какъ бы расплату, отмщеніе, посланное таинственной судьбой. Эта потеря сына его сильно надломила. Такъ разсказывали близкіе ему люди, а я думалъ и думаю — такіе люди и не должны подписывать смертныхъ приговоровъ.

ЧИЧЕРИНЪ

Къ такимъ же идеалистамъ надо отнести и Чичерина, русскаго дворянина стариннаго рода. Онъ былъ дипломатомъ царскаго времени, принадлежалъ къ аристократическому обществу. Императорскій Александровскій лицей, гдѣ онъ получилъ образованіе и его связи, раскрыли передъ нимъ двери самыхъ недоступныхъ домовъ. Онъ хорошо зналъ высшее общество, но скоро разочаровался въ немъ, и это привело его въ соціалистическій лагерь.

Въ 1920 г., въ дни революціоннаго пожара, онъ скромно ходилъ въ простомъ сѣромъ костюмчикѣ, согрѣваясь перекинутой черезъ плечо шерстяной шалью, завязанной на шеѣ, — было холодно, не топились печи, Чичеринъ мерзъ. Позднѣе, въ 1923 г., онъ сталъ

появляться на вечерахъ въ мундирѣ красноармейца, иногда во фракѣ. На томъ же вечерѣ, гдѣ не могъ присутствовать Цюрупа, онъ былъ у насъ въ первый разъ, — все въ томъ же кресноармейскомъ мундирѣ. Чичеринъ былъ гастрономомъ. Я сидѣлъ съ нимъ за однимъ и тѣмъ же столикомъ. Намъ заботливо подавалъ внимательный лакей, служившій еще при царѣ въ московскомъ Кремлѣ, очень похожій на африканскаго генерала, командовавшаго бурами, подавалъ французскіе омары, сыръ рокфоръ, шампанское, — все то, чего во всей Россіи не было и въ поминѣ. Чичеринъ наслаждался. Онъ сказалъ мнѣ, что давно уже не ѣлъ настоящаго рокфора, который очень любилъ. Когда кончили ужинъ и встали, лакей подошелъ ко мнѣ и почтительно сказалъ: «Вотъ, господинъ посланникъ, сразу видно, что Георгій Васильевичъ Чичеринъ — настоящій баринъ, любитъ покушать, понимаетъ толкъ въ кушаньяхъ». Это барство и заслужило ему внѣшнее уваженіе большевиковъ и провело его на постъ комиссара НКИД.

У Чичерина были татарскія черты; онъ, дѣйствительно, происходилъ по отцовской линіи изъ татаръ, какъ многіе русскіе дворянскіе роды, мать же его была изъ семьи балтійскихъ бароновъ Мейендорфъ. Чичеринъ разсказывалъ, какъ студентомъ онъ когда-то гостилъ въ Латвіи и даже немного зналъ по латышски. У него была замѣчательная память, — Александровскій лицей онъ кончилъ первымъ. Однажды онъ сказалъ даже короткую рѣчь по латышски. Въ другой разъ, проѣздомъ изъ Женевы, Чичеринъ сдѣлалъ визитъ Литвѣ и Латвіи. Въ Ригѣ ему былъ устроенъ великолѣпный пріемъ въ старинномъ залѣ дома Черноголовыхъ. Тамъ до сихъ поръ виситъ много картинъ-портретовъ русскихъ императоровъ, шведскихъ королей, много стариннаго серебра, относящагося къ 15 и 16 столѣтіямъ. Когда Чичерину показывали эти уникумы, эти старинныя вещи и портреты, — нужно было видѣть, какъ онъ детально и точно зналъ цѣнность этихъ вещей, называлъ по именамъ всѣхъ великихъ людей, помнилъ многое, если не все, касавшееся этихъ лицъ.

Во время обѣдовъ онъ часто вспоминалъ какъ ему, особенно прежде, нравилась латвійская и англійская ветчина. Разъ, шутя, я сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, какъ многіе тогдашніе эмигранты, недоѣдалъ, и потому все ему казалось вкуснымъ, — вѣдь, удовлетворяются же люди и теперь даже мерзлой картошкой. Вѣроятно, доля правды была въ моихъ словахъ. Чичеринъ вообще былъ очень воспитанъ и правдивъ. Очень

способный человѣкъ, онъ входилъ во всѣ мелочи и частности жизни, быстро ознакамливался съ ними, запоминалъ, интересовался всѣми подробностями дѣла, всѣхъ зналъ; даже въ Латвіи не было ни одного сколько-нибудь извѣстнаго человѣка, который бы не былъ ему знакомъ. Въ то же время Чичеринъ жилъ одиноко, работалъ по ночамъ, какъ, впрочемъ и германскій посолъ, графъ Брокдорфъ-Ранцау. Они были друзьями, — оба — типичные представители уходящихъ съ исторической сцены дворянскихъ родовъ.

Въ НКИД его особенно не любили. Съ теченіемъ времени все больше сталъ выдвигаться Литвиновъ. Наконецъ, Чичеринъ былъ смѣщенъ. Это должно было его взволновать и растревожить. Но уже тогда, когда многіе считали, что Чичеринъ въ НКИД — главное и первое лицо, я не разъ убѣждался въ ошибочности такого представленія. Его подчиненные стали отзываться о немъ развязно и непочтительно. Однажды, какъ-то по дорогѣ въ Ригу, одинъ изъ секретарей НКИД, теперь видный совѣтскій полпредъ, весьма пренебрежительно разсказывалъ мнѣ, какъ Чичеринъ заставляетъ своихъ чиновниковъ вставать ночью изъ-за сущихъ пустяковъ, чего никогда не дѣлаетъ Литвиновъ. Я слушалъ и дѣлалъ свои выводы: Чичерина начали вытѣснять. Мнѣ было его искренно жаль. Пріѣхавъ къ себѣ въ усадьбу, я послалъ ему въ Москву изъ моей оранжереи нѣсколько сотъ розъ. Благодаря за этотъ подарокъ, Чичеринъ прислалъ мнѣ письмо:

«Глубокоуважаемый Карлъ Вильюмовичъ!

Прошу Васъ принять выраженіе моей глубокой благодарности за память и прелестныя розы изъ Вашего сада, любезно присланныя Вами черезъ посредство Д. Г. Флоринскаго.

Зная Ваше доброе ко мнѣ расположеніе, мнѣ особенно дорого было это вниманіе съ Вашей стороны.

Отъ души желаю Вамъ пріятно провести Вашъ отпускъ и хорошенько отдохнуть среди Вашей семьи.

Въ надеждѣ Васъ вскорѣ вновь видѣть въ Москвѣ для продолженія нашей дружной совмѣстной работы, прошу Васъ принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи

Георгій Чичеринъ».

Чичеринъ былъ культурнымъ человѣкомъ, любилъ музыку, самъ отлично игралъ на рояли. Однажды, по случаю концерта въ Москвѣ извѣстнаго нѣмецкаго піаниста, германскій посолъ, графъ Броксдорфъ-Ранцау, устроилъ dîner. Пріѣзжій піанистъ сыгралъ, не помню, какую вещь; послѣ него за рояль сѣлъ Чичеринъ и, какъ бы шутя, повторилъ то, что исполнилъ маэстро, и это вышло даже лучше, — любитель Чичеринъ превзошелъ профессіонала. Иногда Чичеринъ пропадалъ изъ комиссаріата на нѣсколько часовъ, и всѣ понимали, что это значило: Чичеринъ обходитъ книжные магазины, выбираетъ и покупаетъ ноты.

Его оттѣсняли, затирали, наконецъ, смѣстили, онъ долженъ былъ уйти. Начались печальные дни Чичерина. Онъ проводилъ ихъ кошмарно. Передавали, какъ прибывъ въ Москву, первый американскій посолъ Bullitt обратился съ просьбой устроить ему свиданіе съ Чичеринымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще съ перваго пріѣзда въ СССР. Прошло нѣкоторое время, Bullitt повторилъ свою просьбу, но и она была оставлена безъ вниманія. Тогда Bullitt отправился разыскивать квартиру Чичерина. Нашелъ. Стучитъ разъ — отвѣта нѣтъ. Стучитъ вторично — отвѣта опять нѣтъ. Тогда онъ сталъ колотить въ дверь. Слышитъ — что-то за дверью зашевелилось. Наконецъ, дверь медленно отворяется и, — о ужасъ! — на мигъ появляется человѣкъ въ растерзанномъ видѣ,—въ немъ Bullitt тотчасъ же узналъ Чичерина. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки спросилъ:

— Здѣсь живетъ, Чичеринъ?

— Чичерина нѣтъ, Чичеринъ умеръ, — послѣдовалъ злобный отвѣтъ, и дверь захлопнулась.

Чичеринъ умеръ, забытый всѣми, и давно уже «Чичерина больше нѣтъ».

«Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей» — сказалъ русскій поэтъ.

КАЛИНИНЪ

Особое положеніе занималъ и сейчасъ занимаетъ Михаилъ Ивановичъ Калининъ. Онъ знаменуетъ собой какъ бы нѣкій переходъ, середину между вождями, политиками и народомъ. Это самый обыкновенный человѣкъ, надѣленный здравымъ умомъ, крестьянинъ Тверской губерніи. Въ большіе дѣла Калининъ никогда не вмѣшивается. Кажется, все у него ограничивается пріемомъ той или другой крестьянской делегаціи, небольшой бесѣдой съ этими «ходоками» и нагляднымъ поясненіемъ того, что значитъ «темпъ совѣтскаго строительства». Между прочимъ, на эту тему ходило много анекдотовъ.

Калининъ любитъ театръ, въ частности оперу. Часто рядомъ съ нимъ сидитъ въ первомъ ряду молодая, хорошенькая барышня-еврейка, — какъ говорили, его секретарша. Если случалось, что они оказывались вдвоемъ въ правительственной ложѣ, Калининъ забирался въ уголъ, не хотѣлъ показываться, пропадалъ во тьмѣ ложи. На это стараются не обращать вниманія, да и какъ не простить эту человѣческую слабость, особенно въ тѣ минуты, когда въ «Евгеніи Онѣгинѣ» звучитъ со сцены арія стараго, благороднаго генерала Гремина» : «Любви всѣ возрасты покорны, ея порывы благотворны». Но и на сценѣ и въ жизни это все-таки производитъ забавное впечатлѣніе.

АНЕКДОТЫ О КАЛИНИНѢ.

Они такъ и называются «Калининскіе анекдоты». Ихъ много, но самые характерные — о «темпахъ строительства»...

Страдая отъ всевозможныхъ недохватокъ, мужики читаютъ, однако, чуть ли не каждый день въ газетахъ, что все пройдетъ, все минетъ, все образуется, лишь бы увеличить и ускорить «общій темпъ». Слово — загадочно. Мужики его не понимаютъ. Къ всероссійскому «старостѣ» Калинину отправляется крестьянская делегація. Надо же, наконецъ, получить объясненіе, что такое «темпъ», отъ котораго зависитъ рѣшительно все. Калининъ подводитъ делегатовъ къ окну и спрашиваетъ: «Что вы видите на улицѣ?» — «Видимъ, какъ автомобили проѣзжаютъ», — отвѣчаютъ крестьяне. — «Такъ вотъ, — объясняетъ Калинипъ, — когда черезъ годъ, черезъ два, ихъ будетъ проѣзжать не два и не три, а въ десять разъ больше, это и означаетъ ускоренный «темпъ строительства». Поняли? — «Ну, конечно, поняли». И мужики возвращаются домой. Собирается сходъ. Возвратившихся делегатовъ спрашиваютъ: какъ же вамъ объяснилъ товарищъ Калининъ насчетъ «темпа»? — «Объяснилъ... Вотъ , пойдемте къ окну. Ну, что вы видите?» — «Да видимъ, какъ покойника везутъ». — «Ну, вотъ, когда черезъ годъ или два ихъ будутъ возить не два и не три, а въ десять разъ больше, — вотъ это и есть онъ самый «темпъ». Мужчички переглядываются, почесываютъ затылки, вздыхаютъ и расходятся по домамъ, — они поняли, наконецъ, это магическое слово «темпъ».

Жизнь въ совѣтской Россіи была такъ однообразна,

что люди невольно забавлялись анекдотами. Но надо знать, что всегда, гдѣ печать скована тисками власти, возникаютъ слухи и анекдоты, если нельзя выражаться даже эзоповымъ языкомъ.

Особенно богаты анекдотами были Радекъ и Мануильскій. Они ихъ сочиняли безъ конца, но кто тамъ не разсказывалъ анекдотовъ? Такъ, напримѣръ, комиссаръ торговли, Микоянъ, другъ и надежная опора Сталина, во время заключенія русско-латвійскаго торговаго договора, разсказывалъ кавказскіе анекдоты, задавалъ загадки, смѣшившія своимъ глуповатымъ остроуміемъ. Наоборотъ, комиссару Цюрупѣ нравились старые анекдоты. Онъ любилъ разсказывать, между прочимъ, о когда-то извѣстномъ московскомъ адвокатѣ Плевако и кавказцѣ армянинѣ. А такъ какъ сейчасъ руководящую роль въ Россіи играютъ кавказцы, — Сталинъ, Микоянъ, Орджоникидзе, — немудрено, что въ особенномъ ходу именно кавказскіе анекдоты.

Изъ Москвы въ Тифлисъ въ одномъ купэ ѣдутъ Плевако и армянинъ, а, можетъ быть, грузинъ. Плевако ѣдетъ въ Тифлисъ впервые. Онъ спрашиваетъ своего сосѣда: «Большой ли городъ Тифлисъ?» — «Москву знаешь?» — отвѣчаетъ вопросомъ кавказецъ. — «Знаю». — «Ну такъ въ десять разъ больше». — Плевако думаетъ: ну, и нахалъ же! Армянину онъ задаетъ еще вопросъ: «А рѣка Кура большая?» — «Москву рѣку знаешь? Такъ въ десять разъ больше». Плевако начинаетъ волноваться: «А много ли у васъ въ Тифлисѣ врутъ?» — спрашиваетъ онъ раздраженно. — «Адвоката Плевако знаешь?... Ну, такъ въ десять разъ меньше», — отвѣчаетъ армянинъ. Послѣ цѣлаго ряда такихъ отвѣтовъ Плевако совсѣмъ выходитъ изъ себя: «А много ли у васъ дураковъ?» — Кавказецъ отвѣчаетъ:
— «Пріѣдешь — одинъ будешь».

И вотъ, когда я читаю совѣтскія похвальбы о грандіозныхъ достиженіяхъ чуть ли не во всѣхъ областяхъ коммерческаго строительства, мнѣ вспоминается анекдотъ о томъ, какъ Кура «въ десять разъ больше» Москвырѣки.

XV

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА СССР.

Въ Россіи до войны говорили: «Хорошее начало — половина дѣла». Въ Америкѣ говорятъ: «Хорошая организація — все дѣло».

Но создать хорошую организацію можно только при одномъ условіи: если найдены и проведены вѣрные, правильные принципы. Это — одинаково и въ экономикѣ, и въ политикѣ.

— Принципіальная политика есть единственно вѣрная политика, — неоднократно повторялъ Ленинъ.

Въ данномъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ. Разъ принципъ гласитъ: идите за массами, даже самыми темными, — значитъ, стѣсняться не надо ничѣмъ, не надо останавливаться ни передъ какими уничтоженіями, разрушеніями, истребленіями. Если это массамъ нужно, пусть погибнетъ все. Конечная цѣль — Коммунистическій Интернаціоналъ, — значитъ, надо его создать и укрѣплять всѣми мѣрами и всѣми силами. Къ сожалѣнію, этой принципіальной послѣдовательности у антикоммунистическаго міра не было.

ПРИЗНАНІЕ СССР

Маленькая Эстонія de jure признала Совѣтскій Союзъ 2-го февраля 1920 г., заключивъ съ нимъ мирный договоръ, а Великобританія только въ началѣ февраля 1924 г.; наконецъ, Голландія, Югославія и нѣкоторыя другія государства не признали СССР до сихъ поръ. Какъ же этотъ разнобой мнѣній и рѣшеній отражался на положеніи большевиковъ? Отвѣтъ: отъ этого совѣтская Россія только выигрывала. Это легко доказать.

Изо дня въ день вся совѣтская печать твердила,

что буржуазныя государства ведутъ подкопъ подъ страну пролетаріата и крестьянъ всѣми доступными способами: изморомъ, бойкотомъ, непризнаніемъ. Но стоило какому-нибудь государству признать СССР, какъ тѣ же газеты, въ одинъ голосъ, ликующе объявляли, что, вотъ, еще и такая страна должна была склониться передъ волею Совѣтовъ, признать ихъ, и это явилось новымъ достиженіемъ коммунизма.

Какъ это отразилось въ душѣ совѣтскаго гражданина, въ его политическомъ пониманіи?

Въ началѣ народъ, знавшій только однѣ большевицкія газеты, еще колебался, не вѣрилъ ихъ гордому ликованію, но съ теченіемъ времени долженъ былъ убѣдиться, что Совѣтскій Союзъ очень силенъ, разъ онъ оказывается такимъ властнымъ по отношенію къ странамъ капиталистическаго міра. И когда, послѣ такихъ газетный кампаній, кричавшихъ о все новыхъ и новыхъ признаніяхъ, наконецъ, склонились и Англія и Франція, и Италія, большевики стали просто издѣваться: не очень-то сильна и почтенна «великая Антанта,» вперегонки бѣгущая къ СССР со своими признаніями, запоздалыми, но неизбѣжными.

Словомъ, длительность вопроса о признаніи СССР морально укрѣпила большевиковъ въ сильнѣйшей степени. Ленинъ оказался прозорливцемъ. Когда ему еще въ самомъ началѣ совѣтовали сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы перекинуть мостъ въ Европу, добиться признанія, онъ спокойно и равнодушно отвѣчалъ: «Все придетъ само собой и безъ всякихъ уступокъ».

Я лично смотрѣлъ на это дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія. Я полагалъ, — и думаю, что съ этимъ согласится всякій, — что, если Коммунистическій Интернаціоналъ направилъ свое остріе въ одинаковой степени противъ всѣхъ, если Европа поняла, что большевики укрѣпились и надолго, то какія же могутъ быть основанія ихъ не признавать? Это надо было сдѣлать всѣмъ сразу. Вотъ, тогда Совѣты уже не могли бы кичиться тѣмъ, что постепенно заставили придти къ признанію одно капиталистическое государство за другимъ. Сколько разъ мнѣ приходилось сражаться по этому поводу съ моимъ другомъ, американскимъ посланникомъ въ Ригѣ, Mr. F. Coleman. Я говорилъ ему:

— Если по принципіальнымъ соображеніямъ вы не признаете Совѣтовъ, и не станете признавать ихъ въ будущемъ, то тутъ не можетъ быть никакихъ возраженій. Постановка вопроса правильна и тверда, логика послѣдовательна. Но если черезъ нѣсколько лѣтъ

вы все же признаете большевиковъ, хотя бы условно, вы совершите большую ошибку и своимъ признаніемъ въ будущемъ и своимъ непризнаніемъ въ прошломъ. Вы этой тактикой укрѣпляете моральныя позиціи СССР и ослабляете ихъ у себя въ мнѣніи массъ. А это въ той войнѣ, — правда, безъ винтовокъ и пушекъ, — которую ведутъ большевики со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, чрезвычайно важно для нихъ. Либо — да, либо — нѣтъ. Но и «да» и «нѣтъ» должны быть категоричны, тверды и потому сильны.

Мое убѣжденіе было совершенно ясно: надо большевиковъ признать, хотя бы условно, и этимъ выбить изъ ихъ рукъ орудіе борьбы, лишить ихъ права кричать о своей силѣ и о европейскомъ безсиліи. Надо было съ самаго начала немедленно послать въ Москву своихъ представителей, совершенно отчетливо поставить всѣ вопросы, и политическіе и экономическіе, выяснить и формулировать точно взаимоотношенія и начать борьбу.

Конечно, я и мои коллеги старались въ Москвѣ подойти къ вопросу о признаніи нѣсколько иначе. Въ моемъ интервью, напечатанномъ въ совѣтской прессѣ 5-го февраля 1924 г., я съ умысломъ подчеркнулъ, что признаніе Англіей Совѣтовъ является побѣдой безъ побѣжденныхъ, вопреки большевикамъ, провозгласившимъ это признаніе, какъ абсолютную побѣду.

Я указывалъ: «Если правящая коммунистическая партія СССР и руководители иностранной политики Союза захотятъ идти въ достаточной мѣрѣ навстрѣчу такъ называемому здѣсь «буржуазному міру», при томъ считаясь не только съ интересами СССР, но и съ интересами всѣхъ другихъ государствъ и гражданъ, независимо отъ ихъ правительственнаго строя, то я убѣжденъ, что наступитъ, дѣйствительно, новая эпоха въ сношеніяхъ Союза съ внѣшнимъ міромъ, и созидательная работа для СССР только разовьется».

Въ моей фразѣ о такъ называемомъ «буржуазномъ» мірѣ слово «здѣсь» изъ моего интервью было нарочно пропущено, но эта мелочь, эта формальность коммунистическаго этикета, этотъ смѣшной пропускъ одного слова, конечно, нисколько не измѣнилъ смысла сказаннаго мною. Я хотѣлъ подчеркнуть, что въ этихъ сношеніяхъ должны быть всѣ равны. Если СССР требуетъ правъ для своихъ учрежденій экономическаго характера и для людей, обслуживающихъ эти учрежденія внѣ Союза, то такими же правами должны быть надѣлены и всѣ пріѣзжающіе въ СССР иностранцы. Мысль была ясна. Спорить съ ней невозможно. Какъ аукнется,

такъ и откликнется. Другъ другу надо платить честной монетой, рубль за рубль, и право одной стороны должно быть правомъ другой.

Потомъ мнѣ стало извѣстно, что нѣкоторымъ лицамъ изъ НКИД, умѣющимъ читать между строкъ, мое интервью сильно не понравилось. Совѣтскіе журналисты часто ко мнѣ обращались за интервью по тому или другому вопросу, и я говорилъ съ ними совершенно откровенно. Поэтому мои интервью не всегда помѣщались въ газетахъ, и впослѣдствіи совѣтскіе журналисты ко мнѣ и совсѣмъ перестали обращаться.

Въ Афганистанѣ СССР развивалъ усиленную анти-англійскую пропаганду. Въ своемъ интервью афганистанскій посланникъ Гулимъ-Наби Ханъ, между прочимъ сказалъ: «Афганское правительство, несомнѣнно, съ особой радостью встрѣтило вѣсть о признаніи СССР. Наше правительство было первымъ, признавшимъ Совѣтскій Союзъ. Въ теченіе всего времени, протекшаго съ момента этого признанія, афганское правительство старалось наладить мирныя отношенія между Востокомъ и Западомъ. Но именно неопределенность отношеній между СССР и Англіей въ значительной степенип репятствовала спокойной и мирной работѣ Афганистана».

Ту же мысль выразилъ и полномочный посланникъ Монголіи Тушегунъ-дава: «Радость народовъ СССР по случаю признанія Англіей, — говорилъ онъ, — явилась также радостью и для монгольскаго народа. Это объясняется тѣмъ, что прочная дружба между СССР и Англіей знаменуетъ для Монголіи возможность мирнаго развитія».

ВОСТОКЪ И СССР.

Эти свидѣтельства, эти интервью оффиціальныхъ представителей Востока показываютъ, какъ его все время будоражили, вулканизировали, подстрекали, посылая золото на пропаганду, какъ его подкупали, интриговали, какъ разжигали внутреннюю межоусобицу и мѣшали мирной работѣ.

То же самое было и въ Китаѣ.

Европейскіе державы, вмѣсто того, чтобы проводить принципіальную политику, на самомъ дѣлѣ (выражаясь словами Ленина, сказанными о Керенскомъ) какъ бы «стояли на мѣстѣ и дрыгали ногами». Смутившись долговѣчностью большевизма, они признали СССР,

однако, безъ всякаго принципіальнаго подхода. Они рѣшили слегка укротить «звѣря», но уже тогда, когда онъ увѣренно и спокойно разлегся на большой дорогѣ. На дѣйствія Японіи европейскія державы сознательно закрывали глаза, особенно въ ту пору, когда въ Китаѣ сталъ орудовать Караханъ. Въ результатѣ такой политики такъ называемый «восточный жандармъ» сталъ укрѣпляться, почувствовалъ свою безнаказанность и сдѣлалъ изъ этого всѣ напрашивающіеся сами собой выводы.

Вспоминаю разговоръ во время пріема въ японскомъ посольствѣ въ Москвѣ съ Караханомъ, только что пріѣхавшимъ съ Востока. Караханъ рисовалъ плѣнительную для большевиковъ картину. Въ Китаѣ коммунистическая побѣда — вопросъ сегодняшняго или, самое позднее, завтрашняго дня. Японію и весь Западъ ждутъ великіе сюрпризы исключительной важности.

Я выслушалъ Карахана и задалъ ему слѣдующій, вполнѣ умѣстный, какъ теперь это ясно, вопросъ:

— А не думаете ли вы, Левъ Михайловичъ, что, вулканизируя Китай, вы ослабляете позиции западныхъ государствъ на Востокѣ и, такимъ образомъ, усиливаете, создаете и выращиваете восточнаго жандарма въ лицѣ Японіи?

Караханъ съ моей постановкой вопроса, конечно, не могъ согласиться.

Я подозрѣвалъ, что Караханъ былъ вообще сторонникомъ похода на Востокъ, что, конечно, никакъ нельзя было сказать о Чичеринѣ. И вотъ почему.

Это было въ1926 г., кажется, послѣ подписаннаго договора съ Германіей, когда Совѣты начали понимать, что игра въ коммунизмъ на Западѣ, т. е. и въ Германіи, для нихъ потеряна. Я только что пріѣхалъ изъ Риги, развернулъ партійную совѣтскую газету «Правда» и на первой страницѣ увидѣлъ портретъ Чичерина во весь ростъ. Въ рукахъ онъ держитъ бусоль, смотритъ на стрѣлку и ехидно улыбается. Внизу стояла подпись: «Стрѣлка поворачивается на Востокъ».

Въ тотъ же вечеръ въ бетховенской залѣ Большого театра былъ устроенъ концертъ для дипломатическаго корпуса, совѣтскихъ комиссаровъ и высшихъ служащихъ. Въ антрактѣ Чичеринъ подошелъ ко мнѣ и, поздоровавшись, спросилъ, какъ всегда:

— Ну, что у васъ, Карлъ Вильюмовичъ, новаго?

Онъ зналъ, что я только что пріѣхалъ изъ Риги. Я вспомнилъ о только что напечатанномъ его портретѣ

въ «Правдѣ» съ такой знаменательной подписью и, полу-шутя, отвѣтилъ:

— Что же, Георгій Васильевичъ, — «стрѣлка» повернулась на Востокъ. На Западѣ все спокойно.

Чичеринъ задумался и, кажется, польщенный моимъ вопросомъ, тихонько сказалъ:

— Да, но не я, а другіе повернули эту стрѣлку.

Отвѣтъ Чичерина подтвердилъ мнѣ слухъ, что въ восточномъ вопросѣ уже нѣтъ единой линіи, нѣтъ единодушія, нѣтъ единаго плана. Можетъ быть, это разномысліе и было причиной того, что Караханъ впалъ въ такую немилость и былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ Енукидзе и Штейгеромъ, какъ предатель. Но кто же логически разсуждающій, разбирающійся въ событіяхъ, могъ и можетъ повѣрить, что Караханъ, ставшій потомъ посломъ въ Турціи, продавалъ какіе-то документы? Если бы Караханъ былъ столь корыстенъ, такъ жаденъ къ деньгамъ, онъ могъ бы присвоить буквально милліонныя суммы, отправлявшіяся на Востокъ ему, какъ главному руководителю предстоявшаго возстанія. Точно такія же сомнѣнія о виновности Карахана мнѣ недавно высказалъ и американскій посолъ въ Турціи Robert Skinner. Прощаясь въ Анкарѣ съ Караханомъ, гдѣ онъ былъ посломъ СССР, Skinner выразилъ надежду снова увидѣться, но получилъ отъ Карахана весьма пессимистическій отвѣтъ:

— Мы уже больше не встрѣтимся.

Еслибъ Караханъ, дѣйствительно, занимался продажей какихъ-то плановъ, еслибъ онъ чувствовалъ себя предателемъ, чего ради онъ поѣхалъ бы обратно въ Москву, отлично зная, что его ждетъ? Онъ могъ попросту бы остаться за границей СССР, какъ это и сдѣлали многіе совѣтскіе посланники. Вѣрнѣе всего, Карахана обвинили въ полной недальновидности, и, чтобы оправдать свои восточныя неудачи, свалили вину на него. Виновный найденъ, «преступленіе» сформулировано, конецъ извѣстенъ, — смертная казнь.

Послѣ всего этого, послѣ «созданія восточнаго жандарма» Сталину, конечно, ничего другого не оставалось, какъ прекратить политику вулканизаціи Востока и начать создавать сильную армію, — единственное спасеніе Восточной Сибири, до самаго Байкала, отъ японской агрессіи.

Совѣтская политика расширенія союза трудящихся при помощи Коммунистическаго Интернаціонала, не только потерпѣла полное фіаско на Востокѣ. Случилось

худшее: сама Россія стала подъ угрозой Востока. Чорта вызвали, но прогнать его не умѣютъ.

ГЕРМАНІЯ И СССР

Ленинъ, — это можно легко предположить, — еще имѣлъ кое-какое чувство къ Россіи, какъ территоріальной цѣлости, какъ странѣ русскихъ. Но Троцкій, Зиновьевъ и другіе, конечно, были совсѣмъ далеки отъ такихъ чувствъ. Границы ихъ совсѣмъ не интересовали. Этимъ только и можно объяснить Брестъ-Литовскій договоръ 3-го марта 1918 г., по которому Россія должна была потерять, по крайней мѣрѣ, милліонъ квадратныхъ километровъ съ 63 милліонами жителей. На основаніи Версальскаго договора, эти условія мира съ нѣмцами были аннулированы.

Правда, тогда еще жила въ коммунистическихъ сердцахъ вѣра въ побѣду Интернаціональнаго Коммунизма. При такихъ условіяхъ границы роли не играютъ. Важна была передышка, Брестъ-Литовскій договоръ ее давалъ.

Въ 1922 г. «Rapallo» открыло новую страницу совѣтски-германскихъ отношеній. Началась лихорадочная работа. Испытанный въ политическихъ бояхъ, старый германскій дипломатъ графъ Брокдорфъ-Ранцау, германскій дипломатъ на мирной конференціи, отказался подписать версальскій актъ и отправился въ Москву съ немаловажной цѣлью дать реваншъ союзникамъ. Нѣмецкіе спеціалисты, гражданскіе и военные, стали прибывать въ СССР сотнями, чтобы поднять обезкровленную и разрушенную Россію, максимально развить русско-германскія экономическія взаимоотношенія. Втайнѣ Германія надѣялась на гибель коммунизма и вѣрила въ торжество идей Бисмарка, т. е. въ крѣпкое объединеніе Россіи съ Германіей. Конечно, руководящую роль въ этомъ союзѣ должна была играть Германія. Таковы были надежды нѣмцевъ. Наоборотъ: коммунисты-большевики вѣрили въ побѣду Коммунистическаго Интернаціонала. Каждая изъ сторонъ по своему понимала конечную цѣль взаимнаго сотрудничества.

Началась политическая игра, и въ этой игрѣ опять потеряли большевики, хотя и были пущены въ ходъ всѣ средства и всѣ способы борьбы.

Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, прошедшихъ съ дней «Rapallo», Германія почти совсѣмъ была подготовлена къ перевороту, и находящійся въ Ригѣ полномочный представитель СССР, Семенъ Ивановичъ Араловъ, получилъ спеціальную командировку въ Германію. Онъ долженъ былъ изучить обстановку и всѣ обстоятельства на случай вторженія туда совѣтскихъ войскъ. Разумѣется, все дѣлалось подъ большимъ секретомъ. Самъ Араловъ объяснялъ свое долгое отсутствіе болѣзнью, — тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ лѣчить свою щеку у нѣмецкихъ профессоровъ, увѣрялъ, что эту болѣзнь никто другой понять не могъ. Но дѣло было не въ щекѣ, а совсѣмъ въ другомъ: Араловъ обладалъ хорошей способностью быстро оріентироваться въ любой мѣстности, и въ этомъ отношеніи отличался еще во время гражданской войны. Въ ней онъ участвовалъ, какъ красноармеецъ, несмотря на то, что по образованію былъ учителемъ и работалъ въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ недалеко отъ Москвы.

Въ свою очередь, замѣститель НКИД, теперь покойный Викторъ Коппъ, въ вѣдѣніи котораго находился прибалтійскій отдѣлъ, началъ, хотя и весьма осторожно, вести со мной неоффиціальные переговоры о возможности посылки русскихъ войскъ въ Германію черезъ Латвію. Когда же я всѣ эти разговоры отклонилъ, и Коппъ убѣдился, что изъ его стараній ничего не выходитъ, онъ довольно цинично и совсѣмъ недвусмысленно отвѣтилъ:

— Если вы будете то отворять, то затворять ваши двери, то онѣ могутъ выскочить изъ шарнировъ.

—Ну, тогда мы ихъ заколотимъ, чтобы онѣ не могли выскочить, — отвѣтилъ я.

На этомъ нашъ разговоръ окончился, и Коппъ этого вопроса больше не поднималъ.

Столь горячо ожидаемаго германскаго путча такъ и не было.

ЕВРОПЕЙСКО-АЗІАТСКАЯ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Тогда коммунистическая работа повсюду велась въ подпольѣ. Коммунизмъ продвигался тихой сапой. Работа въ Германіи оказалась напрасной. Нору рыли, но не прорыли. Ожидаемыхъ результатовъ не получилось. Надо было работать уже не въ потемкахъ, а на свѣту, легальными средствами.

Въ декабрѣ 1925 г. была организована европейско-азіатская желѣзнодорожная конференція. На банкетѣ

по этому случаю съ политической рѣчью выступилъ Литвиновъ. Онъ объявилъ, что СССР это — единеніе Азіи и Европы. Другими словами, онъ хотѣлъ подчеркнуть, что въ конечномъ результатѣ Европа и Азія могутъ объединиться только посредствомъ и при помощи СССР, и Коммунистическій Интернаціонлъ восторжествуетъ. Говорилъ Литвиновъ, но суфлерствовало Политбюро.

Сами делегаты Европы и Азіи говорили мало, многіе не владѣли русскимъ языкомъ совсѣмъ, или владѣли плохо, и потому попросили литовскаго министра Балтрушайтиса — отъ имени Литвы — и меня — отъ имени Латвіи и Эстоніи — говорить на этомъ банкетѣ. Эстонскій министръ отсутствовалъ. Здѣсь не лишнее привести мною сказанное потому, что я на этомъ банкетѣ впервые осудилъ экономическую политику СССР:

«Многоуважаемые представители Азіи и Европы, привѣтствую ыасъ, какъ представитель Латвіи, а также и отъ имени Эстоніи, двухъ государствъ, которыя такъ успѣшно закончили работу конференціи.

Желѣзнодорожные пути сообщенія имѣютъ огромное значеніе для каждой страны и не даромъ говорится: Каковы пути сообщенія, таковы виды сношенія, такова страна, таковъ культурный ея уровень въ широкомъ смыслѣ этого слова. Особенно пути сообщенія имѣютъ выдающееся значеніе въ такихъ странахъ, какъ Союзъ ССР, съ громадными пространствами и съ длиннѣйшими разстояніями.

Не меньшее значеніе желѣзныя дороги и всякіе другіе пути сообщенія имѣютъ и въ международныхъ взаимоотношеніяхъ.

Двадцатый вѣкъ начался съ великой міровой войны и раздѣлилъ весь міръ на враждебные лагери. Прерваны были многіе пути сообщенія, въ томъ числѣ и желѣзнодорожное сообщеніе между Востокомъ и Западомъ черезъ Сибирь.

Нѣкоторыя страны во времявойны и послѣ нея, подъ вліяніемъ враждебныхъ настроеній по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, усвоили ту экономическую политику, которая считаетъ, что каждая страна должна сама производить все нужное ей и обходиться безъ сосѣда, быть самодовлѣющей — зелфъ супортингъ, какъ говорится. Конечно, если бы такъ продолжалось долго и подобная экономическая политика послѣдовательно проводилась, то весь прогрессъ жизни и экономическія взаимоотношенія между народами были бы отброшены надолго назадъ, можетъ быть,

на цѣлыя столѣтія, и стремленію народовъ къ мирному сожительству былъ бы нанесенъ сильнѣйшій ударъ.

Но жизнь требуетъ своего, диктуетъ свои правила и не терпитъ искусственныхъ преградъ на своемъ пути. Современная жизнь народовъ требуетъ, чтобы экономическая жизнь ихъ строилась цѣлесообразно не только въ личныхъ интересахъ, хотя бы это были интересы и цѣлаго государства, но въ интересахъ всего человѣчества, и чтобы каждая страна производила у себя то, что ей больше присуще по своимъ экономическимъ или другимъ условіямъ.

Если съ этой точки зрѣнія, единственной по моему правильной, мы ставимъ вопросы въ міровомъ масштабѣ, и хотимъ подойти къ экономическимъ взаимоотношеніямъ между отдѣльными народами и ихъ государствами, то куда легче разрѣшится и проблема всеобщаго мира и дружнаго сожительства между ними. При такой постановкѣ вопроса желѣзныя дороги и всякіе другіе пути сообщенія въ международномъ смыслѣ принимаютъ все большее и большее значеніе и начинаютъ занимать первое мѣсто.

Прибалтійскія страны, — Эстонія , и Латвія, а также и Литва, какъ лежащія на пути великаго прямого желѣзнодорожнаго сообщенія, гдѣ и въ старину перекрещивались различные пути между Западомъ и Востокомъ, первыя установили прямое желѣзнодорожное сообщеніе съ Союзомъ ССР, и тѣмъ самымъ способствовали тому длиннѣйшему прямому желѣзнодорожному пути въ мірѣ, который будетъ соединять Дальній Востокъ съ Дальнимъ Западомъ и который теперь осуществленъ по иниціативѣ СССР и при содѣйствіи многихъ государствъ, представленныхъ на этой конференціи.

Такъ какъ здѣсь такъ дружно объединяются въ одной общей работѣ, народы Запада и Востока, то мнѣ хочется сказать, что я вѣрю въ дружныя взаимоотношенія Востока — Азіи и Запада — Европы, а также СССР. Я вѣрю, что скоро потребуется не только одинъ поѣздъ въ недѣлю, и конечнымъ пунктомъ этого движенія будутъ не только Токіо и Парижъ, но и многіе другіе центральные пункты, какъ Дальняго Востока, такъ и Западной Европы.

Пусть же вмѣстѣ съ тѣми пассажирами, которые сперва сотнями, а потомъ тысячами, десятками тысячъ и больше будутъ двигаться по этому великому желѣзнодорожному пути, движутся и лучшія мысли и лучшія стремленія ихъ народовъ и объединяютъ сами народы

на мирное сожительство! Пусть этотъ великій желѣзнодорожный путь послужитъ дѣйствительной основой сотрудничества международнаго труда!

Итакъ, въ 1925 г., понявъ, куда ведетъ совѣтская экономическая политика, я началъ уже открыто протестовать противъ нея. Въ конечномъ счетѣ она вела къ самоизоляціи. Эта нездоровая экономическая политика ставила передъ собой цѣли не мирнаго, а, наоборотъ, враждебнаго сожительства народовъ и государствъ. Моя рѣчь являлась какъ бы отвѣтомъ на рѣчь Литвинова и, разумѣется, не понравилась большевикамъ. Она ослабляла и на этомъ банкетѣ коммунистическія тенденціи, гласящія о путяхъ объединенія Запада и Востока, вскрывала всю неправду громкихъ фразъ о взаимномъ дружескомъ сотрудничествѣ мысли и трудовъ человѣчества.

РУССКО-ЛАТВІЙСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОРЪ

Но, какъ ни странно, наша работа въ области экономическихъ взаимоотношеній съ СССР увѣнчалась успѣхомъ. Мы заключили съ нимъ торговый договоръ, въ которомъ Совѣты отступили отъ своей демпинговой политики и обязались покупать на опредѣленныя суммы продукты латвійскаго производства, — нашу естественную продукцію. Словомъ, въ русско-латвійскихъ экономическихъ взаимоотношенініяхъ была окончательно ликвидирована политика демпинга, который СССР до этого проводилъ почти вездѣ.

Не скрою: тутъ намъ очень помогла обострившаяся англо-русская политика. Но такъ какъ меня, несмотря на то, что для Латвіи былъ заключенъ выгодный торговой договоръ, начали все же осуждать, то я, ради общаго успокоенія, далъ въ самой распространенной въ Латвіи газетѣ «Jaunakas Zinas» поясненіе. Тамъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее:

«Послѣ войны міръ раздѣлился на два фронта: коммунистическій съ главнымъ центромъ въ Москвѣ и антикоммунистическій со многими центрами въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Антикоммунистическій міръ, плохо расцѣнивая коммунистическіе возможности и виды, вѣрилъ въ скорое крушеніе главнаго коммунистическаго центра, а признаніе СССР разсматривалъ, какъ очень полезный и важный шагъ для будущей эксплоатации Россіи. Тутъ начались какъ бы бѣга на скорость или скачки съ препятсвіями: развивалось даже соперничество, — кто кого обгонитъ и первымъ придетъ къ столбу. Надежды обманули. Коммунизмъ не эволюціонировалъ не измѣнялся такъ, какъ на это надѣялись. Тогда участники бѣговъ переоріентировались, измѣнили свои планы, и, слѣдовательно, политику. Возникла и стала крѣпнуть мысль о перерывѣ всякихъ экономическихъ сношеній съ СССР, какъ это уже сдѣлала Англія. Спору нѣтъ, — СССР плохо выполнялъ нашъ мирный договоръ, но изъ этого никакъ нельзя было дѣлать выводъ въ томъ смыслѣ, что мирный договоръ былъ совсѣмъ ненуженъ. Неправильно думать также, что торговый договоръ теряетъ всякій смыслъ, если нѣтъ опредѣленныхъ гарантій, обезпечивающихъ точное исполненіе Совѣтами принятыхъ на себя обязательствъ. Если разсуждать такъ, то никакихъ соглашеній съ СССР вообще быть не могло. Никогда еще ни одинъ актъ перемирія не смѣлъ обѣщать безоблачныхъ временъ.

Нашъ мирный договоръ былъ важенъ и логиченъ, какъ первый, при томъ краеугольный камень для будущаго зданія, какъ попытка установить болѣе или менѣе нормальныя экономическія сношенія. «Болѣе или менѣе...» Это не означаетъ идеально и совершенно налаженной сосѣдской жизни. Топтанье на мѣстѣ и ничего недѣланье въ данномъ случаѣ было бы самымъ худшимъ рѣшеніемъ. Этимъ мы только помогли бы большевикамъ. Надо было всѣмъ еще провѣрить ввзможность сотрудничества съ СССР при помощи опредѣленныхъ договоровъ. Такимъ и былъ русско-латвійскій торговый договоръ.

Внѣшторгъ — монополія всей внѣшней торговли, — всегда стремился къ увеличенію своихъ правъ и къ уменьшенію своихъ обязанностей. Большевики готовы покупать у васъ, когда имъ это захочется, а продавать вамъ — всегда. Но русско-латвійскій торговый договоръ устанавливалъ, уравновѣшивалъ регулярный товарообмѣнъ. И тутъ СССР долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній, своихъ привиллегій. Только недальновидные люди короткой мысли, не видящіе дальше кончика своего носа, могутъ осуждать такой договоръ. Латвія смѣло шагнула впередъ, — она еще смѣлѣе шагнетъ назадъ, когда увидитъ, что договоръ таитъ въ себѣ какія-нибудь другія цѣли. Но тогда никто, — въ томъ числѣ и «массы» — не сможетъ сказать, что Латвія не сдѣлала все возможное, чтобы установить нужное сотрудничество въ СССР. Такое сознаніе всегда даетъ моральный перевѣсъ, а это весьма важно для каж-

даго народа, который хочетъ руководиться принципами чести, права и справедливости. Съ общей точки зрѣнія, русско-латвійскій торговый договоръ только ускоряетъ историческій процессъ взаимоотношеній СССР съ внѣшнимъ міромъ.

Я привожу всѣ эти немногія соображенія о русско-латвійскомъ торговомъ договорѣ только потому, что онъ былъ какъ бы козыремъ въ общей экономической политикѣ-игрѣ, когда СССР, послѣ конфликта съ Англіей, испугался дальнѣйшихъ послѣдствій. Подписывая договоръ, Совѣты демонстрировали свою готовность отказаться отъ демпинговой политики. Словомъ, нашъ договоръ имѣетъ гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ это казалось, — онъ сталъ поворотомъ всеобщаго международнаго значенія.

Между тѣмъ экономическіе повороты, имѣющіе чисто внутреннее значеніе, дѣлались не разъ, и СССР то отходилъ отъ коммунизма, поворачиваясь лицомъ къ капитализму, то опять возвращался назадъ, и это происходило въ наиболѣе критическіе моменты. Такіе повороты бывали часто непонятны даже самимъ комиссарамъ. Такъ, напр., въ 1923 г., на закрытіи московской сельско-хозяйственной выставки, демонстрировали крестьянина московской же губерніи, присудивъ ему званіе «героя труда» за то, что онъ на небольшомъ участкѣ земли сумѣлъ завести хорошее доходное хозяйство съ коровами, двумя лошадьми и всѣмъ необходимымъ инвентаремъ. Этого крестьянина просили подняться на трибуну и сказать, по случаю его торжества, нѣсколько словъ. Въ порывѣ чувствъ извѣстная нѣмецкая большевичка Клара Цеткинъ этого крестьянина даже расцѣловала. Но прошло всего два съ половиной года, и я узналъ, что этотъ расцѣлованный крестьянинъ отправленъ въ ссылку за кулацкое хозяйничество. Когда на одномъ обѣдѣ у меня въ Москвѣ, гдѣ присутствовали совѣтскій посланникъ въ Латвіи Араловъ, торговый представитель Шевцовъ, комиссаръ финансовъ Брюхановъ и другіе, я разсказалъ объ этомъ крестьянинѣ, о его такомъ недавнемъ торжествѣ и спросилъ, чѣмъ объяснить его судьбу, всѣ промолчали. Только представитель сельсоюза, который тоже былъ на этомъ обѣдѣ, простой, но умный крестьянинъ-самородокъ, отвѣтилъ не стѣсняясь: «У насъ иногда и съ одной коровой объявляютъ кулакомъ. Это какъ товарищамъ вздумается». Такіе зигзаги были въ экономикѣ, такіе были и въ политикѣ. Все время большевики шли

не прямою дорогой, а прыжками изъ стороны въ сторону, и ихъ сегодняшній день отрицалъ вчерашній.

ОТНОШЕНІЕ СССР КЪ СРЕДНЕЙ ЗОНѢ ЕВРОПЫ.

Предвидѣнія большевиковъ ихъ обманули. Политическіе діагнозы СССР не оправдались ни въ отношеніи Германіи, ни въ отношеніи Прибалтики. Ожидаемые путчи въ Эстоніи и Германіи не удались. Постепенно возникли и стали крѣпнуть другого рода контакты между СССР и Германіей.

Такъ, по поводу русско-японскаго договора, появилось интервью германскаго посла, графа Брокдорфъ-Ранцау, чрезвычайно поразившее меня и моихъ коллегъ. Въ этомъ интервью графъ высказывалъ свою радость, что СССР снова начинаетъ возвращать потерянное имъ въ смыслѣ прежнихъ границъ. По этому поводу финляндскій посланникъ Hackell посѣтилъ графа Брокдорфъ-Ранцау, но тотъ его якобы увѣрилъ, что никакъ не имѣлъ въ виду балтійскихъ странъ. Такъ или не такъ, но ясно было одно: СССР — съ одной стороны и Германія — съ другой, — стараются ослабить Среднюю зону Европы отъ самаго Ледовитаго океана до Чернаго моря.

Однажды, во время какого-то пріема, я въ откровенной бесѣдѣ съ Чичеринымъ указывалъ ему на то, что СССР дѣлаетъ большую историческую ошибку, стремясь расколоть Среднюю зону Европы. Въ этомъ случаѣ она идетъ слишкомъ явно и охотно навстрѣчу Германіи, которая такъ ненавидитъ Польшу и всегда протягивала руки къ Балтикѣ. Чичеринъ оспаривалъ мои доводы и всецѣло обвинялъ Польшу.

Особенно ярко обнаружилась политика СССР по отношенію къ Средней зонѣ Европы въ концѣ 1928 и въ началѣ 1929 г. г. Тогда Чичеринъ уже не игралъ прежней роли, — это было во время подготовленія такъ наз. литвиновскаго протокола, который совмѣстно подписали СССР, Румынія, Польша, Эстонія и Латвія.

Я проявилъ большую энергію, чтобы протоколъ ло стороны Латвіи былъ подписанъ совмѣстно съ другими, а не отдѣльно, какъ этого хотѣлъ СССР. Естественно, что послѣ этого меня стали такъ преслѣдовать, что мои дни въ Москвѣ были сочтены. Но объ этомъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Здѣсь я хочу сказать, что СССР, подъ гипнозомъ Коммунистическаго Интернаціонала, преслѣдуя только

свои специфическія цѣли, не видѣлъ и не понималъ, какую трудно поправимую ошибку онъ дѣлаетъ по отношенію къ Средней зонѣ Европы, сепарируя ее, и, такимъ образомъ, работая на руку Германіи. А Германія всегда мечтала о Востокѣ, какъ объ обѣтованной землѣ. Большевики лили воду на ея мельницу и расчищали путь для этого похода. СССР ослаблялъ эту Среднюю зону, и, какъ свинья въ крыловской баснѣ, подрывалъ корни того дуба, подъ которымъ могъ бы теперь спокойно отдыхать и еще спокойнѣй поѣдать японскіе желуди.

Такъ же неумѣло СССР осуществлялъ свою политику Коминтерна и въ другихъ частяхъ свѣта, ослабляя демократическіе слои. СССР не могъ похвалиться дальновидностью своей политики ни на Востокѣ, ни на Западѣ. Въ этомъ теперь сила Германіи и Японіи. Имъ онъ надавалъ козырей и теперь сидитъ безъ взятокъ.

АВТОНОМНЫЕ РЕСПУБЛИКИ СССР

Иностранная политика каждаго государства сильна только тогда, когда политически сильна сама страна. Поэтому, — совершенно искренно, — я всегда говорилъ коммунистамъ, при томъ много разъ, что «единственно правильная политика есть политика принципіальная», — какъ утверждалъ Ленинъ, а вслѣдъ за нимъ Сталинъ.

Я доказывалъ, что если Коммунистическій Интернаціоналъ не восторжествовалъ тотчасъ же послѣ міровой войны, послѣ всеобщаго міроваго потрясенія, то онъ не можетъ восторжествовать на основѣ лишь одной пропаганды. Поэтому я совѣтовалъ (и это было мое глубокое убѣжденіе, но такъ же и желаніе избавиться отъ пропаганды въ Латвіи, какъ и вездѣ), — оставить всѣ страны въ покоѣ, прекратить пропаганду, заняться исключительно дѣлами своего внутренняго устройства:

— Сумѣете создать у себя жизнь лучше, чѣмъ она течетъ за предѣлами СССР, — и побѣда будетъ за вами. Міръ самъ повернетъ на коммунистическую дорогу; не сумѣете — тогда вы должны будете повернуться лицомъ къ демократизму.

Въ этомъ отношеніи принципы большевиковъ не были правильны, исходныя точки, основныя предпосылки ненадежны, и выводы изъ нихъ дѣлались непослѣдовательно. В результатѣ все зданіе зашаталось.

Совершенно непонятной, съ точки зрѣнія Интернаціонала, была политика Совѣтовъ и въ отношеніи къ

автономнымъ республикамъ. Царская Россія была раздѣлена на области и губерніи по историческимъ, географическимъ и административнымъ признакамъ. Большевики, чтобы привлечь къ себѣ массы, сразу образовали автономныя республки по національному признаку. Интернаціоналъ, отрицающій націонализмъ, создавалъ національныя республики! А для того, чтобы получить право на полную независимость, нужны только границы и населеніе. Такъ, большевики бросили сначала искру, потомъ сами раздули ее въ пламя, идея независимости зажглась, — потушить ее теперь трудно, можетъ быть и невозможно. Вотъ, почему все это такъ безпокоитъ теперь Сталина. Онъ безпощадно расправляется со всякимъ, кто имѣетъ хоть какое-нибудь, — даже самое отдаленное и косвенное, — отношеніе къ сепаратнымъ идеямъ и мечтаетъ о національныхъ автономныхъ республикахъ.

Автономныя національныя республики Сталину страшны потому, что СССР боится открытыхъ военныхъ дѣйствій.

Мнѣ извѣстно, что во время созданія японцами Манджуко были опрошены всѣ военныя части, провѣрена ихъ надежность на случай войны и всеобщей мобилизаціи. Отвѣты получились неудовлетворительные. За ошибки всегда платятся. Нельзя спохватываться поздно и исправлять, нужно строить такъ, чтобы ремонтъ не потребовался сейчасъ же, нельзя вчера еще проложенныя рельсы [сегодня перекладывать заново.

Я могъ бы привести много примѣровъ, доказывающихъ ту непререкаемую истину, что «принципіальная политика есть единственно правильная политика», но только въ томъ смыслѣ, когда правильны сами принципы. Если принципъ ложенъ, то и вся политика, базирующаяся на немъ, становится наиопаснѣйшимъ путемъ въ пропасть.

Иностранной политикой СССР руководитъ Политбюро, т. е. самъ Сталинъ и никто другой. НКИД во всемъ своемъ составѣ съ одной стороны и ГПУ съ другой — лишь исполнительные органы. Имъ предоставлено только осуществлять тѣ или иныя политическія рѣшенія. А эта политика — война. Конечно, безъ обычныхъ ея орудій, но ведущаяся при помощи новыхъ способовъ и средствъ. Эти способы и цѣли : децентрализація, дезорганизація, деморализація и дискредитированіе. Въ результатѣ этой войны — ни одной коммунистической побѣды, — значитъ, полное пораженіе.

Отсюда и всѣ эти безжалостныя кровавыя расправы

со всѣми — и съ дипломатами, и съ высшими агентами ГПУ, и съ военными аташэ. Кто информировалъ не такъ или не совсѣмъ такъ, кто понялъ заданіе по своему, кто исказилъ рѣшеніе «высшей воли», словомъ, сдѣлалъ не то, что хотѣлъ и повелѣлъ «великій человѣкъ», тотъ обреченъ и приговоренъ. Виноватъ только онъ, ибо, въ силу своей «божественности», великій человѣкъ не можетъ ошибаться.

XVI

НКИД И ГПУ

(Народный Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ и Государственное Политическое Управленіе).

Всѣмъ извѣстно, что совѣтское правительство неизмѣнно и категорически заявляло, что русская коммунистическая партія и правительство ничего общаго между собой не имѣютъ. Это двѣ совершенно различныя области, чуть ли не два совершенно различныхъ міра. Партія — одно, правительство — другое, — ихъ никогда не надо смѣшивать. Правительство не отвѣчаетъ за партію, партія не отвѣтственна за правительство. На самомъ дѣлѣ это — одно и то же. Точнѣе: правительство было и есть исполнительный органъ партіи, механизмъ въ рукахъ Политбюро. Лучшее доказательство — самъ Сталинъ.

Оффиціально онъ всего только генеральный секретарь, однако, онъ имѣетъ неограниченную власть надъ всѣми правительственными комиссарами надо всѣми органами. Теперь въ этомъ, наконецъ, убѣдились всѣ. Что-жъ, — тутъ сказалась тоже принципіальная политика! Къ горю и бѣдѣ СССР, она построена на лживыхъ принципахъ и сама доказала полную ихъ несостоятельность. Даже не вѣрится, что впродолженіи десятка лѣтъ, серьезные, солидные люди, вершители судебъ огромнаго русскаго народа, могутъ повторять эту ложь, о томъ, что совѣтское правительство само по себѣ, партія — сама по себѣ.

То же самое можно повторить и про НКИД и ГПУ. Это тоже одинъ станъ, это двѣ руки, и одна другую мыла и моетъ, и обѣ эти руки Россію пачкали и запачкали. Общую согласную работу этихъ двухъ спѣвшихся учрежденій я испыталъ десятки разъ и на себѣ. Это неопровержимо подтверждаютъ и всѣ факты. Можно привести много примѣровъ, подтверждающихъ неопровержимо неразрывное сотрудничество НКИД и ГПУ. Примѣровъ безъ числа, — ограничусь наихарактернѣйшими.

ШПІОНАЖЪ ВЪ ПОСОЛЬСТВАХЪ.

Случай, — точнѣе, попытка — «завербованія» дипломатическаго курьера, происшедшая сейчасъ же послѣ моего пріѣзда въ Москву, убѣдила меня въ томъ, что все и всѣ здѣсь окружены шпіонами. Собственно говоря, и шпіонить-то было незачѣмъ, уловлять некого. Въ Москву я пріѣхалъ съ лучшими намѣреніями развить дружную взаимную работу, — меня могли бы причислить къ безвреднымъ дѣятелямъ, — меня и, слѣдовательно, представляемую мною страну. На самомъ же дѣлѣ «взаимное сотрудничество», какъ съ друзьями, такъ и съ недругами, пріобрѣло совершенно неожиданную форму. Каждый иностранецъ, не говоря уже о посланникахъ, имѣлъ въ соотвѣтствующемъ учрежденіи свой, такъ сказать, «текущій счетъ». Въ его досье тщательно записывалось все — не исключая даже самыхъ незначительныхъ мелочей личной жизни. Подробно изслѣдовалась «натура человѣка», на основаніи этого дѣлались заключенія, — какъ лучше подойти, какія при этомъ нужно примѣнять средства, какъ влѣзть въ душу даннаго человѣка, какъ перехитрить его и подсидѣть.

Чтобы получить всѣ эти свѣдѣнія, надо было имѣть вездѣ своихъ надежныхъ людей и, прежде всего, среди прислуги.

Я сталъ внимательно присматриваться къ моимъ наемнымъ служащимъ. Мнѣ почувствовалось въ нихъ какое-то «окруженіе». Надо сказать, что часть прислуги была взята на мѣстѣ, въ Россіи, и она казалась мнѣ особенно ненадежной.

Однажды, уже поздно ночью. когда уже почти всѣ спали, я прохаживался по своимъ комнатамъ и вдругъ неожиданно открылъ дверь въ корридоръ — и за дверью оказался притаившійся швейцаръ, по фамиліи Зиринь.

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ я и получилъ растерянный отвѣтъ :

— Караулю.

Утромъ выяснилось, что онъ долженъ былъ караулить садъ, а не корридоръ моихъ комнатъ. Я приказалъ установить за нимъ тщательное наблюденіе, и дней черезъ десять мы знали уже точно, что швейцаръ-сторожъ являлся агентомъ ГПУ. Онъ былъ немедленно разсчитанъ. Другой швейцаръ, по фамиліи Маркинъ, тогда-же разсказалъ самъ о томъ, какъ его заставляютъ являться къ агенту ГПУ, какъ онъ долженъ докладывать обо всемъ до самыхъ незначительныхъ мелочей: что происходитъ въ посольствѣ за день, кто бываетъ, о чемъ говорятъ, распредѣленіе часовъ посланника и проч. и проч. Я оставилъ его у себя на службѣ съ условіемъ, что онъ будетъ и мнѣ передавать все, о чемъ его разспрашиваетъ ГПУ и что онъ разсказываетъ агенту о жизни посольства. Пришлось мнѣ уволить еще истопника, — такъ же потому, что онъ оказался агентомъ ГПУ. Этотъ агентъ былъ еще и необычайно энергичнымъ человѣкомъ: онъ ворвался ко мнѣ, и, сжавъ кулаки, пригрозилъ: «Я еще вамъ покажу!»

Служба въ иностранной миссіи считалась хорошо оплачиваемой, и агентамъ ГПУ не хотѣлось лишаться этого мѣста. Конечно, дѣло обстояло такъ не только въ латвійской миссіи, — и во всѣхъ другихъ посольствахъ и миссіяхъ происходило то же самое. Въ одномъ восточномъ посольствѣ, — это стало извѣстно всѣмъ, — слугу, т. е. своего домашняго шпіона, сперва наказали основательно по восточному обычаю и только тогда уволили. Вообще шпіонажъ, слѣжка за иностранными представителями были организованы широко и обдуманно. ГПУ не довольствовалось свѣдѣніями только о томъ, что происходитъ внутри посольства. Оно хотѣло знать все и, главное, кто и когда посѣщаетъ иностранныя представительства. Но слуга посольства, этотъ агентъ не можетъ уcлѣдить за всѣмъ; наконецъ, его умышленно могутъ куда-нибудь отослать, — поэтому были установлены ГПУ наблюдательные посты въ домахъ напротивъ и на углу улицы, и эти наблюдатели были тщательно замаскированы. Напр., близъ латвійской миссіи, на самомъ углу, стоялъ чистильщикъ сапогъ, взоры котораго всегда были направлены на двери и ворота миссіи. Иногда такіе дежурные агенты являлись въ посольство подъ видомъ посѣтителей, будто бы по дѣламъ, въ качествѣ латвійскихъ гражданъ. Они приходили въ миссію, внимательно прислушивались къ разговорамъ и, примѣтивъ кого-нибудь изъ посѣтителей, выходили, поджидали замѣченное лицо и тутъ же его задерживали. Недалеко отъ посольства дежурили еще и служебные автомобили и мотоциклеты, на случай, если бы намѣченная жертва захотѣла ускользнуть.

Часто гнались за служащими миссіи и посольствъ, когда тѣ ѣхали на машинахъ, чтобы такимъ образомъ установить, съ кѣмъ они встрѣчаются и кого посѣщаютъ. Помню, польскій посолъ Патекъ показалъ мнѣ однажды черезъ окно своего посольства, какъ машина и мотоциклетъ ГПУ ждетъ его выхода. Не разъ объ этомъ

писались дипломатическія ноты, посылались протесты въ НКИД, но всегда безрезультатно: способы шпіонажа только совершенствовались. Да иначе и не могло быть, такъ какъ все тутъ дѣлалось съ вѣдома НКИД, а нельзя же ликвидировать самого себя. Любопытно: для чего все это дѣлалось? Отвѣтъ простъ: надо было получать всѣ свѣдѣнія, знать все, что дѣлается въ иностранныхъ представительствахъ, и это было нужно только для того, чтобы потомъ дисркедитировать то или другое лицо. ГПУ шло дальше. Подготовлялись, фабриковались вымышленныя «дѣла» о контрабандѣ, о шпіонажѣ, о неразрѣшенныхъ совѣтскимъ правительствомъ покупкахъ, о предосудительныхъ сношеніяхъ и знакомствахъ и т, д.

АГЕНТЪ ГПУ ВЪ РОЛИ СЕКРЕТАРЯ МИССІИ.

Приведу весьма характерный, при томъ непреложный фактъ. Въ одинъ прекрасный день, а именно 15-го сентября 1924 г., курьеръ доложилъ мнѣ, что меня хочетъ видѣть по очень важному дѣлу какой-то совѣтскій гражданинъ. Курьеръ прибавилъ, что посѣтитель чрезвычайно взволнованъ. Я никогда не принадлежалъ къ тѣмъ дипломатамъ, и, вообще, лицамъ, занимающимъ оффиціальное положеніе, которые часто, ради пущей важности, не принимаютъ обыкновенныхъ смертныхъ или заставляютъ ихъ ждать часами. Потому я просилъ швейцара провести ко мнѣ этого взволнованнаго человѣка.

Мнѣ представился гражданинъ Кащенко, квалифицированный рабочій въ кожаной курткѣ, и возбужденно сталъ разсказывать о своей бѣдѣ:

— Я — рабочій, — объяснилъ онъ, — но у меня довольно хорошая небольшая квартира. Есть у меня и двѣ хорошія картины, И, вотъ, вчера вашъ секретарь Михельсонъ ихъ купилъ для васъ. Такъ онъ и говорилъ, что покупаетъ для латвійскаго посланника. Денегъ у него съ собой не было, и онъ предложилъ поѣхать вмѣстѣ въ латвійскую миссію, — отвезти картину и получить деньги. Моя жена согласилась, съ ней поѣхала еще и ея сестра, Фениченко. Съ тѣхъ поръ онѣ безслѣдно пропали.

Я сейчасъ же приказалъ привести служащаго миссіи Михельсона, показалъ его гражданину Кащенко и спросилъ:

— Это онъ купилъ у васъ картину?

— Нѣтъ, совсѣмъ другой.

— Но никакого другого Михельсона у меня нѣтъ — заявилъ я ему, — васъ спровоцировали.

Для меня сразу же стало ясно, что это дѣло рукъ ГПУ. Это понялъ и Кащенко. Я сталъ его подробно разспрашивать обо всемъ случившемся. Оказалось, что какой-то ихъ знакомый, котораго они сами плохо знали, предложилъ продать ему обѣ картины, которыя хочетъ купить секретарь латвійской миссіи для самого посланника. Автомобиль, на которомъ пріѣхалъ ихъ знакомый съ мнимымъ секретаремъ, имѣлъ латвійскій флажекъ. Кромѣ того, этотъ «секретарь» позвонилъ по телефону въ миссію, переговорилъ, — словомъ, не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что картины покупаетъ латвійскій посланникъ черезъ своего служащаго Михельсона.

Я сразу понялъ, что провоцировали не гражданина Кащенко, — онъ былъ только необходимой жертвой, — провоцировали и желали скомпрометировать меня. Воображеніе нарисовало мнѣ всю картину совѣтскаго суда, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго фигурируетъ гражданинъ Кащенко и судится за неразрѣшенную продажу картинъ. Но суровый во всѣхъ другихъ случаяхъ прокуроръ находитъ смягчающее вину обстоятельство въ томъ, что наивнаго, довѣрчиваго Кащенко соблазнилъ и подстрекнулъ латвійскій посланникъ черезъ своего секретаря. Конечно, тутъ открылся бы широкій просторъ для рѣзкихъ выпадовъ противъ всего капиталистическаго строя и той «подрывной работы», которую ведутъ буржуи въ своей борьбѣ съ единственной въ мірѣ пролетарской страной СССР. Этотъ планъ былъ разстроенъ неосторожнымъ и совсѣмъ непредвидѣннымъ шагомъ Кащенки: провокаторы никогда не могли допустить, что онъ самъ обратится въ латвійскую миссію. Я былъ чрезвычайно радъ и благодаренъ Кащенкѣ, хотя лично его мнѣ было очень жаль.

Кащенко былъ энергичный и толковый рабочій, и я его сердечно просилъ еще разъ зайти ко мнѣ и разсказать, чѣмъ вся эта исторія кончится; если же сдѣлать это ему самому будетъ неудобно, то пусть придетъ кто-нибудь изъ близкихъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней, 19-го сентября, ко мнѣ явился гражданинъ Фениченко, отецъ обѣихъ женщинъ, увезенныхъ четыре дня тому назадъ «секретаремъ латвійской миссіи». Вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ:

— Когда мой зять Кащенко вернулся изъ латвійской миссіи, мы бросились разыскивать нашего знако-

маго, посредничавшаго при продажѣ картинъ. Мы забрали его силой и пригрозили расправиться съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, если онъ тутъ же не скажетъ, куда дѣлись обѣ женщины съ мнимымъ секретаремъ и автомобилемъ. Испугавшись нашихъ угрозъ, «посредникъ» разсказалъ, что они всѣ четверо мирно ѣхали, какъ вдругъ автомобиль былъ задержанъ милиціонерами за якобы неправильную ѣзду. Штрафъ — рубль, но «секретарь» запротестовалъ, отказался платить и приказалъ ѣхать въ милицію. Когда мы подъѣхали къ дому, гдѣ долженъ былъ находиться участокъ, оказалось, что это — ГПУ. Обѣ женщины страшно испугались и, въ растерянности, одна изъ нихъ сняла съ пальца золотое кольцо и передала «секретарю». Автомобиль съ женщинами и «секретаремъ» остался во дворѣ ГПУ, а меня отпустили.

Таковъ разсказъ «посредника». Но Кащенко и Фениченко «посредника» не отпустили, и привели его къ слѣдователю ГПУ, Пришлось прождать полтора часа, пока слѣдователь позвавъ сперва къ себѣ «посредника», занялся ими и сталъ ихъ допрашивать. Но «посредника» уже не было: его самъ слѣдователь выпустилъ черезъ другія двери.

— Отъ слѣдователя, — разсказывалъ Фениченко, — мы узнали объ арестѣ обѣихъ женщинъ, но отпустилъ онъ на свободу только меня, старика. Кащенко тоже былъ арестованъ, какъ сообщникъ незаконной продажи картинъ.

Я заявилъ НКИД энергичный протестъ, и все-таки Кащенко и его жена были высланы изъ Москвы въ административномъ порядкѣ.

Такова атмосфера, которая окружала насъ все время, таковы условія, при которыхъ намъ приходилось работать, неизмѣнно и всегда чувствуя себя не только подъ надзоромъ, но и въ таинственномъ окруженіи. Каждый день нужно было ждать подвоха, быть готовымъ къ самымъ неожиданнымъ провокаціоннымъ выходкамъ, предвидѣть ту или иную западню. Такъ чувствовали себя мы, дипломатическіе представители, — легко себѣ представить, какъ живетъ ничѣмъ и никакъ неогражденный совѣтскій гражданинъ.

КРАЖА «ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ» У ТРОЦКАГО ЛАТВІЙСКИМЪ ВОЕННЫМЪ АТАШЭ.

Неудавшійся планъ только озлобилъ агентовъ ГПУ. Шантажъ латвійскаго посланника провалился. Тогда

агенты рѣшили прибѣгнуть къ еще болѣе грубому пріему. 4-го октября 1924 г. арестованный секретарь эстонскаго генеральнаго консула въ Ленинградѣ г. Росфельдтъ далъ показаніе (оно было напечатано въ совѣтскихъ газетахъ), что латвійскій военный аташэ на пріемѣ у военнаго комиссара Троцкаго укралъ съ письменнаго стола его записную книжку. Только позднѣе мы всѣ узнали уже изъ «дѣла» Бирка, что Росфельдтъ былъ агентомъ ГПУ.

Вскорѣ юные піонеры «школы Маркса» явились въ латвійское посольство и потребовали, чтобы оно вернуло украденную книжку у ихъ почетнаго шефа Троцкаго. Я самъ вышелъ къ этимъ ребятамъ, вступилъ съ ними въ бесѣду и съ любопытствомъ слушалъ, какъ они заученно отвѣчали на всѣ вопросы, какъ хорошо была срепетована вся эта сцена. Можно было отъ души хохотать надъ этой безусой делегаціей, такъ все было фантастично и глупо.

Тѣмъ не менѣе совѣтская пресса это дѣло раздула, сдѣлавъ видъ, что принимаетъ его въ серьезъ, а каррикатуристъ Дени въ «Извѣстіяхъ» (№ 222) помѣстилъ каррикатуру, изображавшую, какъ латвійскій военный аташэ, съ моноклемъ въ глазу, тащитъ со стола Троцкаго его записную книжку. Наверху стояло поясненіе: «Латвійскій военный аташэ на пріемѣ у наркомвоендѣла, пользуясь тѣмъ, что товарищъ Троцкій отвернулся, стащилъ у него со стола записную книжку». Внизу, подъ каррикатурой, подпись: «Дипломатъ за сверхурочной работой». Латвія тогда имѣла только одного военнаго представителя, теперешняго генерала латвійской арміи Баха, который въ Москвѣ былъ только до 1922 г. и ни разу не былъ принятъ Троцкимъ, впрочемъ, какъ и никто другой изъ нашихъ представителей. Абсурдность обвиненія была такъ очевидна, вся эта исторія казалась такой наивной и безцеремонной выдумкой, что можно было бы только удивляться, если бы къ удивленію не примѣшивалось чувство брезгливости и отвращенія. Цѣль этой примитивной мистификаціи ясна: надо было показать русскому народу что вотъ даже военный комиссаръ Троцкій такъ открыто обворовывается «обнаглѣвшими буржуями». По этому случаю я не хотѣлъ и протестовать. Иронизируя, я просилъ НКИД предложить комиссару Троцкому опровергнуть эту шантажную клевету, но, конечно, Троцкій этого не сдѣлалъ. Вѣрнѣе всего, ему и не сообщили о моемъ предложеніи, потому что и это — дѣло совмѣстной ра-

боты НКИД и ГПУ. Опровергать въ данномъ случаѣ означало уличать самихъ себя.

Но шантажировались не всѣ государства, и разные представители шантажировались не одинаково. Они были раздѣлены на категоріи. Въ первую входили страны Средней зоны Европы, и особенное вниманіе было обращено на Балтику, Польшу и Финляндію, а изъ восточныхъ странъ больше всего — на Японію. Конечно, Англія тоже входила въ эту первую группу. Отъ шантажа были избавлены Китай и Ближній Востокъ. Уже изъ этого раздѣленія внимательный наблюдатель могъ понять, каковы планы иностранной политики СССР, на чемъ она строится, куда стремится, чего добивается, кого уловляетъ и кого временно милуетъ.

ЭСТОНСКІЙ ПОСЛАННИКЪ БИРКЪ ВЪ РОЛИ «ШПІОНА».

Если ГПУ часто шантажировало шумно, неумѣло, грубо, то «дѣло Бирка» можно назвать настоящимъ шедевромъ провокаціоннаго искусства.

Биркъ былъ моимъ товарищемъ, я хорошо его зналъ и потому въ его «шпіонажъ» никакъ не могъ повѣрить. Всѣми силами я старался выяснить дѣйствительную картину въ этомъ дѣлѣ, которое въ 1926 г. облетѣло весь міръ и передавалось въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ. Мнѣ хочется здѣсь передать все, что я зналъ объ этомъ дѣлѣ, что мнѣ передавали о немъ освѣдомленные люди, что говорилъ самъ Биркъ, что, наконецъ, раскрыли разслѣдованіе и цѣлыхъ три судебныхъ процесса.

А. Биркъ былъ первымъ эстонскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. По образованію и профессіи онъ — извѣстный юристъ. Биркъ всегда былъ очень остороженъ, но когда нужно, весьма рѣшителенъ. При его участіи былъ заключенъ первый мирный договоръ Эстоніи съ Россіей еще тогда, когда съ ней воевали всѣ. Эстонское правительство назначило его своимъ посланникомъ въ Москву. Секретаремъ въ посольствѣ былъ г. Joedi. У этого Joedi завязались хорошія, дружныя отношенія съ однимъ чиновникомъ изъ польскаго посольства въ Москвѣ. Польскія власти были недовольны этимъ чиновникомъ, и изъ Москвы онъ былъ отозванъ. Это отразилось и на Joedi. У Бирка потребовали увольненія Joedi со службы. Посланникъ Биркъ на это не согласился. Joedi остался. Противъ Бирка возникли недовольства. Произошелъ небольшой конфликтъ съ военными властями.

Тутъ необходимо нѣкоторое поясненіе. Въ дипломатическомъ мірѣ было не мало исторій, когда посолъ или посланникъ, какъ высшіе представители страны, не всегда могли найти нужный контактъ со своимъ военнымъ аташэ. Эти военные представители не зависятъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имъ предоставлена значительная самостоятельность дѣйствій, и потому они могутъ вести свою политику, не всегда согласованную съ общей. Отсюда могли легко рождаться несогласія между посланникомъ и военнымъ представителемъ, и, слѣдовательно, явные и тайные конфликты. Поэтому были послы, какъ, напримѣръ, французскій, Herbette, которые не желали имѣть спеціальнаго военнаго представителя. Двойственность власти часто служила источникомъ недоразумѣній. Вотъ одна изъ причинъ, породившая «дѣло» Бирка.

Теперь остановимся на второй стадіи этого «дѣла» Бирка вызываютъ въ Эстонію и предлагаютъ занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Биркъ соглашается. Но, предвидя недолгое существованіе кабинета, въ который онъ входилъ, онъ даетъ свое согласіе только подъ однимъ условіемъ: за нимъ, какъ постоянное мѣсто, остается должность посланника. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Биркъ пробылъ весьма недолго. Кабинетъ вскорѣ смѣнился, и за это короткое время обострились его отношенія въ Эстоніи

Прошло нѣкоторое время. Я собирался на два мѣсяца въ отпускъ, который хотѣлъ провести въ своей усадьбѣ «Priekule» недалеко отъ Либавы. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы Биркъ пріѣхалъ ко мнѣ еще разъ и былъ весьма нервно настроенъ, говорилъ объ интригахъ, но ничего страшнаго въ его разговорѣ нельзя было подмѣтить. Между прочимъ, онъ сказалъ, что поѣдетъ куда-нибудь отдохнуть, минуя Эстонію, вѣрнѣе всего , на югъ Европы. Мы дружественно простились, и ничего зловѣщаго я не предвидѣлъ.

Прошла какая-нибудь недѣля, я былъ уже у себя въ «Priekule». Вдругъ получаю въ субботу телеграмму изъ Риги, что меня и мою семью на слѣдующій день, въ воскресенье, собирается навѣстить совѣтскій посланникъ въ Латвіи Черныхъ и торговый представитель Шевцовъ со своими женами. Мы были рады ихъ пріѣзду. Передъ обѣдомъ мы прогуливались по берегу пруда, и тутъ мнѣ принесли утреннія, только что полученныя

изъ Риги, газеты. На первыхъ страницахъ, всѣхъ газетъ къ моему крайнему изумленію я прочелъ наисенсаціоннѣйшее извѣстіе: «Эстонскій посланникъ — шпіонъ» и т. д. Меня это взволновало до послѣдней степени. Я громко, не желая себя сдерживать, сказалъ:

— Это, чортъ знаетъ, какое безобразіе! Я сейчасъ же выступлю въ защиту Бирка.

Совѣтскій посланникъ Черныхъ, какъ бы испугавшись, отвѣтилъ:

— Ради Бога, не вмѣшивайтесь въ это дѣло!

Я промолчалъ, но внутри у меня все перевернулось. Я догадался, что телеграмма въ только что полученныхъ газетахъ и посланнику Черныхъ, и всей его компаніи была извѣстна, по крайней мѣрѣ, днемъ раньше, и объ этомъ они мнѣ нарочно не говорили и, вѣроятнѣе всего, по этому дѣлу и пріѣхали ко мнѣ, чтобы воздѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ. Они хотѣли, чтобы я, другъ Бирка, промолчалъ и «не вмѣшивался въ это дѣло». Прекрасно отдавая себѣ отчетъ во всѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ моего рѣшенія, я тутъ же сказалъ себѣ, что уѣду въ Ригу вечернимъ поѣздомъ. На другой день, въ понедѣльникъ, узнавъ, что я пріѣзжаю, журналисты ожидали меня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Я встрѣтилъ ихъ довольно сердито и сказалъ слѣдующее:

— То, что происходитъ сейчасъ около посланника Бирка, напоминаетъ мнѣ бандитизмъ на митавскомъ шоссѣ.

А на митавскомъ шоссѣ тогда замаскированные разбойники нападали на проѣзжающихъ, грабили и стрѣляли, — словомъ, шелъ настоящій бандитизмъ. Надо было видѣть, какъ послѣ этого всѣ обрушились на меня, какъ на защитника шпіона! Немедленно меня хотѣли освободить отъ должности посланника. Дѣло — дошло до президента государства Чаксте, которому я сказалъ:

— Если нужно, я въ любой моментъ готовъ покинуть мой постъ, но я не въ силахъ идти противъ своей совѣсти, противъ своего гражданскаго долга и молчать о дѣлѣ Бирка, котораго хотятъ уничтожить.

Президентъ всецѣло сталъ на мою сторону:

— Вы поступили благородно, — отвѣтилъ онъ, — и пока я буду президентомъ государства, васъ никто не тронетъ. Исполняйте спокойно вашу работу.

Все же мое выступленіе въ защиту Бирка, какъ его друга, сыграло свою роль, всему дѣлу былъ приданъ другой привкусъ, и я былъ удовлетворенъ. Тѣмъ не менѣе, когда я потомъ читалъ 4-го августа 1926 г. объясненія Бирка въ совѣтскихъ газетахъ, у меня родилось недовольство, хотя свою статью Биркъ заканчивалъ спокойными и твердыми словами: «Совѣсть у меня чиста, и я глубоко убѣжденъ, что дѣйствую на благо своего народа». Мнѣ не понравилось, что Биркъ печатно подтверждалъ, что СССР окруженъ военнымъ союзомъ подъ руковдствомъ Польши. Это было и неумѣстно и неправильно, но этого хотѣли большевики. Тогда я, конечно, не зналъ, что именно происходитъ съ Биркомъ въ СССР, и давалъ ли онъ свои печатныя объясненія по доброй волѣ, или по принужденію.

Какъ же обстояло это все дѣло съ точки зрѣнія пониманія Москвы и въ ея толкованіяхъ?

Коллеги встрѣтили меня очень радушно и благодарили, что я выступилъ въ защиту Бирка. Въ первый же день, какъ я пріѣхалъ, у меня побывали французскій посолъ John Herbette и английскій представитель sir Robert Hodson. Оба живо интересовались дѣломъ, понимали его происхожденіе, отлично разбирались во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ этой исторіей. Все, что произошло съ Биркомъ, Robert Hodson возмущенно характеризовалъ словами: «Absolutly stupide».

Да, дѣйствительно, это было настоящее умопомраченіе: какъ можно было забыть, что Биркъ, — посланникъ самой Эстоніи. Чѣмъ хуже онъ, чѣмъ гуще и сильнѣй оклеветанъ посланникъ, тѣмъ хуже для самой страны, въ данномъ случаѣ, для Эстоніи. Но страсти разгорѣлись, и въ пожарѣ этихъ страстей даже министры перестали думать о послѣдствіяхъ.

А въ Москвѣ, судя по многимъ свидѣтельствамъ, позднѣе, и по разсказамъ самого Бирка, дѣло рисовалось такъ: «Въ 1924 г. въ числѣ подсудимыхъ оказался арестованный передъ тѣмъ по обвиненію въ шпіонажѣ чиновникъ эстонскаго консульства въ Петроградѣ, Ростфельдтъ. При разборѣ дѣла онъ признался, что собиралъ матеріалы, которые въ РСФСР подводятъ подъ параграфъ о шпіонажѣ съ высшей мѣрой наказанія, и оговорилъ еще нѣсколько служащихъ эстонскаго консульства въ Петроградѣ и въ Москвѣ, — въ томъ числѣ и майора Мазера, военнаго аташэ при посольствѣ. А. Биркъ въ своихъ нотахъ наркоминдѣлу горячо и рѣзко протестовалъ противъ ареста Ростфельдта и требовалъ его освобожденія до разбора дѣла и открытаго признанія Ростфельдта своей вины на судѣ. Биркъ считалъ также необходимымъ, чтобы оговоренные были отозваны въ Эстонію уже изъ соображеній приличія и просто ихъ

безопасности. Въ Эстоніи же, въ особенности военные круги, находили, что надо какъ-нибудь защитить майора Мазера, несмотря на оговоръ Ростфельдта, получившаго вскорѣ послѣ процесса мѣсто на совѣтской службѣ и даже съ командировкой заграницу. Майора Мазера, оговореннаго Ростфельдтомъ, Биркъ все же считалъ скопрометированнымъ уже тѣмъ, что онъ не распозналъ въ Ротсфельдтѣ агента чека и ему довѣрялся. По настоянію Бирка, майоръ Мазеръ былъ отозванъ, и, такимъ образомъ, создался явный разладъ между посланникомъ Биркомъ и военными кругами. Этотъ разладъ возникъ между ними уже давно изъ за того, что сильно расходились взгляды сторонъ на взаимоотношенія между Эстоніей и СССР. Посланникъ Биркъ съ самаго начала держался того взгляда, и наставлялъ въ томъ же духѣ подчиненныхъ ему служащихъ посольства, — что Эстонія, ея представительство, какъ и всѣ служащіе консульства и посольства должны быть вполнѣ лойяльными по отношенію къ СССР. Майоръ же Мазеръ былъ другихъ убѣжденій, и у него завязались черезъ извѣстнаго чекиста Оперпута связи съ разоблаченной уже чекистской организаціей «Трестъ», тогда выставлявшей себя комплотомъ русскихъ монархистовъ и снабжавшей Эстонію и еще 26 «пунктовъ» фальшивыми и устарѣлыми свѣдѣніями о внутреннемъ положеніи и военныхъ подготовленіяхъ СССР. Помощникомъ майора Мазера былъ Романъ Биркъ, который такъ компрометирующе велъ себя въ средѣ служащихъ посольства, что посланникъ А. Биркъ настоялъ на отозваніи его, несмотря на крайнее недовольство Романа Бирка и его начальства. Взаимоотношенія посланника и военныхъ круговъ еще болѣе обострились; впослѣдствіи, уже во время процесса посланника Бирка въ Эстоніи, и представители генеральнаго штаба въ Эстоніи признали на судѣ, что Романъ Биркъ былъ агентомъ ГПУ уже во время командировки его въ Москву, въ помощь майору Мазеру. Посланникъ Биркъ оказался здѣсь, правда, болѣе прозорливымъ, чѣмъ военное начальство майора Мазера и Романа Бирка, тѣмъ больше основаній имѣло ГПУ точить противъ него свое оружіе. У ГПУ было и больше шансовъ на успѣхъ: ему слѣдовало только использовать эти обостренныя взаимоотношенія между посланникомъ и военными кругами.

Къ этому прибавился вскорѣ еще новыя, благопріятный для ГПУ моментъ. Когда посланникъ Биркъ былъ осенью 1925 г. въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ

третій разъ) министромъ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи, онъ вычеркнулъ изъ смѣты на 1926 г. кредиты на содержаніе посольства Эстоніи въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на упорный протестъ тогдашняго посланника въ этихъ Штатахъ, проф. Пійпа. При перемѣнѣ правительства передъ Рождествомъ 1925 г. Пійпъ оказался преемникомъ Бирка на посту министра иностранныхъ дѣлъ. ГПУ правильно учло и это обстоятельство, эти личныя недоразумѣнія двухъ министровъ. Оно стало давать, черезъ «Трестъ» Оперпута, Романа Бирка и другихъ, эстонскому военному аташэ, подполковнику Курску, а черезъ него генеральному штабу Эстоніи информацію, указывающую, будто посланникъ Биркъ является по отношенію къ Эстоніи измѣнникомъ. Посланникъ же Биркъ, освободившись отъ поста министра иностранныхъ дѣлъ, вернулся посланникомъ въ Москву. Ему сразу стало ясно весьма своеобразное и оскорбительное къ нему отношеніе министра иностранныхъ дѣлъ. Прошло еще немного времени, и Бирку, наконецъ, блыло предложено уйти. Тогда въ Эстоніи кипѣла избирательная борьба партій, посланникъ Биркъ былъ сильно разстроенъ отношеніемъ министерства и рѣшилъ отдохнуть мѣсяца два на югѣ Франціи, куда онъ рѣшилъ отправиться южнымъ морскимъ путемъ по Черному и Средиземному морямъ. Онъ чувствовалъ, что лучше переждать, пока страсти улягутся, и тогда вернуться въ Эстонію.

По пути онъ остановился на Украинѣ у одного изъ своихъ школьныхъ товарищей, который тоже, можетъ быть, былъ агентомъ ГПУ, и тамъ узналъ, что противъ него поднята мерзкая травля. Онъ рѣшилъ перемѣнить маршрутъ, поѣхать въ Эстонію и для пущей предосторожности выбралъ путь черезъ Финляндію. Хотя виза на его паспортѣ эстонскаго посланника была въ полномъ порядкѣ, власти СССР на финляндской границѣ признали визу неправильной и не выпустили его, чему были свидѣтелями выѣзжавшій тогда на родину коммерческій аташэ финляндскаго посольства въ Москвѣ, баронъ Карпеланъ, и другія лица.

Отдѣленіе наркоминдѣла въ Петроградѣ объяснило все недоразумѣніемъ, но когда Биркъ вторично, — на этотъ разъ въ сопровожденіи эстонскаго консула въ Петроградѣ, — поѣхалъ на границу, повторилась прежняя сторія. Опять объясненія прискорбнаго недоразумѣнія и увѣренія петроградскаго отдѣленія наркоминдѣла, что теперь они предупредили границу и все будетъ въ порядкѣ. Но на этотъ разъ Бирку не

пришлось даже доѣхать до границы. Когда на финляндскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ сопровождавшій его эстонскій консулъ на минуту отлучился, подошли чины ГПУ, захватили посланника Бирка, усадили въ автомобиль и укатили за городъ. Потомъ вернули его въ городъ и помѣстили на сутки въ одной потайной чекистской квартирѣ, куда на слѣдующій день явился сотрудникъ наркоминдѣла, завѣдующій отдѣломъ балтійскихъ государствъ, впослѣдствіи посланникъ СССР въ Финляндіи, Логановскій, который по обнаруженію его чекистской работы не могъ уѣхать въ Финляндію и отправился на Ближній Востокъ. Этотъ Логановскій заявилъ задержанному Бирку:

— Хотя вы изрядно кричали на финляндскомъ вокзалѣ, но понапрасну, — никто о томъ не знаетъ, что мы васъ арестовали. Запомните: если заграницей объ этомъ узнаютъ, то, значитъ, только изъ вашего сообщенія, а въ такомъ случаѣ съ вами немедленно покончатъ. Вы должны видѣть и знать, что вамъ неоткуда ждать защиты, ваши же соотечественники предали васъ.

Заявленіе Логановскаго о томъ, что Бирку неоткуда ожидать помощи, соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ завѣдывающій дѣлами посольствъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи передъ этимъ было заявилъ эстонской прессѣ, что послѣ передачи посольства совершенно безразлично, гдѣ находится бывшій посланникъ Биркъ. Послѣднему приходилось, такимъ образомъ, считаться съ этимъ неожиданнымъ положеніемъ вещей и искать выходъ собственными силами и средствами.

Въ эстонской прессѣ его изобразили измѣнникомъ, который добровольно остался въ СССР, т. е. въ странѣ, которой онъ будто бы продалъ интересы Эстоніи, а ГПУ, зная это (его доносы на Бирка черезъ «Трестъ» тогда не были еще извѣстны, какъ и самый «Трестъ» не былъ еще «разъясненъ»), арестовало его и держало въ своей власти. По словамъ самого Бирка, его держали подъ надзоромъ сперва въ одномъ домѣ подъ Петергофомъ, потомъ въ имѣніи Крекшино подъ Москвой (верстахъ въ 60-70 отъ города), затѣмъ въ окрестностяхъ Батума, далѣе въ скотобойнѣ г. Воронежа и, наконецъ, въ какой-то комнатѣ въ Замоскворѣчьѣ.

Строгій надзоръ иногда ослаблялся, повидимому, для пробы, — не убѣжитъ ли узникъ. Мысль о побѣгѣ, въ самомъ дѣлѣ, никогда не оставляла посланника, но онъ отлично зналъ, что при неудачѣ ему тамъ же будетъ немедленный и неминуемый конецъ. Поэтому онъ высматривалъ, не представится ли случай вполнѣ удачнаго побѣга, наружно держался такъ, чтобы не возбуждать на этотъ счетъ никакихъ подозрѣній. Случай къ побѣгу представился въ Москвѣ, — въ февралѣ 1927 года. Тутъ его выводили гулять темными вечерами сперва по льду водоотводнаго канала и Москвы-рѣки, а позднѣе по безлюднымъ побережьямъ Замоскворѣчья, всегда въ сопровожденіи одного изъ трехъ вооруженныхъ чекистовъ, поочередно сторожившихъ его. Въ масляничную пятницу посланнику удалось, воспользовавшись соотвѣтствующимъ настроеніемъ сопровождавшаго его чекиста, добраться до другого конца Нескучнаго сада. Тутъ, притворившись, будто у него неотложная нужда въ выполненіи естественной потребности, онъ отошелъ отъ тропинки и провожатаго, который закуривалъ папиросу у проходившаго мимо гражданина. Улучивъ моментъ невниманія чекиста и сдѣлавъ видъ, что онъ присѣлъ на корточки, узникъ бросился за отлогъ холмика, достигъ Москвы-рѣки, перебѣжалъ ее и добрался до норвежскаго посольства, наиболѣе близкаго къ этому району. Здѣсь его увидѣли и признали не только гостепріимный хозяинъ, но еще нѣсколько бывшихъ коллегъ-посланниковъ въ Москвѣ. Старшина дипломатическаго корпуса, покойный графъ Брокдорфъ-Ранцау, съѣздилъ въ эстонское посольство, — Эстонія отказывалась впустить Бирка въ свои предѣлы, — и убѣдилъ принять бывшаго посланника. Въ случаѣ, если бы его не приняли или не впустили въ Эстонію, дипломатическій корпусъ гарантировалъ би Бирку свободный выѣздъ изъ СССР, и, въ случаѣ надобности, готовъ былъ снабдить его денежными средствами.

Наконецъ, согласіе на въѣздъ посланника Бирка въ Эстонію было дано, и онъ отправился туда въ сопровожденіи аташэ эстонскаго посольства. На границѣ Эстоніи его арестовали въ поѣздѣ, противъ него возбудили дѣло объ измѣнѣ и до суда все время держали въ тюрьмѣ.

Интересно отмѣтить, что когда въ Эстоніи, хотя и арестованнымъ появился посланникъ Биркъ, оттуда тотчасъ же бѣжалъ сотрудникъ майора Мазера, Романъ Биркъ. Онъ занимался потомъ чѣмъ-то въ Берлинѣ, но исчезъ и оттуда въ тотъ самый день, когда тамъ по шпіонажу арестовали двухъ дамъ съ польскими фамиліями, впослѣдствіи осужденныхъ и разстрѣлянныхъ. Жилъ потомъ Романъ Биркъ въ Копенгагенѣ, а недавно, какъ разсказывали, былъ въ Парижѣ, гдѣ видѣв-

шія его лица говорили, что Романъ Биркъ не былъ стѣсненъ въ денежныхъ средствахъ.

Въ ноябрѣ 1927 г. послѣ восьмимѣсячнаго заключенія посланникъ Биркъ предсталъ предъ судомъ. Двери суда въ теченіе девятидневнаго разбирательства были почти все время закрыты. Въ то время «Трестъ» былъ уже разоблаченъ, какъ организація ГПУ. Раскрылъ «Трестъ» Оперпутъ въ маѣ того же года въ Финляндіи. Противъ посланника Бирка «Трестъ» обѣщалъ представить неопровержимыя доказательства, но подъ условіемъ, что Биркъ будетъ преданъ военно-полевому суду, ему вынесутъ смертный приговоръ и немедленно же приведутъ его въ исполненіе.

Приговоръ первой инстанціи былъ оправдательный, какъ былъ оправдательный приговоръ и второй инстанціи.

Какого либо возмѣщенія за этотъ страшный моральный и очень крупный имущественный вредъ посланнику Бирку пока еще не дано. Но даже среди тѣхъ лицъ, которые были въ свое время въ Эстоніи протвниками его, окрѣпло убѣжденіе, что съ нимъ поступили несправедливо, что слишкомъ легко довѣрились ГПУ, которое ловко сумѣло воспользоваться разномысліемъ и мелкой борьбой интересовъ, а произведеннымъ арестомъ посланника создало какъ бы наглядное доказательство его, раздутой ГПУ измѣны, — какой и въ чемъ, тогда вовсе не говорилось. Такимъ образомъ былъ нанесенъ большой моральный вредъ и юному государству Эстоніи.

Покинутый всѣми и оклеветанный предъ всѣмъ міромъ, — Биркъ никакой опасности уже не представлялъ для СССР, и его держали живымъ на всякій случай, чтобы въ будущемъ использовать такъ или иначе. Чудомъ ему удалось спастись.

Дипломатическій корпусъ, какъ я уже указалъ, отнесся совершенно иначе, чѣмъ многіе граждане въ самой Эстоніи. Только въ этомъ Биркъ черпалъ моральную силу, чтобы жить и работать въ Эстоніи.

Исторія Бирка чрезвычайно поучительна для каждаго государства, и особенно сейчасъ, когда пропадаютъ, исчезаютъ, присуждаются къ разстрѣлу десятки людей, и все, съ виду, по непонятнымъ причинамъ. То, что теперь все дѣло Бирка расшифровано, раскрыто и выяснено, слава Богу, снимаетъ съ молодого эстонскаго государства ту моральную тяжесть, которая въ противномъ случаѣ осталась бы на немъ навсегда, — былъ бы настоящій позоръ, если Биркъ, первый министръ

иностранныхъ дѣлъ и долголѣтній посланникъ въ Москвѣ, оказался бы шпіономъ. Къ счастью, этого не было.

«Дискредитированіе» было однимъ изъ способовъ борьбы за коммунистическій интернаціоналъ. «Борьба» эта должна быть интересна для всѣхъ народовъ и государствъ. «Дѣло» Бирка многое разъяснило и обнаружило для всѣхъ несомнѣнность сотрудничества ГПУ и НКИД, а это могло бы оставаться необнаруженнымъ еще долгое время. Посланникъ Биркъ оказалъ огромную услугу всему человечеству, невольно раскрывъ тайные, хитрые ходы и дѣйствія страшныхъ силъ, разрушающихъ устои морали, принципы чести не только у отдѣльнаго человѣка, но посягающихъ и на цѣлые народы и государства.

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОННАГО ОТДѢЛА ОГПУ.

Чтобы еще нагляднѣе показать ту завидную и рѣдкую гармонію, которая существовала между ГПУ и НКИД, освѣтить ихъ общія цѣли, я приведу точную копію чрезвычайно интереснаго документа. Этотъ документъ секретное письмо контръ-революціоннаго отдѣла ОГПУ, т. е. особаго и самаго важнаго отдѣла политическаго управленія. Заказное письмо — № 218-с, отъ 11 января 1926 г., было отправлено по почтѣ и ошибочно доставлено почтальономъ въ мои руки. Вотъ его содержаніе:

«Многоуважаемый товарищъ, въ отвѣтъ на ваше № 678 отъ 25. XII. 25 и въ дополненіе моихъ устныхъ съ вами переговоровъ сообщаю, что арестованный и осужденный нами въ ссылку гражд. К.... является для насъ чрезвычайно опаснымъ человѣкомъ по слѣдующимъ причинамъ. Онъ до своего ареста довольно продолжительное время состоялъ сотрудникомъ... консульства въ Омскѣ и...... миссіи въ Москвѣ. Послѣднее обстоятельство, по увольненію К..... изъ...... миссіи, толкнуло насъ на рѣшеніе использовать его, какъ средство для установленія связи съ однимъ изъ отвѣтственныхъ работниковъ..... миссіи.

Въ короткій періодъ поведенная нами работа въ указанной плоскости дала положительные результаты, но въ то же время создала положеніе, при которомъ дѣльнѣйшее послѣдовательное использованіе пріобрѣтеннаго нами работника, въ нужной намъ степени, стало предъ опасеніемъ полнаго его расконспирирова-

нія, такъ какъ гражданинъ К..., будучи посредникомъ перваго знакомства, зналъ и о характерѣ дальнѣйшей нашей связи съ нимъ, благодаря чему могъ въ любой моментъ поставить насъ и нашу работу въ невыгодную для насъ обстановку. Выходя изъ создавшагося положенія — съ одной стороны, и съ другой — идя навстрѣчу требованіямъ пріобрѣтеннаго цѣннаго работника, мы были вынуждены арестовать гражд. К... и, инкриминируя ему соотвѣтствующее преступленіе, приговорить къ ссылкѣ и тѣмъ самымъ избавиться отъ лишняго свидѣтеля.

Спустя нѣкоторое время создалось и другое положеніе: мы стали замѣчать, что къ «нашему человѣку» въ... миссіи почему-то стали относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Предполагая, что это дѣло рукъ гр. К..., мы вынуждены были сдѣлать черезъ Наркоминдѣлъ отводъ «нашему человѣку», дабы такимъ маневромъ замаскировать его сотрудничество съ нами въ глазахъ... правительства и тѣмъ самымъ продолжать налаженную связь.

Въ данное время указанный человѣкъ находится въ... не у дѣлъ, но у насъ имѣются неоспоримыя данныя на его скорую реабилитацію и возвращеніе въ Москву. Вотъ тѣ основныя причины, исходя изъ которыхъ мы ни въ коемъ случаѣ не могли удовлетворить вашу просьбу о включеніи гражд. К... въ списки обмѣняемыхъ на просимаго вами товарища, тѣмъ болѣе въ первую очередь, ибо выдача гражд. К. при неустойчивомъ положеніи «нашего человѣка» въ... могла лишь помѣшать намѣченному нами плану и усугубить его личное благополучіе. По пріѣздѣ же «нашего человѣка» изъ... въ Москву, мы полагаемъ, если это будетъ необходимо, за указанную имъ намъ цѣнную услугу, оставить его совсѣмъ въ СССР, и только тогда ваша просьба будетъ удовлетворена при условіи, если... правительство захочетъ получить отъ насъ по обмѣну гражд. К. Послѣдующій обмѣнъ долженъ состояться въ ближайшее время.

Съ коммунистическимъ привѣтомъ
Нач. 2 отдѣленія КРО ОГПУ
(подпись,)

11. I. 26 № 218-С

Часа черезъ два послѣ полученія этого письма ко мнѣ явился почтальонъ и умолялъ возвратить ему письмо, искренно увѣряя, что ему грозитъ чуть ли не смертная казнь. Въ простотѣ души онъ, очевидно, не

подозрѣвалъ, что письмо уже было вскрыто, прочтено, и въ виду важности документа, съ него снята копія.

Когда съ этимъ письмомъ ознакомился посланникъ соотвѣтствующей страны, онъ призналъ, что все въ немъ совершенно неоспоримо: и ссылка гражд. К. и отводъ «нашего человѣка» НКИД'омъ, къ которому правительство стало относиться уже съ недовѣріемъ. Не было никакого сомнѣнія, что это письмо написано въ контръреволюціонномъ отдѣлѣ ОГПУ: на конвертѣ стояла эта надпись, въ ней точно былъ обозначенъ отправитель этого заказнаго письма и, конечно, никто другой какъ и никакое другое учрежденіе не посмѣли бы самозванствовать и обозначать фиктивнаго отправителя. И, вотъ, теперь, спустя 12 лѣтъ, когда я читаю о разныхъ процессахъ въ СССР и не успѣваю сосчитать, сколько тамъ погибаетъ совѣтскихъ людей, я каждый разъ вспоминаю совѣтскаго гражд. К., которому инкриминировались соотвѣтствующія «преступленія», чтобы «избавиться отъ лишняго свидѣтеля». Невольно напрашивается вопросъ: «Что же такое, наконецъ, Коммунистическій Интернаціоналъ, во имя котораго все это продѣлывается? И тутъ отвѣтъ одинъ: это — величайшее преступленіе въ мірѣ.

«ВЕРБОВКА» ДИПЛОМАТОВЪ НА СЛУЖБУ ГПУ.

Я совсѣмъ не хочу дѣлать поспѣшныхъ заключеній. Можно было бы привести множество примѣровъ въ доказательство моей мысли, но я ограничусь случаемъ, о которомъ мнѣ лично разсказалъ одинъ иностранный представитель въ Москвѣ. Не называю страны, отъ представителя которой я получилъ эти свѣдѣнія, только потому, что разсказанный случай не получилъ огласки. Произошло это въ 1928 г. Мой коллега разсказывалъ:

— Вопреки моему желанію, ко мнѣ, въ качествѣ секретаря, прислали явно несоотвѣтствующее лицо. Этотъ назначенный секретарь много пилъ, былъ неразборчивъ въ своихъ отношеніяхъ съ женщинами, отличался слабоволіемъ, былъ несдержанъ, особенно въ нетрезвомъ видѣ, и всегда оказывался въ долгахъ,—словомъ, могъ служить гдѣ угодно, но только не въ дипломатическихъ учрежденіяхъ. Все же я согласился принять его къ себѣ, но съ условіемъ, что самъ министръ иностранныхъ дѣлъ беретъ на себя всю отвѣтственность за этого секретаря. Министръ согласился: этого «секре-

таря» выдвигали влiятельныя лица. Зная цѣну этому человѣку, я установилъ за нимъ самое тщательное наблюденiе. Слѣдилъ за нимъ я и самъ.

Прошло немного времени, и я засталъ его за страннымъ телефоннымъ разговоромъ: кто-то просилъ его придти на свиданiе по важному дѣлу. Я зналъ, что телефонные разговоры иностранныхъ представителей подслушиваются, и потому сдѣлалъ выговоръ моему секретарю, напомнивъ ему, что о всякихъ свиданiяхъ говорить по телефону несторожно.

Секретарь выслушалъ меня и все же отправился на свиданiе. Оказалось, это происходило уже не въ первый разъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся въ нетрезвомъ видѣ. Я позвалъ его и заставилъ разсказать все до мелочей. Растерянный, подъ моимъ давленiемъ и напоромъ, онъ мнѣ повѣдалъ обо всемъ: «... Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву знакомые въ г.... дали мнѣ адресъ надежнаго человѣка, бывшаго царскаго офицера. Я сталъ съ нимъ встрѣчаться и проводить за рюмкой водки часъ-другой въ ресторанахъ. Сегодня онъ мнѣ неожиданно сдѣлалъ ужасное предложенiе. Передамъ его вкратцѣ. Вы, — предложилъ мнѣ этотъ бывшiй офицеръ, —какъ умный человѣкъ, должны понять, что очень скоро государства Средней Европы исчезнутъ одно за другимъ, побѣжденныя силой СССР. Поэтому уменъ будетъ тотъ, кто заблаговременно перейдетъ къ намъ, большевикамъ, на службу. Чтобы подбодрить секретаря, бывшiй офицеръ упомянулъ, что даже нѣкоторые иностранные министры состоятъ на службѣ у объединенныхъ учрежденiй НКИД и ГПУ, и никто объ этомъ не знаетъ. Даже больше: онъ обѣщалъ мнѣ и болѣе успѣшное продвиженiе по дипломатической службѣ, рисовалъ всякiя будущiя блага. Нарисовавъ «положительную», соблазнительную сторону дѣла, офицеръ предостерегающе указалъ и на рискъ въ томъ случаѣ, если я не соглашусь на его предложенiе. Въ такомъ случаѣ черезъ НКИД, черезъ другихъ агентовъ, даже черезъ прессу и всякими другими путями и средствами будетъ доведено до общаго свѣдѣнiя, причемъ, конечно, въ преувеличенномъ видѣ, о всѣхъ моихъ поступкахъ и порокахъ, — о томъ, какъ въ нетрезвомъ видѣ я поколотилъ извозчика на улицѣ, какъ гдѣ-то упалъ на колѣни передъ какой-то женщиной и цѣловалъ ея ноги, какъ опрокинулъ столикъ въ ресторанѣ и устроилъ скандалъ, какъ скрылъ весьма важное дѣло отъ собственнаго правительства передъ прiѣздомъ въ СССР и т. д.»

Всего этого было, конечно, достаточно, чтобы дипломатическая служба «секретаря» если онъ непослушенъ оборвалась навсегда. Конечно, деморализованный такимъ образомъ человѣкъ легко можетъ стать вѣрнымъ слугой своего грознаго соблазнителя. Важно только его «завербовать», потомъ уже все пойдетъ гладко: «Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть». Напрасно и наивно думать, что такiя «завербованiя» остаются безъ результатовъ. Наоборотъ: онѣ удавались часто, ибо только этимъ и можно объяснить совершенно наглый и открытый подходъ къ дѣлу, этотъ простѣйшiй механизмъ вербовки. Тамъ не заманиваютъ, тамъ захватываютъ, — это не сѣти, а арканъ.

КОНТРАБАНДНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Если это допускалось по отношенiю къ высшимъ служащимъ, то, само собой разумѣется, съ низшими не церемонились совсѣмъ, дѣлали, что хотѣли. Сколько было создано о нихъ «контрабандныхъ» процессовъ! Напр., русскiй гражданинъ, хорошiй знакомый иностранца, проситъ его привезти какую-нибудь вещь изъ заграницы, — въ моментъ передачи, хотя свиданiе происходитъ совершенно секретно, агентъ ГПУ уже тутъ какъ тутъ и — контрабандный процессъ готовъ. Случалось и такъ, что «знакомый» изъ Россiи пишетъ другу, находящемуся за-границей, и умоляетъ помочь, — пусть пришлетъ съ оказiей что-нибудь, — и вотъ — та же исторiя: контрабандный процессъ.

Доходило дѣло и до курьезовъ. Служащiй одного посольства, одолѣваемый просьбами купить заграницей совѣтскому гражданину лезвiя для безопасной бритвы, прiобрѣлъ ихъ на московской толкучкѣ, и когда передавалъ эти лезвiи, своему «знакомому», былъ задержанъ агентами ГПУ. На толкучкѣ онъ купилъ потому, что подозрѣвалъ «знакомаго» въ желанiи его подкузьмить, спровоцировать и предать въ руки чекистовъ. Получился большой конфузъ. Конечно, здѣсь важно не уличить въ нарушенiи декрета, а завербовать новаго агента, прошантажировать его, деморализовать, дискредитировать, загнать въ свой загонъ.

Больше всего отъ этого страдали иностранные коммерсанты. Всѣ они такъ или иначе были на службѣ ГПУ, если хотѣли, чтобы ихъ дѣла шли успѣшно. Я лично зналъ коммерсанта, латвiйскаго гражданина Т., который долженъ былъ еженедѣльно являться въ ГПУ и обо всемъ его информировать. Правда, онъ при-

ходилъ и ко мнѣ, информировалъ и меня. Неожиданно онъ женился на красивой «женѣ» секретаря одного весьма важнаго комиссара, близкаго, конечно, и къ сферамъ ГПУ, и я уже не вѣрилъ больше его «информаціи».

Послѣдствія подтвердили это, и этотъ самый «коммерсантъ», уже въ Ригѣ, началъ снабжать моихъ политическихъ противниковъ, совершенно абсурдными выдумками. Цѣль была все та же, старая, знакомая: дискредитировать меня, какъ это хотѣлось ГПУ и НКИД. Дѣлалъ онъ это, конечно, ради своихъ коммерческихъ интересовъ, желая получить лицензію на ввозъ запрещенныхъ въ СССР товаровъ, но, можетъ быть, и поневолѣ, какъ уже завербованный агентъ ГПУ, стоящій подъ его внушительной угрозой. Такія лица подвергались иногда и аресту, и, вообще, ихъ можно причислить къ самымъ несчастнымъ существамъ. Очутившись въ рукахъ ГПУ, они становились его гончей собакой, охотились за другими, постепенно теряли послѣдніе остатки морали, утрачивали человѣческій обликъ и, дискредитируя другихъ, дискредитировали себя.

ЖЕНЩИНЫ НА СЛУЖБѢ ГПУ.

Большія услуги ГПУ оказывали женщины. Можно считать правиломъ, что всѣ женщины, которыя вели знакомство съ иностранцами, неизмѣнно и всегда были на учетѣ ГПУ и всячески имъ использовывались, какъ только это было нужно. Не удивительно, что и на браки иностранцевъ съ совѣтскими женщинами, хотя бы, и бывшими аристократками, смотрѣли подозрительно. Напримѣръ, жена одного посла мнѣ лично говорила, что не можетъ пригласить къ себѣ на вечеръ служащаго, должностное лицо, вмѣстѣ съ женой только потому, что она «совѣтская жена».

Но и безъ браковъ женщины великолѣпно справлялись съ полученными заданіями. Мнѣ точно извѣстно, что одинъ молодой аташэ, навѣстивъ поздно вечеромъ своихъ знакомыхъ барышень, долженъ былъ у нихъ пробыть чрезвычайно долго, такъ какъ чуть ли не на его глазахъ пропала вдругъ часть его одежды, безъ которой выйти на улицу было совершенно немыслимо. Съ этой необходимой частью одежды пропалъ и ключъ отъ несгораемаго шкафа, гдѣ хранились шифры. Потомъ эта злополучная часть одежды съ ключемъ нашлась,

но, очевидно, тогда, когда все нужное было уже сдѣлано. Молодой аташэ, какъ честный человѣкъ и вѣрный чиновникъ, все откровенно разсказалъ своему шефу, но долженъ былъ покинуть немедленно Москву. Увы, не всѣ имѣли такое гражданское мужество, чтобы разсказывать откровенно о своихъ промахахъ.

Уже покинувъ Москву, я узналъ, какъ служащій одного консульства въ Ленинградѣ, влюбленный въ танцовщицу, сталъ предателемъ своихъ же гражданъ. Дѣло было сорганизовано такъ, что онъ долженъ былъ по горячей просьбѣ своей возлюбленной привезти ей чемоданъ дамскихъ чулокъ, которыхъ тогда совсѣмъ не было въ Петроградѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ передавалъ чемоданъ своей танцовщицѣ, изъ другой комнаты вышли агенты ГПУ и составили протоколъ о контрабандѣ. Чтобы избѣжать скандала и не лишиться мѣста, этотъ чиновникъ готовъ былъ пойти на любой компромиссъ. Вмѣстѣ съ другой женщиной, которая эту исторію раскрыла, онъ былъ приглашенъ въ ГПУ. Тамъ, очевидно, поладили миромъ, и дѣло было ликвидировано. Но вслѣдъ за этимъ произошли аресты многихъ иностранцевъ, такъ или иначе связанныхъ съ этимъ господиномъ. Причины этихъ арестовъ были ясны и безспорны: это была плата поклонника танцовщицы за ликвидацію его дѣла о контрабандѣ.

Если въ «дѣлѣ» Бирка женщина играла кое-какую роль, то въ «дѣлѣ» японскаго военнаго аташэ она сыграла уже роковую роль, — привела его къ самоубійству. Въ Москвѣ прекрасно знали, что въ совѣтскихъ газетахъ не можетъ появиться ни единой строки объ иностранныхъ представительствахъ безъ вѣдома НКИД. Поэтому всѣ дипломаты были крайне удивлены, когда однажды прочли въ газетѣ «Вечерняя Москва» о скандалѣ, съ японскимъ военнымъ аташэ на квартирѣ его машинистки, при чемъ мебель съ шумомъ ломалась и выбрасывалась черезъ окно квартиры. Разсказывали, что эта машинистка, покорившая сердце военнаго аташэ, устроила у себя вечеръ съ участіемъ агентовъ ГПУ, которые спровоцировали весь этотъ дебошъ. Вскорѣ молніеносно облетѣла всѣ иностранныя представительства страшная вѣсть: японскій военный аташэ покончилъ съ собой, — сдѣлалъ себѣ харакири. На всѣхъ это подѣйствовало подавляюще. Трупъ его сожгли въ московскомъ крематоріи со всѣми полагающимися по японскому ритуалу церемоніями, и на этихъ похоронахъ участвовалъ весь дипломатическій корпусъ. Смерть японскаго аташэ была реваншемъ, публичной отпла-

той чекистамъ за подстроенный позоръ. Морально японецъ побѣдилъ и ГПУ и НКИД, которые хотѣли дискредитировать въ глазахъ міра и его самого, и его страну.

Чтобы создать болѣе систематическую организацію для уловленія иностранцевъ женщинами, создали даже специальную должность посредника между иностранцами и художественнымъ міромъ Москвы. Эти обязанности выполнялъ бывшій баронъ Борисъ Сергѣевичъ Штейгеръ, теперь уже давно разстрѣлянный. Его главной заботой было сближеніе иностранцевъ съ актрисами и танцовщицами. Въ распоряженіи Штейгера были всѣ балерины, и онъ свободно распоряжался ими. Онъ внимательно слѣдилъ, какая изъ балеринъ нравится тому или другому иностранцу и, когда это было нужно, Штейгеръ, видя, что иностранецъ стѣсняется, шутя и откровенно говорилъ ему: «Ну, что вы, — любая изъ нихъ можетъ быть въ вашемъ распоряженіи.» Да, всѣ эти знаменитыя и не знаменитыя балерины, пѣвицы, молодыя актрисы часто въ рукахъ ГПУ являлись «рабынями веселья».

РАЗСТРѢЛЫ.

Дипломатическій корпусъ, конечно, зналъ о роли Штейгера, но строго его не осуждалъ, — наоборотъ, жалѣлъ, какъ жертву ГПУ. Онъ самъ разсказывалъ моему коллегѣ трагедію своей жизни. Онъ — сынъ извѣстнаго въ южной Россіи помѣщика, барона Штейгера, обрусѣвшаго нѣмца. Прежде Штейгеръ служилъ въ гвардіи, и въ дни революціи, какъ анти-большевикъ, былъ присужденъ къ смертной казни. Его уже повели на разстрѣлъ, но указали выходъ и спасеніе: службу въ ГПУ. Молодой Штейгеръ очутился между двумя безднами. Онъ согласился оказывать услуги чекистамъ. Какъ трудно осуждать человѣка за такой компромиссъ, когда его безнадежно и безжалостно окружила гробовая жуть! Бываютъ такія положенія, при которыхъ никто не смѣетъ бросить камень даже въ кругомъ виноватаго человѣка. И когда я прочелъ въ газетахъ, что Штейгеръ разстрѣлянъ ГПУ, вмѣстѣ съ Караханомъ и Енукидзе, мнѣ его какъ то особенно стало жаль, — эту жертву, которую ГПУ сперва деморализовало, потомъ уничтожило, можетъ быть, какъ лишняго свидѣтеля.

Штейгера обвинили въ сношеніяхъ съ иностранцами, забывъ, что 10 лѣтъ тому назадъ его обязанностями

по службѣ было поддерживать эту связь. Онъ исполнялъ только навязанныя ему обязанности, и, должно быть, хорошо исполнялъ, потому что его положеніе постоянно крѣпло.

Разстрѣлянъ былъ и Енукидзе, этотъ вѣчный секретарь Совнаркома, добродушный по природѣ человѣкъ, который былъ извѣстенъ тѣмъ, что къ нему и черезъ него обращались съ просьбами о помилованіи. Онъ былъ отзывчивъ и помогалъ, гдѣ и какъ могъ.

Той же участи подвергся и Пятаковъ, съ которымъ когда-то въ Кремлѣ я такъ дружески бесѣдовалъ, сидя за однимъ столомъ. Онъ мнѣ казался честнымъ и безкорыстнымъ совѣтскимъ труженикомъ, типично русскимъ человѣкомъ и русскимъ патріотомъ. Такъ тамъ разстрѣливали и разстрѣливаютъ безъ счета и смысла, забывая всѣ услуги, оказанныя этими несчастными людьми, не принимая въ соображеніе никакихъ доводовъ, не испытывая ни жалости, ни благодарности.

Вспоминается засѣданіе въ началѣ революціи, о которомъ мнѣ разсказывали, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, который будемъ лучше считать анекдотомъ. За общимъ столомъ собрались отвѣтственные представители, вершители судебъ русскаго народа. Обсуждался наиважнѣйшій вопросъ о революціонной программѣ, тактикѣ, методахъ управленія и т. д. Среди другихъ былъ здѣсь и одинъ армянинъ, который долго слушалъ пренія, но потомъ вдругъ не выдержалъ, вскочилъ и съ кавказскимъ акцентомъ воскликнулъ: «Какой программъ? Какой тактикъ? Бери кинжалъ, иди и рѣжь!» Совѣтъ этого дѣйствительнаго или анекдотическаго армянина, повидимому пришелся по вкусу совѣтскимъ вождямъ, и тамъ рѣзали и рѣжутъ сейчасъ, спустя цѣлыхъ 20 лѣтъ послѣ начала революціи.

Говоря о разстрѣлахъ, не могу не вспомнить очень извѣстнаго въ Россіи и заграницей желѣзнодорожнаго дѣятеля фонъ Мекка, разстрѣляннаго за вредительство вмѣстѣ съ двумя, тоже хорошо извѣстными въ Россіи желѣзнодорожниками. Совершенно невозможно предположить, чтобы фонъ-Меккъ, которому шелъ седьмой десятокъ, преданный всей душой желѣзнодорожному дѣлу, могъ оказаться какимъ-то «вредителемъ». Напомню, что имя фонъ-Меккъ связано не только съ этой огромной отраслью государственнаго хозяйства, не только съ желѣзнодорожными вопросами: Надежда Филаретовна фонъ-Меккъ долгіе годы субсидировала русскаго геніальнаго композитора П. И. Чайковскаго.

На основаніи русско-латвійскаго мирнаго догово-

ра, фонъ-Меккъ имѣлъ право на латвійское подданство. Онъ былъ занесенъ въ списокъ нашихъ оптантовъ. Приближался послѣдній срокъ оптаціи, и ко мнѣ впервые явился фонъ-Меккъ со своей женой. Я увидѣлъ почтеннаго господина высокаго роста, умудреннаго житейскимъ опытомъ.

Въ долгой бесѣдѣ онъ мнѣ разсказалъ все, какъ священнику на исповѣди. Оказалось, его арестовывали чуть ли не 12 разъ, къ нему всячески придирались, искали хотя бы малѣйшаго повода для обвиненія, ничего не находили, выпускали, снова арестовывали, допрашивали, вновь освобождали, и фонъ-Меккъ имѣлъ всѣ основанія полагать, что его больше уже не будутъ тревожить, какъ аполитическаго старика и позволятъ отдать послѣдніе дни цѣликомъ любимому дѣлу, оцѣнивъ его, какъ большого спеціалиста.

Перебраться въ Латвію онъ былъ не прочь, но его смущало, что у насъ, все-таки, мало желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ простора для его широкой работы, что онъ, можетъ быть, пожалѣетъ объ отъѣздѣ. Съ этими доводами и соображеніями я не могъ не согласиться. Я сказалъ фонъ Мекку, что на его мѣстѣ я, пожалуй, поступилъ бы также. Онъ и его жена поблагодарили меня отъ всей души за внимательное участіе къ ихъ судьбѣ. Отъ оптаціи Меккъ отказался и вышелъ изъ посольства, какъ совѣтскій гражданинъ, потерявшій право на латвійское гражданство. Когда, меньше чѣмъ черезъ годъ, стало извѣстно, что фонъ Меккъ разстрѣлянъ, я былъ въ непоколебимой увѣренности, что погибъ совершенно невинный человѣкъ, при томъ весьма нужный самимъ большевикамъ. И вотъ почему и позднѣйшіе разстрѣлы самихъ большевиковъ я разсматриваю не какъ наказанія за преступленія.

Для того чтобы получить болѣе полную картину всѣхъ этихъ дѣлъ, этой уловляющей и смертоносной практики, слѣдуетъ разобраться и, конечно, съ общей точки зрѣнія, въ работѣ ГПУ и НКИД заграницей.

Порой кажется, что совѣтское представительство въ томъ или другомъ государствѣ является скорѣй органомъ ГПУ, чѣмъ НКИД. Часто въ этихъ заграничныхъ учрежденіяхъ ГПУ является болѣе важной и отвѣтственной отраслью, чѣмъ НКИД. Заграничная армія агентовъ ГПУ, конечно, во много разъ больше, чѣмъ число оффиціальныхъ дипломатическихъ представителей, вмѣстѣ взятыхъ. Наивно думать, что эти агенты занимаются только шпіонажемъ. Противъ этого всѣ государства могутъ и умѣютъ бороться и защищаться.

Одно изъ важныхъ заданій агентовъ — другое: они должны дискредитировать, деморализовать и децентрализировать. Для этого они обязаны пользоваться всякими разногласіями политическихъ партій, искусственно создавать столкновенія и обостроенія. При помощи женщинъ этимъ агентамъ удается бросать тѣнь на нежелательныхъ лицъ, дискредитировать ихъ, убирать съ постовъ, и эта хитрая тактика проводится ими легко и ловко.

Приведу трагическій примѣръ.

Въ Латвіи былъ талантливый, опытный генералъ Radzin, заслуженно считавшійся большимъ военнымъ авторитетомъ; онъ кончилъ академію генеральнаго штаба съ золотой медалью въ Петроградѣ и былъ начальникомъ штаба въ Новогеоргіевскѣ во время міровой войны. Это признавалось и въ Латвіи и за ея предѣлами. Но Радзинъ очень не нравился большевикамъ. Надо было найти къ нему подходъ. И онъ былъ найденъ. Агенты понимали, что шпіоновъ боятся всѣ. Нѣкто Lange, большевицкій агентъ, сотрудникъ совѣтскаго посольства въ Латвіи, установилъ кое-какія связи съ хозяйкой пансіона, гдѣ жилъ лѣтомъ генералъ Radzin. Конечно, къ самому Radzin'ю онъ не могъ приблизиться, ничего не могъ отъ него и вывѣдать, да это ему было и ненужно. Цѣль была иная.

Вотъ, что произошло. Этотъ сотрудникъ совѣтскаго посольства Lange скоро былъ пойманъ, обвиненъ въ шпіонажѣ, такъ же, какъ хозяйка пансіона Бинджe. Правду сказать, все это было сорганизовано чрезвычайно глупо, никакихъ свѣдѣній отъ генерала Radzin'а они не получали и не могли получить. Но важно было бросить тѣнь на этого незапятнаннаго и авторитетнаго человѣка, и Lange былъ пойманъ, ему былъ устроенъ «провалъ» съ единственной цѣлью показать, что генералъ Radzin связанъ со шпіонами. Большевики не безъ основанія считали, что тѣмъ самымъ они морально уничтожаютъ Radzin'а, потому что дальнѣйшій ходъ вещей будетъ завершенъ политическими партіями, сплетнями, счетами, печатью и т. д. Дѣйствительно, началась травля генерала, создалось много непріятностей, Radzin съ горя началъ пить и безвременно погибъ. Все прошло, какъ по писанному, такъ, какъ хотѣлось большевикамъ.

А въ Москвѣ въ это самое время, театръ Корша ставилъ пьесу, дискредитирующую въ глазахъ совѣтскихъ гражданъ весь капиталистическій міръ. Пьеса называлась «Карьера министра». Ея герой оказывался

бандитомъ, взломщикомъ, но благодаря всеобщему моральному упадку, получилъ постъ министра и, конечно, сталъ дѣйствовать, какъ настоящій бандитъ.

Особенно сильное желаніе у совѣтскихъ агентовъ было дискредитировать меня, но объ этомъ я разскажу дальше.

СОВѢТСКІЙ СУДЪ.

Когда недавно подготовлялся и шелъ судебный процессъ Рыкова, Крестинскаго, Раковскаго, Бухарина, Ягоды и др., я вспомнилъ, какъ судился въ Ленинградѣ 20 и 21 февраля 1929 г. латвійскій гражданинъ, теперь уже покойный, Volfman, директоръ «Морганъ Крюзабелъ Ко», ленинградскаго тигельнаго завода. Volfman былъ когда-то народнымъ учителемъ. Преслѣдуемый въ Латвіи, онъ попалъ на англійскій заводъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ его директоромъ. Энергичный, честный человѣкъ изъ народа, онъ геройски, — въ полномъ смыслѣ этого слова, — охранялъ заводъ отъ большевиковъ, и тамъ продолжались работы. Конечно, совѣтскія власти хотѣли, во что бы то ни стало, закрыть заводъ и — закрыли. Такъ какъ заводъ принадлежалъ англичанамъ, то необходимо было для него инсценировать преступную дѣятельность главнаго распорядителя. Поэтому предали суду Volfman'а. Съ этимъ дѣломъ я былъ хорошо ознакомленъ и лично отправился на судъ въ Ленинградъ, попросивъ французскаго посла и другихъ прислать на это судьбище и своихъ представителей. Интересъ къ этому дѣлу я хотѣлъ сдѣлать болѣе общимъ. Volfman обвинялся, какъ вредитель, въ томъ, что онъ далъ совѣтскому инженеру Брилкину взятку въ 1500 рубл. Volfman это отрицалъ. Въ дѣлѣ не было никакихъ доказательствъ, кромѣ голословнаго утвержденія самого Брилкина, а такъ какъ тотъ тоже судился — именно за принятіе взятки, то значитъ, онъ самъ же себя и оговаривалъ. 20 февраля я просидѣлъ на судѣ отъ 10 утра до 8 вечера, а 21-го февраля съ 11 утра до 7 вечера. Я не хотѣлъ пропустить ни одного момента, хотѣлъ все видѣть и все слышать и для этого, занялъ мѣсто въ первомъ ряду. Это, конечно, подбадривало подсудимаго. Онъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, судья убѣдился, что ничего изъ обвиненія не выходитъ. Казалось бы, сама логика подсказывала, что надо вынести оправдательный приговоръ. Вдругъ судья прервалъ процессъ и ушелъ на совѣщаніе. Черезъ какой-нибудь

часъ вошелъ судъ и объявилъ: «Такъ какъ на судѣ выяснилось, что Volfman занимался шпіонажемъ, то судъ постановилъ произвести дополнительное дознаніе и гражданина Volfman'а оставить въ заключеніи».

Я былъ такъ возмущенъ этимъ совершенно неожиданнымъ и дикимъ поворотомъ дѣла, что тутъ же немедленно подошелъ къ представителю НКИД и сказалъ, буквально, слѣдующее:

— Я пріѣхалъ въ Ленинградъ на три дня, чтобы осмотрѣть городъ, произвести контроль въ консульствѣ и, между прочимъ, побывать на процессѣ Volfman'а. Но я такъ возмущенъ веденіемъ этого дѣла, что хочу выразить свой протестъ прежде всего тѣмъ, что немедленно покидаю Ленинградъ, о чемъ прошу довести до свѣдѣнія НКИД.

Такъ какъ Volfman'а я зналъ очень хорошо, и онъ отъ меня ничего не скрывалъ, я могу рѣшительно утверждать и завѣрить, что никакъ и никогда онъ не былъ причастенъ ни къ какому шпіонажу. Въ концѣ концовъ, Volfman'а освободили подъ вліяніемъ весьма энергичныхъ воздѣйствій латвійскаго правительства, а также не оффиціальныхъ воздѣйствій англійскаго представительства. Его выпустили на свободу, но это сочиненное большевиками дѣло не прошло для него безслѣдно. Онъ сталъ издерганнымъ, нервнымъ, больнымъ и преждевременно трагически погибъ.

ВРЕДИТЕЛЬСТВА.

ГПУ занималось и дѣлами о «вредительствахъ» въ СССР. Этихъ дѣлъ — тысячи. Совѣтскіе суды не успѣваютъ съ ними справляться. Людей разстрѣливаютъ, тюрьмы переполняются, и всѣ эти обреченные оказываются непремѣнно «вредителями». Судъ оглашаетъ удивительные факты; «вредители» сознаются, но никакъ нельзя повѣрить, что злоумышленники — троцкисты могутъ организовывать, порою при участіи самыхъ простыхъ рабочихъ въ такомъ масштабѣ всероссійское вредительство.

Въ чемъ же дѣло? Кто настоящій виновникъ «вредительствъ»?

Я могу привести очень много примѣровъ изъ обыденной совѣтской жизни, свидѣтельствующихъ совсѣмъ о другомъ. Ограничусь только тѣми, которые я могъ наблюдать лично.

Въ началѣ 1926 года, какъ разъ въ одинъ изъ празд-

ничныхъ дней, наступила оттепель, и черезъ крыши особняка, гдѣ помѣщалось наше посольство, въ передней и въ моемъ рабочемъ кабинетѣ съ потолковъ художественной отдѣлки начала просачиваться вода. Я забилъ тревогу. Немедленно позвонили въ «бюробин», т. е. бюро по обслуживанію иностранцевъ. Мы просили прислать рабочихъ для очистки снѣга и исправленія крыши. Отвѣтъ получился отрицательный и даже злобный: «Въ праздникъ не работаютъ, и нечего людей безпокоить».

Вода протекала все больше и больше, и дня черезъ два, когда, наконецъ, пришли мастера, весь потолокъ оказался совершенно мокрымъ. Сверху кое-какъ задѣлали, внутри же вся сырость осталась. Въ результатѣ художественная штукатурка и орнаменты стали откалываться, угрожая жизни, и мнѣ пришлось покинуть кабинетъ и входить въ миссію черезъ другія двери.

Начался ремонтъ. Онъ продолжался долго, чуть ли не цѣлыхъ четыре мѣсяца. И вотъ тутъ я могъ наблюдать совѣтскую работу. Я рѣшилъ никакъ и ничѣмъ не торопить мастеровъ и предоставилъ имъ полную свободу работать, какъ угодно, чтобы воочію убѣдиться, какъ трудятся «въ этой странѣ трудящихся». Утромъ приходятъ рабочіе, но не работаютъ. Я захожу и такъ, между прочимъ, спрашиваю, — почему они не приступаютъ къ дѣлу? Рабочіе отвѣчаютъ: «А вотъ старшой не пришелъ, — не знаемъ, что дѣлать». Такъ проходитъ нѣсколько часовъ. Бьетъ 11. Наконецъ старшой приходитъ, но работать все не начинатюъ. Снова спрашиваю о причинѣ и получаю отвѣтъ: «Да скоро вѣдь обѣдъ, не стоитъ и начинать до обѣда».

Въ слѣдующій разъ не пришелъ инженеръ, потому что онъ долженъ былъ гдѣ-то ждать, потомъ во-время не былъ полученъ матеріалъ, еще были какія-то причины и т. д., и т. д. Все это были различные предлоги, долженствовавшие оправдать невозможность работы. Наконецъ потолокъ былъ исправленъ, но весьма плохо, а стоимость этой работы оказалась огромной , — болѣе 4000 рублей. Ихъ всѣхъ — и рабочихъ и старшого, и инженера, — за это можно было бы отдать подъ судъ. Но, если взглянуть на это дѣло серьезнѣй и внимательнѣй, то кара оказалась бы несправедливой. Эти рабочіе, старшіе, инженеры были поневолѣ связнаы, не могли дѣлать, такъ, какъ этого требовало дѣло, и работали постольку, поскольку имъ дозволяли условія труда въ СССР, т. е. совѣтская система. Такимъ образомъ, они всѣ были «вредителями», но только въ кавычкахъ.

Другой примѣръ.

Въ посольствѣ потребовался ремонтъ корридора во второмъ этажѣ. Опять обратились въ «бюробин», что бы узнать, сколько это будетъ стоить. Прошло дней десять, и мы плучили подробную смѣту, большую тетрадь съ мельчайшими подсчетами работы. Смѣта была удивительная и поражала предусмотрительнымъ подсчетомъ всѣхъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ мелочей. Въ этой большой тетради было точно указано, сколько именно гвоздей, при этомъ самыхъ обыкновенныхъ, надо будетъ вытащить изъ стѣнъ корридора, сколько дыръ послѣ гвоздей нужно будетъ задѣлать, сколько пойдетъ на каждую дыру соотвѣтствующаго матеріала и т. д. И опять общая стоимость получалась необъяснимо большая. Тогда съ этой тетрадью, съ этой подробнѣйшей смѣтой въ рукахъ, я отправился къ члену коллегіи Н. К. И. Д. Стомонякову, который самъ по образованію былъ инженеромъ и прежде работалъ въ Европѣ, между прочимъ въ Бельгіи. Я показалъ ему эту тетрадь и, шутя, иронизируя, сказалъ:

— Эта смѣта, Борисъ Спиридоновичъ, не полна, я ее принять не могу. Тутъ не хватаетъ подсчета еще многихъ статей и цифръ, — напр., ничего не говорится о томъ, что лѣстница на второй этажъ имѣетъ 23 ступени, и, поднимаясь на каждую изъ нихъ, рабочіе изнашиваютъ подошвы сапога на столько-то милліонныхъ частей, а это, въ итогѣ, даетъ уменьшеніе стоимости сапога на такую-то сумму...»

Стомоняковъ взглянулъ на меня, покачалъ головой и тяжело вздохнулъ. Конечно, и онъ ничего не могъ сдѣлать. Не смѣлъ онъ и сказать, что все это — настоящая ерунда, совершеннѣйшій абсурдъ, канцелярская чепуха, никому не нужная бухгалтерія. Этого не могъ осудить громко и Стомоняковъ, да и никто другой, ибо это означало бы осудить всю систему совѣтскаго труда, а эта система и есть настоящій, подлинный, единственный «вредитель» и главная причина всей хозяйственной разрухи въ СССР.

Но и тутъ, какъ вездѣ, какъ въ каждомъ частномъ случаѣ, большевикамъ, ихъ чиновникамъ, ихъ судамъ надо найти не причину, а виновника: не можетъ же государство осудить систему, созданную имъ самимъ. А чтобы найти этого виновника, доказать, что происходитъ «вредительство», что все это дѣло подстроено троцкистами, — на помощь приходитъ ГПУ и устраиваетъ уже дѣйствительное вредительство безъ кавычекъ, которое потомъ и раскрывается на судѣ, даетъ благо-

дарную тему для обвинителя, громогласно и возмущенно обличающаго троцкистовъ, заговоры враговъ, направленные для подрыва хозяйственной мощи совѣтовъ.

И чекисты въ этомъ отношенiи оказываютъ волшебныя услуги и подносятъ суду матерiалъ для непререкаемаго обвиненiя. Они въ группу вредителей поневолѣ вводятъ настоящихъ, спровоцированныхъ вредителей: не угодно ли постороннему глазу, непосвященному человѣку разобраться въ этой толпѣ и отличить козловъ отъ овецъ. Цѣль достигнута: вредители найдены, обличены, наказаны, но о самой системѣ — ни слова. Причины общегосударственной хозяйственной разрухи затушованы, — а это то и требовалось доказать.

Все, что я разсказалъ, только малая доля того, что можно было бы повѣдать мiру о дѣлахъ чекистской агентуры и совѣтскихъ судовъ. Прибавимъ къ этому еще и похищенiе генераловъ Кутепова, Миллера, дѣла Скоблиныхъ и другихъ. Вспомнимъ, что все это совершалось во имя Коммунистическаго Интернацiонала, и передъ нами долженъ естественно и невольно встать грозный вопросъ: «Можетъ ли продолжаться безъ конца этотъ общечеловѣческiй ужасъ?» Вотъ, что значитъ «принципiальная политика», построенная на ложныхъ и преступныхъ принципахъ. Это — безнадежная система, и потому она смертоносна сперва для «буржуевъ», а потомъ гибельна и для самихъ ея создателей.

XVII

ДИПЛОМАТИЧЕСКIЙ КОРПУСЪ ВЪ МОСКВѢ

Нигдѣ такъ дружно, какъ въ Москвѣ, не жилъ дипломатическiй корпусъ въ перiодъ 1923-29 г. г. Это не только мое мнѣнiе. Думаю, что подъ этими словами подпишутся и всѣ мои коллеги, а тогда насъ было въ Москвѣ больше 170 лицъ, пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. Эта большая семья, особенно въ лицѣ ея высшихъ представителей, жила своей особой жизнью, какъ бы отгороженная отъ всей остальной Россiи. Эта отгороженность и стала нашей общей сплоченностью, а наша изолированность, наша обособленность вызывалась россiйскими условiями тѣхъ лѣтъ.

Всѣ посольства и миссiи занимали лучшiе особняки изгнанныхъ московскихъ богачей. Большинство этихъ домовъ было окружено садами и заборами, и эти заборы какъ бы символизировали собой крѣпкую ограду, за которой спокойно могли жить и работать дипломатическiе представители. Но въ этихъ особнякахъ находили себѣ прiютъ и нѣкоторые изъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Напр., въ норвежскомъ посольствѣ, въ его побочныхъ помѣщенiяхъ, проживали оставшiеся въ Москвѣ Морозовы. Особняки совѣтское правительство сдавало въ наемъ посольствамъ, получало деньги и, конечно, ничего не платило прежнимъ владѣльцамъ. Иногда сами посольства, въ той или иной формѣ, хотѣли отплатить какъ-нибудь бывшимъ собственникамъ этихъ домовъ, — чаще всего продуктами питанiя: мы понимали трагическое положенiе этихъ несчастныхъ людей и, какъ могли, шли имъ навстрѣчу.

Тогда совѣтская Россiя была большой загадкой, — важной загадкой для всего мiра, и на дипломатическую службу туда выбирали подходящихъ людей, если и не знакомыхъ съ СССР, то все же тренированныхъ на разныхъ дипломатическихъ постахъ и поприщахъ. Всѣ мы понимали серьезность чашей работы и свою

большую отвѣтственность. Уже это скрѣпляло и соединяло насъ всѣхъ , иностранныхъ представителей. Средства щедро отпускались правительствами дипломатическимъ служащимъ; жизнь въ Москвѣ была дорога.

Часто устраивались дипломатами большие вечера, dîners, концерты, и это тоже помогало нашему сближенію. Это было не только развлеченіемъ, но и необходимостью. Только здѣсь, на этихъ пріемахъ, иностранные представители легче всего могли встрѣчаться съ руководителями и чинами НКИД и другихъ совѣтскихъ учрежденій. Они охотно откликались на наши приглашенія.

Подавались лучшія французскія вина, шампанское, деликатесы, національныя блюда. Прельщали не только щи съ кашей, но и русская черная икра, балыки, осетрина. Какъ еще недавно жила богатая Москва, такъ теперь жили въ посольствахъ.

Австрійскій посланникъ въ Москвѣ Egon Hein, аккредитованный также и при латвійскомъ правительствѣ, провелъ тогда нѣсколько дней въ Ригѣ. Я его спросилъ, какъ онъ находитъ нашу столицу, и онъ отвѣтилъ:

— Отъ Россіи осталась только Латвія.

Онъ былъ правъ: дѣйствительно, въ Латвіи почти все осталось по старому, какъ было до войны. Въ Россіи — наоборотъ: все старое было уничтожено, и о немъ напоминали только пріемы дипломатическаго корпуса.

Но въ особнякѣ Терещенко, гдѣ жили Литвиновъ и Караханъ, жизнь была безбѣдной и даже роскошной. Подъ тяжестью дореволюціонныхъ явствъ ломились столы, на большихъ пріемахъ медвѣди, сдѣланные изо льда, держали въ своихъ лапахъ громадныя блюда съ икрой и, казалось, глядѣли на нее, облизываясь. Такъ на этихъ пріемахъ символизировалась ширь СССР, и медвѣдь Ледовитаго океана подавалъ продукты Каспійскаго моря, знаменуя такимъ образомъ соединеніе сѣвера съ югомъ.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Самымъ большимъ европейскимъ посольствомъ было германское. Оно размѣщалось въ нѣсколькихъ особнякахъ. Главой посольства до 1928 г. былъ графъ Брокдорфъ-Ранцау, испытанный дипломатъ старой бисмаркской школы. Онъ былъ извѣстенъ, какъ демонстративный противникъ Версальскаго договора. 7-го мая 1919 г., въ отвѣтъ на мирныя предложенія союзниковъ, онъ произнесъ холодную и болѣе чѣмъ высокомѣрную рѣчь,

которую называли «нахальной». О ней, уходя съ засѣданія, Lloyd George сказалъ:

— C'est dur d'être vainqueur et d'entendre cela.

Брокдорфъ-Ранцау покинулъ Парижъ, не подписавъ договора, и продолжалъ считать Германію только временно побѣжденной. Въ Москву онъ отправился, чтобы искать тамъ новыхъ союзниковъ въ лицѣ большевиковъ. Онъ еще раньше зналъ Чичерина, когда тотъ былъ секретаремъ русскаго императорскаго посольства въ Берлинѣ.

Какъ Чичеринъ, такъ и графъ Брокдорфъ-Ранцау, были старыми холостяками, и у обоихъ была одна и та же привычка спать до обѣда и работать по ночамъ. По ночамъ же они обсуждали и вопросы міровой политики и усиленнымъ темпомъ двигали впередъ русско-германское сближеніе. Не важно было, какъ понималъ каждый изъ нихъ его конечную цѣль, — гораздо важнѣе было объединить совмѣстныя дѣйствія противъ союзниковъ. Временами казалось, что Германія отходитъ отъ Россіи, становится ближе къ союзникамъ; потомъ Германія снова отворачивалась отъ нихъ и сближалась съ СССР. Это были только маневры: Германіи нужно было балансировать между этими двумя полюсами, чтобы набить себѣ цѣнувъ глаза хъ совѣтскаго правительства.

Но СССР былъ, какъ всегда, ослѣпленъ, разрушалъ Среднюю Европу и, такимъ образомъ, подготовлялъ и создавалъ антисовѣтскую Германію. Эти политическіе маневры графъ Брокдорфъ-Ранцау производилъ въ высшей степени умѣло. Позволительно было думать, что главной цѣлью Брокдорфа было установить германо-русско-японскій союзъ. Къ этой же цѣли, какъ утверждали слухи, стремился тогда и германскій посолъ въ Вашингтонѣ Malzan. Во вскомъ случаѣ, послышалось что-то зловѣщее въ словахъ графа Брокдорфа послѣ русско-японскаго договора: «въ своемъ неуклонномъ стремленіи къ возсоединенію отдѣльныхъ частей великаго государства совѣтское правительство сдѣлало первый шагъ впередъ, и при томъ не только въ смыслѣ матеріальной выгоды, вытекающей изъ предстоящей эвакуаціи Сахалина Японіей, но и въ моральномъ отношеніи, благодаря юридическому признанію со стороны сосѣдней великой державы»...

Въ словахъ «первый шагъ» многіе усмотрѣли скрытыя мысли графа Брокдорфъ-Ранцау и по отношенію къ Средней Европѣ. Но когда его объ этомъ спросилъ финляндскій посланникъ Hackzell, онъ отвѣтилъ — насколько мнѣ извѣстно, — отрицательно, хотя тутъ же

высказался довольно безразлично о судьбѣ Эстонiи — въ связи съ неудавшимся коммунистическимъ путчемъ 1-го декабря 1924 г.

Слѣдствiемъ его общей политики было то, что графъ Брокдорфъ никакихъ контактовъ съ остальными дипломатическими представителями не имѣлъ. Но въ личныхъ отношенiяхъ графъ — приверженецъ былыхъ строгихъ традицiй, былъ обаятеленъ. Его dîners проходили въ высшей степени дисциплинированно, какъ ни въ одномъ посольствѣ. Если гость, увлекшись разговоромъ, клалъ ложку или вилку, стоящiй позади лакей немедленно убиралъ тарелку. Никогда за его столомъ не сидѣло больше 16 человѣкъ. Какъ то моя жена его спросила о причинѣ этого, и Брокдорфъ отвѣтилъ, что эту традицiю ввела еще его мать, и онъ исполняетъ ея завѣтъ.

Моей женѣ онъ любилъ разсказывать о своемъ майоратѣ въ Германiи, гдѣ у него были отличные верховыя лошади, прекрасная охота и, въ свою очередь, внимательно слушалъ, какъ моя жена разсказывала ему о волчьихъ и медвѣжьихъ охотахъ въ Уфимской губернiи, гдѣ ея отецъ, большой любитель-охотникъ, убилъ въ теченiе своей жизни не менѣе 40 медвѣдей, много волковъ, но на охотѣ же и трагически погибъ.

Графъ любилъ коллекцiонировать старую бронзу, и свою большую коллекцiю хранилъ въ Германiи. Помню, какъ однажды комиссаръ Луначарскiй, разсматривая послѣ dîner у графа въ посольствѣ бронзовые канделябры, прiобрѣтенные имъ уже въ Россiи, сказалъ мнѣ, что — будь это не у Брокдорфа, никогда не было бы давно разрѣшенiя на вывозъ изъ Россiи канделябровъ такой высокой художественной цѣнности.

Ближайшими сотрудниками графа были Siegfried Hey, Carl Dienstmann, Hilger и von Tippelskirch. На прiемахъ въ другихъ посольствахъ Siegfried Hey, вмѣстѣ съ другими служащими, являлись раньше и ждали своего посла, какъ хозяинъ ждетъ гостей. Это была нѣмецкая дисциплина. Hey и Hilger владѣли русскимъ языкомъ, были женаты на русскихъ, и вообще германское посольство знало Россiю лучше, чѣмъ дипломатическiе представители другихъ странъ. Этой своей освѣдомленностью они обязаны были, между прочимъ, и нѣмцамъ-спецiалистамъ, коммерсантамъ, чинамъ генеральнаго штаба, своимъ знакомымъ. Впрочемъ, и до войны нѣмцы разбирались въ русскихъ дѣлахъ внимательнѣй, чѣмъ англичане, итальянцы и даже французы, — союзники Россiи.

Графъ Брокдорфъ любилъ на вечерахъ пить французскiй коньякъ, и въ небольшой компанiи при участiи графа бутылка коньяку быстро пустѣла. Лично ко мнѣ и моей семьѣ графъ относился въ высшей степени внимательно, и весной 1928 г. просилъ разрѣшить ему осенью устроить первое dîner въ честь моихъ дочерей. Я былъ польщенъ оказанной мнѣ честью, но, увы! — графъ закончилъ свое земное существованiе раньше этого маленькаго празднества. Вспоминая о немъ, я долженъ сказать, что графъ Брокдорфъ-Ранцау былъ яркой личностью, цѣльнымъ характеромъ и воплощенiемъ этикета. Это — опытный дипломатъ, вѣрный традицiямъ рода и бисмаркской школы, аристократъ и хорошiй политикъ.

Послѣ него въ Москву былъ назначенъ посломъ von Dirgsen. Онъ прiѣхалъ съ женой, и посольство холостяка превратилось въ болѣе уютный семейный домъ.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЯ ПОСОЛЬСТВА.

Въ противовѣсъ Германiи можно было поставить посольство Японiи, — самое большое посольство восточныхъ странъ во главѣ съ Tokichi Tanaka. Онъ прибылъ съ большимъ количествомъ секретарей и военныхъ аташэ. Сперва это посольство занимало небольшой домъ, потомъ переѣхало въ отремонтированный, великолѣпный особнякъ, принадлежавшiй извѣстному московскому богачу Саввѣ Морозову. Эти маленькаго роста люди, японцы, какъ бы пропадали въ большихъ и высокихъ залахъ морозовскаго дворца, но для большихъ прiемовъ эти залы были чрезвычайно подходящими. Японское гостепрiимство, изысканная любезность, предупредительность какъ-то невольно рождали мысль, что, занявъ эти громадныя помѣщенiя, японцы мечтали и сами стать большими въ великой Россiи. Страна цвѣтовъ и Восходящаго Солнца была представлена великолѣпно. Посолъ Tanaka любилъ цвѣты, и во время dîners столъ общей трапезы, буквально, утопалъ въ цвѣтахъ, несмотря на то, что въ Москвѣ тогда ихъ было мало, и они стоили очень дорого. Японцы хитро понимали, какъ нужно было имъ себя вести въ широкой, тароватой, гостепрiимной Москвѣ. Скромные, нетребовательные, они лучше всѣхъ учли психологическiй моментъ тонкости обращенiя и радушiя, а такое пониманiе въ мiровой политикѣ играетъ еще большую роль, нежели въ чисто коммерческихъ отношенiяхъ. Вѣдь, и рус-

скіе купцы, въ томъ числѣ и Морозовъ, въ особнякѣ котораго съ такимъ достоинствомъ помѣстилось японское императорское посольство, придерживалось старой русской поговорки: «Сперва угощеніе, а потомъ — дѣло»; а дѣлалъ онъ колоссальныя, многомилліонныя дѣла. На вечерахъ у посла Tanak'u, наряду съ европейскими блюдами, подавались и чисто японскія: всевозможные рыбные супы, рисъ въ разныхъ видахъ и подъ разными соусами и приправами. Я часто встрѣчался съ Tanaka. Онъ мнѣ нравился открытымъ, громкимъ смѣхомъ; мы часто говорили о политикѣ, и у меня никогда не создавалось впечатлѣнія, что Японія можетъ быть въ союзѣ съ Россіей — если даже онъ будетъ направленъ противъ Англіи и Франціи, какъ этого хотѣла Германія, ея посолъ Брокдорфъ, и самъ СССР. Старый же китайскій посланникъ, впослѣдствіи умершій въ Финляндіи, въ отвѣтъ на разныя гаданія и предостереженія, мудро говорилъ:

— У насъ за 1000 лѣтъ до Рождества Христова былъ коммунизмъ, но ничего не вышло. Такъ и теперь бояться нечего.

Особое положеніе занимало посольство Афганистана, этого буфернаго государства между СССР и Британской имперіей. Король Аманулла пользовался этимъ положеніемъ, и въ Афганистанъ СССР отправлялъ не мало денегъ. Объ Амануллѣ Москва любила говорить, какъ о великомъ реформаторѣ, какъ объ афганскомъ Петрѣ Великомъ. Сравненіе было поспѣшно и невѣрно, — и лишній разъ подтвердилось, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Никогда не забуду, какъ испытанный дипломатъ, знатокъ Востока, персидскій посолъ Ansari, когда Аманнулла отправился путешествовать, сказалъ мнѣ:

— Этотъ... не понимаетъ, что шею себѣ сломаетъ.

Но Москва вѣрила въ Амануллу, и поэтому отношеніе къ Афганистану, какъ и къ афганскому посольству было въ высшей степени предупредительно. Тѣмъ не менѣе не могу сказать, чтобы эта политика Амануллы нравилась афганскому посланнику Mohammed Nachim Khan'у, тогда моему большому другу, который не очень любилъ большевиковъ и не слишкомъ имъ вѣрилъ.

Nachim Khan получилъ англійское воспитаніе, но строго придерживался религіозныхъ правилъ своей страны. Помню, какъ однажды въ маленькой компаніи съ дамами мы ѣхали въ Троице-Сергіевскую Лавру, верстъ за 60 отъ Москвы, и тамъ Hachim Khan разсказалъ мнѣ случай на обѣдѣ съ большевиками у него въ посольствѣ. Онъ говорилъ:

— За обѣдомъ кто-то изъ представителей НКИД презрительно выразился о религіи моей страны. Я возмутился, но сдержалъ себя, а послѣ обѣда подошелъ къ этому человѣку и сказалъ: «Въ другой разъ такъ не говорите, а то я могу васъ убить».

И въ этой спокойной угрозѣ сказался Востокъ и его нравы. У Hachim Khan'а потомъ произошли какія-то непріятности, и онъ долженъ былъ уѣхать. Прощаясь, онъ вполнѣ искренно спросилъ меня, какъ авторитетное для него лицо:

— А долго ли еще останутся большевики?

Мнѣ очень хотѣлось сказать ему пріятное и обнадежить, но все же я долженъ былъ отвѣтить однимъ словомъ:

— Долго.

Nachim Khan былъ большимъ джентельменомъ, и моей женѣ онъ преподнесъ подарокъ, — 9 ящиковъ великолѣпныхъ афганскихъ орѣховъ, фисташекъ, сушеныхъ фруктовъ, и мы съ нашими друзьями еще долго ихъ не могли съѣсть. Послѣ Амануллы королемъ Афганистана сталъ его братъ, а послѣ его убійства Афганистаномъ сталъ управлять Hachim Khan. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ. Но мнѣ пришлось встрѣтить его третьяго брата, Sirdar Khan'а. Встрѣча произошла при очень оригинальныхъ обстоятельствахъ. Рождество 1929 г. мнѣ съ семьей случилось провести въ Парижѣ. И вотъ на рождественскомъ обѣдѣ въ отелѣ «Claridge» неподалеку отъ насъ сидѣли два восточныхъ человѣка, и одинъ изъ нихъ былъ такъ похожъ на Nachim Khan'а, что, не задумываясь, я подошелъ и спросилъ, не братъ ли онъ моего друга Hachim Khan'а; получилъ утвердительный отвѣтъ. Мы познакомились. Онъ ѣхалъ въ Москву, куда былъ назначенъ посломъ. Потомъ онъ навѣстилъ меня въ Ригѣ, и въ его честь, какъ брата моего друга, я устроилъ обѣдъ, который, конечно, носилъ совершенно частный характеръ. Но когда, еще раньше, въ Москву пріѣзжалъ Аманулла, большевики блеснули пріемомъ, поразившимъ своей пышностью и щедростью. Это было напрасной затратой: Аманулла оказался падающимъ метеоромъ, и Афганистанъ можетъ чувствовать себя счастливымъ, что теперь имъ управляетъ Hachim Khan, а я радъ, что у меня былъ такой другъ.

Можно было бы вспомнить и о китайскомъ посоль-

ствѣ, но оно ничѣмъ не отличалось отъ другихъ, и я могу не останавливать на немъ вниманіе читателя.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЯ ПОСОЛЬСТВА.

По политическимъ соображеніямъ дальновосточныя посольства всегда находились въ нервномъ, неуравновѣшенномъ состояніи, но ближневосточныя, — персидское и турецкое посольства, — наоборотъ , можно было причислить къ самымъ спокойнымъ. Въ этихъ странахъ чисто восточные порядки стали исчезать. Новый король, Pehlevi, бывшій солдатъ, радикально реформировалъ Персію, а Кемаль-паша — Турцію. Частично ихъ реформаторская работа напоминала ломку устоевъ Россіи, и большевикамъ поэтому нечего было тамъ искать. Да и повороты политики СССР съ Запада на Дальній Востокъ и обратно требовали болѣе спокойной и надежной опоры на Ближнемъ Востокѣ.

Въ этихъ посольствахъ жизнь текла тихо, мирно, и этимъ они выдѣлялись среди другихъ. Было больше времени и для личной жизни, и персидскій посолъ Ali Gholi Khan Ansari женился на молодой, красивой русской дѣвушкѣ, дочери царскаго генерала, а его сынъ, первый секретарь посольства, — на красивой еврейкѣ. Русская жена посла приняла магометанство, перестала быть Ольгой и стала Лейлой, во время поѣздокъ въ Персію мѣняла свой европейскій образъ жизни и придерживалась всѣхъ строгихъ правилъ Корана. Она интересно разсказывала, какъ въ этихъ путешествіяхъ, напр., изъ Тегерана въ Москву, она на персидской территоріи должна была закрывать лицо чадрой и ѣхать позади всей мужской свиты, сопровождающей посла. Все измѣнялось по переѣздѣ границы, и тутъ она ѣхала уже впереди всѣхъ.

Самъ посолъ былъ очень интересный, красивый, стройный мужчина, и года на немъ почти не отразились, а онъ былъ пожилой человѣкъ. У насъ съ нимъ завязались самыя дружескія отношенія. Совѣтникъ его посольства Gholam Reza Khan Nourzad былъ настоящимъ европейцемъ и очень мало вообще жилъ въ Персіи.

Посолъ Ansari подписалъ съ Латвіей дружественный договоръ въ Ригѣ, гдѣ тогда пробылъ со своей женой нѣкоторое время въ качествѣ латвійскаго гостя. О немъ вспоминаютъ всѣ, какъ о миломъ, любезномъ

человѣкѣ, а рижскіе лакеи еще и какъ о щедромъ баринѣ.

Изъ турецкихъ пословъ Zekiai Salik Bey былъ извѣстенъ, какъ турецкій парламентарій. Онъ поражалъ живостью своего характера. Въ Москвѣ онъ пробылъ недолго, и его замѣнилъ посолъ Tevfik Bey, другъ турецкаго диктатора Кемаля-паши, — человѣкъ спокойный и степенный. Его считали философски забывчивымъ, и для этого были достаточныя причины. Напр., по дорогѣ въ Москву, на станціи Нѣжинъ, онъ вышелъ изъ своего вагона и, — разсказывалъ Флоринскій, — зашелъ въ станціонный буфетъ. Тамъ ему очень понравились знаменитые нѣжинскіе огурцы, и онъ увлекся ими такъ, что забылъ о своемъ поѣздѣ, который и ушелъ безъ него. Поднялась тревога. Пришлось послать другой экстренный поѣздъ, чтобы догнать первый съ вагономъ посла. Но такія мелочи не могли безпокоить этого уравновѣшеннаго, философски спокойнаго человѣка.

Tevfik Bey пріѣхалъ въ Москву, представился Калинину; какъ посланникъ, я долженъ былъ сдѣлать ему, послу, визитъ первымъ. Я торопился съ исполненіемъ этой формальности, такъ какъ долженъ былъ сейчасъ же выѣхать въ Ригу. Мой визитъ былъ короткій; въ этотъ же день посолъ принималъ и другихъ и все перепуталъ и забылъ. Недѣли черезъ двѣ я вернулся изъ Риги и на какомъ-то пріемѣ встрѣтился съ Tevfik-Bey-емъ. Меня удивило, что онъ относится какъ то странно ко мнѣ. Разгадки этого пришлось не долго ожидать.

Ко мнѣ позвонилъ серкетарь графа Брокдорфъ-Ранцау, старшины дипломатическаго корпуса, и просилъ принять графа по важному дѣлу. Въ условный часъ графъ Брокдорфъ-Ранцау явился ко мнѣ со своимъ секретаремъ Hilger'омъ и весьма церемонно, началъ объяснять, что его долгъ старшины дипломатическаго корпуса повелѣваетъ улаживать непріятныя дѣла. Онъ сказалъ, что турецкій посолъ обратился къ нему съ жалобой на меня, будто я его, посла Турціи, игнорирую и не сдѣлалъ ему визита. Я уже подозрѣвалъ, что ко мнѣ какъ разъ по этому дѣлу и хочетъ пріѣхать старшина корпуса. Хорошо помня свой визитъ, я привелъ неопровержимыя доказательства, что жалоба турецкаго посла не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Надо было видѣть графа: онъ весело расхохотался, словно ребенокъ, — это было для него совсѣмъ неожиданнымъ сюрпризомъ.

— Вотъ, первый случай въ моей жизни, — говорилъ онъ, все еще продолжая смѣяться, — когда посолъ

обвиняетъ посланника въ нарушенiи дипломатическаго этикета, и теперь, вмѣсто ожидаемаго извиненiя посланника, самъ долженъ будетъ предъ нимъ извиниться.

Веселился графъ, смѣялись и мы съ его секретаремъ. Уже на другой день турецкiй посолъ Tevfic Bey былъ у меня и просилъ извиненiя за свою оплошность. Онъ просидѣлъ цѣлый часъ, мы выпили бутылку портвейна и стали друзьями.

Какъ персидское, такъ и турецкое посольства любили устраивать вечера съ выступленiями лучшихъ русскихъ артистовъ. Тамъ пѣли Барсова, Собиновъ, Юдинъ, танцовала красавица балерина Абрамова, участвовали многiе другiе. Восточный ароматный кофе, съ надлежащей сервировкой, способствовалъ общей веселости, на этихъ прiемахъ мы всѣ чувствовали душевную успокоенность, столь свойственную Ближнему Востоку.

Былъ въ Москвѣ и посланникъ Аравiи, принцъ Habib Lotfallh. Онъ прибылъ туда, какъ настоящiй принцъ, очаровалъ посольскихъ дамъ своими разсказами, нарисовалъ картину своей будущей жизни въ Москвѣ, говорилъ, какъ онъ здѣсь широко устроится, какъ постарается, чтобы у него всѣмъ было весело, — перспективы были блестящи и упоительны, но вскорѣ принцъ исчезъ, какъ закатившаяся восточная звѣзда.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Съ большимъ интересомъ и нетерпѣнiемъ Москва ждала John Herbette'а. За нимъ шла слава лучшаго французскаго журналиста, онъ былъ главнымъ редакторомъ газеты «Le Temps», фотографiи Herbette'а и его супруги, снятыя еще по дорогѣ въ Москву и въ самой Москвѣ, заполняли всѣ совѣтскiе газеты и журналы. Имъ, естественно, хотѣлось выдвинуть «своего» человѣка, журналиста, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ уже распростанилось мнѣнiе о Herbett'ѣ, какъ о другѣ большевиковъ. Пролетѣлъ даже вздорный слухъ, будто Herbette не особенно почтительно выразился о московскомъ дипломатическомъ корпусѣ, о его пониманiи Совѣтской Россiи.

Онъ внимательно и подробно ознакомился съ жизнью Москвы, ему охотно показывали все, — въ его личности какъ бы объединились журналистъ и посолъ. Этимъ онъ отличался отъ всѣхъ насъ, и большевики имъ восхищались. Но, какъ говорится въ русской баснѣ, — «котъ Васька слушаетъ, да ѣстъ» — и Herbette ко всему присматривался, все слушалъ, кивалъ головой, любезно соглашался, но думалъ свое. Черезъ какiе-нибудь полгода онъ сталъ прекрасно все понимать, отлично разбирался во всѣхъ совѣтскихъ вопросахъ, и большевики, какъ полагается, къ нему охладѣли. Первая любовь прошла.

Понемногу Herbette все ближе и ближе становился къ дипломатическому корпусу, и небольшое французское посольство ничѣмъ особенно не отличалось отъ всѣхъ остальныхъ. Большихъ прiемовъ Herbette и его супруга не устраивали, но у нихъ часто бывали обѣды и завтраки. Я и моя жена были постоянными гостями Herbette'овъ, и бывать у нихъ намъ было всегда интересно. Herbette не игралъ въ карты, считая болѣе полезнымъ проводить время въ разговорахъ о политикѣ въ СССР, о международныхъ событiяхъ, о всемъ томъ, что его не могло не интересовать не только какъ дипломата, но еще и какъ бывшаго журналиста. Но и многiе другiе не играли, въ томъ числѣ и я. Къ карточной игрѣ иы относились отрицательно. Впрочемъ, если нѣтъ темъ для серьезныхъ разговоровъ, лучше играть, чѣмъ просто болтать. Въ Москвѣ, впрочемъ, вопросовъ первой важности было болѣе, чѣмъ нужно.

Вспоминаю, какъ однажды, послѣ хорошаго dîner, мы обсуждали острый обще-политическiй вопросъ. Рѣчь шла о томъ, что Европа никакъ не можетъ сговориться и установить болѣе планомѣрныя и согласованныя взаимоотношенiя съ СССР. Мы всѣ пришли къ одному выводу: эти неурядицы происходятъ отъ непониманiя политики Совѣтовъ. Въ концѣ разговора я, шутя, внесъ предложенiе: мы должны написать своимъ правительствамъ, чтобы всѣхъ насъ отозвали и сдѣлали бы министрами иностранныхъ дѣлъ. Тогда мы немедленно договоримся и установимъ общiя и одинаковыя точки зрѣнiя, а, въ концѣ концовъ сговоримся и съ СССР. Черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ съ польскимъ посломъ Патекомъ, я, къ моему удивленiю, узналъ отъ него, что о моей шуткѣ онъ написалъ Пилсудскому. Тогда и шутки казались многозначительными, — тѣмъ болѣе важными становились всякiя серьезныя соображенiя.

На обѣдахъ и завтракахъ у Herbette'а часто бывали представители разныхъ совѣтскихъ учрежденiй. Прiѣхалъ въ Москву извѣстный французскiй профессоръ математики Langevin. Былъ приглашенъ и академикъ Лазаревъ. Онъ разсказалъ любопытную, но и пе-

чальную исторію. Во время революціи грамотность такъ упала, что экзаменовавшійся въ институтъ, т. е. высшее учебное заведеніе, не могъ написать 2 въ квадратѣ, а когда профессоръ настойчиво этого потребовалъ, будущій студентъ начертилъ квадратъ и поставилъ посрединѣ цифру 2.

M-me Herbette прекрасно одѣвалась, и, какъ настоящая француженка, отлично понимала кулинарію. Она любила танцовать, а на пріемѣ афганистанскаго короля Амануллы, которое устроило совѣтское правительство, сдѣлала такой реверансъ, предъ королевской четой, что мы всѣ склонились въ безмолвномъ восторгѣ.

Посолъ Herbette обладалъ исключительной трудоспособностью. Онъ быстро изучилъ русскій языкъ и даже могъ на немъ говорить. Его помощникамъ и служащимъ приходилось чувствовать себя всегда на чеку, быть въ высшей степени исполнительными и точными, — Herbette былъ требовательнымъ начальникомъ. И самъ Herbette и его супруга любили старинныя вещи, были знатоками старины, занимались коллекціонерствомъ. Herbette'у удалось купить рѣдкіе экземпляры историческихъ манифестовъ и грамотъ русскихъ царей, коллекціи вещей изъ уральскаго малахита и многое другое. Но странно: самъ первый журналистъ Франціи, Herbette не долюбивалъ журналистовъ и, разумѣется, вызывалъ этимъ въ нихъ большую непріязнь.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Итальянское посольство помѣщалось въ томъ самомъ особнякѣ, гдѣ былъ убитъ графъ Мирбахъ, германскій представитель.

Пріѣздъ въ Москву посла графа Manzoni съ графиней придалъ дипломатическому корпусу еще больше внѣшняго лоска. Еще до ихъ пріѣзда мы всѣ знали отъ шефа протокольной части Флоринскаго о привычкахъ и личныхъ качествахъ графа и графини Manzoni. Говорилось больше о графинѣ. Она — красива, строга, богата, американская испанка съ острова Кубы. Все это оказалось болѣе чѣмъ правильнымъ. Эту чету можно было назвать исключительной. Графиня помогала, гдѣ и какъ могла, несчастнымъ русскимъ изъ «бывшихъ людей». Одна изъ Морозовыхъ стала постоянной посѣтительницей посольства, и, если не ошибаюсь, потомъ уѣхала съ графиней въ Парижъ. Невольно и естественно возникалъ вопросъ:

съ какой стати и почему графиня съ такой довѣрчивостью относится къ людямъ, когда всѣмъ намъ извѣстно, что Москва переполнена всевозможными агентами, — одинаково какъ мужчинами, такъ и женщинами?

Въ ходу былъ анекдотъ о двухъ гражданахъ, разговаривающихъ на улицѣ. Одинъ начинаетъ все и всѣхъ критиковать, другой останавливаетъ его: «Потише...» «Но насъ никто не слышитъ. » — «Да, совершенно вѣрно, но не забудь: гдѣ двое разговариваютъ, тамъ одинъ чекистъ».

Въ этомъ высоко культурномъ посольствѣ были въ большомъ почетѣ серьезная музыка, русскія пѣсни Гречанинова при участіи самого Гречанинова и другихъ исполнителей и композиторовъ.

Въ углу зала возвышался королевскій тронъ, противъ него на столѣ стояли портреты короля и Муссолини, символизируя величіе этой страны, но и вызывая невеселыя мысли о судьбѣ русскаго царя и его семьи.

Графиня требовала, чтобы къ извѣстному часу въ посольтвѣ, гдѣ помѣщались и другіе его слущжащіе, должна быть полная тишина. Большинству это, конечно, не нравилось. Многіе хотѣли жить по-своему, распоряжаться вечерами по своему желанію; требованія графини казались имъ стѣсненіемъ личной свободы. Кто-то раскритиковалъ эти строгости и написалъ объ этомъ въ Римъ. Муссолини прочелъ это посланіе — жалобу и возвратилъ его графу Manzoni съ резолюціей поступать съ этимъ членомъ посольства по своему усмотрѣнію. Всѣ подтянулись. Эти мѣры и распоряженія графини можно только привѣтствовать, какъ охраненіе дисциплины, а дисциплина вездѣ великое дѣло, и сила государства можетъ быть только въ ней. Смѣнилъ графа Manzoni Vittorio Cerrutti, пріѣхавшій также со своей женой. Онъ — высокій итальянецъ; она — стройная, гордая, красивая венгерка, бывшая артистка, всегда находчивая, умная, резонная, презрительно относилась къ большевицкимъ порядкамъ. Самъ Cerrutti, все внимательно наблюдалъ и отлично понималъ, куда идетъ Россія. Онъ гордо носилъ фашистскій значекъ; онъ былъ фашистомъ.

Съ итальянскимъ посольствомъ у насъ установились самыя дружественныя отношенія, въ чемъ я и моя семья могли лишній разъ убѣдиться годъ тому назадъ, когда мы были въ Парижѣ. Насъ, какъ старыхъ друзей, пригласили въ итальянское посольство и мы снова вмѣстѣ вспоминали о нашей жизни и встрѣ-

чахъ въ Москвѣ, о томъ, что было и ушло. А пережито было такъ много, что невозможно ни разсказать, ни описать.

Графъ Negri, секретарь Quaroni, аташэ графъ Stafetti Mr. и M-me Rehli въ качествѣ представителей прессы, гармонично дополняли итальянское королевское представительство въ Москвѣ.

У M-me Cerrutti была страсть къ коллекціонированію индійскихъ, китайскихъ и японскихъ боговъ. Ихъ было у нея очень много. Одного изъ нихъ, большого бога со множествомъ рукъ, она считала своимъ фетишемъ, и онъ неизмѣнно стоялъ у нея въ правомъ углу салона. Она такъ же страстно любила музыку, устраивала музыкальные вечера, и у нея я впервые услышалъ Шопена въ исполненіи балалаечнаго оркестра.

АНГЛІЙСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО.

Тогда Англія имѣла въ Москвѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ Sir Robert Hogdson'а, коммерческаго секретаря W. Peters съ M-me Peters, серкетаря V. Burburi съ Mme Burburi и составъ консульскихъ служащихъ. Sir Robert'у неизмѣнно прислуживалъ одинъ и тотъ же, весьма степенный лакей, полякъ, — если не ошибаюсь, — служившій у русскаго царя. Когда бы я ни пріѣзжалъ къ Hogdson'у, — черезъ нѣсколько минутъ, какъ нѣкій греческій богъ, выходилъ онъ съ подносомъ въ рукахъ въ кабинетъ своего барина. R. Hogdson прежде былъ англійскимъ консуломъ на Востокѣ, хорошо говорилъ по русски, обладалъ широкими взглядами и основательно разбирался въ политическихъ вопросахъ. Мы часто вели съ нимъ бесѣды о Восточныхъ и Западныхъ политическихъ проблемахъ, которыя особенно должны были интересоавть Англію.

Въ началѣ R. Hogdson охотно устраивалъ у себя большіе вечера, приглашалъ представителей искусства, русскихъ артистовъ, людей аристократическаго круга, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшихъ въ тогдашней Москвѣ. Но когда, послѣ такихъ пріемовъ, совѣтское правительство стало послѣдовательно и непрестанно арестовывать этихъ лицъ, Hogdson свои пріемы прекратилъ.

Само собой разумѣется, англійское представительство принадлежало къ числу такъ называемыхъ «безпокойныхъ». Коммуничстическая работа въ Китаѣ, Афганистанѣ, Индіи всегда такъ или иначе отражалась и на англійскомъ представительствѣ. Hogdson всегда долженъ былъ себя чувствовать какъ бы на военномъ положеніи. Каждая секретная бумага хранилась у него въ спеціальномъ ящикѣ въ шкафу, ключи отъ котораго находились всегда при немъ.

Его жена, русская, рѣдко пріѣзжала въ Москву, жила въ западной Европѣ, воспитывала обожаемаго ими сына, котораго они боялись держать въ Москвѣ. Они уже пережили одну трагедію, когда первый ихъ сынъ погибъ, и теперь всѣ заботы и всю нѣжность они перенесли на этого мальчика.

Почти всѣ сотрудники Hogdson'а говорили по-русски, вращались въ московскихъ такъ называемыхъ «общественныхъ» кругахъ, и всѣ хорошо были информированы о положеніи въ СССР, что, конечно, не могло нравиться совѣтскому правительству. Секретаря Burburi опредѣленно называли агентомъ «Intelligence Service». Когда онъ заболѣлъ тифомъ и долгое время пролежалъ въ московской больницѣ, это обстоятельство меня немного тревожило. Простой въ обращеніи, сердечный, истинный джентельменъ, онъ представлялъ собой цѣльный и законченный типъ хорошаго англичанина. Послѣ скандала въ Лондонѣ и перерыва дипломатическихъ сношеній, — чего, по моему, а также казалось, и по мнѣнію самого Hogdson'а не надо было дѣлать, Hodgson получилъ мѣсто министра въ маленькомъ государствѣ Албаніи. По пути въ Лондонъ онъ пріѣхалъ въ Ригу со всей своей свитой, и на станціи я поднесъ Mme Peters букетъ розъ, сдѣлавъ это намѣренно. Я былъ увѣренъ, что совѣтскіе агенты, — явные и тайные, сознательные и безсознательные, — при помощи интригъ и всякихъ другихъ средствъ, въ значительной степени способствовали служебному пониженію этого талантливаго дипломата. Теперь я радъ, что онъ снова назначенъ на труднѣйшій постъ представителя Англіи въ Испаніи и отъ души желаю ему всякаго успѣха.

Hogdson искреннѣйше желалъ, какъ и всѣ его сотрудники, установить дружныя и прочныя отношенія съ СССР. Къ сожалѣнію, Москва и въ этомъ вопросѣ все истолковывала не такъ, какъ нужно, и не понимала политики и желаній англійскаго представителя.

ПОСОЛЬСТВА СРЕДНЕЙ ЗОНЫ ЕВРОПЫ.

Въ 1934 г. я прочелъ лекцію въ Королевскомъ Институтѣ Международныхъ дѣлъ въ Лондонѣ на тему: «Россія, Германія и Балтійскія страны». Въ сокращенномъ видѣ эта лекція напечатана въ журналѣ «International Affairs». Всѣ государства, находящіяся между Россіей, съ одной стороны, и Германіей и Италіей, съ другой, я причислилъ къ Средней Зонѣ Европы. Сюда входятъ 16 странъ: Швеція, Данія, Норвегія, Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Чехословакія, Румынія, Австрія! Венгрія, Болгарія, Югославія, Греція и Албанія, Продолженіе этой лекціи я прочелъ въ 1937. въ Пргѣв, въ Свободной Школѣ Политическихъ Наукъ. Я развивалъ мысль, что Средняя Зона Европы должна быть прочно объединена,и доказывалъ необходимость этого объединенія въ интересахъ не только 16 государствъ, но и всего міра.

СССР и Германія всѣми силами и мѣрами сепарировали Среднюю Зону, т. е. намѣренно и неуклонно ее ослабляли. Въ этомъ отношеніи не безъ грѣха и Польша. Когда СССР увидѣлъ свои тяжкія ошибки, его мѣсто здѣсь уже было занято Италіей. Вмѣсто Русско-Германской оси, о которой мечаталъ графъ Брокдорфъ, образовалась другая ось — Берлино-Римская. Гитлеръ и Муссолини стремятся надѣть на эту ось государства Средней Зоны, точнѣе, превратить ихъ въ поддерживающія колеса, а, можетъ быть, и въ бандажи Германіи и Италіи. Если есть, или можетъ быть опасность отъ коммунистическаго интернаціонала, какъ и отъ германскаго супернаціоналъ-соціализма, то она одинакова для всѣхъ странъ этой Зоны. Вопросъ только въ очереди: чья раньше, чья позже. Исходя изъ такой предпосылки, я свои замѣтки объ посольствахъ этихъ странъ и хочу дѣлать подъ однимъ общимъ заглавіемъ.

Со стороны СССР, до образованія оси Берлинъ-Римъ, политическій центръ тяжести Средней Зоны находился въ Польшѣ. Поэтому она особенно и обрабатывалась Совѣтской Россіей. Ясно, что при такомъ политическомъ положеніи польское посольство всегда должно было находиться какъ бы на сторожевой службѣ въ боевой обстановкѣ. Понятно, что посланники имѣли много непріятностей и часто мѣнялись. Чаще всего тренія и непріятности касались военныхъ аташэ. Порой совѣтская печать совершенно забывала, что рѣчь идетъ о посланникахъ, а совсѣмъ не о частныхъ лицахъ, и,

значитъ, даже компрометировать ихъ нужно было осторожнѣе.

Къ моему пріѣзду польскимъ посланникомъ былъ Knoll. Совѣтская политика его озлобляла, и онъ, какъ мнѣ стало извѣстно, въ минуту нервнаго возбужденія держалъ съ кѣмъ-то пари на 12 бутылокъ шампанскаго, что большевики дольше трехъ мѣсяцевъ не продержатся. Увы, самъ Knoll долженъ былъ покинуть свой постъ и Москву раньше трехъ мѣсяцевъ, и большевики, думаю, его переживутъ. Не везло и другимъ, въ томъ числѣ и посланнику, д-ру Stanislav Ketrzynski, который скоро уѣхалъ, и только совѣтникъ посольства Wyszynski спокойно работалъ и остался знатокомъ совѣтской Россіи. Такъ продолжалось, пока не пріѣхалъ посланникъ Stanislav Patek, до революціи извѣстный петербургскій адвокатъ, который защищалъ политическихъ преступниковъ. Защищалъ онъ и знаменитаго Дзержинскаго, создателя чеки. Объ этихъ процессахъ Patek не разъ разсказывалъ намъ, и, дѣйствительно, со многими изъ большевицкихъ вождей онъ былъ знакомъ лично.

Польша думала, что эти личныя знакомства, хотя и давнишнія, могутъ способствовать улучшенію политическихъ отношеній. Въ этомъ лучшее доказательство того, что Польша искренно шла навстрѣчу СССР, стремилась къ улучшенію политическихъ отношеній со своимъ восточнымъ сосѣдомъ. Patek былъ первымъ посланникомъ, которому въ самомъ дѣлѣ удалось добиться въ этомъ направленіи значительныхъ успѣховъ. Совѣтникъ посольства Adam Zielezinski, первый секретарь Alfred Poninski съ Mme Poninska и весь остальной штатъ посольства были удачно подобраны и работали не за страхъ, а за совѣсть въ полномъ согласіи со своимъ посланникомъ. Этотъ штатъ былъ самый большой изъ посольствъ Средней Зоны. Почти всѣ иностранные представители въ тогдашней Москвѣ увлекались коллекціонерствомъ, и Patek тоже собиралъ польскія древности, — онъ хотѣлъ создать въ Варшавѣ музей своего имени. Онъ регулярно объѣзжалъ московскіе антикварные магазины и закупалъ все, что относилось къ исторіи Польши. Его любимой темой на всѣхъ dîners была Японія, гдѣ онъ пробылъ въ качествѣ польскаго посланника цѣлыхъ 5 лѣтъ. Онъ проявилъ особенно большую активность при подписаніи такъ называемаго «литвиновскаго протокола» совмѣстно съ Румыніей, Латвіей, Эстоніей, и энергія Patek'а очень не нравилась въ Москвѣ. О Patek'ѣ я сохраняю до сихъ поръ лучшія воспоминанія — онъ былъ моимъ настоящимъ другомъ.

Общую политическую линію СССР по отношенію къ Средней Зонѣ Европы можно характеризовать, какъ политику децентрализаціи. Поэтому балтійскія страны, — Латвія, Эстонія, центральныя въ Зонѣ, лежащей у Балтійскаго моря, а въ связи съ этимъ и ихъ представительство въ Москвѣ, порой подвергались самымъ непростительнымъ нападеніямъ. СССР хотѣлъ захватить въ свою сферу вліянія всѣ балтійскія государства и не брезговалъ ради этой цѣли ничѣмъ, всячески дискредитируя и эти государства и ихъ представительства. Именно эта политика породила дѣло Бирка, она же довела и мои отношенія съ Москвой до полнаго разрыва.

Иначе обстояло дѣло съ Литвой. Тутъ она являлась исключеніемъ. Рѣшающую роль игралъ территоріально неразрѣшенный конфликтъ Литвы съ Польшей изъ за города Вильно. Дружелюбное отношеніе СССР къ Литвѣ диктовалось единственной цѣлью поддерживать и подогрѣвать активность этого конфликта, открыто стать на сторону Литвы или по крайней мѣрѣ показывая внѣшне благосклонное къ ней вниманіе. Каждый здравомыслящій человѣкъ видѣлъ, зналъ и понималъ, что ни одна изъ балтійскихъ странъ ничего противъ СССР не замышляетъ, не мобилизуетъ ни своихъ политическихъ, ни, тѣмъ болѣе, военныхъ силъ. Между тѣмъ даже самый невинный дружескій визитъ какого-нибудь оффиціальнаго лица или поѣздка въ сосѣднюю страну истолковывались совѣтскимъ правительствомъ, какъ опасный и подозрительный сговоръ, чуть ли не какъ злоумышленіе, направленное противъ «страны пролетаріата». Напр., мой братъ въ качествѣ военнаго министра рѣшилъ навѣстить Эстонію, — тотчасъ же совѣтская печать стала на дыбы. Органъ большевицкой партіи, газета «Правда» писала: «Сообщаютъ, что въ Эстонію долженъ выѣхать министръ Озолсъ, чтобы предпринять рядъ шаговъ къ сближенію между арміями. Если учесть ту гнусную кампанію, которая сейчасъ разыгрывается въ Латвіи за не латвійскіе серебренники, то поѣздка министра Озолса пріобрѣтаетъ особое значеніе». Такія лжетолкованія, такая политика СССР, конечно, должна была отражаться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на работѣ латвійскаго, эстонскаго и финляндскаго посольствъ, сообщала ей нервность, заставляла всѣхъ насъ чувствовать себя въ состояніи самообороны. И мы боролись. Чѣмъ больше хотѣли насъ сепарировать, дискредитировать, деморализировать, тѣмъ тѣснѣй, крѣпче и дружнѣй мы объединялись въ посольской жизни.

Въ смыслѣ помѣщенія наше латвійское посольство было очень удобно для большихъ пріемовъ, и мы ихъ устраивали довольно часто. Мы были рады, что насъ посѣщали охотно, и разъ, — 15 мая 1925 г. такой пріемъ былъ даже частично сфотографировнъ. Кто только ни побывалъ въ нашемъ посольствѣ и сколько изъ нашихъ гостей теперь уже разстрѣляно, а безъ нихъ, — такъ намъ тогда казалось, — самое существованіе СССР было немыслимо. Нельзя забыть, какъ чудесно разодѣтыя дамы съ секретарями и юными аташэ, а также и съ солидными послами, танцовали на великолѣпномъ паркетномъ полу большого зала нашего особняка, какъ маршалъ Буденный любовался своей молоденькой женой, увлеченной общей картиной вечера, закруженной поклонниками, звуками музыки, бальнымъ шумомъ. Извѣстные журналисты Knickerbocker, Scheffer, Duranty и многіе другіе здѣсь встрѣчались и общались съ дипломатическимъ корпусомъ, бесѣдовали о политическихъ событіяхъ, на лету схватывали остроумныя выраженія, мѣткія слова, оброненныя фразы. Лично я любилъ больше dîners, особенно тогда, когда на нихъ бывалъ Чичеринъ. Онъ былъ очень своеобразнымъ, очень интереснымъ собесѣдникомъ. На одномъ dîner онъ, разговаривая со мной, вдругъ началъ жаловаться французскому послу Herbette'у на то, что Латвія не хочетъ поставить у себя промышленность на болѣе широкую ногу, не создаетъ крупныхъ предпріятій изъ боязни увеличить кадры рабочихъ. Herbette, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Латвія и не можетъ создавать у себя крупныхъ промышленныхъ предпріятій, для этого у нея нѣтъ достаточно твердыхъ основъ.

Чичеринскій вопросъ съ виду былъ простъ, но въ немъ скрывалась большая и до нѣкоторой степени вѣроломная мысль: пусть, полагаясь на русскіе заказы, Латвія размахнется, установитъ у себя широкую промышленость, а потомъ... А потомъ всѣ эти заказы можно прекратить, и, вотъ, получится большой скандалъ, Латвія опростоволосится, что, въ концѣ концовъ только и требовалось.

На одномъ такомъ обѣдѣ Чичеринъ сказалъ историческую фразу:

— Латыши спасли Россію.

Этими словами онъ воздалъ хвалу тѣмъ латышамъ, которые участвовали на сторонѣ красныхъ противъ бѣлой арміи.

Исторія съ дѣломъ Бирка, естественно, должна была отразиться на общихъ настроеніяхъ эстонскаго посольства. Для него это былъ ударъ, и чтобы справиться съ нимъ, нужно было время: только съ пріѣздомъ посланника Seljamaa, моего большого друга, теперь уже покойнаго, эстонское посольство снова ожило, особенно благодаря его очаровательной женѣ, — стало уютнымъ и привлекательнымъ. Исключительное положеніе занимало финляндское посольство. Оно поселилось въ самомъ маленькомъ особнякѣ въ домѣ пастора при англійской церкви. Это былъ маленькій, двухэтажный домикъ во дворѣ съ тремя небольшими комнатами внизу и спальнями наверху. Тамъ долгіе годы жилъ съ женой и съ тремя дѣтьми посланникъ A. Hackzell, позднѣе министръ иностранныхъ дѣлъ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе это маленькое посольство, какъ прекрасная жемчужина, привлекала всѣхъ. Эта внѣшняя скромность и уютъ символизировали тѣ маленькіе, чистенькіе домики, разбросанные по малонаселенной Финляндіи, которые такъ манятъ и успокаиваютъ взоръ и вниманіе путешественника. Министръ Hackzell тоже былъ коллекціонеромъ, любилъ фарфоръ и картины, шведскихъ и финскихъ художниковъ. Его жена растила и воспитывала прекрасныхъ и здоровыхъ дѣтей, была образцовой хозяйкой и женщиной строгихъ правилъ. Мѣстомъ ихъ излюбленнаго отдыха было ихъ собственное имѣніе въ Финляндіи у рѣки. Страна, о которой Пушкинъ сказалъ, что тамъ только — «ель , сосна да мохъ сѣдой», стала страной культуры, порядка, личнаго достоинства людей, и всеобщаго благополучія. Это было замѣтно даже въ мелочахъ, въ поведеніи прислуги посольства, которая никогда не брала чаевыхъ. Когда Hackzell'а на его посту замѣнилъ новый посланникъ P. Artti, посольство уже было въ новомъ помѣщеніи. Mr. и Mme Artti были очень симпатичными людьми. Они интересовалась старинными церквами, и коллекціонировали книги.

Оригинальнымъ человѣкомъ былъ первый секретарь посольства R. Hakkerainen, получившій аристократическое воспитаніе въ Россіи.

Совершенно исключительное положеніе занимало литовское посольство. Замѣчательно оно главнымъ образомъ тѣмъ, что его посланникъ Jurgis Baltrusaitis

остается, вотъ уже 18 лѣтъ, на своемъ московскомъ посту. Онъ — во многихъ отношеніяхъ примѣчательный человѣкъ. По происхожденію — крестьянинъ, въ лѣтніе мѣсяцы мальчикомъ онъ пастушествовалъ, зимой учился въ гимназіи и по окончаніи ея поступилъ въ московскій университетъ. Этотъ будущій поэтъ избралъ физико-математическій факультетъ, одновременно занимаясь и филологіей. Въ началѣ вѣка, когда возникла въ Россіи поэтическая школа символистовъ, онъ былъ однимъ изъ ея видныхъ участниковъ. Основателемъ этой школы былъ извѣстный поэтъ Валерій Брюсовъ и Baltrusaitisa съ Брюсовымъ связывали не только литературные узы, но и личная дружба. Вмѣстѣ съ С. А. Поляковымъ Baltrusaitis основалъ очень культурное издательство новѣйшей литературы «Скорпіонъ». Какъ символистъ Baltrusaitis печатался въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» и въ журналахъ «Вѣсы» и «Золотое Руно». Онъ извѣстенъ былъ, какъ поэтъ меланхоліи и задумчивости. Немало писалъ Baltrusaitis на литовскомъ языкѣ, но его извѣстность связана, главнымъ образомъ, съ его русскими стихами, собранными въ книгахъ «Земныя ступени» (1911 г.) и «Горная Тропа» (1912 г.). Знатокъ языковъ, онъ много переводилъ изъ Байрона, Ибсена, Д'Аннунціо, Гамсуна, Уайльда, Стриндберга. Немудрено: Baltrusaitis владѣетъ шестнадцатью языками и, такимъ образомъ, какъ бы олицетворяетъ въ своемъ лицѣ 16 государствъ Средней зоны Европы.

Многое онъ можетъ повѣдать міру, ибо просидѣтъ чуть ли не два десятилѣтія посланникомъ въ самомъ большомъ континентальномъ государствѣ міра, въ центрѣ совершающихся головокружительныхъ событій, видѣть такое множество лицъ, восходившихъ на самыя вершины власти и потомъ падавшихъ и казненныхъ, познать всѣ тайны, методы и уловки совѣтской политики, этотъ большой запасъ наблюденій, огромный и нелегкій дипломатическій опытъ, это — матеріалъ для внушительной книги интереснѣйшихъ и, можетъ быть, потрясающихъ воспоминаній. Онъ слышалъ и пережилъ въ своей поэтической душѣ оглушительный перезвонъ колоколовъ Коммунистическаго Интернаціонала, съ виду побѣдный гулъ, такъ кромко обѣщавшій всѣмъ людямъ счастье, безбѣдность, равенство въ трудѣ и радостяхъ, — напрасные посулы...

Мнѣ вспоминается его стихотвореніе, которое такъ и называется «Колоколъ», и которое заканчивается строфой:

«Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Міру безпечному колоколъ пѣлъ...
Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Тщетно о Богѣ гудѣлъ».

Поэтъ Baltrusaitis сумѣлъ подслушать и «скорбность» этихъ ударовъ, и «тщету» мечтаній о Богѣ, отринутомъ и забытомъ въ СССР.

Но есть страна — самая сѣверная страна Средней Зоны, гдѣ солнце недѣлями не заходитъ, гдѣ недѣлями его не видитъ земля. Эту страну, Норвегію, въ Москвѣ представлялъ, представляетъ и понынѣ д-ръ Urbye, уже почтеннаго возраста норвежецъ. Его рабочій кабинетъ весь заставленъ книгами новой литературы и, какъ медвѣдь Ледовитаго океана зарывается въ снѣжную берлогу, такъ Urbye зарывается въ эти томы. Онъ углубляется въ проблемы и расширяетъ ихъ до предѣловъ познаваемаго поля своего зрѣнія. Но никогда для него не было большей проблемы, чѣмъ русская, и Urbye говорилъ, что нигдѣ ему не хотѣлось бы такъ быть посланникомъ, какъ въ Россіи. Я съ нимъ соглашался въ томъ смыслѣ, что современный дипломатъ долженъ провести года два въ Москвѣ, чтобы считать себя вполнѣ квалифицированнымъ.

Онъ, его жена и дочери тоже были коллекціонерами; они собирали старыя иконы, и въ посольствѣ всѣ стѣны маленькаго салона были ими сплошь обвѣшены. Такія же коллекціи хранились у нихъ въ Норвегіи на ихъ собственной дачѣ и оставались безъ всякаго присмотра въ теченіе всей зимы.

— Въ норвежской деревнѣ воровъ нѣтъ, — говориль докторъ Urbye.

Когда въ этомъ салонѣ при свѣтѣ свѣчей сервировался чай или кофе, мнѣ временами чудилось, что вся комната пронизана таинственнымъ дыханіемъ и свѣтомъ божества. Со стѣнъ глядѣли на насъ спокойные, мудрые лики святыхъ, и старый, древній міръ воскресалъ передъ нашими глазами и въ нашихъ душахъ.

Во главѣ датскаго посольства всѣ эти годы стоялъ посланникъ P. Schou. Онъ и его жена — оба, стройные, высокіе, съ большимъ достоинствомъ представляли страну самаго высокаго короля въ мірѣ. Посланникъ Schou раньше жилъ въ Америкѣ, потомъ работалъ въ довоенной Россіи, хорошо говорилъ по-русски и отчетливо разбирался въ россійскихъ дѣлахъ; но еще лучше

зналъ Россію его аташэ по земледѣльческой части, C. Koefoed, уже почтеннаго возраста человѣкъ, долгіе годы прожившій въ Россіи въ качествѣ специалиста по землеустройству и знавшій всю обширную россійскую страну лучше любого русскаго. Онъ лично зналъ и мать послѣдняго русскаго царя, Николая II, Марію Федоровну. Та его принимала, оказывала ему всяческое довѣріе, совѣтовалась съ нимъ, какъ со специалистомъ и датчаниномъ: съ датскимъ дворомъ Императрица Марія Феодоровна была связана самыми близкими узами родства.

M. и M-me Schou отличались гостепріимствомъ, устраивали исключительно пріятные dîners, веселые вечера, даже маскарады, которые особенно нравились молодежи. Сама Mme Schou была настоящей belle femme. У этой четы было двое дѣтей, — мальчикъ и дѣвочка, — и малышъ съ русской няней говорилъ только по-русски. А когда ему напоминали, что онъ — датчанинъ, онъ рѣшительно отвѣчалъ: «Я — красный мальчикъ».

M. Schou любилъ верховую ѣзду, и мы иногда катались въ московскомъ манежѣ, но не всегда были довольны качествомъ лошадей. А когда-то Россія славилась своими рысаками, кавалерія — своимъ коннымъ составомъ. Одинъ Донъ давалъ несмѣтное количество отличныхъ, кровныхъ коней, — достаточно вспомнить знаменитый «Орловскій заводъ».

Однажды мы катались въ небольшой компаніи; въ этой поѣздкѣ принималъ участіе и шефъ протокола Флоринскій. Мы устроили довольно продолжительный объѣздъ московскихъ окрестностей и, вотъ, тутъ-то Флоринскій оказался совсѣмъ плохимъ ѣздокомъ, — онъ скоро усталъ и ослабъ.

Данія, какъ самая западная страна Средней Зоны, отстоитъ дальше всѣхъ отъ СССР; общихъ границъ у нихъ нѣтъ, и, поэтому, они больше ограждены и отъ политическихъ соприкосновеній. Данія не имѣла и тѣхъ непріятностей, которыя выпадали на долю пограничныхъ съ СССР странъ.

Какъ Балтійское море лежитъ между Балтикой, Скандинавіей и Финляндіей, роднитъ и сближаетъ ихъ, такъ и сама Швеція находится въ центрѣ этого объединенія. Такое географическое положеніе опредѣляетъ политическія центробѣжныя стремленія этихъ сѣверныхъ странъ, направленныя къ Швеціи, какъ къ естественному центру.

Уже оставивъ Москву, я продолжалъ усиленно

развивать мысль о болѣе тѣсномъ объединенiи этихъ государствъ, организовалъ съ этой цѣлью общество подъ названiемъ «Балтiйская Унiя» и былъ ея генеральнымъ секретаремъ. Къ этому меня побудили международныя, коммунистическiя и суперъ-нацiоналъ-соцiалистическiя силы, въ окруженiи которыхъ находится Средняя Зона Европы.

Вспоминаю, какъ на вечерѣ въ Большомъ московскомъ театрѣ, по поводу наводненiя въ Ленинградѣ, комиссаръ Луначарскiй выступилъ съ длинной политической рѣчью. Смыслъ ея заключался въ томъ, что когда окончательно восторжествуетъ коммунистическiй Интернацiоналъ, побѣжденной станетъ сама стихiя и больше уже не будетъ никакихъ наводненiй. Тогда, во время антракта, я обратился къ своему коллегѣ, финляндскому посланнику Hackzell и сказалъ:

— Для меня ясно, что наступательное движенiе русскаго коммунизма опасно для Финляндiи такъ же, какъ и для балтiйскихъ странъ.

Но тутъ же, не задумываясь, мнѣ поторопился отвѣтить шведскiй посланникъ:

— А также для Швецiи.

V. Heidenstam хорошо говорилъ по-русски, былъ прекрасно информированъ въ русскихъ дѣлахъ, въ совѣтской обстановкѣ, коммунистическихъ планахъ и цѣляхъ, — настоящiй человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ, умѣвшiй многое предвидѣть и ставить безошибочные политическiе дiагнозы. Его жена, англичанка по рожденiю, дочь бывшаго петербургскаго фабриканта, была для него хорошей помощницей. Своихъ двухъ прелестныхъ дочерей она воспитывала въ Швецiи и потому въ Москвѣ только бывала, но не жила постоянно, такъ же, какъ и моя жена.

Въ 1932 г., когда Heidenstam былъ уже посланникомъ въ Финляндiи, мы съ семьей, путешествуя на автомобилѣ по странамъ Балтiйскаго моря, вмѣстѣ съ ними справляли именины его прелестной дочурки, вспоминали наши московскiе дни и размышляли о томъ, что было, и что не должно было бы быть.

Heidenstam любилъ спортъ, и въ воскресенье предъ какимъ-нибудь diner ему ничего не стоило пробѣжать на лыжахъ 30 километровъ, хотя ему шелъ уже шестой десятокъ.

Однажды, ранней весной, въ воскресный день, какъ тронулся ледъ, мы вдвоемъ съ Heidenstam переправились на лодочкѣ чрезъ Москву-рѣку и прошли по лѣсамъ километровъ пятнадцать. Съ нами была моя

молодая собака, умный доберманъ Аргусъ. Когда мы были уже на серединѣ рѣки, неожиданно она бросилась намъ вдогонку. Отъ этого ранняго купанья мой бѣдный Аргусъ получилъ ревматизмъ, и этотъ случай остался у меня памятнымъ: теперь, когда я вижу, какъ по временамъ страдаетъ мой Аргусъ, я возвращаюсь мыслью къ той веснѣ, вспоминаю о шведскомъ спортѣ и о нашей переправѣ черезъ рѣку на малой лодочкѣ, которую моя собака хотѣла опрокинуть.

Въ шведскомъ посольствѣ, все было образцово примѣрно, и строго, какъ въ самой Швецiи. Совѣтникомъ посольства былъ B. Johanson, теперь шведскiй посланникъ въ Ригѣ.

Чехословакiя была представлена въ Москвѣ г. Гирсой, знатокомъ Россiи, особенно русскаго юга. Этотъ полуобрусѣвшiй чехъ съ большими характерными усами сѣчевого запорожца и по наружности и по характеру напоминалъ Тараса Бульбу, героя Гоголя. Съ нимъ у меня были самыя сердечныя отношенiя, мы очень часто встрѣчались, такъ какъ и жили почти рядомъ.

Австрiя былъ вначалѣ представлена посланникомъ Otto Pohl, который держался болѣе обособленно отъ дипломатическаго корпуса. Впослѣдствiи, когда его уже отозвали, онъ прiѣхалъ въ Москву въ качествѣ журналиста, Pohl'а смѣнилъ на посту посланника Egon Hein. Онъ прiѣхалъ съ женой, и сразу почувствовалось, что въ Москвѣ образовался маленькiй, но уютный уголокъ чудесной австрiйской столицы, очаровательной Вѣны.

Наконецъ, самая дальняя южная страна Средней зоны — Грецiя. Ея представителемъ сперва былъ посланникъ N. Mavrudis, потомъ N. Panourias.

Изъ американскихъ странъ до 1928 года только Мексика признала СССР, но и ея первый посланникъ Bazilio Vadillo съ женой и дѣтьми жили одиноко и скоро потомъ уѣхали.

Вотъ общество моихъ коллегъ, иностранныхъ представителей въ Москвѣ. Впрочемъ, были еще и представительства Монголiи и Тувы. Они держались уже совершенно обособленно, стояли вдали отъ дипломатическаго корпуса и ничего общаго съ нимъ не имѣли.

СОВѢТСКАЯ ДИПЛОМАТІЯ.

Конечно, къ дипломатическому корпусу въ Москвѣ надо причислить и совѣтскихъ дипломатовъ. Самымъ важнымъ и значительнымъ изъ нихъ былъ и остается въ исторіи Чичеринъ. Его личность я уже достаточно обрисовалъ. Онъ совершенно добровольно, исключительно по идейнымъ побужденіямъ отряхнулъ прахъ стараго міра и сталъ коммунистомъ не изъ эгоистическихъ соображеній. Вотъ кого едва ли осмѣлились бы и большевики обвинить въ шпіонажѣ, въ таинственныхъ услугахъ иностраннымъ государствамъ и ихъ развѣдкамъ, какъ сейчасъ обвинили и разстрѣляли многихъ другихъ.

Въ чемъ угодно можно подозрѣвать совѣтскихъ дипломатовъ, только не въ шпіонажѣ, не въ стремленіи оказывать услуги капиталистическимъ странамъ, И совсѣмъ не потому, что они были неспособны на такія дѣла и тяжкіе компромиссы. Простой здравый смыслъ долженъ отвергнуть эти подозрѣнія уже потому, что такія измѣны не принесли бы имъ никакой выгоды.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Раковскому, Крестинскому, Карахану, самымъ важнымъ совѣтскимъ дипломатамъ, заниматься этимъ всегда и всюду чрезвычайно рискованнымъ дѣломъ, когда они могли жить и жили лучше любого начальника Intel.-Service, любого рӯководителя Гестапо? Такіе вопорсы можно задавать десятками, и всѣ, если разсуждать логично, будутъ имѣть такіе же отрицательные отвѣты. Въ чемъ же дѣло? Почему имъ предъявили такія безсмысленныя обвиненія? Съ какой стати они всѣ признали свою вину? Вотъ тутъ-то и «зарыта собака». Не удивляйтесь: сознаваясь въ «шпіонажѣ», эти люди не взводили на себя никакого поклепа. Безспорно: всѣ они занимались шіонажемъ, но это приказало само Политбюро — лично или же черезъ ГПУ.

Ихъ оно обязало это дѣлать, и, напр., Крестинскій черезъ своихъ агентовъ несомнѣнно старался связаться съ Гестапо въ Германіи, а Раковскій съ Intel.-Service, такъ же, какъ и всѣ остальные выполняли волю и приказы Политбюро въ другихъ мѣстахъ и странахъ. Все это дѣлалось только въ пользу СССР. Даже такой маленькій человѣкъ, какъ разстрѣлянный Штейгеръ, поддерживалъ связи съ иностранными представителями, выполняя предписанія своего начальства.

Поэтому очень странно и даже непонятно, почему

ни одинъ изъ подсудимыхъ, а потомъ разстрѣлянныхъ совѣтскихъ дипломатовъ, не подраздѣлилъ на процессѣ своихъ сношеній съ иностранными секретными организаціями, не указалъ, гдѣ кончались заданія политбюро, и гдѣ начиналась уже собственная иниціатива, т. е. то, что, единственно, могло быть впослѣдствіи имъ предъявлено, какъ преступленіе. Вотъ, если бы это разграниченіе было проведено на судѣ съ полной точностью, картина получилась бы совсѣмъ другая, и только такимъ образомъ можно было бы раскрыть настоящую истину.

Но, конечно, это разъясненіе не входило въ задачи совѣтскаго суда. Эти бывшіе дипломаты, эти несчастные люди были какъ бы на поводу, на веревкѣ. Они могли прыгать , бѣгать вокругъ поводыря по его желанію, но натягивать веревку не смѣли. А если кто-нибудь неосторожно, или изъ желанія проявить свою энергію, натягивалъ эту веревку, его сразу одергивали и душили мертвой петлей. Судъ ставилъ имъ вопросъ въ другой плоскости: «Говорите только о фактахъ и не смѣйте упоминать о причинахъ. Винитесь въ томъ, что веревку натянули, но не смѣйте указывать ни на поводыря, ни на ваши совершенно законныя и даже похвальныя стремленія сдѣлать больше и лучше для самого поводыря, т. е. для вашего начальства и, слѣдовательно, для всего СССР...

Обо всемъ этомъ слѣдуетъ говорить во имя справедливости, протестовать во имя совѣсти, противъ этихъ поголовныхъ обвиненій въ шпіонажѣ по существу невиновныхъ людей.

«Дѣло» Бирка и тутъ многое разъясняетъ; впрочемъ, не одно это дѣло, а и многія, многія другія. Пройдетъ еще нѣкоторое время, и то, что я сейчасъ говорю, раскроется съ полной ясностью и горькой убѣдительностью. Какъ дискредитировали Бирка и другихъ иностранныхъ дипломатовъ въ Москвѣ, такъ сейчасъ дискредитируютъ тамъ и дипломатовъ совѣтскихъ. Тогда это было нужно для цѣлей Коммунистическаго Интернаціонала, теперь это понадобилось для цѣлей Сталина.

Слѣдующій за Чичеринымъ совѣтскій дипломатъ — Литвиновъ. Эта личность достаточно извѣстна. Удивительно, что при своихъ частыхъ поѣздкахъ за границу, онъ еще не обвиненъ въ связяхъ съ иностранными шпіонами и не сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Но Литвиновъ, болѣе податливый, умѣетъ лучше и хитрѣй подходить къ вопросамъ и лицамъ, предпочи-

таетъ угождать, чѣмъ рисковать, или — Боже упаси, — рѣшиться на проведеніе своихъ собственныхъ желаній или плановъ. Напр., еще въ 1928 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, свою политическую рѣчь объ иностранной политикѣ онъ закончилъ словами Интернаціонала, — конечно, въ угоду слушателямъ, — но никакъ не въ пользу иностранной совѣтской политики, — знакомой фразой: «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой».

Литвиновъ — дѣлецъ, карьеристъ, бухгалтеръ, отсчитывающій на счетахъ, вѣсовщикъ, вымѣривающій и осторожно ставящій каждую гирю на чашку вѣсовъ, косящій по сторонамъ бѣгающимъ взглядомъ, — онъ больше похожъ на коммерсанта, на фабриканта и меньше всего на дипломата. Онъ любитъ поѣсть, какъ замоскворѣцкій купецъ — сытно, плотно, тяжело. Помню комическій случай, какъ во время пріѣзда представителя американской «АРА», Mr. Walter Broun'а, въ Ригу прибылъ и Литвиновъ, для переговоровъ съ нимъ. Въ ресторанѣ «Otto Schwarz», гдѣ я обычно обѣдалъ, лакей потихоньку показалъ мнѣ и другимъ на Литвинова и разсказалъ, какъ совѣтскій комиссаръ, съѣвъ одну порцію жаркого, потребовалъ вторую. Правда, тогда это можно было объяснить общимъ голодомъ въ Москвѣ.

Но, — какъ бы ни толковать, ни выгораживать Литвинова — безспорно одно — стоять во главѣ громаднаго учрежденія НКИД, гдѣ чуть ли не всѣ высшія должностныя лица оказываются шпіонами, чести Литвинову не дѣлаетъ. Либо — либо: если онъ зналъ, что его вѣдомство переполнено предателями, то какъ же онъ ихъ терпѣлъ? Если онъ не зналъ этого, то онъ слѣпецъ и не имѣетъ никакого права оставаться на отвѣтственномъ посту руководителя иностранной политики. Одно изъ двухъ. Середины нѣтъ.

Но — что же? — Литвиновъ — человѣкъ,со всѣми человѣческими слабостями и съ семьей. У него двое дѣтей, сынъ и дочь, жена, англичанка по рожденію, воспитанію и долголѣтней жизни въ Лондонѣ. Всѣхъ ихъ онъ любитъ, но когда уѣзжаетъ по служебнымъ дѣламъ за границу, семья остается въ Москвѣ: ее вмѣстѣ съ мужемъ никуда не пускаютъ изъ СССР.

Всѣ остальные совѣтскіе дипломаты, которыхъ я зналъ, уже умерли или разстрѣляны, и остались тѣ, которыхъ можно назвать кандидатами на посты этихъ людей, но, можетъ быть, также и на ихъ судьбу.

Изъ всѣхъ прежнихъ дипломатовъ съ долголѣтнимъ стажемъ осталась одна M-me Коллонтай, посланница въ Швеціи. Но извѣстна она, мнѣ думается, — гораздо больше своимъ опытомъ жизни, и о ней почти всегда говорятъ, какъ о женщинѣ весьма широкихъ взглядовъ на любовь, а не какъ о представительницѣ государственныхъ интересовъ. Не могу забыть, какъ въ Америкѣ мой покойный товарищъ, русскій инженеръ Брониковскій безпощадно ругалъ Анну Коллонтай. Онъ разсказывалъ, какъ въ началѣ войны она ѣхала въ Америку на одномъ пароходѣ съ его молодой женой и всю дорогу развивала передъ ней принципы беззапретности чувствъ, своевольнаго и радостнаго права женщины на совершенно свободную любовь. И въ Москвѣ про Коллонтай декламировали веселые стишки.

Она была хорошо знакома съ генераломъ Сапожниковымъ, главнымъ представителемъ русскихъ военныхъ учрежденій въ Америкѣ. Какъ-то на пріемѣ у Чичерина-Литвинова я ее спросилъ о судьбѣ Сапожникова, и она мнѣ разсказала, что ей удалось спасти его жизнь послѣ того, какъ онъ вернулся въ СССР. Относительно же его сыновей Коллонтай, уже отъ себя добавила поясненіе, прозвучавшее неподдѣльной скорбью:

— А мальчиковъ его я уже не могла спасти: они погибли.

Устраивала пріемы и M-me Литвинова, — точнѣе, всѣмъ этимъ дѣломъ завѣдывалъ и отъ ея имени дѣйствовалъ шефъ протокольной части Флоринскій. На этихъ вечерахъ были большія и красивыя музыкальныя отдѣленія, великолѣпно играли звенѣли пѣсни, — тамъ было все, чѣмъ могла блеснуть артистическая Москва. И сама Литвинова на этихъ вечерахъ была отмѣнно любезной хозяйкой, очень воспитанной англичанкой. Въ жизни она больше интересовалась литературой, чѣмъ политикой, много читала, обладала вкусомъ къ книгѣ и сама писала — вообще, производила впечатлѣніе культурной женщины Запада, и это подкупало всѣхъ ее знавшихъ.

Таковъ былъ дипломатическій корпусъ въ Москвѣ.

XVIII

МОЙ ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

Мой рѣзкій протестъ по поводу процесса Volfman'а очень не понравился НКИД. Какъ бы въ отвѣтъ и въ отместку, тутъ же было дано распоряженіе НКИД газетамъ начать кампанію противъ латвійскаго посольства: безъ согласія НКИД пресса ничего не имѣла права писать объ иностранныхъ представителяхъ и представительствахъ. Къ общему изумленію, было опубликовано, что 11-го февраля 1929 г. въ московскомъ судѣ разбирался «спекулятивный процессъ» латвійскаго коммерческаго аташэ Блументаля». Никто, въ томъ числѣ и самъ Блументаль, не зналъ, что такой процессъ былъ. Если же онъ, дѣйствительно, былъ, то о немъ власти должны были такъ или иначе извѣстить посольство, а не поступать, какъ дикари, поражая внезапностью. Это еще сильнѣй обострило мои личныя отношенія съ совѣтскими властями: я рѣзко протестовалъ, извѣстилъ объ этомъ инцидентѣ своихъ коллегъ, не скрылъ, что въ данномъ случаѣ совершенно неслыханное безобразіе и вообще не давалъ покоя совѣтской власти, возмущался этими методами раздѣлываться съ чинами иностраннаго посольства по взбалмошной волѣ и большевицкому капризу. Тогда я уже опредѣленно зналъ, что большевики хотятъ добиться моего отозванія. Они стали считать меня опаснымъ для себя человѣкомъ, хотя бы потому, что я, можетъ быть, лучше другихъ понималъ совѣтскую тактику и пріемы возмездія.

Такъ напр., однажды въ субботу, ко мнѣ позвонили изъ японскаго посольства и извѣстили, что посолъ Tanaka хочетъ ко мнѣ пріѣхать въ 4½ часа. Вслѣдъ за этимъ позвонилъ телефонъ изъ итальянскаго посольства съ такимъ же извѣстіемъ: посолъ Cerruti будетъ у меня въ 5 час. Конечно, я тотчасъ же согласился принять у себя обоихъ представителей. Я думалъ,

что Tanaka пробудетъ у меня не больше получаса и, такимъ образомъ представители пробесѣдуютъ со мной одинъ за другимъ по получасу; но они оба просидѣли до 7 час., и скоро мнѣ стало извѣстно, что визитъ этихъ двухъ важныхъ дипломатовъ очень взволновалъ ГПУ. Съ точки зрѣнія ГПУ въ этомъ сказалось «плохое поведеніе латвійскаго посланника»: не спроста же у него такъ долго могли пробыть два представителя большихъ странъ. По мнѣнію ГПУ, я долженъ былъ бы вести себя лучше, осторожнѣй, предусмотрительнѣй. Совѣтскія власти хотѣли бы видѣть такое большое почтеніе къ нимъ, что я не долженъ бы былъ даже бесѣдовать столь продолжительное время съ моими дипломатическими коллегами. Вообще, въ этомъ отношеніи надзоръ за нами былъ чрезвычайно внимателенъ. Точно слѣдили, кто кого навѣщаетъ и какъ долго продолжается визитъ.

Еще раньше, когда ко мнѣ началъ ходить совѣтскій гражданинъ, дядя моей жены, я узналъ, что въ коллегіи ГПУ былъ поднятъ вопросъ и объ этомъ. Совѣтскій гражданинъ былъ князь Кугушевъ. Когда-то его имѣніями управлялъ комиссаръ Цюрупа. По этому поводу самъ Дзержинскій звонилъ Цюрупѣ и справлялся, вѣрно ли, что какой-то бывшій князь ходитъ къ латвійскому посланнику, и что онъ имѣетъ также свободный пропускъ и въ Кремль къ Цюрупѣ. Цюрупа подтвердилъ это и сказалъ, что за князя онъ ручается вполнѣ, какъ за своего бывшаго хозяина. Только тогда былъ данъ приказъ не трогать Кугушева.

Окончательно же взбѣсило совѣтское правительство подписаніе такъ наз. «литвиновскаго протокола» Латвіей, совмѣстно съ Польшей, Эстоніей и Румыніей. Надо сказать, что противъ этого весьма энергично дѣйствовалъ самъ Литвиновъ. На совѣтскихъ верхахъ было рѣшено меня какимъ бы то ни было способомъ, но немедленно «убрать». Впрочемъ, это рѣшеніе у нихъ созрѣло еще раньше. Могутъ спросить: какъ я могъ это знать? Отвѣтъ простъ: больше всего на основаніи фактовъ, взятыхъ въ совокупности: сопоставляя ихъ, я безошибочно рѣшалъ эту несложную задачу. А фактовъ было много. Я писалъ уже о коммерсантѣ Т. За многія оказанныя ему мной услуги онъ долженъ былъ бы чувствовать ко мнѣ только благодарность. Но въ Ригѣ онъ началъ дѣйствовать противъ меня. Т. сталъ информировать газеты, доносилъ о моемъ «слишкомъ лойяльномъ» отношеніи къ большевикамъ. По своей недальновидности одна изъ газетъ начала помѣщать

обо мнѣ самыя фантастическія небылицы, требовать моего ухода. Правда, потомъ главный редакторъ, самъ по себѣ вполнѣ порядочный человѣкъ, началъ задумываться, — и впослѣдствіи объ этомъ разсказывалъ мнѣ: ему было непонятно, чего Т. добивался своей информаціей, тѣмъ болѣе, что онъ по происхожденію совсѣмъ не латышъ и никакъ не могъ руководствоваться патріотическими чувствами къ Латвіи? Другая газета, владѣльцы которой имѣли съ СССР коммерческія связи, въ свою очередь, подняла противъ меня кампанію. Писали совершенно невѣроятныя вещи, утверждали, что въ Америкѣ я присвоилъ какія то общественныя деньги, что я будто бы выпустилъ шпіона Ланге, защищалъ «шпіона» Бирка и т. п. Тотчасъ же эти небылицы послушно начала перепечатывать и совѣтская пресса. Установился неожиданный, дружный и необъяснимый контактъ между совѣтской печатью и частью латвійскихъ газетъ. Этотъ спѣвшійся хоръ въ единодушномъ возмущеніи твердилъ о моихъ аморальныхъ качествахъ и поступкахъ.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ» ИКРА.

Но атакующимъ этого было мало. Надо было во что бы то ни стало раздобыть компрометтирующіе меня факты. Разсужденія и догадки объ американскихъ деньгахъ, о моей защитѣ шпіоновъ были призрачны и зыбки. Необходимо было нѣчто болѣе реальное, осязательное. Случай представился. Владѣлецъ извѣстнаго въ Ригѣ ресторана «Отто Шварцъ» и лучшаго гастрономическаго магазина, мой другъ Jurgenson, снабжавшій меня и наше посольство въ Москвѣ продуктами, обратился ко мнѣ съ просьбой содѣйствовать ему въ полученіи икры, прямо изъ Москвы, при томъ наилучшей. Свою просьбу онъ мотивировалъ тѣмъ, что въ Ригѣ хорошей нѣтъ; а та, которую предлагаютъ многочисленные служащіе совѣтскихъ учрежденій, ввозится ими безъ пошлины, и поэтому для его торговли непріемлема, какъ контрабандный товаръ. Конечно, я съ удовольствіемъ помогъ ему въ этомъ пустяковомъ дѣлѣ. Помощнику коммерческаго аташэ я далъ соотвѣтствующее распоряженіе: у него были знакомства съ рыбнымъ трестомъ, и онъ долженъ былъ достать для меня килограммовъ 40 лучшей икры. Икра принадлежала къ группѣ товаровъ, которые могутъ свободно вывозиться заграницу, и достать ее не составляло никакого труда. Аташэ заявилъ, что икра нужна для самого посланника и получилъ наилучшую. Она была и отправлена въ Ригу съ уѣзжавшимъ секретаремъ Vigrabs'омъ. Я далъ строгій наказъ, чтобы икра была сдана въ багажъ отдѣльно и багажная квинтація передана въ Ригѣ Jurgenson'у. Другими словами, секретарь, багажъ котораго не долженъ оплачиваться пошлиной, не смѣлъ взять икры по прибытіи въ Ригу, и эту икру, уплативъ, конечно, пошлину, должна была получить фирма Jurgenson. Въ сущности, все такъ и было сдѣлано. Въ Москвѣ секретарь сдалъ ящикъ икры вмѣстѣ съ другими ящиками своихъ книгъ и получилъ одну общую багажную квитанцію, Въ Ригѣ онъ забралъ книги съ соотвѣтствующей отмѣткой на квитанціи,а ящики съ икрой оставилъ. Эту квинтацію съ отмѣткой, что два ящика уже взяты, онъ передалъ Jrgenson'у, и его фирма, безъ всякаго труда, уплативъ пошлину, получила икру.

Агенты ГПУ увидѣли въ этомъ прекрасный случай для того, чтобы создать новое дѣло. Они рѣшили, что икра, купленная по моей просьбѣ, и отправленная вмѣстѣ съ книгами, не была оплачена латвійской пошлиной, — надо сказать, очень высокой, — и начали соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствовать. Объ этомъ былъ извѣщенъ членъ латвійскаго Сейма, нѣкто Eglit, впослѣдствіи утонувшій въ рѣкѣ. Нашимъ посольствомъ онъ давно уже былъ недоволенъ за то, что оно не хотѣло пустить его въ Латвію, какъ лицо, занимавшее во время революціи комиссарскую должность въ Казани. Но нашлись друзья, поручились за Eglit'а, и его въ Латвію впустили. Золъ онъ былъ и лично на меня: на его связи съ большевиками я смотрѣлъ всегда очень подозрительно. У меня было для этого достаточно основаній, хотя Eglit иногда и очень ругалъ большевиковъ, — знакомый, испытанный пріемъ для отвода глазъ. Пріѣхавъ въ Ригу, онъ записался въ партію такъ наз. «новохозяевъ» и, испытанный демагогъ, способствовалъ росту этой партіи. Вотъ этотъ Eglit, пользуясь своей властью, вѣрнѣе, захвативъ ее, вообразилъ себя неограниченнымъ владыкой. Вдругъ онъ потребовалъ отъ таможенныхъ чиновниковъ произвести обыскъ въ его присутствіи въ ресторанѣ «Отто Шварцъ», чтобы найти тамъ контрабандную икру: не нашли ничего. Тогда, черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, получивъ новыя инструкціи, Eglit вторично сдѣлалъ обыскъ и провѣрку счетовъ въ конторѣ Jurgenson'а. Не вышло ничего и тутъ: фирма солидная и контрабан-

дой не занималась. Конечно, обыскъ у Jurgenson'a имѣлъ цѣлью не Jurgenson'a, — это были средство и поводъ придраться ко мнѣ. Не дремалъ и НКИД. Вся эта исторія была ему на руку. Чтобы придать этому «случаю съ икрой» нѣкую значительность, обратить на нее вниманіе правительственныхъ сферъ, НКИД прислалъ посольству ноту, обвиняя «высокопоставленное лицо» въ контрабандной торговлѣ икрой. На эту наглую ноту я отвѣтилъ рѣзкимъ протестомъ. Факты, логическіе выводы такъ явно и безоговорочно обличали НКИД и ГПУ, что я имѣлъ полное и совершенное право говорить въ нотѣ съ большой ироніей, высмѣивающей оба учрежденія, (мнѣ очень жаль, что сейчасъ я не могу опубликовать этого документа). НКИД своей нотой самъ себя загналъ въ темный уголъ, — его нота была во всѣхъ смыслахъ самоубійственной. Конечно, озлобленіе противъ меня возросло еще больше. НКИД и ГПУ рѣшили, послѣ столькихъ своихъ неудачъ, выбрать жертвой мою жену: лишь бы какъ-нибудь устроить явный скандалъ, связанный съ моимъ именемъ, уничтожить меня морально.

ЗАДЕРЖАНІЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКАГО БАГАЖА.

Дѣло было такъ. Послѣ никому неизвѣстнаго «судебнаго процесса» нашего коммерческаго аташэ Блументаля, НКИД потребовалъ его немедленной высылки изъ предѣловъ СССР. Блументаль даже не успѣлъ собрать своего багажа. Прошло недѣли двѣ, и въ Ригу поѣхала моя жена. Сослуживцы коммерческаго аташэ, у которыхъ Блументаль оставилъ свои вещи, очень просили моего разрѣшенія отправить эти вещи въ багажѣ моей жены. Всѣхъ вещей было около 350 кило. Изъ чувства простой человѣчности я, конечно, согласился; къ этому же обязывалъ меня и мой служебный долгъ. Жена уѣхала, вмѣстѣ съ ней были отправлены и вещи аташэ. На другой день, къ общему невѣроятному удивленію, я получилъ телеграмму отъ жены, а также изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Ригѣ, что багажъ жены на границѣ былъ задержанъ и что въ Ригу она пріѣхала безъ багажа.

Совѣтская пограничная таможня потребовала открыть багажъ, на что моя жена, совершенно правильно, отвѣтила категорическимъ отказомъ. Поѣздъ былъ задержанъ на цѣлыхъ два часа, и все это время таможенные чиновники старались вырвать отъ жены раз-

рѣшеніе вскрыть багажъ, — напрасно. На другой день я попросилъ свиданія съ членомъ коллегіи НКИД, Стомоняковымъ, въ вѣдѣніи котораго находились балтійскія страны и черезъ котораго проходили всѣ эти дѣла.

Я былъ очень разсерженъ, возмущенъ, и у насъ съ нимъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я пришелъ къ вамъ съ большими претензіями. Я хочу знать, на какомъ основаніи былъ задержанъ багажъ, который слѣдовалъ съ моей женой, и почему НКИД были даны инструкціи задержать этотъ багажъ?

— Такъ вопросъ ставить нельзя, что мы дали распоряженіе... НКИД не можетъ давать предписаній таможеннымъ пограничнымъ властямъ.

— Но тогда вы сами нарушаете права дипломатическаго корпуса, ибо въ вашей же инструкціи о правахъ дипломатическаго корпуса сказано: «по всѣмъ дѣламъ, касающимся сихъ лицъ, въ случаѣ совершенія ими какого либо проступка или преступленія, надлежитъ, не примѣняя къ нимъ никакихъ мѣръ въ оношеніи ихъ личности или имущества, обращаться въ НКИД. Также багажъ, слѣдующій съ дипломатическимъ лицомъ, не подлежитъ осмотру».

— Намъ трудно сказать сейчасъ, почему это дѣлали таможенныя власти и какими психологическими мотивами руководствовались. Должно быть, имъ показалось страннымъ, что ваша жена имѣетъ 22 пуда багажу.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до психологическихъ мотивовъ вашихъ пограничныхъ властей, ибо мнѣ ихъ психологія совершенно непонятна. Я требую рѣшительнаго отвѣта: почему такое незаконное исключеніе сдѣлано по отношенію къ моей женѣ?

— У насъ есть свѣдѣнія, что это багажъ не вашей жены, а коммерческго аташэ Блументаля.

— Не будемъ разбираться въ принадлежности багажа; я ставлю впросъ формально: на какомъ основаніи задержанъ багажъ, который сдѣловалъ съ моей женой?

— Зачѣмъ вы не хотите признать, что этотъ багажъ не вашей жены? Вѣдь, тогда мы его вскрыли бы, и дѣло сейчасъ же было ликвидировано безъ всякой огласки.

— Прошу не указывать на неудобства огласки. Я самъ этому дѣлу придамъ широкую огласку и доведу до свѣдѣнія всего дипломатическаго корпуса, чтобы

знать, въ какомъ безправномъ положенiи можетъ находиться дипломатическое лицо въ СССР.

Стомоняковъ началъ, въ свою очередь, ссылаться на то, что гдѣ-то былъ задержанъ также и багажъ итальянскаго посла. Эта ссылка меня, конечно, не удовлетворила. Я не уступалъ. Дня черезъ два отъ таможеннаго управленiя пришло увѣдомленiе, адресованное «гражданкѣ Озолсъ». Я отвѣтилъ, что въ посольствѣ «гражданки Озолсъ» нѣтъ, а есть жена посланника M-me Озолсъ, и увѣдомленiе отказался принять.

Вещи мы получили назадъ. Я назначилъ комиссiю изъ трехъ служащихъ, — въ томъ числѣ и чиновницу, которая сама упаковывала эти вещи, — чтобы они сами открыли ящики и посмотрѣли, что тамъ находится. У меня было предположенiе, что въ эти ящики ими же было еще что нибудь вложено, и только поэтому таможенныя власти такъ добивались ихъ вскрытiя, — сначала на границѣ, а потомъ въ Москвѣ, въ присутствiи спецiальной комиссiи. Если бы жена разрѣшила вскрыть ящики, и тамъ обнаружили что-нибудь контрабандное, скандалъ, конечно, удался бы на славу. Этого только и добивались совѣтскiя власти. Изъ за этого и былъ устроенъ весь этотъ переполохъ, этимъ только и диктовались настоянiя таможни. Планъ провалился. Мои служащiе, и особенно та, которая упаковывала передъ отправкой всѣ вещи, опредѣленно констатировали, что ящики были все-таки открыты, и всѣ вещи перепакованы. Итакъ, организованный противъ меня скандалъ, сталъ скандаломъ для НКИД и ГПУ, чего они, разумѣется, не предполагали, надѣясь, что моя жена уступитъ и дастъ согласiе на вскрытiе багажа и его осмотръ.

FIVE O'CLOCK въ ПОСОЛЬСТВѢ.

Все яснѣе и яснѣе для меня становилось, что больше въ Москвѣ я оставаться не могу, что надо приготовляться къ отъѣзду.

Уже въ концѣ 1928 г. министръ-президентъ Юрашевскiй предложилъ мнѣ принять постъ посланника въ Варшавѣ. Я согласился, но просилъ его подождать, потому что на меня все еще продолжали нападать, и могло получиться впечатлѣнiе, что большевики и ихъ сообщники меня убрали. Но и тутъ меня хотѣли подсидѣть. Распространился «неоффицiальный» слухъ, который былъ переданъ и министру-президенту, что

Польша не хочетъ меня у себя посланникомъ. Я рѣшилъ это провѣрить самъ и разсказалъ обо всемъ польскому посланнику въ Москвѣ Patek'у, который былъ личнымъ другомъ Пилсудскаго. Patek сразу и категорически опровергъ эти вздорные слухи, но все же захотѣлъ ихъ провѣрить. Онъ поѣхалъ въ Варшаву и обѣщалъ лично переговорить съ Пилсудскимъ и прислать мнѣ условную телеграмму: «Madame va bien». Черезъ нѣкоторое время я такую телеграмму отъ Patek'а и получилъ. Стало ясно, что и тутъ были интриги, строились и изобрѣтались подвохи.

А тѣмъ временемъ въ Латвiи образовался новый кабинетъ министровъ, памятный тѣмъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ этого кабинета, Балодисъ, бывшiй посланникъ въ Литвѣ, отличался слишкомъ большой осторожностью, граничившей съ панической боязнью. Въ моменты политическихъ осложненiй и обостренiй онъ просто терялся, не зналъ, что дѣлать, а потому другiя, постороннiя, и даже враждебныя силы могли нажнего влiять и руководить имъ безъ особеннаго труда. Опасаясь нареканiй, хотя бы только мерещившихся ему, Балодисъ предпоолжилъ мнѣ подать въ отставку, забывая о престижѣ страны и ея представителя

Я собирался уѣхать въ началѣ мая. По случаю отъѣзда моего и моей жены, начались прощальные diners, — ихъ было много. Я былъ бы неблагодарнымъ и непамятливымъ, если бы могъ забыть эти дни, сочувствiя моихъ коллегъ, ихъ трогательныя обращенiя къ намъ и съ нами, ихъ внимательность, ихъ возмущенiя всѣмъ, что было продѣлано съ нами въ Москвѣ. Всѣ они хотѣли какъ можно крѣпче запечатлѣть нашу долгую дипломатическую дружбу, которая въ данномъ случаѣ была воистину сердечной и вполнѣ искренной. Жена моя получила много подарковъ. Персидскiй посолъ Ansari и его жена подарили ей старинное кружево, тонкой работы ящикъ; M-me Schou поднесла украшенiе для стола собственной работы; не забылъ меня и французскiй посолъ, — я получилъ отъ него старинные фарфоровые часы. Тогда, за отъѣздомъ графа Брокдорфъ-Ранцау, обязанности старшины дипломатическаго корпуса исполнялъ посолъ Herbette.

Поэтому, чтобы показать ту дружную атмосферу, въ которой жилъ тогда въ Москвѣ нашъ дипломатическiй корпусъ, я приведу въ подлинникѣ письма Herbette'а и мой ему отвѣтъ.

M. Herbette писалъ:

Moscou, le 26 Avril 1929.

Mon cher Ami,

Ma femme et moi, nous vous demandons de vouloir bien accepter, pour Madame Ozols et pour vous, ce petit souvenir qui vous rapellera les heures dont nous garderons nous-mêmes le plus fidèle souvenir, les heures que nous avons passées tous ensemble ici.

Votre départ à tous deux est pour nous un profond chagrin. Notre consolation est de penser que l'amitié qui lie nos deux ménages subsistera, et que nous nous retrouverons. C'est dans cet espoir que je vous prie de présenter à Madame Ozols, avec les plus affectueux souvenirs de ma femme, mes respectueux hommages, et d'accepter pour vous-même l'expression de mon invariable attachement

John Herbette

Мой отвѣтъ:

Moscou, le 27 avril 1929.

Bien cher Ami,

Ma femme et moi, nous avons été profondément touchés du magnifique souvenir que Madame Herbette et vous avez bien voulu nous envoyer hier, comme signe de la sincère amitié qui nous unit, amitié qui subsistera toujours entre nous.

L'ancienne et précieuse pendule que nous avons reçue et qui ornera notre appartement nous rappellera que le temps passe, mais que notre amitié restera toujours aussi sincère qu'elle l'a été jusqu'ici.

A moi, elle me rappellera votre travail exceptionnel à Moscou qui, comme une pendule en marche, contribue au bien-être, non seulement de votre chère patrie, mais de l'humanité entière.

Madame Ozols et moi, nous sommes heureux et fiers d'avoir des amis comme Madame Herbette et vous.

Nous avons l'espoir de vous rencontrer encore dans la vie, et soyez persuadés que ces rencontres seront pour nous une grande joie.

Ch. Ozols.

Прекрасный подарокъ Herbette'а и сейчасъ украшаетъ мой рабочій кабинетъ , и я иногда подхожу и читаю записанныя въ фарфоровую книгу, изображенную на этихъ часахъ, слова: «Le temps s'enfuit pourquoi le regretter, malgré la perte volage, qui nous force à le quitter, en faire usage c'est l'arrêter».

Всѣ знали, — если не все, то многое, — о той борьбѣ, которую мнѣ пришлось вести въ Москвѣ и Ригѣ, всѣ были на моей сторонѣ, и каждый поддерживалъ меня, какъ могъ. Еще начиная мою московскую работу, я присылалъ розы изъ моей латвійской усадьбы въ подарокъ дамамъ и Чичерину. И теперь, на этомъ послѣднемъ московскомъ вечерѣ, я тоже хотѣлъ, чтобы были розы, — какъ можно больше розъ. Я дѣлалъ это съ особымъ умысломъ, о которомъ едва ли могли догадаться участники этого вечера. Умыселъ мой былъ невиннымъ: онъ былъ символиченъ. Я хотѣлъ, чтобы розы, какъ высшая красота природы, олицетворяли на этомъ вечерѣ ту душевную красоту, которую проявили ко мнѣ мои гости и друзья, чтобы чистота этихъ цвѣтовъ напоминала нашу общую работу и наши цѣли, къ которымъ мы всегда стремились, — чистоту и красоту, о которой Достоевскій сказалъ: «Красота міръ спасетъ».

Въ общей атмосферѣ предательства, подлоговъ, нападокъ изъ за угла, которые организовало ГПУ во главѣ съ величайшимъ бандитомъ Ягодой, какъ Москва его впослѣдствіи величала при поддержкѣ НКИД, это особенно хотѣлось подчеркнуть. И, дѣйствительно, когда всѣ дамы съ розами въ рукахъ танцовали въ большомъ залѣ нашего посольства, взору представала красивая картина общаго единенія и воодушевленія. Тутъ были и слезы, и поцѣлуи, и открытый протестъ.

Но ГПУ и НКИД, понявъ, что я не только не уничтоженъ, а, наоборотъ, становлюсь для нихъ еще болѣе неудобнымъ, готовили мнѣ проводы совершенно другого характера.

* * *

Когда я впервые пріѣхалъ въ Москву, какъ посланникъ, я нашелъ двѣ посольскихъ комнаты безъ подходящей мебели, и просилъ правительство отпустить кредиты на ея покупку. Мнѣ отказали, мотивируя тѣмъ, что посланникъ самъ, если хочетъ, можетъ купить мебель на свой счетъ. Я такъ и сдѣлалъ. Теперь, уѣзжая и не желая разрушать мебилировку посольства, я снова предложилъ пріобрѣсти эту мебель, но и на этотъ разъ получилъ отказъ. Итакъ, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ взять эту мебель съ собой. Ея упаковку я поручилъ московской фирмѣ. При этой упаковкѣ при-

сутствовалъ и совѣтскій таможенный чиновникъ, чтобы знать и видѣть, что именно я увожу съ собой изъ Москвы. Тѣмъ не менѣе, за недѣлю до моего отъѣзда я получилъ тревожную вѣсть. Служащій латвійской концессіонной фирмы въ Москвѣ «Каблицъ» по секрету сообщилъ мнѣ, что одинъ чекистъ сказалъ ему, о какомъ-то скандалѣ готовящемся для посланника. Я насторожился. На основаіи опыта, у меня явилась мысль, что мнѣ могутъ по дорогѣ подложить въ мой багажъ что-нибудь компрометирующее. Ничего другого я предполагать не могъ, такъ какъ все было мною предусмотрено. Я сталъ совѣтоваться съ коллегами, — какъ быть? И вотъ, норвежскій посланникъ, большой знатокъ протокола, Urbye, посовѣтовалъ поставить на всѣ вещи печать посольства. Я такъ и сдѣлалъ.

ПРОВОДЫ НА БАЛТІЙСКОМЪ ВОКЗАЛѢ.

Я попросилъ свое правительство прислать мнѣ въ Москву латвійскій салонъ-вагонъ. Я былъ до такой степени, — конечно, сдержанно, озлобленъ, что не хотѣлъ ѣхать въ совѣтскомъ вагонѣ. Для этого у меня было много основаній: къ тому же, понималъ, что всякая лишняя предосторожность въ этомъ путешествіи не только не мѣшаетъ, но можетъ оградить отъ самаго непредусмотрѣннаго сюрприза. Вагонъ прислали, и 2 мая, къ вечеру, я и моя жена оставили Москву. Провожать насъ пріѣхалъ весь дипломатическій корпусъ во главѣ съ послами и посланниками. Никогда еще моя жена не получала столько розъ, какъ въ этотъ день на Балтійскомъ вокзалѣ въ Москвѣ. Нашъ салонъ-вагонъ утопалъ въ розахъ; особенно большой букетъ поднесъ турецкій посолъ... «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!» — вспоминались слова Тургенева.

Дипломатическій корпусъ какъ бы подчеркивалъ, что въ этихъ проводахъ онъ единодушно съ нами, какъ бы ни были грозны и грязны уже совершенныя и еще приготовляемыя Совѣтами козни противъ насъ.

Такіе дни, такія минуты не забываются. Въ мрачной Москвѣ, среди притаившейся и открытой вражды, тяжело было работать: каждый день сулилъ новыя нападки, нежданныя западни; и теперь, въ этотъ часъ прощальныхъ проводовъ, я почувствовалъ, какъ съ моихъ плечъ сваливается грузъ, какъ всѣ эти временныя огорченія таютъ и разсѣиваются. И на душѣ становилось легко и свѣтло.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НОТА.

Подготовляясь къ отъѣзду, я все время былъ занятъ составленіемъ большой ноты совѣтскому правительству. Она охватывала всѣ главныя событія, связанныя съ нападками и выходками совѣтскихъ властей и была подробна и пространна. Напечатанная на 28 большихъ писчихъ листахъ, она начиналась такъ:

«Нота Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ отъ 25-го марта с. г. No 27 начинается заявленіемъ, что вербальная нота Латвійской Миссіи отъ 14-го марта с. г. за No 1036 написана въ такомъ неумѣстномъ и необычайномъ въ дипломатической перепискѣ тонѣ, въ какомъ Народный Комиссаріатъ по Иностраннымъ Дѣламъ предпочелъ бы не получать въ дальнѣйшемъ отъ Латвійской Миссіи...» Это обстоятельство вынуждаетъ Латвійскую Миссію остановиться, прежде всего, на томъ исключительно рѣдкомъ, а поэтому, дѣйствительно, необычайномъ въ дипломатической перепискѣ упрекѣ, который содержится въ только что упомянутомъ заявленіи Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ.

Латвійская Миссія считаетъ, что въ дипломатической перепискѣ о тонѣ какой-либо ноты позволительно судить лишь на основаніи текста и точнаго смысла самой ноты. Народный Комиссаріатъ по Иностраннымъ Дѣламъ, однако, не указалъ на тѣ выраженія или особенности текста Латвійской ноты, на основаніи которыхъ онъ счелъ возможнымъ въ столь категорической формѣ поставить въ упрекъ Латвійской Миссіи неумѣстный и необычный тонъ ея ноты. Сравнивая же ноту Миссіи отъ 14-го марта съ нотами Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ, Латвійская Миссія должна констатировать, что, въ то время, какъ въ нотѣ Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ дѣламъ говоятъ о «произвольныхъ» заключеніяхъ Миссіи, о ея «неумѣстныхъ», «недопустимыхъ» попыткахъ, о ея усиліяхъ «опорочить органы Союза» и т. д., —такія или аналогичныя имъ выраженія, являющіяся, дѣйствительно, нѣсколько необычайными въ перепискѣ между дипломатическими органами двухъ дружныхъ государствъ, отсутствуютъ въ нотѣ Латвійской Миссіи отъ 14-го марта.

По вышеизложеннымъ мотивамъ Латвійская Миссія рѣшительно отклоняетъ упрекъ въ неумѣстномъ и необычайномъ тонѣ ея вышеуказанной ноты».

Эту ноту НКИД читалъ тогда, когда я былъ уже

въ дорогѣ. Она была такъ непріятна для совѣтскихъ властей, что (мнѣ это извѣстно) они предлагали освободить арестованныхъ латвійскихъ гражданъ, если эту ноту латвійское министерство иностранныхъ дѣлъ согласится взять обратно. Конечно, предложеніе было отвергнуто, этой уступки не сдѣлали, и нота осталась въ Москвѣ.

* * *

На другой день, выспавшись, отодохнувъ, я, по обыкновенію, сталъ наблюдать черезъ окно вагона, и любоваться, какъ просыпается природа. Она уже начала одѣваться въ свои ярко-зеленыя одежды, и мнѣ вспомнилось, какъ въ 1915 г., т. е. цѣлыхъ 14 лѣтъ тому назадъ, въ разгарѣ войны, я впервые покидалъ Россію, какъ, глядя тогда черезъ окно финляндскаго вагона на божественно уснувшія поля и лѣса, покрытые бѣлымъ саваномъ, я мечталъ о свѣтлыхъ судьбахъ человѣчества и желалъ ему проснуться для новой, счастливой жизни. Въ свой дневникъ я занесъ:

«3-го мая. Москва покинута, можетъ быть, навсегда. Береза, это дивное дерево сѣвера, начинаетъ покрываться зелеными, душистыми листьями; трава неудержимо рвется на поверхность изъ подъ земли, и покрываетъ оставшуюся грязь земли. Вездѣ и всюду видно много дѣтей, — босыхъ малышей, плохо одѣтыхъ. Они, какъ эта весенняя, молодая травка, выростутъ и сметутъ ту грязь, въ которой задыхается вся Россія. Русскій народъ, какъ эта береза, свой голый зимній видъ перемѣнитъ на цвѣтущій покровъ.

Прими, Россія, послѣдній мой прощальный привѣтъ, — я былъ и я останусь Твоимъ другомъ».

СКАНДАЛЪ СЪ МОИМЪ БАГАЖЕМЪ.

Поѣздъ подошелъ къ границѣ. Я ждалъ, что же произойделъ съ моимъ багажемъ. Вѣдь я былъ еще въ Москвѣ информированъ, что какія-то непріятности должны случиться. Къ моему великому удивленію, совѣтскія пограничыя власти на сей разъ очень корректно мнѣ поклонились и отдали честь уѣзжающему послан нику, и — ничего больше не произошло. И на латвійской границѣ все прошло гладко. Но здѣсь я лично распорядился, чтобы всѣ вещи съ посольскими печатями были направлены въ латвійскую таможню. Сдѣлалъ я это умышленно, чтобы потомъ меня не обвини-

ли въ снятіи печатей. Ставить ихъ, какъ полномочный министръ, я могъ, сколько угодно, но въ Латвіи ихъ снимать должны были другіе. Совершенно спокойно мы пріѣхали въ Ригу. Былъ поздній вечеръ, и я велѣлъ проводнику вагона оставить вещи тутъ до утра. Помня секртное предостереженіе агента ГПУ, я хотѣлъ быть до мелочей внимательнымъ и выполнить всѣ формальности. Вдругъ, въ мой вагонъ врывается нѣсколько человѣкъ, во главѣ все съ тѣмъ же Eglit. Они захватываютъ силой всѣ мои вещи и уносятъ въ таможенное отдѣленіе. Всѣ мои протесты оказались напрасными, служащіе подчинялись только Eglit'у, какъ... члену нашего парламента, т. е. совершали беззаконіе, какъ совершалъ его и онъ самъ. Я подошелъ къ Eglit'у и сказалъ:

— Должно быть, вы сами не понимаете и не знаете, что дѣлаете, но прошу мнѣ вѣрить, что вы сейчасъ, можетъ быть невольно, дѣйствуете, какъ агентъ ГПУ. Прошу сейчасъ же прекратить это безобразіе.

На мигъ смутившись, онъ мнѣ далъ поразительный отвѣтъ:

— Я высшая власть.

Я съ презрѣніемъ отъ него отвернулся и бросилъ ему нѣсколько словъ, — ихъ здѣсь я не могу даже написать.

Три дня осматривали и выворачивали мой багажъ, но — ничего не могли найти въ немъ такого, къ чему можно было бы придраться. Въ багажѣ было нѣсколько старинныхъ иконъ, которыя и сейчасъ висятъ у меня въ кабинетѣ. Но бульварная пресса подхватила этотъ инцидентъ, выдумывала и приводила самыя диковинныя небылицы, а Москва все это немедленно и услужливо перепечатывала уже въ оффиціальныхъ «Извѣстіяхъ» и въ органѣ партіи «Правда». Оттуда распространяла дальше эти небылицы заграничная пресса, комъ росъ, даже не изъ мухи, а изъ ничего дѣлали слона, Москва называла меня миссіонеромъ, спекулянтомъ, контрабандистомъ, бандитомъ, извѣстнымъ мошенникомъ, воромъ, — словомъ, лексиконъ, клеймящихъ и ругательныхъ словъ былъ исчерпанъ до конца. А всѣ эти хамскія строки снова перепечатала латвійская бульварная пресса. Получился настоящій котелъ вѣдьмъ. ГПУ и НКИД никакъ не могли отказаться отъ своей цѣли меня ничтожить, «добить противника до конца». Конечно и тутъ министръ иностранныхъ дѣлъ Балодисъ растерялся уже совсѣмъ. На мои категорическія требованія сообщить, что мой пріѣздъ и про-

возъ вещей произошелъ въ полномъ согласіи съ закономъ, что я невиновенъ ни въ чемъ, Балодисъ, страшась и озираясь, отвѣтилъ:

— Я не могу вмѣшиваться въ партійную (?!) борьбу.

На это я ему сказалъ:

— Вы сами пожалѣете обо всемъ, что сейчасъ дѣлаете. И высказалъ сожалѣніе, что можетъ быть такой министръ иностранныхъ дѣлъ. Это были слова естественнаго и законнаго негодованія. И я былъ правъ и угадалъ: очень скоро Балодисъ сошелъ съ политической сцены и сошелъ навсегда.

Когда, послѣ тщательнаго осмотра всѣхъ вещей, у меня ничего не могли найти контрабанднаго, выставили «вообще» обвиненіе въ томъ, что я привезъ въ Ригу вещи, а въ наложеніи печатей на эти вещи усмотрѣли чуть ли не государственную измѣну. Трудно повѣрить: за разрѣшеніемъ этого вопроса обратились даже въ Сенатъ. Конечно, въ Сенатѣ не нашли рѣшительно никакихъ признаковъ незаконности и дѣло прекратили. Эта исторія до крайности возмутила весь дипломатическій корпусъ въ Москвѣ. Я получилъ груду писемъ, критикующихъ тогдашніе порядки въ Латвіи. Эстонскій посланникъ Seljamaa писалъ: (*)

«Какъ здѣсь въ Москвѣ, такъ и у насъ, въ дипломатическомъ корпусѣ въ Эстоніи, никто не сомнѣвается, что вы являетесь невинной жертвой. Дипломаты вообще не могутъ понять, какъ какой-то членъ Сейма можетъ безнаказанно командовать таможенными чиновниками. Меня спрашиваютъ, — не является ли онъ предсѣдателемъ какого-нибудь латвійскаго «чека»? Въ Москвѣ никто изъ дипломатическаго корпуса не сомнѣвается, что во всемъ дѣлѣ нужно искать руку Москвы, и всѣ жалѣютъ, что Латвія себя такимъ образомъ скомпрометировала. Всѣ дипломаты обѣщаютъ написать своимъ правительствамъ въ томъ смыслѣ, что вы являетесь жертвой интригъ. Никто изъ корпуса не можетъ понять, въ чемъ тутъ преступленіе? Въ томъ, что Вы наложили печати? Но вѣдь это были печати не чужого государства, а вашего, которыя снять имѣетъ право только латвійское правительство чрезъ своихъ же агентовъ. Urbye мнѣ говорилъ, что онъ совѣтовалъ вамъ это сдѣлать во избѣжаніе всякихъ «сюрпризовъ»; онъ говорилъ, что всегда такъ поступаютъ и Artti (финляндскій посланникъ), съ которымъ я вчера бесѣдовалъ, говорилъ, что думаетъ то же самое. Однимъ словомъ, всѣ отказываются понимать. А если бы не было печатей, — многіе убѣждены въ этомъ, — вы пріѣхали бы съ «сюрпризами» со стороны совѣтскихъ властей... Herbette, Cerrutti, Schou, Urbye, Patek и т. д. всѣ жалѣютъ, что ваша печать то и дѣло льетъ воду на совѣтскую мельницу» (*).

*) Подлинникъ сохраненъ.

Французскій посолъ Herette отозвался въ тѣхъ же тонахъ.

Все шли и шли такія сочувствующія письма и, между прочимъ, посолъ С. писалъ:

« ... Je continue à ne pas comprendre comment on a pu songer un instant à vous accuser d'actes contraires aux lois ou aux usages et je ne suis pas surpris que la justice de votre pays ne trouve rien à vous reprocher. Tous ceux de nos collègues qui vous ont connu sont du même avis. J'ai même entendu porter des jugements sévères à l'adresse de votre gouvernement, auquel on reproche de ne pas avoir tenu tête immédiatement à la campagne dirigée contre vous. Sans que je me permette en rien d'intervenir dans des choses qui ne me concernent pas, je dois avouer que l'on rendrait un véritable service au prestige extérieur de votre pays si l'on en finissait une bonne fois avec toutes ces absurdes et vilaines histoires et si l'on vous donnait un nouveau poste qui fut à la hauteur des grands services que vous savez rendre à votre patrie» ...

— Я надѣюсь, что мои друзья простятъ, мѣня что я помѣстилъ выдержки изъ нѣсколькихъ ихъ писемъ, которыя освѣщаютъ и дополняютъ картину скандала съ моимъ багажемъ. Всѣмъ имъ я чрезвычайно благодаренъ за ихъ рѣдкое, удивительно отзывчивое отношеніе ко мнѣ. Но и помимо психологическаго значенія этихъ писемъ, они цѣнны здѣсь потому, что безъ нихъ, безъ огласки этихъ откликовъ, всѣ мои утвержденія могли бы стать не столь убѣдительными, т. е. надо мной могъ бы быть совершенъ судъ безъ свидѣтелей оправданія.

Тутъ я не могу не вспомнить и президента С.-Американскихъ Штатовъ Hoover'а, который тогда, въ разгарѣ всей этой скверной исторіи, прислалъ мнѣ привѣтъ, о которомъ я, впрочемъ, уже упоминалъ раньше.

*) А только это и нужно было — авторъ.

* * *

Обо всемъ этомъ можно было бы не писать, махнуть на все это рукой, но только въ томъ случаѣ, если бы это касалось только меня лично. Но это не такъ. Важенъ не только я. Вся моя исторія имѣетъ гораздо болѣе широкій общій интересъ, болѣе глубокое значеніе. Тутъ была ясна опредѣленная цѣль, касающаяся всѣхъ: всѣми силами, всѣми средствами, всѣми способами дискредитировать неподатливаго дипломата, по возможности, деморализовать его, снизить и ослабить его самостоятельность, подорвать его независимость. Но и эта цѣль — не конечная. Послѣдняя и главная задача — подготовить почву для путей побѣды и торжества Коммунистическаго Интернаціонала. Объ этомъ большевики мечтали, это была ихъ сладкая надежда, ихъ путеводная звѣзда. Изъ этихъ мечтаній и надеждъ не только ничего не вышло, но результаты получились совершенно обратные: большевики безсознательно сами, своими руками, своей пропагандой создали въ Европѣ авторитарные государственные режимы. Они не учли и забыли старый, и неоспоримый законъ, гласящій, что всякое дѣйствіе родитъ противодѣйствіе. И это противодѣйствіе вспыхнуло сначала въ Италіи, потомъ въ Германіи и др. странахъ. Большевики сами, — и никто другой, породили вмѣсто демократическихъ правительствъ, автократическія. Это ихъ заслуга, и ее впишетъ въ свои анналы безпристрастная исторія.

XIX.

ПОСЛѢ МОСКВЫ.

Почти весь 1929 годъ прошелъ въ дикихъ нападкахъ на меня. Насталъ 1930-ый. Политическія партіи, будто ослѣпленныя, продолжали грызться между собой, не понимая, что это какъ разъ то, чего хочетъ Москва. Я уже отдохнулъ, могъ оцѣнивать недавнія событія моей жизни, какъ отошедшій день, и считалъ своимъ долгомъ высказать открыто то, что я думалъ, и какъ оцѣнивалъ событія и людей. Своимъ поведеніемъ, своими чисто бандитскими нападками на меня, какъ на бывшаго посланника, большевики сами освободили меня отъ какихъ либо обязательствъ передъ ними, даже отъ тѣхъ, которыя вытекали изъ моего положенія дипломата и которыя заставляли поэтому иногда умалчивать о многомъ непріятномъ, наоборотъ: всѣ доводы разума и справедливости были за то, что я не смѣлъ и не долженъ былъ молчать. Я написалъ статью подъ названіемъ: «Разрушительная работа». Вопросъ о Балтикѣ и СССР я разбиралъ въ ней совершенно объективно и называлъ вещи собственными именами. Между прочимъ въ статьѣ говорилось:

«Каждаго, кто хотѣлъ или хочетъ утверждать, что балтійскія страны, — отдѣльно или совмѣстно, — готовятся напасть на Совѣтскую Россію, мы назвали бы — мягко выражаясь — наивнымъ или ничего не понимающимъ человѣкомъ. Но, если, несмотря на все, вопреки очевидной истинѣ, коммунистическіе вожди и ихъ руководящіе органы это утверждаютъ, то гдѣ же здѣсь хоть какая-нибудь логика? Гдѣ хоть одно фактическое доказательство, что Пуанкарэ и Бріанъ и ихъ послѣдователи, торжественно объявившіе невозможность интервенціи до тѣхъ поръ, пока они у власти, — что эти государственные дѣятели чѣмъ-нибудь нарушили бы свою декларацію? Будемъ откровенны и отвѣтимъ прямо: все это нужно, чтобы сѣять вражду и междоусоби-

цу, вуалировать свои настоящія цѣли. Вотъ, почему мы и наши сосѣди, близкіе и дальніе, — должпы знать и помнить, что всѣ мы находимся подъ одной и той же угрозой. Намъ всѣмъ уже объявлена война, только безъ обыкновенныхъ военныхъ орудій. Эту войну обозначаютъ 4 слова: децентрализація, дезорганизація, деморализація и дискредитированіе...

...На своемъ хозяйственномъ фронтѣ Москва объявила планъ «пятилѣтки», главной цѣлью и здѣсь было реконструировать СССР такъ, чтобы деконструировать Западную Европу, а частично также и Америку. Первые граждане Франціи, Пуанкарэ и Бріанъ, въ совѣтскихъ газетахъ именовались «кровавыми собаками», только потому, что ихъ нужно было дискредитировать въ глазахъ несознательныхъ слоевъ народа, а черезъ нихъ и весь капиталистическій міръ. Точно такъ же Чемберлена съ той же цѣлью носили во время всѣхъ шествій и парадовъ повѣшеннымъ. или горящимъ на кострѣ съ цилиндромъ на головѣ, или привязаннымъ къ позорному столбу. Съ неимовѣрнымъ, недопустимымъ цинизмомъ издѣвались и надъ англійскимъ королемъ. Вопросъ: кто поручится, что слѣдующая война не будетъ такой же, какъ прошедшая, кто рѣшится отрицать, что война, которую я обозначаю четырьмя словами, не будетъ рѣшающей? И ясная, опредѣленная политика, политика безъ боязни, честная и открытая, должна ликвидировать эти четыре орудія коммунистической войны»...

Такъ я писалъ. Совѣтская пресса на эту статью реагировала весьма запальчиво:

«Наряду съ іерихонскими трубами вождей антисовѣтскихъ силъ, наряду съ Пуанкарэ и Черчилями, вылѣзаютъ изъ подворотенъ всевозможные шавки, стремящіеся присовокупить и свой визгъ къ общему хору»...

На это я отвѣтилъ новой статьей: подъ заглавіемъ: «Привиллегіи большевизма — слабость міровой дипломатіи». Въ ней очень наглядно, цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ примѣровъ, я доказывалъ правильность заголовка моей статьи и закончилъ такъ:

«Европа начинаетъ рисоваться въ роли несчастной Маргариты, надъ которой Мефистофель забираетъ свою власть все больше и больше».

Когда потомъ я написалъ еще статью подъ заглавіемъ: «Что Германія въ Европѣ, то Японія въ Азіи» и уже тогда предвидѣлъ то, что происходитъ теперь, совѣтская пресса по этому поводу разразилась такими ругательствами, что можно было только поражаться

той близорукости международныхъ политическихъ вопросовъ, которой всегда неизлѣчимо хворалъ СССР.

На одномъ дипломатическомъ пріемѣ въ Ригѣ я тогда сказалъ русскому полпреду А. Свидерскому, котораго зналъ еще до войны:

— Алексѣй Ивановичъ, передайте вашимъ въ Москвѣ, что у меня нѣтъ никакого желанія съ ними воевать. Но пусть они запомнятъ, что на каждый выпадъ противъ меня въ совѣтской прессѣ, я немедленно же отвѣчу статьей по какому-нибудь принципіальному, важному для васъ вопросу.

И что же? Москва оставила меня въ покоѣ. Я могу сказать, что большевики меня «подбили» и все же не «добили», морально не могли уничтожить.

Такъ закончилась эта газетная война.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА.

Въ моихъ воспоминаніяхъ былъ бы пробѣлъ, если бы я не отмѣтилъ, что и послѣ Москвы, помимо московскихъ газетъ, меня всячески старались скомпрометировать. Подробнѣе я эти вопросы освѣщу позднѣе, если моимъ воспоминаніямъ суждено будетъ выйти въ болѣе полномъ объемѣ. Пока же отмѣчу, въ 1931 году, на другой день послѣ моего пріѣзда въ Парижъ, я получилъ слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь
Карлъ Вильюмовичъ,

Отъ адмирала М. А. Кедрова я узналъ, что вы высказывали желаніе повидаться со мной и переговорить по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся положенія въ Сов. Россіи.

Я буду очень радъ съ Вами встрѣтиться. Можетъ быть, Вы найдете возможность заѣхать ко мнѣ въ субботу въ три часа.

Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи

Е. Миллеръ».

Генералъ-лейтенантъ
Евгеній Карловичъ Миллеръ
6 rue du Renard, Paris IV.
Парижъ, 7-го мая 1931 года.

Это письмо меня очень поразило. Я рѣшилъ, что все это не такъ просто, что гдѣ-то тутъ кроется желаніе меня скомпрометировать. Конечно, я былъ далекъ отъ мысли, что въ этомъ планѣ участвуетъ самъ генералъ Миллеръ. Но все же я былъ увѣренъ, на основаніи моихъ наблюденій и опыта, что около генерала много людей не совсѣмъ надежныхъ, если не сказать больше. Да, я былъ убѣжденъ въ томъ, что черезъ адмирала Кедрова дѣйствуетъ его знакомый, который, въ свою очередь, отъ кого-то провѣдалъ, что бывшій латвійскій посланникъ хочетъ встрѣтиться съ ген. Миллеромъ, и я понялъ, что и тутъ орудовалъ, въ конечномъ итогѣ, нѣкій агентъ ГПУ. Конечно, ни А. М. Кедровъ, ни Е. К. Миллеръ ничего плохого въ данномъ случаѣ не могли даже предполагать. Но что произошло бы, если бы я принялъ приглашеніе генерала? Совершенно увѣренъ, что немедленно объ этомъ стало бы извѣстно въ Ригѣ. Наши газеты первыя написали бы объ этомъ, и тотчасъ ихъ «информацію» съ радостью перепечатали бы совѣтскіе органы, — словомъ, поднялся бы шумъ на весь міръ. Конечно, эти обличительныя статьи носили бы самыя громкія, самыя язвительныя названія. Въ этихъ статьяхъ разсказывалось бы о томъ, какъ бывшій посланникъ Латвіи, по пріѣздѣ въ Парижъ сейчасъ же нанесъ визитъ бѣлогвардейцу ген. Миллеру, и какъ эта «обнаглѣвшая шайка» теперь орудуетъ противъ сов. Россіи. Естественно, могли бы задать вопросъ: что именно я искалъ у ген. Миллера, — и мое положеніе стало бы весьма неловкимъ.

Сообразивъ все это, я тутъ же отвѣтилъ генералу:

«Глубокоуважаемый Генералъ.

Получилъ Ваше письмо, въ которомъ Вы указываете, что узнали отъ адмирала Кедрова о моемъ желаніи повидаться съ Вами для переговоровъ по нѣкоторымъ вопросамъ о Сов. Россіи, — я былъ немного удивленъ, такъ какъ не имѣлъ намѣренія тревожить Васъ по этимъ вопросамъ и никому объ этомъ ничего не говорилъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и уважженіи».

Было непріятно посылать это письмо, мнѣ не хотѣлось обижать генерала, но все же я его послалъ, движимый моими подозрѣніями.

Когда вечеромъ ко мнѣ въ отель «Континенталь» пришелъ французскій посолъ J. Herbette и я ему обо всемъ разсказалъ, то онъ одобрилъ мой поступокъ. Тутъ же Herbette познакоомилъ меня съ шефомъ французской секретной полиціи, который случайно находился въ этомъ же отелѣ, и тотъ о моемъ несостоявшемся знакомствѣ съ ген. Миллеромъ сказалъ:

— Бѣда русскихъ генераловъ въ томъ, что они сами не знаютъ, кто ихъ настоящій другъ, кто врагъ и кто просто агентъ.

Если бы ген. Миллеръ, получивъ мое письмо, поглубже задумался, почему я такъ ему пишу, онъ, можетъ быть, сталъ бы болѣе осторожнымъ и не палъ бы жертвой политическаго бандитизма, какъ это случилось уже тогда съ Кутеповымъ и многими другими. Простота, довѣрчивость, излишняя безконтрольная вѣра въ людей всегда были и будутъ плохими помощниками въ политической борьбѣ.

БАЛТІЙСКАЯ УНІЯ.

Я рѣшилъ, что гораздо болѣе важной работой будетъ созидательная, а не газетная война, хотя и она затрагивала весьма серьезные и принципіальные вопросы.

Противъ децентралистическихъ стремленій Москвы и Берлина по отношенію къ Средней Европѣ я началъ организовывать союзъ государствъ съ самаго сѣвера Средней зоны Европы, — подъ названіемъ: «Балтійская Унія». Въ этотъ союзъ входили всѣ малыя и среднія государства, лежащія у Балтійскаго моря: Литва, Латвія, Эстонія, Финляндія, Швеція, Норвегія и Данія. Я остановился сперва на этихъ государствахъ потому, что у нихъ нѣтъ никакихъ спорныхъ вопросовъ, которыхъ нельзя было бы разрѣшить мирнымъ путемъ, нѣтъ стремленія расти одному за счетъ другого: они, каждое по своему, могутъ чувствовать себя спокойными и великими просто по своему духу. Конечно это былъ союзъ чисто платоническій, и созданъ онъ былъ съ цѣлью пропагандировать объединеніе средней сѣверной зоны Европы.

Лозунгомъ союза былъ: «La mer Baltique nous unit, rien ne nous sépare». (Балтійское море насъ соединяетъ, о не разъединяетъ).

Цѣль мы формулировали такъ:

« Pour encourager la coopération des peuples riverains

de la mer Baltique basée sur la justice et l'honneur et avancer leur consolidation en vue de la protection des intérêts communs ».

Этотъ лозунгъ и формула, опредѣляющая наши цѣли, писались на всѣхъ языкахъ странъ, входящихъ въ Унію, на первой страницѣ бюллетеня, который мы начали издавать. Мы помѣщали въ этихъ бюллетеняхъ еще и географическую карту этихъ семи государствъ, — сѣверный конецъ Средней зоны Европы съ Балтійскимъ моремъ въ центрѣ. Какъ генеральный секретарь этой Уніи, я въ сопровождающемъ бюллетенѣ писалъ: «Хотя и въ природѣ, и во всей вселенной происходятъ различныя катастрофы, все же, говоря сравнительно, онѣ такъ малы, что можно сказать: тамъ царствуетъ полная гармонія и вѣчный миръ. Можно было бы думать, что и между людьми, какъ высшими существами природы, между народами и государствами, должна быть еще большая гармонія, долженъ царить миръ. Къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно другую картину. Если природа — сама правда, то человѣкъ, рожденный по образу и подобію Божію, долженъ искать эту правду, чтобы при ея помощи достичь необходимой гармоніи и идеаловъ человѣчества, — мира, благополучія и общаго содружества.

Но исканіе этой правды порождаетъ борьбу, ее часто сопровождаютъ многоразличныя формы и силы зла, враждебно и разрушительно дѣйствующія на отношенія между народами и государствами. Благодаря этому сами народы идутъ по роковому пути къ собственному сниженію и даже уничтоженію.

Сейчасъ весь міръ можно раздѣлить на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ — демократизмъ и свобода личности, желаніе укрѣплять ихъ на принципахъ чести и справедливости: на другой — коммунизмъ съ его многими трансформаціями и отвѣтвленіями, вродѣ націоналъ-соціализма. Естественно, является вопросъ: неужели человѣкъ, надѣленный высокимъ сознаніемъ и чувствомъ справедливости, чести, права, — началомъ, положеннымъ въ основу Лиги Націй, — не можетъ и не способенъ родить другую, болѣе одухотворенную жизнь, побѣдить столь вредящее ему зло?..

Мы глубоко убѣждены, что это возможно. Надо только организовать, и реорганизовать взаимоотношенія народовъ. Вотъ, почему мы и основали «Балтійскую Унію», задачи которой были декларированы на ея торжественномъ откр ытіи.

... Мы должны искать надежныхъ и широкихъ путей для болѣе глубокаго и честнаго сотрудничества суверенныхъ государствъ, окружающихъ Балтійское море...»

На торжественномъ открытіи «Балтійской Уніи» присутствовали: президентъ государства A. Kviesis, весь дипломатическій корпусъ. Бывшій президентъ государства G. Zemgals прочелъ основные принципы новаго общества. Вотъ они:

1) Лишь на основѣ чести и справедливости, какъ твердыхъ началахъ Лиги Націй, созданное сотрудничество государствъ и народовъ можетъ внести гармонію между странами и привести человѣчество къ миру, благополучію и прогрессу.

2) Въ международномъ сотрудничествѣ эксплоатація должна быть замѣнена экономическимъ равенствомъ.

3) Каждая страна должна развивать тѣ отрасли производства, которыя имѣютъ тамъ естественное основаніе. Стремленіе все производить у себя сепарируетъ людей, возводить высокія барьерныя пошлины и, вслѣдствіе этого, народные хозяйственные организмы раздробляются, разъединяются и начинаютъ слабѣть.

4) Всѣ международные договоры должны заключаться на основѣ принципа равенства.

5) Культурныя связи между странами Балтійскаго моря, которыя начались уже въ древности, должны и дальше успѣшно развиваться.

Я лично стремился, прежде всего, создать, — вѣрнѣе, поднять моральное значеніе такого возможнаго объединенія. На этомъ же торжественномъ открытіи «Балтійской Уніи» я прочелъ рефератъ о международномъ положеніи Балтійскихъ странъ и закончилъ свой докладъ словами: «Балтійская Унія», какъ организація, рожденная одинаковыми стремленіями всѣхъ балтійскихъ странъ, должна будить и поднимать свободный народный духъ, она должна стать эффективно динамической силой, олицетворяющей идеалы чести, справедливости и права этихъ народовъ на ихъ общее сотрудничество».

Всегда я считалъ и считаю ненадежнымъ все, что лишено ясныхъ и опредѣленныхъ основъ. Мнѣ непонятно, какъ можно добиваться универсальности Лиги Націй, какъ можно мечтать объ этомъ, когда никто не ищетъ въ разрѣшеніи международныхъ вопросовъ ос-

новного начала для мирнаго сожительства народовъ, когда нѣтъ такого крѣпкаго принципа, на которомъ стояла наше «Балтійская Унія», который легъ бы въ основаніе самой Лиги Націй. При всей широтѣ своихъ дѣлъ и задачъ, это отсутствіе принципа, твердаго фундамента, можетъ быть особой комиссіи при Лигѣ Націй, изучающей спеціально вопросы мирнаго сожительства народовъ, — это отсустствіе и есть первый основной недостатокъ въ организаціи Лиги Націй, что и можетъ привести ее къ полной гибели.

Надо, — какъ я еще раньше указывалъ, — создать спеціальную комиссію, совершенно свободную, чтобы она, составленная изъ лицъ, воодушевленныхъ этой идеей, занялась бы кореннымъ, наиважнѣйшимъ вопросомъ: найти основные принципы мирнаго сожительства народовъ. Безъ нихъ всегда будетъ шатаніе, неувѣренность, компромиссы, не прямые, а окольные пути.

Человѣчество хвораетъ. Какъ есть въ природѣ бациллы, излечивающія самыя страшныя болѣзни, такъ, можетъ быть, будетъ найдено и исцѣляющее средство, рецептъ для дружественнаго сожительства народовъ. Въ возможности такого осуществленія я глубоко вѣрю. Это не грёза, не напрасная мечта, это — живая реальность, которую я ощушаю. Если бы всему этому было положено только начало, я лично безъ промедленія съ самымъ горячимъ энтузіазмомъ, съ искренней и глубокой вѣрой принялъ бы участіе въ осуществленіи этой идеи. А она такъ велика, такъ заманчива, такъ плодотворна, что на нее могли и должны бы отозваться всѣ, кому дороги судьба и счастье человѣчества. Если американскіе милліардеры такъ широко поддерживаютъ различныя просвѣтительныя учрежденія, такъ крупно жертвуютъ на университеты, институты, клиники, то не могутъ же они задуматься надъ пожертвованіемъ, которое создастъ и оплодотворитъ неотложный и важнѣйшій сейчасъ въ мірѣ трудъ, предназначенный для устраненія вражды народовъ и войнъ.

На эти темы я прочелъ въ мартѣ 1934 г. двѣ лекціи. Одну — въ Лондонѣ, въ Королевскомъ Институтѣ Международныхъ Дѣлъ, — эта лекція называлась: «Russia, Germani and the Baltic States». Другая лекція была мной прочитана въ Международной Дипломатической Академіи въ Парижѣ: «La situation internationale vue des Etats Baltiqes».

Цѣль этихъ лекцій была та же: во что бы то ни стало надо и пора искать новые пути, находить новые принципы мирной жизни народовъ.

Японскій посолъ, предсѣдательствовавшій на моей лекціи, отозвался о ней слѣдующими словами:

« Monsieur le Ministre, J'ai grand plaisir à être l'interprète de nos collègues pour vous dire avec quel intérêt nous avons suivi votre belle conférence. Aussi bien pour les aspects politiques de la question que pour ses aspects économiques, vous nous avez apporté le fruit précieux de votre expérience : non seulement des faits et des opinions, mais de précieuses suggestions. Dans toutes ces richesses, chacun de nous trouvera de quoi nourrir ses réflexions ; et nous vous en avons tous une vive gratitude. Il ne m'appartient certainement pas d'examiner, Monsieur le Ministre, les thèses que vous avez su nous présenter d'une façon à la fois si vivante et si claire : je laisserai à nos collègues le soin de les méditer et de les apprécier.

Cependant je tiens beaucoup à m'associer à certaines paroles de sagesse et d'apaisement que nous venons d'entendre ».

15-го мая 1934 г. измѣнился латвійскій государственный строй, и «Балтійская унія» къ сожалѣнію, не могла уже продолжать свою работу.

СЪ СѢВЕРА ДО ЮГА ОБЪЕДИНЕННАЯ СРЕДНЯЯ ЗОНА ЕВРОПЫ, КАКЪ ГАРАНТІЯ ВСЕОБЩАГО МИРА.

Итакъ, работа «Балтійской Уніи» прервалась, и этотъ конецъ меня, конечно, очень опечалилъ, но не перемѣнилъ моихъ взглядовъ. Я только шире началъ ставить вопросъ. Уже въ Лондонѣ я закончилъ свою лекцію указаніемъ, что настоящая Средняя Европа не есть Германія, какъ это старался доказать нѣмецкій профессоръ Wirzing и другіе. Средняя Европа, это — государства, которыя и географически занимаютъ именно Серденюю зону Европы, отъ Сѣвернаго океана до Чернаго и Средиземнаго морей. Это — скандинавскія и балтійскія страны, Польша, Чехословакія, Румынія, Югославія, Болгарія, Австрія, Венргія, Албанія и Греція.

Потомъ я эту мысль сталъ углублять и 21 мая 1937

года прочелъ лекцію въ Свободной Школѣ Политическихъ Наукъ въ Прагѣ подъ названіемъ:

« La zone médiane de l'Europe, unie du nord au sud, comme la meilleure garantie de la paix générale. »

Я опять доказывалъ, какъ важно найти здоровыя экономическія основы для сотрудничества государствъ, а потомъ создать и политическій союзъ всѣхъ этихъ странъ.

Этотъ вопросъ я считалъ одинаково важнымъ какъ для Средней зоны Европы, такъ и для СССР и другихъ государствъ, поскольку они хотятъ, или хотѣли бы жить и существовать въ мирѣ и согласіи. Между прочимъ я говорилъ: «16 государствъ, малыхъ и среднихъ, населяющихъ Среднюю зону Европы, съ общей площадью почти въ 3 милліона кв. километровъ, съ населеніемъ въ 130 милліоновъ жителей уже представляются, какъ надежный противовѣсъ, — съ одной стороны, — коммунистическимъ , съ другой — суперъ-націоналистическимъ стремленіемъ. И критикуя Сов. Россію, ея политику, я говорилъ: «Это была политика, о которой Сов. Россія можетъ только пожалѣть, — политика, не учитывающая будущихъ европейскихъ возможностей. Совѣтская дипломатія не подумала о томъ, что, пока есть угроза со стороны Германіи (а она была всегда)—отдѣльно или совмѣстно съ другими государствами, — Средняя зона Европы, объединенная и нейтрально или дружественно настроенная по отношенію къ СССР, предстаетъ чрезвычайно важнымъ факторомъ для безопасности самого же Совѣтскаго Союза.

Это правильно и по отношенію къ Германіи. Только здѣсь надо будетъ поставить вопросъ иначе: пока для нея существуетъ угроза, — какъ это она же сама и утверждаетъ, — со стороны СССР, Германіи тоже нужна сильная Средняя зона Европы, если... нѣмцы, вообще, не хотятъ эту зону уничтожить.

И, наконецъ, эта сильная зона важна и для всей остальной Европы и для всего міра, чтобы удержать СССР и Германію отъ ихъ взаимной вражды и отъ возможной въ будущемъ чрезмѣрной и опасной, быть можетъ, и навязанной насильственной дружбы, о которой въ историческомъ прошломъ остались весьма печальныя воспоминанія, особенно у Польши».

«Если Австрія потеряла бы свою самостоятельность, Германія приблизилась бы къ Адріатическому морю, а въ результатѣ этого шага, при наличіи національсоціалистическаго символа политической вѣры, весьма легко можетъ появиться мысль и о германскомъ коридорѣ, ведущемъ къ Адріатическому морю, подобно польскому коридору.

...«И, вотъ, тутъ мнѣ, какъ привыкшему къ элементамъ механики, которая теперь стала весьма популярной въ смыслѣ разныхъ политическихъ осей», мнится одинъ отвѣтъ:

— Вы хотите, или хотѣли бы надѣть тѣ или другія средне-европейскія государства на вашу ось и превратить ихъ въ колеса, а, можетъ быть, даже въ бандажи для вашихъ колесъ и ѣхать, куда и какъ вамъ угодно. Въ свою очередь мы предлагаемъ колѣнчатый валъ всей средне-европейской зоны отъ Сѣвера до Юга, отъ Финляндіи до Греціи. На этомъ колѣнчатомъ валу приспособленныя средне-европейскія государства не вращаются и не скользятъ, какъ колеса, но, по мѣрѣ своихъ силъ, вращаютъ собственный колѣнчатый валъ, а не катятъ чужую ось.

Если къ этому средне-европейскому колѣнчатому валу, какъ къ одной изъ главныхъ основъ европейскаго (а, значитъ, и всесвѣтнаго) механизма мира, приспособить англо-французскій маховикъ оси Парижъ-Лондонъ, съ условіемъ ея вращенія на сѣверо-американскихъ подшипникахъ, т. е. согласовано съ Америкой, — то сила вращенія такого простого механизма приняла бы настолько внушительные размѣры, что миръ Европы и всего міра былъ бы обезпеченъ. Это ясно и очевидно, какъ ясны и очевидны элементы самой механики».

Я коснулся также вопроса о Лигѣ Націй, доказывая, что она не можетъ быть универсальной, — это пока утопія, — но она можетъ быть Лигой Мира, т. е. совокупностью государствъ, которыя всѣ вопросы хотятъ разрѣшить мирнымъ путемъ; а такъ какъ пока не всѣ государства такъ думаютъ и этого хотятъ, то, понятно, не можетъ быть, и универсальной Лиги Націй. Разъ такъ, — пусть она будетъ даже мала, но пусть состоитъ только изъ государствъ, гарантирующихъ миръ и желающихъ его вполнѣ искренно. Всѣ эти государства Лиги Націй тогда должны будутъ дѣйствовать въ общеполитическихъ вопросахъ и ихъ рѣшать, какъ одинъ человѣкъ, уже безъ всякихъ споровъ и безъ всякаго разномыслія. Я говорилъ: «Старыя понятія о нейтральности, при наличіи Лиги Націй, нужно разсматривать, какъ явленіе совершенно ненормальное. Сила Лиги въ томъ и заключается, что всѣ государства, ея члены, не только равны, но и несутъ одинаковую обязанность.

И вся суть въ этомъ словѣ — «обязанность», — «обязательство».

Эта лекція была распространена среди государственныхъ людей, занимающихся міровыми проблемами. Отъ многихъ я получилъ благодарность и лестные отзывы.

Если міровая война закончилась процессомъ дифференціаціи Средней зоны Европы, гдѣ каждое государство, съ весьма малыми, правда, отклоненіями представляется, выражаясь математически, опредѣленнымъ дифференціаломъ, то ясно, что всѣ эти дифференціалы легко взять подъ одинъ общій интегралъ и получить опредѣленную величину, — объединенную Среднюю зону Европы.

Какъ въ химіи процессъ соединенія удается только тогда, когда завершенъ процессъ раздробленія и раздѣленія, такъ точно происходитъ этотъ процессъ и въ жизни народовъ. Объединенная Средняя зона Европы, какъ совокупность большого количества народовъ, — около 130 милліоновъ, — окруженныхъ большими государствами, стремящимися къ міровому владычеству, является реальной основой Лиги Націй мира. Въ этомъ и заключается громадный смыслъ и великая роль объединенія Средней зоны Европы.

* * *

Если Совѣтская Россія теперь значительно измѣнила свою политику по отношенію къ остальному міру, то тутъ есть и кое-какая моя заслуга. Въ этомъ смыслѣ борьба, которую мнѣ пришлось вести эти годы, является положительнымъ факторомъ, эта борьба даетъ мнѣ теперь не малое личное удовлетвореніе.

Точно такъ же и нынѣшній дипломатическій корпусъ въ Москвѣ кое въ чемъ и мнѣ обязанъ, если его больше тамъ не тревожатъ, не донимаютъ, какъ тогда. Москва сама пришла къ убѣжденію, что «борьба», описанная въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ, — всегда была плохимъ помощникомъ совѣтской дипломатіи.

И — слава Богу!

XX

КУДА ИДЕТЪ РОССІЯ ?

Вотъ вопросъ, надъ которымъ задумываются сейчасъ не только сами русскіе, но и всѣ, интересующіеся судьбами Россіи, Европы и — всего міра. Это — проблема огромной важности, трудная задача со многими неизвѣстными, и потому не поддающаяся рѣшенію. Ее можно рѣшить только приблизительно, принимая нѣкоторыя изъ неизвѣстныхъ какъ бы за извѣстныя.

Такъ какъ я каждую главу своихъ мемуаровъ кончалъ опредѣленными выводами о положеніи СССР, — мнѣ хочется и здѣсь дать хотя бы приблизительное рѣшеніе задачи.

По своей природѣ, человѣкъ имѣетъ стремленіе итти къ опредѣленному мѣсту по прямой линіи. На самомъ же дѣлѣ это стремленіе практически не можетъ осуществиться: дорога съ ея естественными препятствіями заставляетъ его проходить этотъ путь, уклоняясь то въ одну, то въ другую сторону отъ прямой линіи.

То же и въ жизни государства.

Ни одна страна не можетъ итти по тому пути, по которому хотѣла бы: внѣшнія и внутреннія силы заставляютъ ее подчиняться тому же закону природы. Исключенія бываютъ только временнаго характера. Въ революціонные моменты прокладываются совершенно прямолинейные пути, ведущіе даже черезъ пропасти и бездны. А въ дореволюціонные періоды, когда всѣ ослѣплены и закружены, все идетъ и движется безъ компаса и не внемля голосу какой бы то ни было логики. Но и тутъ сейчасъ же начинаютъ работать противодѣйствующія силы, которыя даютъ такъ наз. «остающіяся деформаціи». Какъ общее правило, можно сказать: ни одна страна не можетъ итти туда, куда хочетъ, а идетъ, куда можетъ.

Поэтому вопросъ «Куда идетъ Россія?» — можно замѣнить болѣе опредѣленнымъ вопросомъ: «Куда дол-

женъ итти СССР?». Равнодѣйствующая силъ, направляющихъ страну — и внутреннихъ и внѣшнихъ, дружескихъ и враждебныхъ, — такъ велика, какъ велики всѣ эти силы и подъ какими углами эти силы дѣйствуютъ.

Въ СССР только одна партія, одна открытая сила, но очень много всевозможныхъ скрытыхъ силъ, дѣйствующихъ различно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ совѣтскіе политическіе процессы, если даже приводимые на судѣ факты не составляютъ дѣйствительности, если всѣ они совершенно искажены. Всѣ судебныя дѣла СССР показываютъ, что Сталину приходится бороться съ оппозиціей, что генеральная линія пріемлема не для всѣхъ, что существуютъ какія-то скрытыя враждебныя начала.

Наличіе этихъ скрытыхъ силъ особенно опасно въ моменты внѣшнеполитическихъ обостреній. Съ этой точки зрѣнія, всякая диктатура находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ она окружена невидимыми опасностями въ горазо большей степени, нежели страны демократическія, гдѣ всѣ внутреннія силы дѣйствуютъ открыто.

Конечно, если этихъ скрытыхъ силъ нѣтъ, диктатура получаетъ перевѣсъ предъ всѣми другими формами правленія. Сумѣетъ Сталинъ уничтожить эти скрытыя силы въ самой основѣ, въ самомъ корнѣ, — мощь СССР можетъ быть огромной. Въ противномъ случаѣ самое существованіе Сов. Россіи станетъ подъ большимъ и роковымъ вопросомъ, особенно въ виду внѣшнихъ враждебныхъ силъ, какимъ въ данное время являются Японія, Германія и Италія.

Послѣ такихъ общихъ соображеній можно было бы дать много условныхъ формулъ и предложить соотвѣтствующіе рѣшенія и отвѣты, но это очень осложнило бы мою работу. Кромѣ того, я пишу мемуары и только попутно дѣлаю свои умозаключенія, совсѣмъ не задаваясь цѣлью написать научный трактатъ о положеніи СССР и вытекающихъ изъ него послѣдствіяхъ. Я готовъ еще больше сузить вопросъ, и формулировать его такъ: «Куда долженъ итти СССР при Сталинѣ». ибо всѣмъ ясно, что безъ Сталина Сов. Россія пойдетъ по другимъ путямъ.

Если Сталинъ не въ состояніи будетъ успокоить страну, то послѣ его «ухода», безъ сомнѣнія, возрастутъ націоналистическія стремлееія автономныхъ республикъ, и СССР можетъ раздробиться, разорваться на

части. Вотъ почему особенно умѣстенъ вопросъ, куда долженъ итти СССР при Сталинѣ.

И здѣсь опять предстаетъ вся важность сильной Средней Зоны Европы: Если бы составныя части СССР отъ него оторвались, автономныя республики могли бы объединиться съ Средней Зоной, и такимъ образомъ проттивостоять германскому вліянію, германскимъ притяженіямъ и японской агрессіи..

Я, конечно, ни на минуту не испытываю желанія учить Сталина, куда надо итти. Отъ такой мысли я далекъ, мнѣ хотѣлось бы лишь подвести общій итогъ моихъ мыслей о судьбѣ СССР.

И тутъ мнѣ приходитъ на помощь самъ Ленинъ, его завѣтъ, такъ хорошо усвоенный Сталинымъ и всѣми его единомышленниками. Какъ часто самъ Сталинъ повторялъ этотъ ленинскій завѣтъ: «Бѣда, если люди, желающіе быть революціонерами, забываютъ, что наиболѣе нормальнымъ порядкомъ въ исторіи является порядокъ революціи».

Но порядокъ революціи вездѣ и всегда одинаковъ: страна лишена элементарной свободы, зажата въ тиски, обезличена, держится только на грубой силѣ..., и если во-время не повернуть рычага, не направить государственную жизнь на другіе рельсы — бѣда неминуема.

Здѣсь и надо искать отвѣта на вопросъ: куда долженъ итти СССР при Сталинѣ, чтобы не попасть въ пропасть и избѣгнуть большой исторической катастрофы.

Коммунизмъ, угрожая всему міру, вызвалъ и вырастилъ фашизмъ и суперъ-націоналъ-соціализмъ, а они въ свою очередь, стали угрожать уже коммунизму и естественно и неизбѣжно, мало-по-малу должны вызвать соотвѣтствующія противодѣйствующія силы въ СССР и вынуждать СССР мѣнять систему правленія и коммунистическаго принужденія. Это — логика, и въ этомъ заключена вся задача Сталина.

Но можно поставить вопросъ шире, во всей его полнотѣ и значительности: «Куда идетъ вообще Россія?» Въ отвѣтъ невольно вспоминается цитата не изъ книги какого нибудь политика, а стихи поэта:

«Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить».

А вѣрить можно. Въ своей длинной исторіи Россія пережила много потрясеній, политическихъ перемѣнъ, даже много режимовъ, ибо каждое новое царствованіе приносило и новый режимъ. Маятникъ качался то влѣво, то вправо, и цари, правители, то отпускали вожжи, то ихъ сурово натягивали,—русская тройка то неслась, то вдругъ останавливалась на всемъ скаку. Всѣ эти колебанія не могли измѣнить русскаго духа: онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ старину, — исконнымъ, крѣпкимъ въ своихъ древнихъ пластахъ, соединеніемъ язычества и христіанства.

Русскій народъ на своихъ безмѣрныхъ пространствахъ напоминалъ дерево въ степи: его клонили до земли вѣтры, шатали изъ стороны въ сторону бури, омывали дожди, засыпали снѣга, но, и пригнутое, оно выпрямлялось.

Эта способность стойко, терпѣливо и съ виду даже спокойно выносить всѣ перемѣны политической погоды спасла цѣльность и непоколебимость русскаго духа въ его борьбѣ съ властью, въ его отстаиванiи своихъ даже анархическихъ и безсознательныхъ устремленій. Народная психологія осталась неизмѣнной. Коммунизмъ подавалъ сначала много обольстительныхъ посуловъ, потомъ принесъ еще больше тяжкихъ невзгодъ. Во многомъ онъ ошарашилъ русскаго человѣка, и тотъ пригнулся, покорно склонилъ голову, но втайнѣ не сдался и собственно не уступилъ ни въ чемъ жестокой власти. Никто не доставилъ ей столько хлопотъ, какъ русскій мужикъ. Конечно, совѣтская власть била его ради чисто хозяйственныхъ, экономическихъ цѣлей, и попутно хотѣла бы измѣнитьи его психологическій типъ. Къ ихъ сожалѣнію, этотъ типъ оказался стойкимъ. Большевики не истребили вѣры народа, а только заставили снять въ горницѣ икону, не побѣдили суевѣрій, не уничтожили даже сектантства, осталось и древнее вѣчное странничество, и, — какъ это ни покажется удивительнымъ, — не умерла въ душѣ русскаго народа и былая вольница. Она только притихла, занавѣсилась, но продолжаетъ рычать. И это она, вольница, спокойно, неторопливо подрубаетъ всѣ коммунистическія притязанія. Народъ истерзанъ, но въ душѣ остается крѣпкимъ и уступаетъ власти только, чисто внѣшне. Въ русскомъ народѣ живъ духъ общлны, артели, духъ сообщества, духъ собиранія на началахъ собственности.

Объ этомъ надо всегда помнить, когда говорятъ о судьбахъ Россіи. Если она и будетъ раздѣлена при какомъ-нибудь военномъ столкновеніи, или же въ силу другихъ обстоятельствъ, то и это не станетъ для нея полной и послѣдней безнадежностью. За процессомъ дифференціаціи послѣдуетъ процессъ интеграціи и, въ конечномъ результатѣ, двери Лиги Націй мира, а, можетъ быть, и Соединенныхъ Штатовъ Европы, на дѣйствительныхъ основахъ права, чести и справедливости, будутъ шире отворены.

Духъ русскаго національнаго собирателя Ивана Калиты, даже безсознательно, живетъ и въ русскомъ народѣ и въ народахъ всего міра, и ему, — этому здоровому народному духу, — какъ никому больше, данъ инстинктъ собиранія народовъ сперва въ національныя объединенія, а потомъ — въ обще человѣческую семью.

Въ этомъ прогрессъ и законъ самой жизни.

1937 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Imprimerie L. BERESNIAK. 12. Rue Lagrange. Paris (5).